

АНДРЕЙ ШИТЯКОВ

ЕВГЕНИЙ ТОКТАЕВ

АР МЕГИДДО
КНИГА I

РЕКА
ВЕЧНОСТИ

Он был самонадеян, покоритель Ойкумены, Искандер Зулькарнейн, Искандер Двурогий. Проклинаемый людьми. Он шел от победы к победе, и никто из живущих ныне не мог остановить тяжелую поступь великого завоевателя. В неумеренной гордыне своей он назвал себя сыном Бога, не зная, что жизнь человеческая — лишь былинка в руках Всевышнего, суд же Его суров, но справедлив, и по силам каждому Он даст испытания. Не в этом времени, так в ином. Ибо нет у времени начала и конца. И тогда в битве не на жизнь, а на смерть сойдутся два величайших полководца, разделенные тысячей лет. Александр Македонский против Тутмоса III.

Историческая фантастика. Войско Александра Македонского, осаждающее Тир, попадает в прошлое, во времена наивысшего расцвета и могущества древнеегипетской цивилизации.

...И была в месте, где сходятся три части света Проклятая Земля, где на заре времен брат пролил кровь брата. И заклал Предвечный безмолвные камни словами: "Тут все начнется и тут все закончится, но и тогда не изведать вам мира, ибо будущее здесь встретится с прошлым!"

Тир. Весна третьего года 111-й Олимпиады^[1]

Небо на востоке просветлело. Розовоперстая Эос, зевая и сладко потягиваясь, выглянула из-за Ливанских гор и коснулась выбеленных известью крепостных зубцов древнего города. Богат Тир, даже на такую мелочь, как белоснежные одежды несокрушимого каменного кольца, надёжно укрывающего его от всех напастей, средств не жалеет. А всё для того, чтобы всякий приближающийся по суше ли, с востока, или морским путём, не переставал дивиться его богатству и показному великолепию.

— Медведь, вставай, сейчас "пурпурные"^[2] проснутся. Булыжником от них по лбу получишь, — Теримах несильно пнул друга в бок, — вставай, Перебей Нос придёт посты проверять, а ты дрыхнешь! Оба огребём.

Полидор из Анфема, что в македонской Мигдонии, добродушный здоровяк, получивший за невероятную силу прозвище "Медведь", спросонья отмахнулся от Теримаха, как от мухи, заворочался и сел, потирая слипающиеся глаза.

— Да чтобы ты в Тартар провалился, Теримах! Такой сон спугнул!

— Чего снилось? — Теримах тянул шею, высматривая, не идёт ли лохаг.

Эвтина, начальника над двумя с половиной сотнями щитоносцев, входивших в тысячу, которой командовал хилиарх Гелланик, звали "Перебей Нос" за то, что был он невероятно вспыльчив и задирист, за малейшую провинность немедленно чесал кулак о рожу провинившегося воина. За это он сам нередко огребал от вышестоящего начальства, ибо злоупотребления командиров Александр пресекал. Никаких наказаний без суда. Однако сейчас, застань лохаг постовых спящими, никто и не подумал бы его наказать, даже спусти он с них шкуру. И ладно бы спали где-нибудь у ворот палисада, что окружает лагерь возле Старого Ти́ра. Так нет, дрыхнут засранцы, прямо на недостроенном молу, подле башен, которые должны беречь, как зеницу ока.

От оконечности мола, который македоняне строили четвёртый месяц, до острова Геракла, на котором стоит Новый Тир, уже всего стадия^[3] осталась. "Пурпурные" каждый день обстреливали из метательных машин две осадные башни, которые Александр повелел возвести на молу для защиты строителей. Зажечь их пока не удавалось: башни надёжно прикрыли кожами, да ещё регулярно окатывали водой, смешанной с уксусом.

Однако тирийцы обстрела не прекращали. Их камнемёты-палинтоны давно пристрелялись по башням и методично их распатывали. Македоняне, трудясь, как муравьи, укрепляли треснувшие балки дополнительными, отчего разросшиеся вширь гелеполы стали похожи на каких-то невиданных чудищ.

На пяти ярусах башен македоняне тоже установили метательные машины и успешно отбили несколько попыток тирийцев высадиться с кораблей и разрушить мол. После этого житьё щитоносцев-гипаспистов, охранявших насыпь, что неспешно, но неотвратно, шаг за шагом, тянулась через пролив к стенам осаждённого города, стало спокойнее.

— Так что за сон-то? — повторил вопрос Теримах.

— Да вот, привиделось, будто я в лесу. Деревья кругом раскидистые, высоченные, вроде кедров местных. Только это не рощица малая, а чаща. Прямо, как дома. Солнце едва сквозь кроны пробивается. Птицы поют, а запах хвои прямо с ног валит...

Теримах вздохнул.

— Да уж... У нас сейчас весна... Снег в горах сошёл, реки вздулись. Капель...

— Капель давно уже откапала.

— Не мешай мне, — Теримах блаженно опустил веки, отдавшись во власть воспоминаний.

— Тут тоже весна, — напомнил Медведь.

— Да какая это весна? Здесь, что зима, что лето, не разберёшь. Я по лесу тоже, знаешь, страсть, как соскучился. Надоели пустыни эти. Сушь, солнце слепит, сколько не жмурься, не спрячешься. С меня уже три шкуры облезло.

Теримах был светлокжым, из-за чего отчаянно страдал под палящим солнцем Финикии. У других македонян кожа покрывалась густым загаром, а Теримах, выглядящий, как варёный рак, мучился, заворачивался в плащ, нещадно потел и бранился, костеря с чего-то вдруг озлобившегося Гелиоса на чём свет стоит. Густая огненная шевелюра македонянина, наградившая его вторым именем "Пирр"^[4], прилипшим едва ли не крепче первого, выгорела и побледнела. Теперь он обликом весьма походил на царя Александра. К тому же возрастом почти ровесник, всего на год старше.

Теримах родился в горах Орестиды, на западе Македонии, третьим из сыновей пастуха. Рос парнем крепким, здоровым. К шестнадцати годам, когда помер отец, овцы Теримаху совершенно опостытели. Наследство ожидалось совсем небольшим: старшие братья намекнули, что рыжий, который, как девке подол задрать, так первый, а как работать, так всегда последний, хер без масла получит, а не равную долю в отцовом имуществе. Пирр махнул рукой, да и поступил в царёво войско.

Начал службу совсем недалеко от родного дома, в гарнизоне одной из крепостей, что царь Филипп во множестве построил по иллирийской границе. В схватках с эордеями парень проявил себя с хорошей стороны. Отличили отцы-командиры его хваткость, сноровку, и перевели из "пеших друзей", что на поле фалангой бьются, в щитоносцы. Здесь народ подобрался опытный, храбрый, со всяким оружием искусный. Считался такой перевод повышением, многие хотели его заслужить. Если "пешие друзья", педзетайры, набирались из одной области и служили там рука об руку вчерашние односельчане, то в хилиархиях гипаспистов у одного костра иной раз собирались уроженцы всех пяти окраин Македонии.

Именно окраин — воины, набранные в Эмафии, Внутренней Македонии, остались дома, когда царь Александр, сын Филиппа повёл союзное войско эллинов и македонян в великий поход на восток. Тысячи стадий протопал Теримах, не одна пара тяжёлых сандалий-эндромид до дыр сносились. Сражался при Гранике, штурмовал Милет, одним из первых в ночном бою ворвался в пролом, пробитый в стенах Галикарнаса. Потом долгий марш через Лидию, Фригию, Каппадокию. Стички с горными племенами в узкой длинной кишке Киликийских врат, прохода через Таврский хребет. А затем Исс...

Здесь Александра встретило вдвое превосходящее число персов, которое вёл лично царь царей. Сын Филиппа давно жаждал встречи с Дарием и, заражая македонян отвагой, повёл войско в бой прямо через реку Пинар, разделявшую македонян и персов. Как и при Гранике, первом сражении похода, презрев крутые берега и вязкую илистую почву, тяжёлая конница "друзей" ударила по левому крылу персов. Александр рвался к центру строя противника, где маячила золотая колесница Дария. Гетайры, выбравшись из болота, на твёрдой почве разогнались неудержимо, да так, что оторвались от фаланги. Щитonosцы, которые в сражениях неизменно заполняли разрыв, на сей раз за всадниками не поспевали. И тогда в образовавшуюся брешь ворвались эллинские наёмники Дария, которых вёл Тимонд, сын Ментора.

Ох, хлебнул тогда Теримах лиха! Никто за всё время похода ещё не пролил столько македонской крови, сколько эти эллины. Гипасписты и педзетайры, правое крыло которых так же попало под удар, не дрогнули, продержались, пока Александр не пришёл на выручку. Бой здесь определил исход сражения. Эллины полегли во множестве, а персы побежали. Правое их крыло, узнав о разгроме левого, тоже обратилось в бегство. Македоняне преследовали бегущих по пятам десятки стадий. Началось избиение...

Разгром персов при Иссе распахнул перед Александром ворота в Сирию. В руки сына Филиппа попал огромный обоз, а с ним вся семья царя царей, его мать, супруга и дети. Вскоре авангард под командованием Пармениона без боя взял Дамаск. Финикийские города, Арад, Библ и Сидон встретили македонян с распростёртыми объятиями. Всё они двадцать лет назад, подстрекаемые Сидоном, восстали против персов, но были разгромлены, разорены и унижены, потому теперь горячо приветствовали Александра, как освободителя.

Иначе дело обстояло с Тиром. Этот город не поддержал восставших, не пострадал от гнева Артаксеркса Оха и быстро возвысился на беде родичей. Нынешний царь Тира, Адземилькар, подчинялся Дарию, исправно снабжал его флотом, который немало вреда причинил македонянам и союзным им эллинам в Эгеиде. Однако сейчас тирийцы оказались в весьма сложном положении. Сдаться Александру, призвав на свою голову возмездие царя царей в будущем (когда тот, способный собрать неисчислимые полчища в глубине Азии, без сомнения, разобьёт македонского выскочку)? Или сохранить верность Ахеменидам, испив полной чашей гнев Македонянина? Тирийцы метались между двух огней, а Александр приближался.

Сорокатысячное войско македонян и эллинов подошло к Тиру в середине посидиона ^[5]. Послы города, депутация знатнейших и богатейших граждан во главе с сыном царя Адземилькара встретили завоевателя, принесли дары и поинтересовались, чего тот хочет. Они готовы выполнить все требования Александра, слава которого бежала далеко впереди македонского войска.

Александр благожелательно ответил, что несказанно рад готовности Тира принять его с миром, ему хорошо известны богатство и могущество города. Он войдёт в город и всего лишь принесёт жертву Гераклу Тирийскому, а все подати, что Тир платил персам, сохранит в прежнем объёме. Изменится лишь имя их получателя, ничего более.

Тирийцы озадаченно переглянулись. Пускать Александра в город они не собирались, надеясь усидеть одновременно на двух стульях. Александру предложили принести жертву Гераклу в Старом Тире, расположенном на азиатском берегу. В новый город, лежащий на острове, царь не войдёт.

Царь Македонии, не меняясь в лице, выслушал предложение и любезно посоветовал

послам возвращаться в свой город и готовится к встрече его, Александра. Он войдёт в Тир и принесёт жертву Гераклу.

Сохранить независимость Тира царь не мог, тот стал бы опорой для противодействовавших его власти смутьянов, вроде непримиримого спартанского царя Агиса.

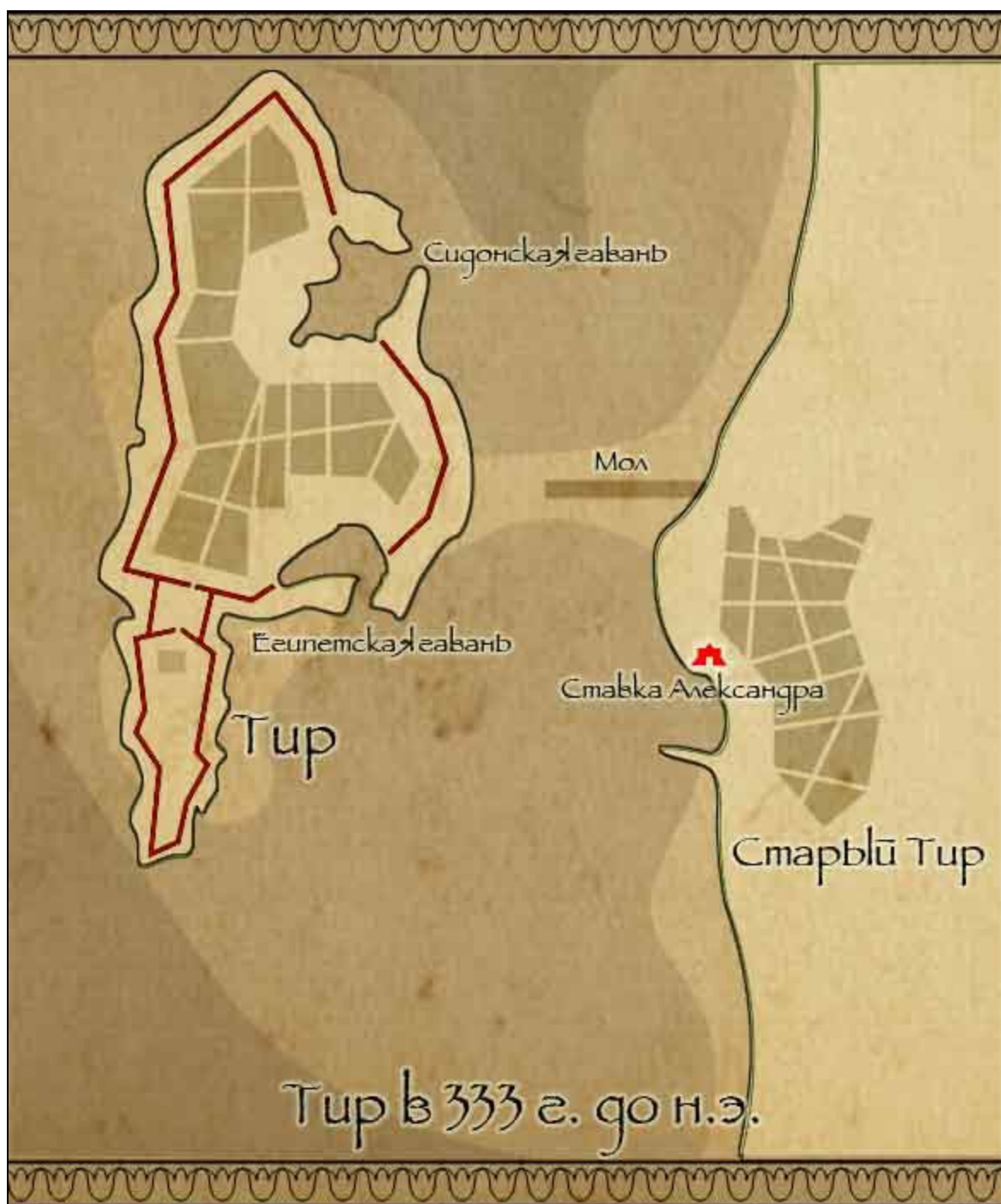
Македоняне заняли Старый Тир. Александр не имел флота, его главный наварх Гегелох в это время сражался в Эгейде против перса Автофрадата и не мог прийти на помощь царю. Тирийцы, у которых насчитывалось восемь десятков полностью снаряжённых триер и пентер только здесь, дома, не говоря уж об эскадрах входящих в состав флота Автофрадата, чувствовали себя в совершенной безопасности. Как можно штурмовать город, лежащий на острове, не имея ни одного корабля? Как можно отрезать его от сообщения с союзниками?

Глупости какие. Тир неприступен. Это видели все разумные люди. Военачальники Александра озадаченно чесали затылки. Однако сына Филиппа трудности не останавливали, а лишь подстёгивали его мысль. Он вызвал к себе механика Диада и после долгого совещания с ним объявил своим стратегам, что предстоит строительство мола через пролив в четыре стадии длиной.

Македоняне взялись за работу. Они вбивали сваи в податливое илистое дно, укрепляли их камнями. Камней нужно было много, очень много. Александр повелел разрушить Старый Тир. Работа велась с большим рвением. Царь ежедневно посещал и осматривал мол. Он не подгонял своих воинов, требуя от них не спешки, но надёжности сооружения.

Дальше от берега глубина возрастала, к тому же, когда рукотворная коса достигла середины пролива, тирийцы обрушили на неё град камней из метательных машин. После отражения вражеских десантов Александр приказал возвести на моле две гелеполы, которые вынудили осаждённых прекратить вылазки.

Мол приближался к острову. Граждане Тира следили за работой македонян с все возрастающим беспокойством.

— Спите бездельники? — громыхнул голос лохага.

Часовые проворно вскочили.

— Как можно, Эвтин? — изобразил обиженный тон Теримах.

— Всю ночь глаз не сомкнули, — вторил Полидор.

— Что-то у тебя рожа больно помятая, Медведь, — недоверчиво хмыкнул Эвтин, — ладно, смену привёл.

Два десятка щитоносцев, ночевавших на нижних ярусах гелепол, подхватили оружие, плащи, завернувшись в которые просидели здесь всю ночь и двинулись на выход. Их сменяло такое же число воинов. Через некоторое время, когда совсем рассветёт, подтянется обслуга машин и рабочие.

— Ну, как тут дела? — Перебей Нос, поднявшись на приступок, выглянул из-за каменной кладки, высотой в два локтя, которую македоняне возвели в оконечности мола

перед башнями.

Стена возведена на сухую. Её разбирали и переносили, как только мол подтягивался к Тиру на очередные пятьдесят шагов, а следом двигали башни. Последний раз эту работу македоняне завершили только вчера, и сейчас мол обрывался в море сразу же за стеной.

— Пока тишь, да гладь, — сказал Теримах, — скоро, конечно, стрелять начнут...

Он не договорил.

— Тишь да гладь?! — возопил лохаг, — а это что за хрень?

Пирр одним прыжком взлетел на приступок, выглянул осторожно и ахнул.

Прямо на мол со стороны острова двигалось крупное судно. На носу его торчало два мачтовых дерева, наклонённых вперёд. На концах их висели прокопчённые дымящиеся котлы. Судно тащили на буксире сразу две триеры, обходившие мол слева и справа.

Возле головы Теримаха чиркнула по камню стрела. Рыжий едва не кубарем скатился вниз, торопливо надевая фракийский шлем с высокой загнутой вперёд тульёй и широкими нащёчниками.

— Тревога! — заорал лохаг.

Гарнизон маленькой крепости встрепнулся. Сверху посыпались стрелы финикийцев, бивших навесом. Два воина, не успели прикрыться щитами и, захрипев, упали.

— Диокл, быстро за подмогой! — командовал Эвтин, — все в башню! Палинтоны заряжай! Надо потопить это корыто во что бы то ни стало!

Легко сказать, заряжай. Не быстро это, а страшный корабль, назначение которого ни у какого из македонян ни на минуту не вызвало сомнений, приближался стремительно. Тянущие его триеры набрали приличную скорость. Они уже поравнялись с молотом и тирийцы практически в упор били из пружинных эвтитонов-стрелометов по суetyащимся македонянам. Здоровенные стрелы, в три локтя длиной, настоящие копьё, легко прошивали кожаную обивку и толстые доски подножия башен, пронзали укрывающихся за ними людей.

Приближающееся судно вдруг вспыхнуло, словно обильно политый горючими благовониями погребальный костёр. Несколько моряков попрыгали в воду. Нос огненного корабля торчал над волнами, как приап, обнажая заросшую мидиями подводную часть стэйры^[6]. Будто на корму камней навалили. Да, собственно, так оно и было.

— Берегись!

Мол над водой возвышался всего на локоть. Тирийцам как раз хватило, дабы с разгону натянуть на него огненный корабль. В другой ситуации зубоскал Теримах изрёк бы по этому поводу чего-нибудь острое, вроде: "Уж натянули, так натянули. По самые ядра". Только сейчас ему было совсем не до шуток.

Нос корабля сломал непрочную кладку, а наклонённые вперёд жердины подломились и рухнули прямо на башни. Сразу на обе. Вместе с котлами, разумеется.

Точности расчёта "пурпурных" позавидовали бы лучшие геометры и механики эллинов. Дымящаяся смесь смолы и серы почти мгновенно превратила обе башни в два гигантских костра. Брызги жуткого варева попадали на кожу людей, те страшно орали, метались, катались по камням, пытаясь сбить пламя, прыгали в воду, нещадно избиваемые с двух сторон финикийскими стрелами.

— Медведь, осторожно! — заорал Теримах, прыгнул, прикрывая друга своим большим гоплитским щитом, оттолкнул в сторону.

Они оба упали, а через мгновение в том место, где только что стоял Полидор, ударила объятая пламенем балка.

— Башня рушится! Спасайтесь!

Теримах стряхнул с щита горящие обломки, помог подняться Медведю, который тупо вертел башкой, плохо соображая, что происходит.

— Песок! Песком тушите!

Песок был припасён заранее, как раз на этот случай, но пожар разгорелся столь стремительно, что потушить огонь теперь не представлялось ни малейшей надежды.

— Эвтин! Надо отходить, сгорим здесь, нахрен! — заорал Пирр, — Эвтин!

Перебей Нос корчился на земле, царапая скрюченными пальцами пустые глазницы. Лицо его, плечи, грудь — один сплошной ожог. Льняной панцирь превратился в лохмотья, размотался.

— Держись, Эвтин! — рыжий подхватил командира подмышки, — Медведь, помогай!

Полидор схватил лохага за ноги, и они потащили его прочь.

Следом за первой рухнула вторая башня. К молу спешили ещё полдюжины финикийских триер. Немногие выбравшиеся из этого Тартара македоняне бежали к берегу. Финикийцы, прикрываемые стрелами своих метательных машин и лучников высадились на мол и теперь спешно вбивали кувалдами между камнями деревянные клинья, рубили верёвки, которыми крепились балки, основа насыпи. Торчащие пеньки свай защитники Тира зацепляли канатами и триеры, давая задний ход, да так, что по бортам вода вскипала, вытягивали их из вязкого илистого дна.

Им удалось разрушить почти сорок локтей насыпи и дотла спалить гелеполы вместе с установленными в них машинами. Завидев приближающиеся от берега по молу новые силы противника, выстроившего стену щитов, тирийцы спешно поднялись на свои корабли и двинулись восвояси, хохоча и понося македонян. Волны в течение этого и следующего дня обрушили ещё около тридцати локтей расшатанного мола.

Теримах, счастливчик, оказался одним из немногих, кто не получил в этой заварухе ни ожога, ни царапины. Медведю повезло меньше, в самом конце боя он схлопотал стрелу в плечо. Рану он заметил лишь на берегу. Кривясь и морщась, проткнул плоть насквозь, выпуская наружу наконечник, отломил его и вытащил древко.

— Надо прижечь, — посоветовал Пирр, — здесь, на югах, заразу схлопотать — раз плюнуть.

Полидор согласно кивнул. Большинству гипаспистов, защищавших мол, повезло куда меньше, чем друзьям. Эвтина живым даже до берега не донесли. Труды нескольких месяцев работы пошли прахом.

* * *

— Александр, это сам Зевс подаёт знак! Приступом взять Тир нельзя. У нас нет флота, а без него подобная осада бесполезна. Отступись, ну зачем тебе обязательно входить в этот город? Они и так изъявляли покорность! Да принеси ты жертву в Старом Тире! Они будут платить нам. Нам, Александр, не персам! Ты губишь людей лишь ради славы! Безо всякой практической выгоды!

Парменион раскраснелся, ухоженная седая борода растрепалась, на лбу блестела испарина. Он говорил уже долго, изобретая множество доводов, которые по его мысли убедят царя отступить от Тира. К чему впустую биться лбом об эти неприступные стены? Филипп бы не стал.

"Осёл, гружённый золотом, перешагнёт через стену любой крепости"

Конечно, тирийцев подкупить непросто. У них самих золота столько, что они из него ночные горшки льют. Как говорят. Ну, есть и другие способы. Но силой город не взять. Филипп нередко останавливался перед препятствием, не в состоянии достичь цели оружием, но неизменно одолевал любого противника. Не силой, так хитростью.

— Вот Филипп бы...

Парменион забылся, переступил черту дозволенного. Александр, мрачно внимавший многословным излияниям старика, который давно уже не понимал поступков сына своего друга, вспыхнул:

— Твоего царя, Парменион, зовут иначе!

Престарелый полководец заткнулся, потупив взор. Вздохнул.

"Он все больше становится похожим на бабу. Старую, крикливую, наполовину выжившую из ума торговку на агоре. Многословен и глуп. Он не понимает. Никогда не понимал", — раздражённо подумал царь.

Он обвёл взором собравшихся в шатре. Стратеги — Пердикка, Кратер, Кен, Филота, Мелеагр и другие, расположившиеся за большим столом для совещаний, застыли в ожидании приказа царя.

— Ты говоришь, нет флота, — сквозь сжатые зубы процедил Александр, повернулся к Гефестиону, сидевшему по его правую руку, — будет у нас флот. Гефестион, я отправляюсь в Сидон. Надо как следует тряхнуть этих жирных толстосумов. Ты остаёшься здесь старшим. Восстановишь разрушенный мол. И возведёшь рядом ещё один.

Парменион вскинулся в удивлении. Ещё один? Этот строили четыре месяца!

Александр заметил его движение, повысил голос.

— Ещё один! И не две башни, а четыре! Строй новые машины, Гефестион. Пусть люди Диада работают днём и ночью. В оконечности одного мола, пока ведутся работы на соседнем, возводить прочную насыпь со стеной. Чтобы у Адземилькара даже мысли больше не возникло повторить то, что он совершил.

— Все сделаю, Александр, — твёрдо ответил Гефестион.

Царь заметно успокоился. Вот, надёжный, преданный друг, на которого всегда можно положиться, который не подведёт. Счастье, что он есть!

— А откуда в Сидоне флот? — удивлённо спросил Пердикка, — там же всего пяток триер зимовал. А остальные у Автофрадата.

— Были у Автофрадата, — раздался голос от входа.

Там стоял, скрестив руки на груди, Эвмен, эллин из Кардии, глава царской канцелярии и по совместительству начальник катаскопов-разведчиков.

— Как вы знаете, Энил, царь Библа, перешёл на нашу сторону, — объяснил Эвмен, — как только прошли Посейдоновы игры^[7], он с восемью десятками триер отплыл от берегов Троады, где торчит Автофрадат.

— Это, пожалуй, действительно нас уравнивает в силе с Тиром, — прикинул Мелеагр.

— Вот именно! — резко ответил Александр.

— Это ещё не все, — невозмутимо сказал Эвмен, — десять дней назад в Сидон прибыл

флот кипрских царей под общим началом наварха Пнитагора. Сто двадцать триер и пентер.

— Ух ты! — восхитился Кен, — мощь!

— Ещё туда должны вскорости прибыть четыре тысячи наёмников, которых навербовал в Пелопоннесе Клеандр — добавил Эвмен.

У Кена уже и слов не нашлось, он лишь в возбуждении треснул кулаком по столешнице. Та жалобно скрипнула.

Парменион пристыженно молчал. Его сын, Филота, командир конницы "царских друзей", гетайров, поджав губы, переводил взгляд со своего отца на Александра и обратно.

— Я возьму с собой четыре илы "друзей", включая царскую, — сказал Александр, — хилиархию гипаспистов, полторы тысячи агриан и пятьсот критских лучников.

— Зачем столько? — поинтересовался Кратер, — ты же пойдёшь по земле, которая уже наша. Тут кругом на тысячу стадий даже духа персидского нет.

— В Сидоне я приму и организую флот, — ответил царь, — и он отправится к Тиру. Без меня. А я прогуляюсь до Антиливана.

— Зачем?

— Купцы из Дамаска жалуются, что на горных перевалах местные племена грабят караваны. Совершенно обнаглели с тех пор, как отсюда ушли персы. Мы покажем, что пришли сюда не как налётчики-грабители. Это моя земля и всякий, кто посмеет нарушить законы, которые я дам ей, будет наказан. Никто здесь не воспрепятствует свободной торговле. Летучего отряда хватит, чтобы разогнать разбойников. Пойду быстро. Обогну с востока озеро, которое называют Галилейским морем, и вернусь его южным берегом в Тир. Касательно этого вопроса, все.

Стратеги загомонили было, обсуждая царский приказ, но Александр хлопнул ладонью по столу, призывая к тишине.

— Есть ещё одно дело, — царь поманил кардийца, — Эвмен.

Тот подошёл и протянул царю свиток папируса. Александр небрежно катнул его по столешнице, разворачивая.

— Что это? — спросил Филота.

— Письмо, — губы Александра скривились в усмешке, — от царя царей.

— Чего он хочет?

— Он хочет получить назад свою мать, жену и детей. Предлагает за них десять тысяч талантов выкупа, всю Азию до Евфрата, руку его дочери, дружбу и союз.

Стратеги ахнули.

— Что вы об этом думаете? — спросил царь.

Парменион поднял голову и твёрдым голосом заявил:

— Едва ли он предложит нечто большее. Если бы я был Александром, то несомненно, принял бы эти условия мира и не испытывал бы далее изменчивого счастья войны.

— Клянусь Зевсом! — воскликнул царь, — я поступил бы так же, если бы был Парменионом!

Пожилой стратег осёкся и больше не проронил ни звука.

— Я не нуждаюсь в деньгах Дария и не приму часть страны, когда могу взять её целиком. Если мне будет угодно взять в жёны дочь Дария, он сам явится ко мне, дабы я оказал ему милость и честь этим браком! Никаких переговоров более! Пусть приходит. Пусть склонится передо мной. Тогда я великодушно сохраню за ним право управления частью его страны.

Александр поднялся.

— На этом все. Завтра я уйду в Сидон.

* * *

Впереди щитоносцев Гелланика шли три сотни агриан. Пока ползли пустынной дорогой, македоняне не напрягались, пропустив вперёд фракийцев, но едва показались свежераспаханные поля, щитоносцы заторопились. Где поля, там и село. Если эти варвары опять, как и в прошлый раз войдут в него первыми...

— Давай-ка ребята, шире шаг, — командовал Теримах, — а то нам снова одни куриные кости на ужин достанутся!

— Эти варвары ещё и собак всех сожрут, — пропыхтел Медведь.

— Собак? — Теримаха передёрнуло.

— Ну да, сам видел.

— Охренеть... Нет, я голодным спать не лягу! Надоело уже чёрствые лепёшки грызть. Шире шаг, ребята!

После боя с тирийцами на молу, Теримах, замеченный за попыткой спасения командира, попёр в гору. Назначен декадархом, старшим над шестнадцатью воинами. Отметил его Гелланик и в недавних стычках с варварами Антиливана. Теперь у Теримаха синий шлем с серебряной полосой вдоль гребня. Почёт и уважение. И ведь всего месяц назад рядовым был. Видать, заметили, наконец, боги. Этак и до золотой полосы, лохаговой, дослужится парень. Если жив останется. Последнее весьма зыбко. Горцев гонять, конечно, труда не составило, воины они никакие, но всё равно, два человека в декаде рыжего словили случайную стрелу.

Гипасписты шли, подвесив свои большие круглые щиты на левое плечо или закинув за спину, вместе с кожаным ранцем, в котором несли припасы, и скатками-постелями. К ранцу подвязали и шлемы, никто не хотел париться в нагретом на солнце бронзовом колпаке. На головах у большинства шерстяные береты-каусии от солнца, а Теримах закутался в финикийский платок, удерживаемый на голове шнуром.

Колонна александровых воинов растянулась почти на пять стадий. Впереди двигались пешие агриане и дозорная ила "друзей". За ними гипасписты, по четверо в ряд (ширина дороги позволяла), все остальные "друзья". В хвосте шли критские лучники, замыкал колонну лох щитоносцев.

Солнце уже клонилось к закату, когда впереди забрехали собаки.

— А вот и село, — прогудел Медведь, — фракийцы дошли.

— Надо и нам поспешать, — согласно кивнул Теримах.

— Да и так почти бежим.

Александр, в отличие от своих воинов, предвкушавших отдых не в чистом поле и ужин более плотный, чем обычно, никуда не торопился. Царская ила неспешно ехала шагом в двух-трёх стадиях позади щитоносцев. Царь осматривал окрестности и беседовал с проводником-иудеем, нанятым в Сидоне. Тот, явно обладая большими способностями к

языкам, знал полдюжины местных диалектов и довольно сносно говорил по-эллински, сказывалось давнее общение с купцами. Любознательный Александр, отметив чистоту речи иудея, поинтересовался, много ли эллинов ездит через Финикию торговать на восток, в Вавилон.

— Мало. Вы, яваны, народ моря. Редко вглубь суши забираетесь. Но бывает, отчаянные попадают. В Дамаске встречал пару раз.

— А далеко ещё до моря?

— Уже близко, мы сильно отклонились к западу.

— Разве это плохо? — удивился царь, уловив не слишком-то довольный тон проводника, — быстрее достигнем побережья.

— Там не слишком хорошо идти берегом, упрёмся в устье Киссона, — возразил проводник, — лучше прямо сейчас взять севернее. Тут есть широкая дорога. И пешим и конным удобно будет. А через реку мост есть.

— Куда она ведёт?

— Сначала в Назарет, а потом напрямик до Тира. Хорошая дорога. Купцы часто ездят по ней. Много караванов.

Александр повернулся к одному из своих телохранителей-соматофилаков.

— Что думаешь, Лагид?

— Ну, раз хорошая дорога, почему нет? Скорей дотопаем.

— Дотопает он... Уж забыл поди, когда пешим ходил. Ты что, устал уже? Спешешь отдохнуть? Там не получится, — Александр покачал головой.

— Да уж, — проворчал Птолемей, — если ты, царь, доверяешь что-то строить Гефестиону, тот умудряется застроить всех...

— А вам бы только рушить, — беззлобно ответил Александр, — Гефестион не самый первый в бою, для этого вон, у меня Клит есть. Или ты. Зато поручи вам построить город, вы в нужник спустите все деньги, мастера от вас разбегутся, рабов забьёте палками тьму, за леность. И кое-как возведёте три сарая. А Гефестиону дай втрое меньше денег и людей, и он построит город.

Птолемей спорить не стал, повернулся к проводнику.

— Как называется это место, Эфраим?

— Ар Мегиддо, — ответил тот.

— Как? — переспросил Александр, — Хармагедо?

— Ар Мегиддо, — повторил проводник и перевёл, — гора Мегиддо.

Птолемей фыркнул.

— Язык сломаешь. И где эта гора?

— Вон там, вдалеке виднеется.

Лагид приложил ладонь козырьков к глазам, всматриваясь.

— Вижу. Это и есть гора? Чего-то невелика. Я бы сказал, что это холм большой.

— Там, на вершине, заброшенная древняя крепость, старая, как само время. Некогда царь египетский победил здесь царя иудеев. А ещё раньше другой царь египетский победил много ханаанских царей. А ещё раньше...

— Другой царь египетский... — передразнил Птолемей, — победил всех царей Ойкумены? Им, царям, тут мёдом намазано?

Александр покосился на Лагида, а Эфраим неодобрительно поджал губы.

— Напрасно господин смеётся. Это плохое место. Здесь много крови лилось. Много

битв было. И будет ещё.

— Почём знаешь?

— Наши пророки так говорят. Плохое место.

— Зато округа хорошо просматривается, — сказал Александр, — дорога на этот, как его, Назарет, проходит возле горы?

— Нет, раньше. До неё совсем немного осталось. Шагов пятьсот.

— Значит, передовые уже достигли. Тут и встанем лагерем, возле дороги, а завтра выступим на Назарет.

— Я бы не стал, господин, — пробормотал Эфраим, — плохое место...

— Солнце садится, поздно уже, надо лагерь разбивать.

— Дальше, как раз на перекрёстке дорог село есть.

— Вот как? Что сразу не сказал? — Александр повернулся к Птолемею, — Лагид двигай туда, проследи за дисциплиной. Гелланик-то справится, а фракийцы как бы не разошлись. Не надо устраивать резни, как в прошлый раз. Это земли под законом, тут мирные пахари живут, нечего их обижать, чай не горцы дикие. Мне не бунтовщики нужны, а мирные подданные. Которые исправно платят подати. Провиант незаконно не отнимать, заплатить за все взятое.

Когда гетайры подъехали к селу, лежащему в тридцати стадиях от горы, оно уже гудело, как потревоженный осиный рой. Гипасписты и агриане добывали хлеб насущный.

— Смотри, вот это обол, — Теримах совал медяшку под нос иудею, — хорошая монета, дорогая. Много купишь. Понял? Медведь, чего он башкой мотает?

— Я думаю, не хочет барана отдавать. Может знает, что за такого барана в Сидоне тетрадрахму дают?

— Да откуда ему? По роже видать, отродясь дальше своего амбара не выезжал, — Теримах в сердцах сплюнул и легонько толкнул селянина в грудь, — ладно, деревня, иди уже. Мы тебе заплатили, так что без обид. Понял? За-пла-ти-ли. Не понял?

Старик что-то щебетал и отчаянно жестикулировал, цепляясь за хитон рыжего. Тот выворачивался, но никак не мог отделаться от дедугана. Медведь в это время наматывал на локоть верёвку, на другом конце которой упирался баран. Дед, завидев это дело, вцепился в баранью шкуру и стал тащить на себя. Баран немедленно высказался, что он обо всём этом думает. Громко так. Все поняли. Но перетягивание не прекратили.

— Да иди ты уже, старый! Бабку свою порадуй. Видано ли, целый обол получил. Когда ещё так разбогатеешь...

Из соседнего двора выскочил фракиец с лисьей шапке набекрень, сжимая подмышкой пёстроного петуха. За ним выбежала немолодая женщина и бросилась на агрианина с кулаками. Тот, отмахиваясь одной рукой, попятился, коверкая эллинскую речь.

— А ходи отсюда, ведьма старый! Ходи, давай!

Старуху схватил за локоть ещё один фракиец и с жаром зашептал. Тоже по-эллински, но гораздо чище:

— Слышь, мать, куда вы всех девок-то дели? А? Девоч, говорю, дели куда?

Он сложил ладони чашами, изображая груди.

— Понимаешь? Девки? Где?

— Эй, ты, — крикнул Теримах фракийцу с петухом, — грабить не велели!

Для авторитета он водрузил на голову поверх платка шлем. С тех пор, как рыжий

сделался декадархом, он норовил по любому поводу покомандовать и важничал. Большой начальник, ага.

Агрианин даже ухом не повёл.

— Да плюнь ты на него, — Полидор стрёб брыкающегося барана за ноги и взгромоздил на спину, — пошли.

Из соседнего двора донёсся девичий визг и фракийская брань.

— Ну-ка сходим туда, — сорвался Теримах.

— Не ходи, — попробовал возражать Полидор, — не надо с ними ссориться. Они же на всю голову долбанутые.

Но рыжий друга не послушал. Пока он бежал до ворот, крики смолкли. Когда Теримах ворвался внутрь, его взору открылась картина, от которой сердце застучало чаще.

На земле возле какого-то сарая лежала девушка в рубашке, разорванной до пупа. Всхлипывая, она медленно отползала от скорчившегося у неё в ногах фракийца с задранном до подмышек хитоном. Над ним стоял крепкого телосложения иудей с цепом.

Теримах остановился, не произнеся ни слова. Иудей взмахнул цепом и обрушил его на фракийца. Тот даже не дёрнулся. Он вообще не подавал признаков жизни, а возле головы темнела лужица. Селянин снова размахнулся и ударил. Потом ещё раз. Обернулся. Увидел македонянина. Несколько мгновений оба стояли без движения, сцепившись взглядами. Иудей шагнул к Теримаху. Тот нашарил рукоять меча.

В этот момент во дворе появился Полидор с бараном на плечах и ещё один воин теримаховой декады. Здоровяк сразу же сориентировался в обстановке и, сбросив барана наземь (тот мгновенно вскочил и с жалобным блеянием бросился прочь со двора, едва не снеся ворота), выхватил меч.

— Ты что творишь? — прогудел Полидор.

Иудей, заорав что-то на своём языке, размахнулся цепом и прыгнул вперёд. Теримах отшатнулся, тяжёлый билень пронёсся у самого его носа. Медведь, несмотря на свои внушительные размеры и обманчивую неуклюжесть, двигался стремительно, и второй удар иудей нанести не успел. Клинок вошёл ему в печень. Отточенным движением, с проворотом, Полидор выдернул меч. Хлынула кровь. Селянин упал на колени и завалился на бок. Девушка снова завизжала.

— Заткнись, дура! — третий щитоносец шагнул было к ней, но вдруг споткнулся, словно на стену налетел.

Из-за сарая выскочил мальчишка лет двенадцати и всадил воину в живот короткое копьё. Тот захрипел, судорожно схватился за древко и упал.

— Ах ты! — Полидор прыжком оказался возле мальчишки и одним ударом рассёк его от плеча до середины груди.

Тот рухнул навзничь, не издав ни звука.

— Влипли... — процедил Теримах, глядя на смертельно раненого товарища, который дёрнулся пару раз, подтянув колени к животу, и замер.

— Убираемся! — рявкнул Полидор.

— А как же Акаст?

— Пошли! — Медведь схватил друга под локоть.

Теримах попятился. В воротах обернулся, взглянув на девушку. Её плечи вздрагивали, ладони прикрывали обнажённую грудь, а глаза лучились ненавистью.

Уйти по-тихому не удалось. За воротами македонян встретила толпа, человек двадцать

иудеев. С дрекольем.

Теримах и Полидор встали спина к спине, изготовившись к драке.

Александр пожелал осмотреть заброшенную крепость, и пока воины разбивали лагерь возле села, с несколькими телохранителями и проводником проехал к горе. Он взобрался на вершину и долго бродил внутри кольца обветшалых покосившихся и наполовину вросших в землю стен, вытягивая из Эфраима по крупицам историю этого места. Здесь царило вековое запустение. Проводник знал мало, рассказал лишь, что египетский царь Нехо триста лет назад разбил здесь войско иудеев и убил их царя Иосию.

— Нехо? — переспросил Александр, — не тот ли, про которого писал Геродот?

— Я не знаю, кто такой Геродот, не гневайся, пожалуйста.

Александр снисходительно усмехнулся.

— Геродот писал, что по приказу этого царя финикийцы совершили плавание вокруг Ливии, затратив на это три года.

Он не стал добавлять, что потомки смелых мореходов подвигом предков очень гордятся и рассказом об этом событии надеялись произвести на него, царя Македонии, впечатление. Произвели. Правда совсем не ожидали, что Александр немедленно потребует показать ему карты и периплы^[8], начнёт расспрашивать о ветрах и гаванях, о народах, населяющих неведомые берега.

— А что ты там говорил о ханаанских царях и другом сражении?

— Об этом мне ещё меньше известно, царь. Знаю только, что было оно очень давно. Древняя битва Нехо случилась вчера по сравнению с этой. Рассказывают ещё, что правил тогда Египтом могущественнейший царь, и он побил вражеское войско в десять раз больше собственного.

Александр ощутил укол ревности. Он хотел что-то сказать, но не успел. Снизу окликнули.

— Что случилось? — раздражённо спросил Александр.

— Драка, царь, — отозвался старший из его телохранителей, Клит, прозванный Чёрным, родной брат кормилицы Александра, Ланики.

Александр спустился вниз. Подвели коня. Гнедого. Своего верного друга, вороного "фессалийца" Букефала, царь берег в походах, садился на него лишь в сражениях и тогда, когда хотел произвести впечатление на жителей очередного покорившегося города.

— Рассказывай.

— Ну, — замялся Клит, — не уследили, короче, за фракийцами...

— Опять обидели местных? — царь начал закипать, — много народу побили?

— Да пятерых всего. Четверых фракийцев и одного из щитоносцев. Ладно, мы с Птолемеем подоспели вовремя, ещё нескольких наших отбили. Помятых, правда, изрядно.

— Я про иудеев!

— А-а... Этих много.

Александр побелел от гнева.

— Руки вырву! Возвращаемся!

Царь пустил гнедого с места в галоп. Свита заторопилась следом.

Стустились сумерки, но в селе тьму рвало на части пламя пожаров: пылали несколько домов. По небу разливалось зарево. Местные жители суеились, тушили. Выгоняли из хлебов скотину. Кругом лежали трупы, выли женщины.

— Зачинщиков под стражу, — распорядился царь, — разбираться буду утром. Виновных казнь безо всякой жалости.

Александр отыскал глазами Аттала, командира агриан.

— Ты в который раз подводишь меня. Если твоим людям до сих пор неведома дисциплина — в том вина командира. В Тире тебя будет судить войско.

— За что, царь?! — возопил Аттал, — подумаешь, пожгли варваров! Они первые напали! Убили моих воинов! Те всего лишь заигрывали с девками!

— Прочь с глаз моих. Клит, его тоже под стражу.

"Подумаешь, пожгли варваров"...

Сам-то ты кто? Фракиец с македонским именем, обэллинившийся варвар, возомнивший о себе невесть что. Что же, действительно его судить? Сына князя Лангара, верного союзника, за которого когда-то хотел выдать сводную сестру, Кинану...

Александр скрипнул зубами.

Воины подвели к царю высокого старика в длиннополом льняном одеянии и белой накидке, расшитой поперечными чёрными полосами, покрывавшей голову и спускавшейся почти до колен.

— Кто ты?

— Меня зовут Ионафан бен Зара, — ответил старик, — я учитель Закона.

— Хорошо же ты учишь закону своих людей. Зачем они убили моих воинов?

— Мы не сделали тебе зла. Твои воины грабили нас и насиловали наших жён.

— Это я выясню.

— Я не лгу.

— Ты знаешь, кто я? — спросил Александр.

— Да, — сказал старик, после недолгой паузы, пристально глядя царю прямо в глаза, — наши пророки говорили от твоём приходе века назад.

— Вот как? И что же они говорили?

Ионафан помедлил, потом произнёс:

— "Видел я, как овен бодал к западу и к северу и к югу, и никакой зверь не мог устоять против него, и никто не мог спасти от него; он делал, что хотел, и величался. Я внимательно смотрел на это, и вот, с запада шёл козёл по лицу всей земли. Он пошёл на того овна и бросился на него в сильной ярости своей. И я видел, как он поразил овна, и не достало силы у овна устоять против него, и он поверг его на землю и растоптал".

— Что это значит? — недоумённо спросил Александр.

— Говорится в книге пророка Даниила, что овен — это царь персидский, а козёл косматый — царь сынов Явана.

Чёрный Клит усмехнулся, взглянул на Птолемея, словно ожидая, что тот разделит его веселье, но Лагид был серьёзен и мрачен. Ионафан продолжал:

— "И восстанет царь могущественный, который будет владычествовать с великою властью, и будет действовать по своей воле".

— Я и есть царь могущественный, — сказал Александр, — действующий по своей воле. И я разбил царя Персии. Видать, не вдали твои пророки.

Ионафан не ответил. Александр тоже некоторое время молчал, глядя учителю закона прямо в глаза. Тот взгляда не отводил.

— Утром ты станешь свидетелем моего суда, — наконец нарушил молчание царь, — если невиновность твоих людей будет доказана, вы получите возмещение ущерба золотом. И

за побитых людей, и за скотину, и за сожжённые дома. Если же нет, довольно с вас наказания.

Александр повернулся к Птолемею.

— Лагерь укрепить, посты усилить.

— А если эти попытаются ночью напасть? — кивнул Птолемей в сторону группы иудеев, окружённых частоколом копий гипаспистов.

Александр посмотрел на них, прищурившись.

— Отпустите. Эти не попытаются.

Царь повернулся и пошёл прочь. Клит злобно взглянул на Ионафана и последовал за Александром.

— Что делать, Элиазар? Они жгут, грабят, убивают от самого моря Галилейского! Их многие тысячи, а нас всего два десятка. Как нам свершить месть?

Элиазар, кузнец из селения Арабата, сожжённого Александром четыре дня назад, оторвался от созерцания македонского лагеря и повернулся к своим воинам, вчерашним пастухам и землепашцам.

— Надо отсечь голову и тело рухнет само. У нас есть их одежда, шлемы и щиты. Иаир, Давид, пойдёте со мной. Когда они совсем утомятся...

— Это безумие, Элиазар! Ты и на сто шагов не подберёшься к их царю!

— Посмотрим, — отрезал кузнец.

В эту ночь Александр долго не мог заснуть. К ночи набежали тучи, налетел шквал. Он долго испытывал на прочность шатёр. Далеко на западе Зевс потрясал своим перуном. Плясали молнии. Раскаты гнева Громовержца медленно приближались, становясь все страшнее. Александр пытался отвлечься от мятущихся путаных мыслей чтением Илиады, но и это испытанное средство не помогало. Только глаза натрудил.

Он погасил масляную лампу, но света не убавилось — зарницы разыгрались так яростно, что стало светло, как днём. Вспышки молний сливались в одну, грохот катился с гневающихся небес нескончаемым потоком.

Александр лежал в постели, и ему казалось, что над ним не колеблющийся на ветру купол шатра, а океан света, ослепительное в своей невероятной, невозможной белизне, небо богов.

— Какой знак ты подаёшь мне, Отец мой? — прошептал царь.

Нет, не Филиппа поминал тот, чья страшная тень восставала сейчас, дотягиваясь до самых отдалённых уголков Азии, облечённая плотью имени — Искандер Зулькарнейн, Проклинаемый людьми. Давно не Филиппа... Человек, кому Александр обязан всем, властью, непобедимой армией и, разумеется, самой жизнью, сгинул в мрачном багровом сумраке Аида. Без следа.

"Не от Филиппа я родила тебя", — долетел из бездны пространства и времени голос матери.

Он видел сон. Зал, освещенный сотнями факелов, украшенный гирляндами цветов. Свадьба Филиппа, царя Македонии. Кругом полно людей, они веселятся, пьют вино, поют песни. Высокий, мощного сложения человек, встаёт с ложа, поднимает кубок для здравницы:

"Македоняне, просите богов благословить чрево вашей новой царицы и подарить стране законного наследника престола!"

Вспышка!

"А меня ты считаешь незаконным, негодяй?!"

Тяжёлый золотой кубок летит в ненавистное лицо.

Чернобородый богато одетый одноглазый хромец, только что благодушно принимавший поздравления, вскакивает с пиршественного ложа со сведённым от ярости лицом.

"Немедленно извинись перед Атталом! Извинись перед родственником!"

"Он мне не родственник!"

"Ты... змеиное отродье! Убью!"

Чернобородый выхватывает меч, бросается вперёд, но, запутавшись в полах одежды, падает на пол.

"Смотрите, друзья, мой отец хочет идти в Азию, а не может дойти от стола до стола!"

Одноглазый суровый бородач, стоящий у постели, ухмыляется: "Кажется, твой отец, Александр, сам Зевс. Зачем тебе двое отцов?"

Отец не один. Вокруг стоят тени. Их лица едва различимы, но он узнаёт: Парменион, Филота, Клит, Каллисфен...

Почему они здесь?

"Ты убил их".

"Нет! Это ложь! Они живы! Парменион и Филота в Тире, как и Каллисфен. А Клит, мой верный Клит здесь, со мной. Он всегда рядом со мной в бою, мой щит!"

"Ты убил их", — повторяет Филипп, — "как и меня..."

"Нет! Я невиновен! Отец, я невиновен в твоей смерти, я покарал твоих убийц. Всех до одного!"

"И все же ты убил меня Александр. Сын Зевса..."

Лицо Филиппа искажает гримаса. Словно сотканное из дыма, оно плывёт, гонимое лёгким ветерком, растекается в пространстве, тает без следа.

Ветер. Откуда здесь ветер, в этой душной каменной могиле? Приводимое в движение рабом массивное опахало с вышитым золотом человекоорлом, знаменем персидских царей, мерно раскачивалось над царской постелью. Александр протянул руку к человекоорлу, попытался приподняться, но даже на это движение не было сил.

— Отец... не оставляй меня, — еле слышно прошептал царь, проваливаясь в забытие.

— Кого он призывает, Зевса-Амона или Филиппа? — негромко спросил чей-то голос.

— Помалкивай, пока голову не сняли.

Кто это? Птолемей?

Чьи-то шаги, голоса, быстрые тени. Возле царской постели появились люди. Он почти не видел их, глаза слезились. Горящего лба коснулась мозолистая мужская рука. Её обладатель склонился над ним. С трудом различая его лицо, Александр позвал:

— Птолемей... Прикажи... пусть подготовят ванну... холодную. Здесь слишком жарко... Я хочу... смыть пот. Потом... я принесу жертвы... Ты слышишь... меня?

Птолемей кивнул. Он выглядел странно, словно разом постарел на десяток лет: в волосах серебрилась седина.

Слабость пройдёт. Он всегда был здоров, как бык. Ведь он даже не ранен. Он просто устал, ему душно в этом огромном городе. Нужно скорее уехать. В устье Евфрата ждёт флот, ждёт Неарх. Нужно отплыть с Неархом. Морской ветер излечит его быстрее сотни лучших

лекарей. А царством пусть правит Гефестион.

"Позовите Гефестиона... Почему его нет здесь? Я хочу его видеть..."

"Разве царь не помнит? Гефестион умер..."

"Умер?... Да... Я помню..."

Александр открыл глаза. Мягкий неяркий свет масляного светильника резанул внезапной болью, словно был тысячью солнц. Ведь он же погасил лампу. Разве нет? Кто её зажёл? Сведённые судорогой холодные пальцы сжимали край тонкого шерстяного покрывала, будто поводья. Мышцы дрожали в ознобе. Сквозь плотную, застилающую глаза пелену, проступали огненные сполохи. Они кружились в призрачном хороводе, стирая зыбкую грань меж явью и видением.

"Сон"

Замерев без движения на десятках ударов сердца, Александр, не слушающимися руками, стянул с себя покрывало и попытался сесть в постели. Тело, когда-то сильное, ловкое, покорное его воле, теперь было словно налито свинцом. Преодолевая слабость, царь провёл ладонью по пылающему лицу, стирая липкий пот.

На постели сидел большой пушистый белый кот. Почему-то с разноцветными глазами, красным и белым.

— Откуда ты здесь? — прошептал Александр.

— Молчи и слушай! — взметнулись длинным языком пламени светильника несказанные слова.

Александр вздрогнул.

— Кто ты?!

— Молчи и слушай! Мы — Очи Единого! Имя Красному глазу, синему в свете дня — Атон. Имя Белому глазу, зелёному в свете дня — Йаху. На древнем священном языке ремту. Иудеи, которых ты оскорбил походя, понесли по свету Истину, назвав Ночное и Дневное Око Единого именем Яхве и Адонай, а истинного имени Моего не знает никто. Ты считаешь себя сыном Бога, так назови Имя!!! Его не знает никто... Разве Владычица Истин и Владычица Вечности, которой ведомо все...

Кот оказался на руках юной девы с глазами цвета предзакатного неба. Тёмные волосы обрамлял обруч синего золота с белым пером.

— Когда я пришла в этот мир, я познала, сколько в нём боли, Защитник Мужей. Вечность — как воды Хапи, который вы зовёте "Нил". Нет в ней грядущего и ушедшего, а лишь верхнее и нижнее течение Реки. И Реку Вечности переполняет боль смертных. Когда ты возьмёшь Град-на-Острове, много крови прольётся в Реку, принесёшь ты такие жертвы кровавым тварям тьмы, чьи изваяния стоят в храмах Града, что и не снились его жителям, поклоняющимся нечестивым, жаждущим крови. Когда я нисходила в этот мир, брат мой, Избранный Вместилищем, брал этот город, но он не пролил крови даже того, кто пригласил его торговать, а хотел убить. Разве по Истине задуманное тобой, Защитник Мужей? Разве в праве своём возьмёшь ты хитростью, а не мечом и не разумом, Двойную Корону Сома, из рук ребёнка, доверившегося тебе?

— Великая, я не знаю, кто ты, Паллада или...

Улыбка и звонкий смех.

— Ты говоришь о том, что ещё не свершилось, но свершиться? Ты судишь за то, чего ещё не было?

— Я же говорила тебе, нет грядущего и ушедшего, есть Река. Смертные слишком слабы, чтобы плыть против течения, или ускорить бег, налегая на весла. Даже ты... Тебя несут воды, как щепку... Сын бога... — снова улыбка, на этот раз, исполненная печали, — ты считаешь себя непобедимым? А не хотел бы ты встретиться с равным? Или с тем, кто... сильнее тебя?

— Где я найду этого великого воителя, Владычица? Дарий бежал. Кто в Азии осмелится противостоять мне? Может быть, в землях далёкой Индии?

— В Реке, Защитник Мужей. Выше по течению. Позади. Оглянись — и найдёшь...

Молния ослепила Элиазара, а порыв ветра сбил с ног. Его спутники, устрашённые гневом Господним, отстали, но кузнец, исполненный решимости, продолжал идти, ползти вперёд. Ещё шаг, ещё. Он почти ничего не видел. Молнии, сверкающие мечи, секли тьму, кружились в бешеном танце.

Элиазар снова упал. Поднялся, шагнул, прикрывая руками лицо от ветра. Новая вспышка на краткие мгновения вырвала у тьмы очертания фигуры. Человеческой. Элиазар приблизился, пытаясь различить лицо.

Это не македонянин. Высокий старик с непокрытой головой, длинными пепельными волосами, мнутыми на ветру. Элиазар узнал его. Он не однажды встречал этого человека, Ионафана бен Зара, учителя Закона, известного по всей Галилее.

Губы старика шевелились, произнося молитву, а может проклятия. Элиазар замер на месте. Позабыв про бушующий вокруг огненный ураган, он весь обратился в слух.

— В назначенное время пойдёт он на юг; но последний поход его не такой будет, как прежние...[\[9\]](#)

Гроза стихала, тучи унесло на восток, и освобождённая полная луна залила землю тусклым серебряным светом. Кузнец огляделся по сторонам: он стоял в поле, где раскинулся... где должен был находиться македонский лагерь. Но его не было...

1. Горькое вино победы

Мегиддо, 22 день месяца Ре-Нут-Тет, 23 год Величайшего Менхеперра^[10]

Голова кружилась и болела, а тошнота подкатывала к горлу. Ипи Ранефер раздумывал, виноват ли в том пращник Нахарина^[11], так ловко всадивший камень в шлем Верховного Хранителя, что тот рухнул с колесницы, не помня себя. Или же его сбил с ног не смертный, но наилучший из пращников — бог, что, по мнению нечестивых акайвашта, заведует превращением фиников, винограда, граната и даже ячменя в хмельную влагу... Чёрная бронза древнего шлема сберегла голову Ранефера. Похоже, лишь для того, чтобы Ипи уморил сам себя, раз уж этого не смогли добиться лучшие воины Паршататарны, царя Нахарина.

Победа у стен Города Врат опьянила их с Тутимосе сильнее самого крепкого вина. Но Величайший Менхеперра держался, тогда как Ипи отпаивался пивом, добавляя в него зелёный маковый сок. На третий день после сражения друг и побратим вновь пригласил его в свой шатёр, уже не для празднества, а для обсуждения осады.

Небольшая крепостица со стенами из кедровых стволов уже готова, как и заставы у нижних врат Мегиддо, возле укреплённых дорог, спускающихся с его возвышенной части. Но там до сих пор стучат... Молодые воины и собранные по округе крестьяне возводят укрытия для лучников. Все это, разумеется, необходимо, вот только каждый удар киянки или топора отзывался в голове Ипи звенящим гудением. Он вновь и вновь возвращал его в то, длящееся вечно мгновение, когда несколько десятков тяжёлых, одетых в чешуйчатую броню, четырёхконных колесниц-хевити, наступая на пятки бегущим воинам "пурпурных"^[12], стоптали их и вломились в бронзовые ряды бойцов Нахарина, что стояли во второй линии огромного воинства союза "тридцати трёх царей". Грохочущая лавина под слитный боевой клич сотен плоток ударила и надвое развалила строй самого грозного из врагов Та-Кем. Тогда-то, в миг торжества Ранефера, в самом конце великой битвы, начавшейся столь неожиданно для царя Кадеша, затеявшего грандиозное противостояние с "мальчишкой-выскачкой" Тутмосом и зазвавшего под свои знамёна множество союзников, Ипи едва не угодил в герои, особо почитаемые за их доблестную смерть. Когда близкая, руку протяни, победа уже осветила напряжённые лица воинов Священной Земли, какой-то случайный камень...

— Ты невесел, мой названный брат, Верховный Хранитель? — Тутимосе улыбнулся, в немного раскосых карих глазах, вкупе с круглым лицом, придававших фараону сходство с довольным котом, изловившим мышь, вспыхнул озорной огонёк, — как можно печалиться после такой победы?

— Я не опечален, Величайший, посмотри, не зеленее ли лицо моё, чем изображенья Усера^[13] в усыпальницах и Храмах? Все же, только шлем не дал моей голове разлететься, как переспелому плоду. А вино победы, похоже, доделало то, что не смог митаннийский пращник.

— Я уверен, ты скоро полностью поправишься. Не может быть, чтобы Нефер-Неферу^[14] отвернулась от тебя сейчас, раз уж хранила для стольких подвигов! С горсткой людей

рассеять пять тысяч бойцов Тунипа — видано ли такое?

— Обезглавленное тело недолго стоит на ногах, а овцы разбегаются, лишившись пастуха.

— Не умаляй своих заслуг. Взять в плен царя — выдающийся подвиг.

— Я бы считал так же, если бы пленил его в бою, а много ли доблести в том, что мы, вырезав ключую носою в предрассветный час стражу, схватили спящего? Вот ты, мой побратим, воистину совершил подвиг. Пережив лишь двадцать пять разливов, превзошёл величайших полководцев — Избавителя^[15], нечестивого царя Саргона и Хаммурапи-Законодателя вместе взятых! Никогда на тверди Геба не собиралось такого воинства, как собрали против тебя. И развеяно оно было, словно пыль на ветру! Льву не победить слона. Крокодилу не победить слона. О священном соколе и говорить нечего. Но если наделить льва пастью, что никогда не выпустит ухваченного, крыльями и всевидящим оком, способностью мчаться по пескам, летать и плавать — этот зверь, возникающий из ниоткуда, и наносящий сокрушительный удар там, где его не ждут, победит кого угодно! И ты создал такого зверя из нас.

— Оставь славословия Ипи! Ты не храмовый писец, дабы воспевать деяния Величайшего, — Менхеперра вновь улыбнулся, — победа неполная. Сам ведь видел, что воины Бабили^[16] постояли, как праздные зеваки на рынке, да ушли прочь. А сколько за ними потянулось? "Великий союз", "все как один"... Языком они горазды чесать, а как до дело дошло, мигом порешили, что вовсе не их эта война. Это война Нахарина, что тянется уже три поколения. Уж как "пурпурные" не любят воевать своими руками, норовя других за себя подставить, а на сей раз Паршататарна и их, и Кадеш, и даже хатти^[17] — всех вокруг пальца обвёл, да под свою флейту плясать заставил. Да ещё и внушил, что это их собственная идея, они сами себе господа, а он — так... С боку припёка... "Все воевать — и я воевать".

Ипи не ответил, покачал головой, тут же пожалев об этом: закружилась пуще прежнего.

— Ты не согласен?

— Нет-нет. Пожалуй, ты прав, Величайший. Прости меня, я не вполне здоров и несу восторженную чушь, вместо того, чтобы подумать, как следует. А задуматься есть над чем. Сколько воинов было у врага по словам царя Тунипа? Не меньше, а то и больше сотни тысяч. Не было резона ему лгать, да и то, что мы видели, подтверждает его слова. Не больше двадцати пяти тысяч заперлись в Мегиддо. Не больше трёх десятков тысяч убили и пленили наши воины. Выходит, пять-семь десятков тысяч копий просто разошлись. Причём, многие именно разошлись, сохраняя воинский порядок, а не разбежались в страхе. И далеко ли? Не захотят ли они превратить нашу победу в поражение?

— Я позаботился об этом Ипи. Из врат Мегиддо никто не выйдет, избегнув наших стрел. Колесничьи отряды и Храбрейшие сторожат врата. Пусть наши деревянные укрепления не сравнятся со стенами Джару^[18], но все эти доблестные воины, — фараон усмехнулся, — не смогли разбить нас в чистом поле. Полезут на стены — тем хуже для них. В деле они нас повидали. Что до Хатти и Бабили — они поторопились вступить в союз, но теперь уж, верно, опомнились. Мудрости им не занимать, с наскока зубы обломали, теперь отступят да понаблюдают, как мы с Паршататарной изводим друг друга в битвах. Когда два льва дерутся, мудрая обезьяна сидит на дереве.

Ранефер согласно кивнул:

— Я тоже думаю, что Бабили теперь вцепится в подбрюшье Нахарина. такой случай!

Ничто не помешает, пока мы здесь сидим и сторожим Мегиддо.

— Да, придётся сидеть, держать осаду. Сил на штурм у меня нет, здесь ты прав. К тому же, воинства Та-Кем сильны в поле, лучниками и колесничими. А в резне на городских улицах... Будем ждать, покуда не сожрут они не только последнюю овцу, но и коней, а потом и до собак доберутся. Верно, голод принудит их присягнуть Двойной Короне надёжней, чем бронза.

В шатёр ворвался человек, облачённый в пластинчатую броню.

— Да живёт вечно Величайший Менхеперра! — Ипи давненько не видел, Усермина таким взволнованным, — колесничий дозор Храбрейших обнаружил воинство по дороге на Зефти! Правда, они идут на север, а не на нас, но... около четырёх тысяч копий. Акайвашта или хатти, Апоп их разберёт...

Ранефер и Тутимосе, как ужаленные вскочили, и рванулись из шатра, столкнувшись на выходе. Ипи на ходу надел шлем, позабыв, что на нём лишь льняное одеяние и церемониал, в руке не лук, а Скипетр Ириса.

Тут как тут случились старшие военачальники, Аменемхеб с Нибаменом, заставив Ипи устыдиться. Он ещё не родился, когда они ходили на воинства Нахарина, а сейчас сражались в строю или на колесницах, да и пили побольше Верховного Хранителя, но свежи как юноши. Вот уж действительно — живут они вечно. Во здравии и силе. А Ранефер, пережив всего двадцать четыре разлива, уже язык на плечо...

— Да уж, не стоит поминать Апопа на ночной дороге! — Менхеперра покачал головой.

— Уж помянули, Величайший, но о том я и говорил — много воинств осталось у врага.

— Усермин сказал, что это акайвашта, и что им здесь надо? — Нибамен, сухощавый и подтянутый, сохранял спокойствие. Впрочем, проходи мимо них воинство тварей Дуата, похоже, и они бы не удивили старого воителя.

— Акайвашта или хатти, — повторил Усермин, — примерно половина воинов вооружена большими круглыми щитами, похожими на те, что используют "пурпурные" и акайвашта. Говорят, что на суше сражаются акайвашта с иными щитами, овальными, суженными посередине, но те пираты, которых нанимал достойнейший Ранефер, носили именно круглые. Однако шлемы этих воинов, украшенные конскими хвостами, очень похожи на те, что носят царские телохранители у хатти.

— Акайвашта... — Верховный Хранитель задумался, — извечные наёмники. Им всё равно, кому продаваться. Что мешает им податься на службу нашим врагам? К тем же хатти — потому и шлемы их нацепили. Сколь бы ни были акайвашта презренными пиратами и мужеложцами, каждый из них стоит двоих "пурпурных", если не больше. Думаю, мне с Хранителями стоит подойти к ним незаметно, да рассмотреть получше. И, если что...

— Почему тебе, Ипи? Может Аменемхеб сам выяснит, кто это, да разгонит?

— Величайший, да жив он вечно, прав, — Нибамен вздохнул, как-то по-отечески и с сочувствием посмотрел на Ранефера, заметив, что необычные для большинства жителей Священной Земли синие глаза Ипи смотрят устало.

Впрочем, узкое лицо Верховного Хранителя всегда придавало ему измождённый вид.

— Да не оскорбится на меня достойнейший Верховный Хранитель, но он ещё не оправился от подарка воина Паршататарны.

— Достойнейший Нибамен, — Ипи жёстко оборвал его, — я понимаю, что как ровесник сынатвоего, Знаменосца Звезды Обеих Земель, могу вызывать у тебя отеческие

чувства, но... Как Верховный Хранитель Трона я должен быть впереди воинств Величайшего, разведать что нужно, говорить как посланник. До них больше итеру^[19]. Если будет битва и Хранители не справятся сами, или за чужаками стоят более серьёзные силы, что подойдут на выручку, вы с Аменемхебом подоспеете и сокрушите их, уже связанных боем и отведавших наших стрел. Достойнейший Усермин, ты сказал, чужаки идут на Зефти? По новой дороге?

— Именно так, — подтвердил Усермин.

— Тогда мы можем некоторое время незаметно для них двигаться в том же направлении старой дорогой. Нас будет разделять лесная полоса в пятьсот шагов. Преграда для войска, но не для Хранителей.

— Ранефер прав, достойнейшие! — Менхеперра завершил спор нерушимым словом Величайшего, — хоть он и похож на сах, подготовленный к погребению, но пусть примет маковый сок, или какое другое из зелий, дабы прийти в себя. Говорить он умеет и с врагом, и с союзником, и с алчным торговцем. Что до воинства его — да не оскорбятся достойнейший Аменемхеб и Нибамен, Хранители, зачастую превзойдут и Храбрейших и Носителей Щита, по крайней мере, как лучники, колесничие и разведчики. Битва нам нужна не более чем крокодилу опахало в летнюю жару. Посему не воитель пойдёт впереди, а Хранитель, ибо разведчик и посланник нужен, а не меч Величайшего.

Менхеперра говорил, смотря в пустоту. Что за незванный гость на пиру его победы?

Как из-под земли вырос Анхнасир, телохранитель и поверенный Ранефера. Он держал чешуйчатый доспех Ипи, показывая знаком, чтоб Верховный Хранитель поднял руки и вытянул перед собою, дабы легче было облачить его.

— Почтенный Анхнасир, у меня довольно помощников, дабы облачиться. Не забывай, что ты поверенный Верховного Хранителя, а не заботливая мать и не служанка. И ещё мой флейтист. Потому, воструби воинству сбор.

— Я надеюсь, Ипи, — Тутимосе приобнял названного брата, — тебе удастся избежать битвы. Если что — ты сам знаешь, сажай пеших Хранителей на колесницы, и останавливай стрелами тех, кто попытается вас настигнуть. И да Хранит тебя Нефер-Неферу!

Ранефер взял с собою всех уцелевших Хранителей — семь десятков тяжёлых четырёхконных колесниц, и две сотни лёгких. Пеших воинов он посадил на колесницы. Тесно, зато быстро. А чтобы уж Хранители не друг на друге сидели, Аменемхеб дал ему отряд Сехмет, сотню больших и медлительных, но просторных, старинных боевых повозок-хтори^[20]. Да ещё добавил всю тысячу всадников хабиру^[21]. Ко всему Тутимосе добавил Верховному Хранителю ещё сотню лёгких колесниц и триста отборных лучников, не знающих промаха, что зовутся именем Нейти-Иуни. Они вооружены более длинными, чем у колесничих, составными луками, пробивающими бронзовый лист в палец толщиной с семи десятков шагов.

Ипи решил выслать дозор из двух лёгких колесниц, наказав ни в коем случае не стрелять, а лучше — вовсе не обнаруживать себя. Но, подумав, взял четыре тяжёлых хевити, посадив в каждую ещё по Хранителю: если придётся туго и нужно будет отходить, в преследующих полетит по двенадцать стрел каждый миг.

Люди Ипи осторожно приближались к каждому изгибу старой дороги. Лучники обводили жалами стрел кедровую чащу, внимательно всматривались, делали остановки и вслушивались в каждый шорох, ожидая засаду. Если чужакам хорошо известна округа, они

могли бы занять обе дороги одновременно. Однако здесь все было чисто.

Ранефер хотел посмотреть на чужаков самолично. Вместе с поверенным и шестью Хранителями они развернули полосы небелёного, да вывалянного в грязи льна, обёрнутые вокруг пояса, надели их на себя, укрепив верёвкой у пояса, после чего нырнули в чашу. Срезали путь через подлесок, одновременно и укрываясь в нём от слишком зорких.

Воинство чужаков двигалось по новой дороге, более широкой, найденной и наезженной. Прав был Усермин, странное воинство. Но кое в чём он ошибся: чужаки не похожи ни на хатти, ни на акайвашта. Не похожи вообще ни на кого из многочисленных врагов Та-Кем, разбитых три дня назад в великом сражении у Врат.

Высокие конические шлемы со сбитым вперёд верхом, у некоторых снабжённые конскими хвостами, действительно имели некоторое сходство с теми, что носят царские телохранители хатти, но весьма небольшое. Более ничего в облике чужаков не позволяло причислить их к хатти. И вряд ли это акайвашта. Уж их-то Ранефер во множестве нанимал себе на службу несколько разливов назад. Нечестивые пираты почти не одевались в бронзу, шлемы их, набранные из костяных пластин (акайвашта делали их из кабаньих клыков), не имели ничего общего с теми, что надели странные чужаки.

В самой голове войска шёл большой отряд конных копейщиков. При этом ни одной колесницы. Может, пираты и не используют их, но откуда у них столько конных? Причём, копейщиков. Их несколько сотен, возможно около тысячи. Они вели лошадей в поводу, сберегая копыта.

Пеших с круглыми щитами, навскидку, столько же. Несколько большее число каких-то легковооружённых бойцов. И пять сотен лучников. Видно, что луки не плохи, с двойным изгибом, при этом, не меньше колесничего. Рогом усилены? Отсюда не разобрать. Даже если они по силе не уступают лукам Та-Кем, это чужакам не сильно поможет. Шестнадцать сотен стрелков у Ранефера против пяти у противника.

Военачальник чужаков поставил в хвост колонны заслон копейщиков. Значит, опасается удара в спину. Следовательно, знает о близости воинства Те-Кем. И, тем не менее, чужие идут беспечно и даже как-то... Самоуверенно...

Откуда они идут? Может от Тамашка? Оттуда могут прийти только воинства Нахарина. Но это точно не митаннийцы. Так кто же тогда? И что им нужно на севере? А вот это стоило бы выяснить.

Ипи шепнул несколько слов своему Анхнасиру, тот кивнул и, оглядев спутников, выбрал двух Хранителей. Что-то обсудив полушёпотом, эта троица скрылась в зарослях.

Не прошло и получаса^[22], как они вернулись уже вчетвером. Анхнасир вёл под локти, скрученные за спиной, обезоруженного пленника.

— Тихо взяли?

— Так точно, достойнейший! В кустах одиноко сидел, — хохотнул Анхнасир, — на корточках. За важным делом.

— Уходим, пока не хватились!

Когда они вернулись к колесницам, Анхнасир разложил на земле перед Верховным Хранителем оружие и броню пленника.

Железо... Сколько Ипи не встречал железа (если только не редкое, из падающих звёзд) у воинов Нахарина, иногда у хатти, старое железо нечестивых Хаков, оно было немногим прочнее меди, да, к тому же, хрупким. Меч странной формы, отдалённо напоминал хопеш в миниатюре, но уступал в длине, толщине, да и весил намного меньше. Решив проверить,

каково железо гостей, Ипи попросил у одного из воинов окованный бронзой щит, закрепил его на обломанном суку сосны. Взмахнул мечом пленника...

Клинок разрубил кромку щита, погрузившись в него на три пальца. Ранефер усмехнулся. Теперь следовало испытать щит пленника. Подвесив его на сук, Ипи принял из рук Анхнасира хопеш. Его собственный, отлитый из отменной бронзы, он счёл излишне прочным для такой проверки. Уж если испытывать, то оружие простых воинов, более дешёвое и менее прочное, чем у военачальников.

Удар... Так и есть, клинок вошёл в щит пленника едва ли не как в папирус, расколол щит почти до нижней кромки. Это хорошо. Пленник заметно заволновался, и Ранефер приказал развязать его и подозвать.

— Понимаешь меня?

Пленник молчал. Ранефер повторил вопрос на языке хатти, митанни, фенех. Пленник молчал. Потом выдавил из себя:

— Аксинпомэ.

Ранефер поднял бровь и спросил:

— Акайвашга?

Пленник покачал головой. Ипи спохватился, и повторил вопрос, стараясь как можно отчётливее проговаривать все звуки этого варварского языка:

— А-хай-кос? Ксин-пей?

Пленник некоторое время недоумённо морщил лоб, а потом сказал:

— Ксинпомэ! Его иаонос. Оук ахайкос^[23].

2. Препятствие

Сознание вспыхнуло жаром, словно внезапный порыв ветра сорвал с остывающей иссиня-чёрной поверхности уголька серые хлопья золы, пробудив к жизни уже умерший росток багрового пламени. Сразу стало трудно дышать. Грудь сдавила необоримая тяжесть. Где-то далеко-далеко наверху, сквозь толщу холодной вязкой тьмы, обволакивающей тело, пробивались пляшущие блики и лучи солнца, расходящиеся звездой Аргеадов, что горит на щитах македонских воинов. Он рванулся к солнцу, что было силы, теряя разум в схватке с неумолимо накатывающим удушьем. Он не умрёт в этой ледяной бездне! Надо бороться! Ещё немного, последний рывок!

Вот и поверхность, разорванная всплеском на мириад серебряных брызг. Глоток жизни со свистом ворвался в лёгкие, а мир мёртвой тишины наполнился множеством звуков.

Александр открыл глаза. Полежал немного без движения, пытаюсь понять, где он находится. Нет, это уже не сон. Он в своём шатре, и, хотя лучи восходящего солнца не могут пробиться сквозь плотную ткань, голоса снаружи и привычный шум пробуждающегося лагеря говорит о том, что наступило утро. Голова гудела, словно медный лист, превращающийся в полусферу котла, под ударами молота мастера. Царь откинул мокрое от пота тонкое покрывало и медленно сел в постели. Провёл руками по лицу. По спине пробежал холодок: Александр вспомнил ночной кошмар, едва не лишивший его рассудка.

— Я принесу жертву в Тире, отец. Не Гераклу Тирийскому, а тебе, Филиппу, потомку Геракла.

Царь встал. Замер на мгновение, прислушиваясь к ощущениям: не кружится ли голова, есть ли привычная твёрдость в руках и ногах. Нет, все прошло, мимолётная слабость, насланная жестоким насмешником Морфеем, бежавшим с наступлением утра, растаяла без следа. Он здоров и вновь полон сил.

— Эй, умываться! — крикнул царь.

Ждать не пришлось, но на пороге появился не слуга с чаном воды и полотенцем, приготовленными для умывания царя. Вошёл Птолемей. Даже здесь, в полумраке спального помещения шатра, Александр смог разглядеть, что на телохранителе лица нет.

— Что случилось?

Птолемей не ответил.

— Да не томи! Язык проглотил? Что там такое? Войско Дария?

Последний вопрос прозвучал с явной насмешкой.

— Случилось? — рассеянно пробормотал Птолемей, — а, нет, это не Дарий. Там... Другое... Селение пропало...

— Как пропало?

— А вот так. Пропало и все. Как сквозь землю провалилось, — пробормотал Лагид.

Александр нетерпеливо набросил хитон, откинул полог шатра. Поморщился, чуть отвернув лицо от бьющих прямо в глаза аполлоновых стрел.

У входа в шатёр стоял Клит, бледный, как некрашенная мраморная статуя, и немигающим взором, не замечая царя, смотрел куда-то вдаль. Вокруг толпились воины и озирались по сторонам. Испуганно. Озадаченный Александр проследил взгляд Клита и, хотя и предупреждённый Лагидом, едва не разинул рот от удивления, как в детстве, в тенистых

садах Миэзы, где он с жадностью впитывал слова Аристотеля, рассказывающего об устройстве Ойкумены. Повести о дальних странах, их чудесах, и по сию пору не насытили жаждущую познания душу царя. Многие из тех "чудес" впоследствии неприятно ранили разочарованием, едва он увидел их воочию, прикоснулся. Нынешнее же к таковым не относилось.

Лагерь, разбитый македонянами в сумерках, стоял у перекрёстка дорог, на небольшом бугре. Отсюда хорошо просматривалась вся округа на десятки стадий. К востоку до самого горизонта раскинулись бурые, только недавно засеянные поля, пастбища, от пёстрого многоцветья которых рябило в глазах. На западе, из утренней дымки вырастали Кармельские горы, протянувшиеся с юга на север до самого моря. Вчера на закате их восточные склоны были совершенно черны, а сейчас, в лучах восходящего солнца, они выделялись бледной синевой, точно такой же, что затянула весь горизонт к северу. Лес вдалеке, не иначе. Покинув предгорья Антиливана, македоняне уже несколько дней не видели лесов.

Подножие одинокой горы Мегиддо, отстоящей к востоку от Кармельской гряды, тоже густо заросло лесом. Александр немного удивился, отметив, что вчера тот представлялся совсем небольшой рощей. Впрочем, когда он ездил смотреть на заброшенную крепость, уже темнело, к тому же та куда сильнее завладела его вниманием, нежели дюжина ливанских кедров. Их редеющие из века в век рощи он встречал на всём пути от Исса до Тира. Размеры этой явно недооценил. Ну да ладно. Стоит ли обращать на это внимание, когда тут под боком гораздо более удивительные дела творятся?

Птолемей ничего не выдумал, селения у перекрёстка, как ни бывало.

— Что тут, Кербер меня раздери, происходит? — озадаченно спросил Александр, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Вот... Нету... — пробормотал Клит, заметив, наконец, что царь давно уже вышел из шатра и стоит рядом.

— Вижу, что нету. А куда делось?

Толпившиеся рядом воины бурно обсуждали произошедшее.

— Это их бог... Иудеев, значит... Помнишь, Аррабей, в Сидоне тот иудей, что проиграл тебе в кости, рассказывал про своего бога? Вроде, он ещё чудеса умеет делать.

— Все боги делают чудеса, — рассудительным тоном ответил тот, кого называли Аррабеем, — иначе какие же они боги?

— Ну да, ну да, — покивал первый, — только вот думаю, мы варваров вчера немножко... того... Прижали. Они вознесли молитвы к своему богу, он их и спрятал.

— Ни хрена себе... Я вот ещё дома кучу денег на жертвы спустил, чтобы жена, наконец, сына родила. А то девка на девке, куда мне их столько? Мне и для половины приданого не собрать. Да видать далековато от нашего медвежьего угла до Олимпа... Может уже пора иудейскому богу жертвы приносить, раз он такой могучий и завсегда поможет тем, кто ему молится? А наши олимпийцы... Может, ну их, к воронам, всё равно не слушают?

На богохульника зашикали:

— Ты чего, совсем из ума выжил, придурок?! Пасть свою поганую захлопни.

— А что? — поддержал отца многочисленных дочерей другой голос, — наш царь завсегда чужих богов ублажает. Дабы не гневались. Вон, и Тир пытаемся забодать, ради жертвы Гераклу.

— Так то — Гераклу. Он же наш.

— Э, нет, чужой это Геракл, не тот, который сын Алкмены от Зевса. Мне в Сидоне один

хрен из местных говорил, что этот храм тирийский — древнейший, какой только люди помнят. Так что не наш это Геракл, "пурпурные" его и зовут иначе — Мелькартом.

— Дурень, этот Мелькарт и есть Геракл, это всем известно, кроме тебя, деревня, побольше "пурпурных" слушай, они тебе ещё и не так башку задурят!

— Да хватит вам! Тут-то нет никаких Гераклов! Тут-то чей бог чудо сотворил?

— Говорят же тебе, иудейский. Иудеи здесь живут, стало быть, их бог. Чей же ещё?

— Эх вы, олухи, язык-помело, раскудахтались, как бабы... Царю-то виднее, кому жертвы приносить. Опять же Аристандр ему завсегда подскажет, уж он-то в богах разбирается. Раз сказал — Геракл, значит, он самый и есть. Навыдумывают каких-то мелихаров, мелихеров...

Александр на мгновение ощутил предательскую слабость в ногах: припомнил странный сон. Впрочем, он быстро взял себя в руки.

— Клит, за мной.

Царь вышел за пределы лагеря в сопровождении гетайров и гипаспистов, жавшихся друг к другу и державших оружие наготове, словно оно могло как-то защитить смертных, если бы боги (все же интересно, чьи), явившие своё невероятное могущество, пожелали бы им навредить. Александр вместе со свитой приблизился к перекрёстку дорог и озадаченно остановился.

Дорога в Назарет по-прежнему бежала на север, как и та, по которой с востока пришли македоняне, однако обе они не очень-то походили на самих себя вчерашних. Совпадали лишь направления. На земле отчётливые следы ног и конских копыт. Тысячи следов. Словно здесь совсем недавно прошло войско. Вот только не македонское. Следы вели на восток и на север.

— Это что, вчера мимо нас протопало чужое войско, а часовые даже тревогу не подняли? Проспали?

— Никто не спал, — возразил Клит, — я лично посты проверял. Ты же сам приказал их усилить.

— Не слишком свежие следы, — сказал один из гетайров, присев на корточки прямо посреди перекрёстка, — два или три дня назад шли. До нас ещё.

— Но нам навстречу, — сказал Александр, — и куда делись?

— Часть видно к северу завернула. Туда вроде больше следов идёт.

— А наших-то собственных следов не видать, — сказал Птолемей.

Никто не нашёлся, что ответить. Александр вернулся в лагерь и созвал командиров на совет.

— Что вы обо всём этом думаете?

Стратеги некоторое время молчали, чесали заросшие щетиной подбородки. Первым решил высказаться Гелланик, мощного телосложения муж, ростом превосходящий большинство македонян на голову (а царя на две).

— Я думаю, прошедшее на север войско — это подкрепления из Газы, идущие на выручку Тиру. Возможно лазутчики "пурпурных" прознали, что царь совершил вылазку в отроги Антиливана, вот часть войска и пошла на восток, чтобы перехватить нас. Да видно мы как-то разминулись.

— Весьма разумно, — согласился Птолемей, — вот только не объясняет, куда делось селение и наши собственные следы.

На это никто не мог предложить объяснения. Разве что действительно, предположить божественное вмешательство. Стратеги переглядывались и молчали. Наконец, слово взял царь:

— Этой ночью я видел сон, — сказал Александр медленно, растягивая слова, словно их из него тянули клещами, — в котором мне явились... Афина...

Имя Паллады царь произнёс неуверенно, будто через силу.

— И Громовержец... Они попеняли мне, за то, что я обидел иудеев...

Царь замолчал.

Стратеги облегчённо вздохнули и возбуждённо зашумели, обсуждая откровение Александра. Это же все объясняет! Кому же ещё явится Зевс, как не своему сыну^[24]? А то, что это был Громовержец, никто не сомневался. Грозу-то ночную все помнят? Страшенная. Истинно, в мощи своей Тучегонитель явился. А то, что заступился за иудеев... Ну кто ж знает, что у владыки Олимпа на уме? Не нам, слабоумным смертным пытаться познать пути его... Может тот бог, которому поклоняются иудеи, это тоже Зевс, только другим именем назвавшийся. У него, Астропея, мечущего молнии, множество имён. Вон, Геродот писал, что и в Египте ему поклоняются, называя Амоном. А уж село спрятать от людских глаз, Громовержцу раз плюнуть. Он и не на такие чудеса способен.

Напряжение растаяло без следа. Попытка Ликона, начальника критских лучников, напомнить о необъяснимом отсутствии следов македонян потонула в шуме, оставшись незамеченной. Стратеги, кивая и соглашаясь друг с другом, быстро переменили тему, вернувшись к обсуждению гораздо более волновавшего всех вражеского войска. Оно ушло на север, следовательно, действительно идёт в Тир.

— А мы, значит, у них в тылу оказались, — хищно оскалился Птолемей, первым успевший высказать эту мысль, одновременно пришедшую на ум сразу всем присутствующим.

Стратеги посмотрели на царя. Александр сидел во главе стола, вполоборота, уперев локоть в столешницу и поддерживая подбородок кулаком. Он все ещё оставался мрачен, словно теологическая часть совета не добавила ему уверенности в том, что происходящее поддаётся разумному объяснению. Впрочем, молчал царь недолго.

— Идём на север, как и собирались. Впереди противник неизвестной численности, посему выступить в полной боевой готовности. Передовой отряд возглавлю сам. Возьму царскую илу и лох щитоносцев. Гелланик, замыкающими тоже поставишь своих людей, агриан не посылать. Те, которые на восток ушли могут ещё вернуться.

— Опасно царь, вдруг засада, — возразил Клит, — позволь мне с передовыми.

— Пойду сам! — отрезал Александр, — а ты Клит, возмёшь тридцать человек и выступишь дозором вперёд на десять стадий. Увидишь противника, в бой не вступай, оставь пару человек для наблюдения, а сам стрелой ко мне.

Клит кивнул.

— Выступаем, — приказал Александр.

Гелланик поднялся первым.

— А что делать с теми, кого ты приказал взять под стражу? Ты собирался судить их.

— Не до судов сейчас. К тому же за обиженных вступился сам Элевтерий^[25]. Стало быть, ему не угодно, чтобы я судил иудеев. Невместно вершить суд, не выслушав обе стороны. К тому же впереди враг — каждый боец на счету. Воинов освободить.

— Аттала тоже?

Александр задумался.

— Нет. Дерзок стал. В Тире приму решение, как с ним быть, не сейчас. Пусть идёт пешим, под стражей.

Сворачивали лагерь недолго. Двух часов не прошло, как колонна двинулась на север, оставив позади себя кострища да выгребные ямы.

Примерно через полчаса дозор Клита достиг леса. Путь всадникам преградила фаланга громадных кедров, чьи могучие кроны напоминали несколько плоских эллинских шляп, расположенных одна над другой. Среди массивных крепкотелых гигантов взгляд выхватывал тонкие стройные колонны сосен. Густой подлесок зарос можжевельником и клёном. Дорога ныряла прямо в чащу.

— Смотреть в оба, — приказал Клит, — тут засаду устроить, плёвое дело.

Он высматривал, не кружат ли над лесом птицы — самые лучшие сторожа, завсегда предупреждающие о притаившемся в зарослях вражеском отряде. Однако ничто не предвещало опасности. Птицы звонко щебетали, перелетая с ветки на ветку по своим птичьим делам. Ветер покачивал колючие синегато-зелёные и серебристо-серые кроны. Могучим кедром не было дела до того, кто путешествует в тени их ветвей, купеческий караван или войско — все одно. Лишь бы не дровосек, охочий до драгоценного тела царя лесов Ливана. Уж те-то за многие века основательно проредили вековые рощи. Храм нужно построить иль флот — вгрызается острый топор в жёлто-красную смолистую древесину, неся смерть столоктевому гиганту, ствол которого иной раз столь огромен, что охватить его могут, взявшись за руки лишь четыре человека. А то и пять.

Кедр невероятно ценен, а люди бесконечно алчны, потому давно уже превратили леса в крохотные рощи, уютящиеся высоко в горах. Почти не осталось на лике Геи таких кедровых лесов, что взглядом не охватить. Александр об этом не знал, зато знал Эфраим. При виде необъятного леса проводник от удивления дар речи потерял. Недоумённо вертел головой по сторонам, а потом приблизился к царю, восседавшему на гнедом жеребце (сам Эфраим, непривычный к конской спине шёл пешим) и сказал:

— Не было тут леса!

Александр удивлённо посмотрел на проводника:

— Ты заблудился, что ли? Дорогу перепутал?

— Нет, не перепутал. Та самая, вот только не должно тут леса быть.

— А этот откуда взялся?

— Не знаю, царь.

— Уверен? Ты часто в этих краях бывал?

— Последний раз этой дорогой вёл караван шесть лет назад.

— Вот видишь. Может, подзабыл чего? За шесть-то лет?

— Нет, царь. Не подзабыл. Нету в окрестностях Мегиддо леса. Только рощи малые.

— Чудеса! — хмыкнул Птолемей.

Александр недоверчиво покачал головой.

— Не ты ли недавно сомневался, та дорога, не та? А вчера и вовсе заявил, что мы слишком к западу отклонились. Видать, перепутал всё-таки дорогу-то.

Эфраим не нашёлся, что ответить. Он понял, что царь ему не поверил, но иных слов, дабы убедить Александра в своей правоте изыскать не смог. Так и шёл дальше, нахмурившись, копаясь в памяти и мучительно пытаюсь опознать хоть что-нибудь знакомое.

Отряд щитоносцев в котором шли Теримах и Полидор вступил в лес последним. Воины озирались по сторонам, сняв щиты со спин и держа копья наперевес.

Во вчерашней драке друзьям изрядно намяли бока. Теримаху заехали дубиной по рёбрам, и теперь он время от времени морщился от боли, прикидывая, целы ли они. На всякий случай перетянул торс тугой повязкой. На синяки и ссадины рыжий внимания не обращал. Не получил вилами в живот и ладно, спасибо Полидору. Медведю ударом доски ободрали до крови левую щеку и надорвали мочку уха. В целом Полидор пострадал гораздо меньше Теримаха, которого селяне смогли сбить с ног и едва не забили дубьём насмерть. Вовремя подоспел царский телохранитель с гетайрами, разогнал иудеев.

Однако страшнее ран и побоев оказалась царская немилость. Просидев всю ночь связанным по рукам и ногам, вздрагивая от раскатов грома и вспышек молний невиданного размера, Теримах так громко сетовал о несправедливости обвинения, что получил от своих сторожей по зубам, едва не лишившись парочки. Полидор мрачно молчал, глядя в темноту. Все знали крутой нрав Александра. Теримах пытался продумать речь в свою защиту, но никак не мог подобрать нужных слов. К утру его сморило.

Пробуждение вышло не из приятных. Рыжего подняли довольно бесцеремонно, пинком в бок. К счастью, не тот, который близко познакомился с иудейской дубиной.

Пришёл Гелланик, расспросил об обстоятельствах драки. Ушёл, пропал надолго. Вокруг пошла какая-то суета, воины забегали взад-вперёд, что-то бурно обсуждая. Не выспавшийся Теримах, сердце которого бешено колотилось в груди, предчувствуя скорую расправу, не видел причину возбуждения лагеря. Его мысли были заняты поиском пути спасения, но не находили его. Сказать по правде, мысль в голове билась одна-одинёшенька: "несправедливо!"

Вновь увидев приближающегося хилярха, Теримах, холодея, предположил, что вот теперь-то его поволокут на суд к царю и несказанно удивился, когда Гелланик приказал освободить узников, вернуть им оружие и все их вещи. Узнав о причинах царского решения, рыжий лишь пожал плечами. Пропажа селения варваров его нисколько не впечатлила. За ночь он так измучился, что теперь, шагая в хвосте колонны, едва не спал на ходу. Обычно добродушный и открытый Полидор выглядел мрачным и подавленным. Тем не менее, он шёл твёрдо, хотя ночью так же почти не сомкнул глаз.

По левую руку от Теримаха что-то громко булькало и урчало. Рыжий скосил глаза: рядом шёл Тидей, наёмник, родом из Милета, присоединившийся к Александру, когда под рукой царя оказалась вся Иония, и попавший в ряды щитоносцев после Исса. В той грандиозной битве гипасписты понесли большие потери, и Александр восполнил их ряды за счёт отличившихся наёмников, которые сражались на левом фланге, поддерживая фессалийцев, и выстояли против персидской конницы. То, что все они не македоняне, Александра совершенно не беспокоило. Он не ставил соотечественников выше эллинов, а конница "друзей" на треть состояла из чужеземцев, в разные годы подавшихся на службу к щедрому Филиппу.

Милетянин кряхтел, охал и держался за живот, переложив копье в левую руку.

— Что с тобой? — поинтересовался рыжий.

— Живот крутит, — простонал милетянин, — траванули, проклятые!

— Иудеи, что ли?

Тидей не ответил, только поморщился.

— И как это они смогли?

— Да я всего полкувшина молока выпил... Вроде не кислого... Ну, чуть-чуть...

— Сам дурак. Чего на других валишь?

— Ой, не могу, больше! — глаза милетянина лихорадочно заметались, — командир!

Догадываясь, что за этим может последовать, Теримах брезгливо отшагнул в сторону и разрешил:

— Беги в кусты, пока прямо на дороге не обоссался.

Милетянина как ветром сдуло, только сучья затрещали. Щитоносцы теримаховой декады, не замедляя шаг, тряслись от хохота.

— А ну хватит ржать! — скомандовал рыжий, — по сторонам смотрите!

Они прошли довольно много, когда подал голос молчавший доселе Полидор:

— Чего-то давно нет засранца. В дерьме своём что-ли утоп?

— Видать, хорошо прослабило, — ответил Теримах.

— Непонятная у него болезнь! — хохотнул один из щитоносцев, — не понятно, вставать уже или ещё посидеть!

Остальные прыснули.

Дорога прыгала вверх-вниз, взбираясь на бугры и ныряя в низины. Лес начал редеть. Вскоре голова колонны выползла на обширное открытое пространство, стадий десять в поперечнике. То тут, то там торчали из земли обугленные, почти лишённые сучьев стволы.

— Пожар был, — сказал Птолемей.

— Лет пять назад, — согласно кивнул Александр, — смотри.

Царь указал на островки молодой поросли, где тянулись к солнцу пушистые сосенки, набирающие силу на золе погибших деревьев.

— Что-то чисто тут. Горелого дерева мало.

— Наверное, местные жители все давно прибрали, — предположил Александр, — не пропадать же добру.

Царь повернулся к Эфраиму:

— Это место тоже не помнишь?

Иудей подавлено мотнул головой.

К голове колонны летел всадник, один из гетайров дозора Клита.

— Царь! Войско! Чужое!

Глаза Александра превратились в узкие щёлки.

— Персы? Или "пурпурные"?

Всё-таки устроили засаду.

— Ни на тех, ни на других не похожи! — крикнул дозорный.

Птолемей удивлённо заломил бровь, но Александр не колебался ни секунды.

— Щитоносцам развернуть фалангу! Гелланик, быстрее из леса выбирайся! Агриане — на левый фланг! Букефала мне!

— Слушаюсь! — Бергей, заместитель Аттала, поставленный царём во главе фракийцев, бросился к своим людям.

К царю подвели широколобого вороного жеребца, царь легко взлетел ему на спину, ласково потрепал по шее.

— Лагид, — повернулся Александр к Птолемею, — мы с тобой на правом крыле.

— А левое ты не усилишь конницей? Ненадёжны агриане, могут дрогнуть.

— Я знаю. Но у нас мало конницы, чтобы её распылять. Получится удар

растопыренными пальцами. Нет, все "друзья" на правое крыло!

Прискакал Клит.

— Что там? — спросил царь, — что за враг?

— Не понял. Не персы и не "пурпурные", это точно. Похожи на египтян. Вроде тех, что мы разогнали при Иссе, воинов покойного Сабака. Только те были легковооружёнными [\[26\]](#). А эти в броне. Много колесниц.

— Колесниц?

— Да. Конницы вообще не видел. Только пешие и колесницы.

— Значит все же засада. Специально нас тут поджидали, на открытом месте, чтобы колесницам было, где раскатиться.

— Да нет, не похоже на засаду, — возразил Клит, — не напали сразу. Стоят и ждут чего-то.

— Чего? — спросил Птолемей.

— Не знаю.

Впрочем, гадать долго не пришлось. Македоняне, пробившись, сквозь сосновый молодняк, и выстраивая фалангу на открытом месте, откуда хорошо просматривалась кромка дальнего леса, уже отчётливо видели построившееся на удалении в полдюжины стадий чужое войско. Оно действительно не двигалось с места.

Протяжно пропела труба. Потом ещё раз и ещё. От сверкающих начищенной бронзой рядов противника отделилась пара колесниц и неспешно покатились в сторону македонян.

— Говорить хотят, — сказал Александр, рассматривавший чужаков из-под ладони, козырьком приложенной к глазам, — поговорим. Лагид, ты со мной. Ещё троих возьми. И Эфраима. Подведите ему лошадь. Клит, останешься.

Царь не сильно толкнул пятками Букефала в бока. Верный конь, гордо вышагивая, двинулся вперёд. Лагид, трое гетайров и переводчик последовали за Александром.

* * *

Он говорил на языке, очень похожем на язык акайвашта, но совсем ином. Тем не менее, понять его было можно, через слово догадываясь, как ты понимаешь торговца хабиру или те-неху, едва говорящих на языке Священной Земли. Какой только речи не услышишь на большом рынке Уасита [\[27\]](#), и все друг друга как-то понимают, хотя и нещадно коверкают слова. Ещё через четверть часа Ранефер знал уже многое.

Воина звали Тидей из Милета, а Милетом акайвашта всегда именовали Милованду. После чаши финикового вина, Тидей разговорился.

Оказывается, Милованду захватили какие-то неведомые Ипи персы. Может хатти? Они не первый раз берут этот город. Но градоправитель из земель севернее акайвашта, и западнее немного, по имени А-Ле-Сан-Ра, оказался великим воином и освободил Милованду. Тогда Тидей и примкнул к его воинству, а воином он был с отрочества, и неплохим. Через слово следовали жалобы на то, что приставлять к глотке меч, зажимать рот, а затем оглушать

рукоятью, когда человек сидит, избавляя чрево от вчерашней телятины, к тому же втроём на одного — недостойно. Не дали ему, видите ли, показать себя в бою. Ипи, еле понимавший одно слово из трёх, несколько раз осаживал словесный понос пленника, пытаясь выловить важное в его рассказе.

— Пасиреу А-Ле-Сан-Ра... Так? Алесан-Ра?

— Басилевс Александрос, — повторил Тидей.

— Алесанрас, — проговорил Ипи, и кивнул пленнику, — продолжай, эйта.

Он немало удивился тому, что чужаки зовут своего полководца градоправителем, однако сейчас не до выяснения столь ничтожных деталей^[28].

Далее этот полководец прошёл через все земли Хатти по побережью, освобождая города, почему-то принадлежащие акайвашта — это никак не уместилось в разуме Верховного Хранителя. Откуда в земле Хатти их города?

Но более всего Ипи удивили слова пленника о том, что Айкюптос тоже захвачен персами. Священную Землю этот акайвашта звал Айкюптосом, точно так же, как те пираты, которых Ипи встречал прежде. Ну, разве что чуть-чуть отличалось произношение.

Ранефер вздохнул, присел на площадку колесницы и выпил половину своей поясной фляги с финиковым вином. Нефер-Неферу свидетельница, чужак говорит как безумный, но ведь очевидно, что не лжёт... Такую невероятную ложь попробуй-ка измысли... Может, предложить ему выпить ещё вина, добавив корня возлюбленных? Не стоит. Ипи умел отличать правду от лжи, и даже полуправды. А бред от зелья только пошатнёт веру в его слова.

То, что полководец Алесанрас идёт брать Тир, Ипи, мягко говоря, встревожило. Тисури (что такое "Тир" он понял сразу) верен Двойной Короне, с тех пор, как был покорён Ранефером семь разливов назад, после битвы на водах со всеми ладьями "пурпурных" и их многочисленных наёмников. Когда он лично на борту "Себек-Сенеба" предавал огню стрелами тяжёлого осадного лука боевые ладьи Фенех...

А теперь Ипи — соправитель Тисури. Выходит, этот "великий воин" Алесанрас идёт войной на Священную Землю? Правда, похоже, он и сам не предполагает сего. Ипи даже пробрал смех. Похоже, чужаки вообще не ведают, где оказались, но не из подземного мира же они явились? Осаждать Тисури несколько месяцев? Ничего не знать о войне Та-Кем с Нахарином, и его союзниками, подготовка к которой началась ещё при жизни Самозванки, да будет имя её проклято. У Ранефера глаза и уши повсюду, но даже имени этого полководца, который несколько месяцев бродит по землям Яхмада и Фенех, да прошёл через все земли Хатти, Ипи не слышал. И главное, никто из союзников и врагов Священной Земли — тоже не ведаёт его...

Интересно, согласится ли этот Алесанрас служить Двойной Короне за два десятка хека^[29] золота? Сразиться никогда не поздно, а пока стоит поговорить. Или же лучше не обнаруживать себя, а предупредить царя Града на Острове? Тяжёлое решение. И действовать надо быстро.

— Эти акайвашта скоро достигнут Пепельной Пустоши, отходим туда. Надо прибыть раньше, чем доберутся они!

Скрытно занять северную оконечность обширной пустоши, созданной давним лесным пожаром, отряд Ранефера не успел. Всё-таки подставились замыкающие хевити Хранителей конному дозору акайвашта. Ни те, ни другие не стали стрелять, оба отряда немедленно поспешили к основным своим силам. Сомнения Ранефера разрешились сами собой.

Придётся говорить. А для этого нужно показать свою силу.

Воинство Священной Земли выходило степенно, дабы не провоцировать чужаков на безоглядную драку с неопределённым исходом. Хранители шли в пешем строю спокойно и торжественно, как на параде в Уасите, рассматривая разворачивающийся копейный строй акайвашта. Ипи ещё издали отметил, что тот и вправду хорош. Воины Ранефера остановились в паре тысяч шагов от незнакомцев.

— Анхнасир, прикажи подвести ещё одну хевити, да закрепи на ней знамя. На вторую посади нашего любителя телятины, дав ему облачиться в эту тряпку с пластинками, вернувшись, ну, то, что от него осталось, и копье. Меч пусть останется у Хранителя, и да будет так!

— Ты задумал переговоры, достойнейший?

Тутимосе, силы которого также скрытно приближались к Пустоши, смотрел за приготовлениями Аменемхеба. фараон приказал не начинать битвы с незнакомцами, но быть готовым к ней. Вдруг раздался серебряный голос труб Ранефера — песнь посланника. Ипи решил говорить с незнакомцами. Теперь надо ждать. Если песнь посланника сменится песнью оружия, воинство Та-Кем придёт на выручку Верховному Хранителю.

Колесничие держали луки за спиною — изготовить никогда не поздно, но следовало показать, что они не враги незнакомцам. От воинства неведомых акайвашта отделились несколько — пять или шесть, издали не скажешь точнее, всадников. Только глупец не понял бы, что степенный выезд пары колесниц, после, пусть незнакомое, пения труб — приглашение к переговорам. И оно было принято.

3. Цена слова

Всадники и колесницы сближались. Ипи сразу же выделил военачальника чужаков. Тот ехал на мощном вороном жеребце, укрытом леопардовой шкурой, прорезанной вдоль и надетой через голову коня таким образом, что на груди его скалилась кошачья морда. Ранефера удивило отсутствие у коня бронзового налобника и нагрудника. Ничего подобного не наблюдалось и у сопровождавших полководца всадников. Какая беспечность!

Доспехи военачальника подчеркнули предположение Ипи о том, что он видит воинов какой-то весьма небогатой страны. Чужаки одеты в бледно-пурпурные длиннорукавные рубахи непривычного вида. Торс у каждого защищён коротким панцирем, кожаным или полотняным, не разобрать издали, снабжённым множеством разрезов на бёдрах и широкими оплечьями. Понятно, что кожа (или всё-таки лен?), как и у воинов Та-Кем служит лишь основой для бронзовых пластин. Удивительно другое: число этих чешуек. Их совсем мало, они прикрывают только живот. На груди одного из воинов укреплена большая прямоугольная пластина с золотым солнечным ликом в центре. Похоже, это и есть вождь чужаков. Чешуйки на животе у него тускло поблёскивали серым. Железо? У остальных воинов явно бронза.

На голове у военачальника необычной формы шлем. Серебрёный, сверкающий, откованный в форме львиной головы с высоким красным гребнем. Крашеный конский волос? У сопровождающих шлемы проще. Бронзовые колпаки с причудливо изогнутыми полями.

Из вооружения предводителя странных акайвашта Ипи разглядел только меч, небольшой, широкий, судя по богато отделанным серебром и золотом ножнам. Державшиеся чуть позади воины вооружены копьями. И все. Ни щитов, ни луков. Голоногие всадники, на что им надеяться в схватке с бронзовокожими Хранителями? Впрочем, акайвашта, действительно, всегда были очень бедны, что и гнало их тысячами искать удачи за пределами своей полунищей родины. Их железо, скорее всего, взято с меча у хатти.

Ипи все больше склонялся к тому, что излишне преувеличенно воспринял слова пленного. Пожалуй, понимать их следовало иначе: отряд акайвашта молодецким налётом прошёл по стране хатти, пограбил, возможно взял несколько городов (ту же Милованду), завернул на юг, где случайно столкнулся с собирающимся воинством "тридцати трёх царей". Тут вождь Алесанрас соблазнился речами кого-нибудь из них, не иначе как посуливших долю в добыче после того, как войско Та-Кем будет разбито и цари двинутся разорять окрестности Джару. Однако акайвашта пошли к Мегиддо отдельно от основных сил царей-союзников, заблудились, к битве не успели и теперь вот, возможно встретив кого-то из отступающих, тоже решили не искушать далее судьбу и возвратиться на север. Идут в Тисури. А куда им ещё идти, как не к морю? Ипи вообще впервые видел, чтобы воинство этого народа так далеко забиралось вглубь суши.

Пленник не подтверждал, что акайвашта поступили на службу врагам Та-Кем. Впрочем, это ничего не означало. Он мог не понять вопроса или Ипи неверно разобрал ответ.

Необъяснимым оставалось наличие большого числа конников. Да и странный язык Тидея. Какое-то новое племя выползло под лучи Ра, удалившись от отеческих очагов? И сразу грабить. Презренные пираты...

Посмотреть бы эту конницу в деле. Если эти новые акайвапта действительно хорошие наездники, то могли бы стать ценнейшим приобретением Двойной Короны. Вот только посмотреть в деле — значит сразиться, а как раз этого надо бы избежать.

— Точно не "пурпурные", — прошептал Птолемей, — значит не из Газы это войско.

— Ничего это не значит.

— На "пурпурных" совсем не похожи. И не персы. А кто тут ещё может быть?

— Египтяне это, — уверенно сказал царь, — не ошибся Клит. Безбородые, смуглые.

Платки полосатые на головах очень похожи.

— Да, только в отряде Сабака ни у кого доспехов не было, — напомнил Птолемей, — что это, сатрап на войну голозадых взял, а тут против нас доспешные вышли? И броня-то какая дорогая.

Александр не ответил. Он рассматривал послов с большим любопытством. В отличие от большинства македонян и, тем более, спесивых эллинов, он считал, что всегда не вредно поучиться у варваров, если их воинское искусство чем-нибудь примечательно. С кем сведёт судьба? С будущим союзником или врагом? Надо знать, чего от него можно ожидать.

Увиденное заставило его призадуматься.

Все выехавшие навстречу воины (кроме колесничих, полуголых и вооружённых лишь большим прямоугольным щитом) облачены в клёпанную бронзовую чешую, набранную из пластинок в форме буквы "тау", положенной на бок. Пожалуй, такую не подденешь клинком, чтобы рассечь, а какой удар она выдержит? Похоже, меч лишь свалит с ног воина в такой броне, отбив потроха. Доспех длинный, от плеч до колен. На коня в таком не сядешь. Да эти и не собираются. Колесничие воины.

С колесницами царь ещё не встречался в бою. Некоторое их число досталось македонянам в городах Лидии и Фригии. Немного захватили при Иссе^[30]. Однако колесницы персов совершенно не походили на те, что доставили к месту переговоров послов.

Эти боевые повозки представляли собой зрелище в высшей степени удивительное. Четырёхконные, причём лошади запряжены попарно друг за другом. Длиннющее дышло расположено очень низко, на нём закреплён треугольный бронзовый таран. Чтобы удержать таран, конец дышла снабжён дополнительным маленьким колесом.

Ничего подобного никому из македонян прежде видеть не приходилось.

— Врежется такая в фалангу, уж переломает ноги... — встревоженно сказал Птолемей.

Александр всмотрелся вдаль, приложив ладонь к глазам козырьком.

— Простых двуконных больше. Наверное, они несут лучников, а эти придуманы против копейного строя.

— Никогда о таких не слышал, — покачал головой Птолемей, — может, специально против нас измыслили?

— Почему их не было при Иссе? В бою — понятно. Не очень-то поездишь по тамошнему болоту, да через реку. Но и в обозе ни одной. Такая колесница, поди, тяжеленная и неповоротливая. Если у Сабака они были, то никогда не поверю, что успели бежать. А если не было их там, то здесь откуда? Смотри, чешуя бронзовая по бортам, таран, как у триеры. Дорогушая.

— Говорят, Египет — страна сказочных богатств, — хмыкнул Птолемей.

Александр опытным взглядом оценил лошадей. Видно, что у посла левый жеребец в

передней паре недавно заменён беспородным. А остальные три, как на подбор — белоснежные. Похожи на "аравийцев", но покрепче будут. Скорость и выносливость. И все в броне.

Если случится битва, то бросать на них "друзей" — плохая идея.

У каждого лук. И внушительный запас стрел припасён у бортов колесниц. Мечи длинные, донельзя странные, похожие на серпы-переростки. Почему-то бронзовые. Даже полуголые воины Сабака дрались железом.

Вооружением чужаков странности не ограничивались.

На второй колеснице, стоял воин, облачённый в эллинский льняной панцирь. И обликом определённо эллин. Почему-то глаза прячет.

— Смотри-ка, — указал Птолемей, — уж не из аминтовых ли зайцев? Вот неймётся наглецу!

Аминта, сын Антиоха, македонянин, зайцем был отменным, бегал от Александра уже давно. Вхожий в ближний круг царя Филиппа, он водил дружбу с князьями Линкестиды, северной окраины Македонии. Эти князья числили себя никак не ниже македонских царей и претендовали на трон Пеллы. После убийства Филиппа (в организации которого их заподозрили) они попытались свалить Александра, упирая на то, что он вовсе не единственный наследник, но не преуспели. У Александра сторонников оказалось больше. Линкестийцев казнили, и Аминта, опасаясь такой же участи (хотя в заговоре он участия не принимал), бежал к персам. Сражался против бывших соотечественников на стенах Милета и Галикарнаса, уцелел при Иссе. Сколотил вокруг себя отряд недобитых наёмников и, по слухам, убрался в Египет, где поступил на службу к сатрапу Мазаку, сменившему покойного Сабака.

— Когда же мы их, наконец, приделаем? — злобно прошипел Птолемей, — второй год уже воду мутят, ублюдки. Из Египта их теперь выковыривай...

Александр нахмурился. Аминта похоже решил сделаться вторым Мемноном. Наёмник-родосец на службе персидского царя выпил немало македонской крови, но, хвала Зевсу, наконец-то, убрался в Аид. Аминта, значит, его место для себя приметил. И везде, где появлялись эти двое, они умудрялись организовать наиболее ожесточённое сопротивление Александру. Значит и Египет придётся брать с боем. Царь досадливо крикнул.

Если бы не эллин, пожалуй, можно было бы договориться, но этот, скорее всего, из непримиримых.

Царь всмотрелся в лицо предполагаемого соратника Аминты.

— Рожа знакомая... Как будто бы недавно мне на глаза попадался.

Переговорщики съехались.

Воин на передней колеснице, облачённый в бронзовую чешую, поднял невооружённую руку в приветствии:

— Харэкос, крауко аретаво равагета Алесанрас!

Александр сдвинул брови, пытаясь разобрать речь. Определённо варвар говорил на эллинском. Вернее, пытался, но уж очень слова коверкал. Однако смысл понять, хотя и с трудом, но можно.

— Что он сказал? — спросил Птолемей, — сравно добресть Александр?

Александр кивнул.

— Славный доблестью. А первое слово, надо полагать — "радуйся".

— А что значит "равагета"?

— Ты что, Лагид, забыл "Илиаду"? Если уж он выговаривает "добресть", значит "равагета" следует понимать, как "военачальник"^[31]. И где он только такой дремучей старины набрался?

— Ишь, ты, — хмыкнул Птолемей, — а он ведь знает, с кем говорит, имя назвал. Значит, решил с пренебрежением подойти: "военачальник Александр". Ну-ну.

Ипи терпеливо ждал, пока чужаки воспримут его приветствие. Они негромко переговаривались между собой. Наконец тот, у кого доспехи попроще, сидевший верхом на буланом, тоже дружелюбно вскинул руку и сказал:

— Хайрэ, стратиот! Су орас базилевс Александрос. Оук лавагет!

Ипи недоумённо взглянул на Анхнасира.

— Странно. Ему не нравится, что я назвал его военачальником?

Тот лишь пожал плечами.

— Ну ладно, пусть будет градоправителем. Интересно, каким городом он управляет, и царю какой страны служит? — Ранефер повернулся к чужакам и объявил, — ты видишь перед собой Верховного Хранителя Трона Священной Земли. Имя моё Херусиатет Ипи Ранефер, потомок Древней Крови. Я — Знаменосец Зелёных Вод^[32] и жрец Маат.

Чужаки нахмурились, видно, что ничего не поняли.

— Ну что ж, — сказал Ипи, — назовёмся проще.

Он ударил себя кулаком в грудь и сказал:

— Ипи Ранефер!

Указал на поверенного.

— Анхнасир!

Предводитель акайвашта расстегнул ремешок и снял свой львиный шлем. Под ним обнаружилась копна светлых волос, большая редкость среди акайвашта, а уж о жителях Та-Кем и говорить нечего. Ипи отметил, что возрастом чужак не старше его самого.

Вождь всадников повторил жест Верховного Хранителя, представив себя и одного из своих спутников.

— Александр!

Понятно. Следовало ожидать. А темноволосого на буланом жеребце звали Пта-Ле-Маи.

— Су стратегос? Лавагет? — спросил светловолосый, — айкюптосфен?

Ипи усмехнулся. Ну, пусть будет военачальник. Не время сейчас объяснять чужеземцу все тонкости титулования Верховного Хранителя Трона.

— Именно так. Аутос.

Итак, представились. Ранефер повернулся к эллину и поманил к себе. Тот спрыгнул с колесницы и, понутив голову, вышел вперёд, остановившись перед Александром. Ипи обратился к Александру:

— Не сердись, доблестный Алесанрас, что мы пленили одного из твоих воинов. Мы насторожились, увидев чужое воинство так близко от Мегиддо, ибо решили, что ты и твои люди — союзники ванаки Кадеша. Вид твоих людей нам незнаком, вот мы и решили узнать, кто это столь дерзко вторгся в пределы земель, что ныне находятся под властью Двойной Короны. Расспросив твоего воина, мы поняли, что ты не союзник нашим врагам, — Ипи решил придерживаться этой линии, дабы проследить за реакцией пришельцев, — однако все ещё пребываем в неведении, кто ты, и кому служишь?

Какая-то дикарская пародия на эллинскую речь. Александр смог разобрать примерно половину слов, но звучали они поистине чудовищно.

"Ванака", как видно — "ванакт". Александр вспомнил уроки Аристотеля, знакомившего будущего царя с множеством наук и в первую очередь, конечно же, с историей. Сын Филиппа не ограничился расспросами о недавнем прошлом Эллады и Македонии. Егс пытливый ум стремился вглубь, к самому началу начал, память о котором донёс до потомков слепой старик-сказитель, бессмертную поэму которого царь всюду возил с собой. Разбирая "Илиаду", знаток многих тайн мира, Аристотель, упомянул, что в древнейшем её списке, цари поделены на старших и младших. Старшие цари, Агамемнон и Диомед, названы ванактами. Прочие — басилевсами.

"С тех пор, как изгнанники Гераклиды вернулись на родину во главе полчищ дорийцев и опустошили ахейские города, ни один царь в Элладе уже не назывался ванактом. Измельчали цари".

"А почему этот титул не примет мой отец?"

Аристотель снисходительно улыбнулся.

"Филипп, без сомнения, весьма возвысился за последние годы и, достигнет ещё очень многого. Но добавит ли ему могущества пыльный венец Агамемнона?"

Александр не разделял мнения учителя, однако, став царём, не стал ворошить прошлое, дабы не раздражать лишний раз склонных к народовластию эллинов. Он хотел нравиться им.

Итак, из того, что царь смог понять, следовало — это войско, которое возглавляет Ранефер, совсем не ожидало встретить здесь Александра. Они ведут войну с каким-то царём по имени Кадеш. "Ванака Кадеш". Кто это? Может, один из царьков диких племён Арабии, лежащей за Антиливаном? И сюда добрались? Почему его тогда именуют "старшим царём"?

Царь обратил внимание на эллина. Может этот объяснит?

— Ты кто? Лицо твоё мне знакомо.

— Я служу в рядах щитоносцев, царь, — пробормотал тот, пряча глаза, — в декаде Теримаха, что в хилиархии храброго Гелланика. Эти люди пленили меня.

— Теримах! — воскликнул Птолемей, — этот тот парень, которого ты собирался судить за драку с иудеями.

Александр нетерпеливо отмахнулся.

— Как тебя схватили?

Тидей поёжился. Царь сверкал очами, словно молнии готовился метать.

— На марше присел в кустах... По нужде...

— О чём тебя спрашивали? Ты понял их речь?

— Кое-что... Они про тебя, царь, ничего не слышали и очень удивились, наткнувшись на нас.

— Не слышали? — глаза Птолемея расширились от удивления, — не слышали про нашу войну с Дарием, про Исс, про осаду Тира?

— Нет, — покачал головой Тидей.

— Совсем ничего?

— Совсем.

Македоняне переглянулись.

— Может, это лотофаги? — предположил Александр, — в "Одиссее" говорится, что их остров лежит у берегов Египта. Потому эти люди и похожи на египтян. Они пьют вино из лотоса, которое дарит им забвение и освобождает от забот и суеты. Это объясняет, почему

они ничего не слышали обо мне.

Теперь уже очевидно, что Ранефер приветствовал его по имени, благодаря допросу пленного. Значит, козни Аминты здесь ни при чём. Уже хорошо. Без него куда как проще договориться и разрешить дело миром. А почему обязательно должна быть драка? Если они действительно отстранённые от суетности мира лотофаги, какое им дело до Дария и "пурпурных"?

Лагид отметил, что царь оживился. Так уже случалось с ним, когда доводилось прикоснуться к осязаемой памяти времён, столь близких, благодаря мифам и гомеровым поэмам. Так было в Трое, когда Александр забрал себе щит Ахилла, несколько веков хранившийся в храме Афины Илионской и принёс жертвы на могильном кургане своего предка.

Царь посмотрел на Эфраима.

— А ты что скажешь?

— Если досточтимый Ранефер говорит на эллинском, то у него не слишком хорошее произношение, — дипломатично заметил проводник, — к тому же, как мне показалось, более привычен ему язык хананеев. Ощущается что-то такое...

— Вот как? А ну-ка, проверим...

Александр взглянул на Ипи и спросил:

— Скажи мне, доблестный Ранефер, ты служишь сатрапу Мазаку?

Настала очередь Ипи морщить лоб, пытаюсь понять, что это за "Сат-Ра Ма-За-Ка" Александр, не дожидаясь ответа, повернулся к Эфраиму и приказал:

— Повтори на финикийском.

Иудей повиновался.

Услышав речь фенех, хотя и звучащую очень необычно, с трудом узнаваемо, Ипи понял замысел чужаков. Они предлагают общение на двух языках. Там, где не удастся понять слово, произнесённое на странном диалекте акайвашта, возможно оно же на языке фенех прозвучит более знакомо. Весьма разумно.

"Ты служишь правителю, именем Мазак, наместнику царя персов?"

Уже гораздо лучше. Осталось выяснить, кто же такие персы. Этот вопрос Ипи и поспешил задать.

Чужаки снова недоумённо переглянулись.

— Точно лотофаги, — твёрдо заявил Птолемей.

— Ты египтянин? — уточнил Александр, обращаясь в Ранеферу.

Тот утвердительно кивнул.

— И ничего не слышал о персах?

Нет, Ипи не слышал.

— Ты с острова Забвения? Лотофаг?

— Кто? — переспросил Ипи.

— Ты пить брага из лотос? — попытался объяснить Эфраим.

— Нет.

Александр некоторое время озадаченно молчал.

— Ладно, зайдём с другой стороны. Кто сейчас правит Египтом?

— Величайший Менхеперра.

Пар-аа Менхеперра.

— Пар-аа, — пробормотал Птолемей, — что-то знакомое. Это он, часом, не фараона так

зовёт?

Александр бросил быстрый взгляд на Лагида. Вот ведь молодец. Похоже и верно, о каком-то фараоне речь.

Так. Значит, кому-то из потомков фараонов снова удалось освободиться из-под власти персов, как во времена Нектанеба^[33]. Действительно, дела у Дария совсем плохи, самое время порабощённым народам сорваться с цепи. А то, что они не слышали про персов... Делают вид, что и не было никогда никаких персов? Дабы власть свою упрочить. Ну, как пытались ионийцы выбросить из памяти людской нечестивца Герострата, который храм Артемиды Эфесской спалил. Вот только одно дело предать забвению человека, и совсем другое — целый народ. Бред какой-то... Но ведь может вполне оказаться правдой. Поди, разбери этих варваров. Все у них, не как у людей.

Нектанеб хорошо известен в Элладе, ибо против него на стороне персидского царя воевал знаменитый афинский полководец Ификрат, причём персам присутствие опытного военачальника не помогло. фараон оказался сильнее. Египтяне, одержав победы в нескольких малых сражениях, воспользовавшись разливом Нила, полностью выдворили захватчиков из своей страны. Сменилось два фараона, Тах и ещё один Нектанеб, прежде чем персы вновь овладели Египтом.

Когда сыну Филиппа было всего три года, при дворе его отца жил Мемнон, известный наёмник, уроженец Родоса, будущий непримиримый враг Александра. В те годы, однако, родосец и не помышлял о вражде с македонянами. Наоборот, он считал их друзьями и с радостью воспользовался гостеприимством Филиппа, предоставившего ему убежище от гнева персидского царя Артаксеркса Оха, против которого родосец вздумал бунтовать (впоследствии он был прощён и снова стал служить персам верой и правдой). Родной брат Мемнона, Ментор, участвовал в подавлении восстания в стране Нила, оттого-то при дворе Филиппа все были неплохо осведомлены о тогдашних египетских делах.

Очередное падение власти фараонов произошло совсем недавно, пять лет назад. Дураку понятно, что теперь-то уж египтяне не смирились с утратой независимости. И при первой же возможности снова скинули персов. Интересно, кто возглавил новое восстание?

— Так значит, доблестный Ранефер, твой повелитель изгнал персов из Египта по примеру своего предка Нектанеба? — поинтересовался Александр, — или он происходит из иного, не менее славного рода?

Эфраим повторил слова царя в точности, и ещё от себя, на всякий случай, добавил тронное имя Нектанеба (финикийские купцы в общении с египтянами, предпочитали называть фараона именно тронным именем) — Хепер-Ка-Ра.

Ипи не сразу сообразил, о ком идёт речь. Переводчик явно назвал два имени, первое не очень разборчиво — какой-то, то ли Нехтинеб, то ли Пехтинеб. А второе — Хеперхору? Оно тоже ему ни о чём не говорило. Ранефер, хотел уже сознаться, что ничего не понял, как тут до него дошло. Северные варвары просто-напросто перепутали порядок слов! А если их расположить правильно, то получится... Небпехтира Хораахеперу^[34]! Избавитель, изгнавший из Священной Земли нечестивых хаков! Если эти акайвашта в своей стране знакомы с погаными хаками, и зовут их на своём языке "персами", то головоломка, наконец, сходится.

Значит, вопрос Алесанраса следует понимать так:

"Доблестный Ранефер, твой повелитель изгнал хаков из Священной Земли по примеру своего славного предка Небпехтира?"

Уфф... Едва голова не раскололась.

— Величайший действительно происходит из рода Небпехтира, победителя хаков, но ты ошибся, славный Алесанрас, хаки больше не возвращались в Священную Землю, после того, как были разгромлены три поколения назад.

Слово "хаки" Эфраим, немного знавший египетский, понял. Пленники. Александр по словам, какие разобрал, и по тону собеседника, также отметил, что Ранефер подтвердил его предположение про род Нектанеба. И три поколения вполне согласуются. "Больше не возвращались" царь благополучно пропустил мимо ушей.

— Слава вам, Паллада и Долий^[35]! Кажется, я разрублю и этот узел.

Менхеперра, потомок Нектанеба, восстал против персов, разбил Мазака. Очевидно, многих воинов его взял в плен. Потому они и персов зовут теперь "пленниками", хотят подчеркнуть своё к ним презрение. Возможно, восстание случилось ещё этой зимой, Менхеперре было не до Александра. А если он происходит из Верхнего Египта, то не мудрено, что не слышал о победоносном походе сына Филиппа, ведь Верхний Египет — это практически край земли, согласно карте Геродота.

И Птолемея пришёл к тем же выводам.

— Наверное, они из верхнеегипетской сатрапии, — сказал Лагид, — побитый Нектанеб-младший бежал в Нубию. Три Олимпиады о нём ни слуху, ни духу. Видать, силы копил, да потомкам месть завещал.

— Похоже, было, что копить, — кивнул Александр, — доспехи-то у них, ох, какие недешёвые.

Царь всегда отличался вежливостью и вниманием к послам (ещё бы иначе было, с обидчивыми афинянами-то). Не хотят поминать персов, не надо. А раз уж не слышали об Александре, самое время обозначить своё отношение к Дарию.

— Славный Ранефер, твои слова обрадовали меня, ибо твои враги-мидяне^[36] — мои враги тоже.

Ипи насторожился. Его враги — митанни? Значит, он все же не имеет отношения к союзу царей? Или это уловка? Хочет запутать, сбить с толку? Следует быть очень внимательным. Окольными путями выведать, что у него за дела с ними.

— Ты встречал войско митанни возле Мегиддо, славный Алесанрас?

— Если ты опасаясь мидян, доблестный Ранефер, не бойся, — снисходительно-вежливым тоном сказал царь, — ты, верно, не слышал о великой битве на севере. Там я наголову разбил их главные силы, остатки которых бежали за Евфрат.

Он разгромил митанни и они отступили за Пурату? Это не умещалось в голове Ранефера. Горстка акайвашта, не имеющих ни колесниц, ни брони, смогла разгромить все рати Паршататарны, который послал к Мегиддо лишь малую часть своего воинства?! Да и тех Менхеперра одолел вовсе не левой пяткой, между делом, а пролив немало пота и крови в ратном труде. Невероятно! У Ипи были верные люди в самом сердце Нахарина, за то время, пока войско акайвашта дошло до окрестностей Мегиддо, он бы все узнал об этой битве! Наверное, столкнулись с каким-то передовым отрядом у Каркемиша, побили несколько сотен митанни, а похвальбы-то...

Никто не любит хвастунов, а уж лгунов и подавно. Лицо Ипи застыло от негодования, превратилось в бронзовую маску. Александр, сам того не ведая ещё подлил масла в огонь:

— Ты, верно, возглавляешь передовой отряд воинства своего господина? Или ты катаскоп?

Эфраим не нашёл другого способа перевести это слово, как "лазутчик", "подсыл", да ещё и невольно, не разобравшись, облёк его в ту форму, которая окрасила вполне безобидный вопрос Александра чёрным отвращением. "Презренный соглядатай".

Ипи вскипел было, но удержал себя в руках.

— Подсыл? Мне ведомо, что в иных странах нет Хранителей Трона, — Ранефер выдавил улыбку, — но у нас, Держащий Скипетр Ириса — это страж царя, разум и уста его. Поверь, славный Алесанрас, кинжал в ночи или яд — оружие недостойное Хранителя Трона.

Произнеся это, Ипи бросил быстрый взгляд на Анхнасира. Поверенный выражением лица не отличался от каменного истукана. Ипи усмехнулся.

Эфраим, сообразив, к чему могли привести неосторожные, необдуманные слова, торопливо переводил, щедро пересыпая речь смягчающими оборотами. Александр в лице не изменился. Ответил спокойно:

— Я вовсе не хотел оскорбить, достойный Ранефер. Прости, если мои слова огорчили тебя. Я всего лишь подумал, что ты из тех воинов, что идут впереди, предотвращая вражьи засады.

Ровная речь Александра несколько охладила возмущение Ипи.

— Ты понял правильно, достойнейший. Верно, смысл твоих слов исказился в переложении через два языка.

Эфраим вздохнул с облегчением.

— Так ты ищешь войско мидян? — спросил Александр.

— Нет, не ищу. Спустя три дня после битвы уже нет необходимости преследовать бегущих.

— Какой битвы? — удивился царь.

— Той, в которой мы разгромили стотысячное воинство тридцати трёх царей. Неужели вы не видели следов её, не встретили отступающие отряды митанни, хатти и "пурпурных"?

— Врёшь! — вырвалось у Лагида.

— Я никогда не лгу, — холодно, с металлом в голосе ответил Ранефер.

Александр примирительно протянул руки ладонями вперёд.

— Ещё раз повторю, я не хотел оскорбить тебя. От самого Антиливана мы не встречали на своём пути иных людей, кроме мирных землепашцев.

Ипи мрачно усмехнулся.

— Значит митанни бегают быстрее, чем я думал.

— Он лжёт, Александр, — процедил Птолемея по-македонски, дабы не понял египтянин, и проводник сдуру не вздумал перевести, — не мог Дарий собрать второе такое же войско за столь короткий срок.

— Вспомни следы, Лагид, — также на родном языке ответил Александр, обдумывая загадку, подкинутую насмешливой судьбой.

— Это могли быть их следы, а не персов. К тому же там невозможно было определить численность рати. Да и посмотри на них, — Птолемея протянул руку в сторону строя египетских колесниц, — их едва ли больше, чем нас. Как они могли справиться со стотысячным войском?

— Лагид, ты множество раз стоял подле меня, когда мы принимали послов очередного покорившегося города варваров. Вспомни, как они говорят: "Царствуй десять тысяч лет, о могучий сокрушитель дюжины дюжин воинств..." И так далее. Варвары склонны произносить цветистые речи. У них так принято. И даже эллины поддаются искушению

преувеличить силу врага. Вспомни, что писал Геродот про войско Ксеркса. Возможно, Гелланик был прав — из Газы действительно шли подкрепления в Тир. Или эти египтяне преследовали остатки воинства Мазака, бежавшие из Египта.

— Видать крепко их допекли персы, раз они устроили столь грандиозную погоню, — фыркнул Птолемей.

— Почему нет? Варвары кровожадны. Разбили Мазака? Что ж, от нас славы не убудет. Видно, что воины они хорошие, хотя и безмерные хвастуны, в чём-то сродни тем кельтам, что мы встретили на Истре. Помнишь? Которые заявили, что боятся лишь, как бы небо не упало на землю.

— А ты ждал, что они признаются, будто боятся тебя? — усмехнулся Птолемей и спросил, — что ты намерен делать, царь?

— Я надеюсь, мы договоримся о нашем свободном проходе, и они расступятся. В Тире я организую посольство к этому Менхеперре. Мы, как видишь, понятия не имели о том, какие страсти кипят в Египте. Эвмен ничего не докладывал. Вот пусть теперь исправляет упущение разведчиков.

— Ты думаешь, они пропустят беспрепятственно? — Птолемей кивнул в сторону Ранефера, молчавшего в ожидании, когда македоняне наговорятся между собой, — зачем построились, как для битвы?

— Не знали, чего от нас ожидать. Хотели бы драки, напали бы сразу. Мы им не враги, не сделали друг другу никакого зла. Нам нечего делить.

— Пока, — заметил Птолемей, — ведь ты после Финикии собирался идти в Египет.

— В Египет, захваченный персами.

— Что же, теперь отступишься?

— Посмотрим, — ответил царь.

Он повернулся к Ипи и сказал опять по-эллински:

— Что ж, доблестный Ранефер, как видно, мы не враги, а мидян, которые могли бы подать помощь Тиру вы разбили. Я не просил о помощи, но, вы оказали её, не ведая о том. Разойдёмся же миром, а позже, когда я достигну Тира, обменяемся посольствами, дабы лучше узнать друг друга и установить добрососедские отношения.

Услышав слово "Тир", Ипи вздрогнул. Пытаясь понять, что стоит за наглым хвастовством полунищих акайвашта, уверявших, что сокрушили походя одну из сильнейших держав мира, он совсем забыл, что они идут в Тир. В Тисури. Да ещё, как к себе домой!

— Что вам надо в Тисури? — Ранефер хотел задать этот вопрос, подчёркнуто вежливо и отстранённо, но голос чуть дрогнул, выдавая напряжение, сковавшее Верховного Хранителя.

— Где? — не понял Александр.

— В Тире, — поспешил объяснить Эфраим.

— Почему тебя это интересует? Тебе, египтянину, есть какое-то дело до этого города? — удивился царь.

Всеблагие Нетеру^[37], какое невежество! Вторглись в чужую страну и при этом понятия не имеют, ни об истинной её мощи, ни об отношениях с соседями, которых норовят обидеть безо всякого стеснения и оглядки.

— Тисури верен Двойной Короне. Ты, достойнейший Алесанрас, сейчас говоришь с его соправителем. Потому я считаю свой интерес вполне уместным и оправданным. Зачем вы идёте в Тисури? Может быть, хотите нанять корабли фенех, дабы вернуться к себе на родину?

Александр и Птолемей переглянулись.

— Когда это они успели сговориться? — недоумённо спросил по-македонски Лагид.

Александр нахмурился. Он отъехал в сторону от Ранефера. Птолемей приблизился к царю.

— Я ошибся, но теперь, кажется, начинаю понимать подлость этих варваров, — негромко процедил Александр, — у "пурпурных" всюду глаза и уши. Узнав о том, что царь Библа перешёл на нашу сторону со всем флотом, Адземилькар нагадил под себя и заёрзал в поисках союзников. Автофрадат далеко. Карфаген, колония тирийская — ещё дальше. А тут такая удача, египтяне скинули персов! И флот египтяне всегда имели сильный. При Артемисии хорошо они эллинам наподдали^[38]. Вот Адземилькар и продал им Тир!

— Что-то они уж больно быстро договорились.

— Такие дела затягивать — себе дороже. Пнитагор уже дней пять, как в Тире должен быть. Гестеион начал строить второй мол. Вот Адземилькар и понял, что мы не отступимся. Пока кольцо осады дырявое, надо спешить. До Египта триера долетит куда быстрее, чем до Геллеспонта, где сидит Автофрадат. Да и в Египет не надо посылать судно, ясно же, что полмесяца назад, если даже не раньше, ставка Менхеперры уже была в Финикии.

— Не понимаю, зачем им помогать Тиру, — пробормотал Птолемей, — только ссориться с нами...

— Это ловушка, — сказал Александр, — засада. Они прекрасно знают, кто мы, они нас ждали.

— Почему не напали сразу?

— Это передовой отряд. Сил у них нет, чтобы нас остановить. Дорогу перегородили, а сами тянут время, кормят небылицами.

Изобразить непонимание — очень удобный способ потянуть время. Сбить с толку, запутать, отвлечь, задержать на полдня в удобном для сражения месте, а самим дожидаться подхода главных сил Менхеперры... Или все же Мазака? Как далеко заходит ложь Ранефера и где проявляются крупницы правды?

— Что будем делать?

— Прорываться. Пора заканчивать пустую болтовню.

Александр вновь посмотрел на Ипи.

— Ты спросил, зачем мы идём в Тир. Я отвечу тебе. Мы идём в Тир, дабы наказать Адземилькара, оскорбившего меня своим высокомерием. Я поклялся принести жертву Гераклу в Тире и исполню свои намерения, даже если мне придётся разнести этот город по камешку.

Не дождавшись, пока Эфраим переведёт речь Александра на язык фенех, Ипи резко подался вперёд и спросил-выдохнул:

— Какого ещё Адземилькара? О чём ты говоришь?

— О царьке Тира, что норовит усидеть одновременно на двух стульях!

— Царя Тисури зовут иначе! — повысил голос Ранефер, — градом правит Шинбаал, достойный юноша царского рода, воспитанный в Священной Земле!

— А, так они пошли гораздо дальше и отправили царя в Аид, дабы, когда опасность минует, не вздумал пересмотреть "дружбу". А на его место посадили свою куклу, — вставил Птолемей.

Ипи не понял, бросил быстрый взгляд на Эфраима. Тот вопросительно посмотрел на

царя.

— Переведи ему, — разрешил Александр и добавил насмешливо, — кинжал в ночи или яд — оружие недостойное Хранителя Трона?

Иудей перевёл.

У Ранефера глаза на лоб полезли. Как им об этом стало известно? Хотя каждая собака на побережье фенех знала, что царь Тисури несколько раз заглядывал в пасть крокодилу, но умереть ему помогли тихо и без шума. "Своей смертью". Впрочем, насчёт "без шума", Ипи уже не был уверен. От удивления он даже не сообразил задуматься о том, что покойного царя Тисури звали вовсе не Адземилькаром.

Александр уже не сомневался, что расколол суть происходящего. Геродот писал, что во время войны фараона Нехо с Вавилоном, египтяне не смогли одолеть противника в поле, тот оказался сильнее. Тогда они захватили Тир и Арад, и с моря наносили вавилонянам удары в спину, высаживаясь там, где их не ждут. Вот и на этот раз они хотят использовать Тир в войне с персами, как неприступную крепость. Нужно только избавиться от Александра, который тоже имеет виды на Финикию. В открытый бой вступать не решаются, наслышаны об Иссе. Измыслили хитрость. Уж кто способен на такое во всей Ойкумене, так это, как раз, египтяне и "пурпурные".

Царь предпринял последнюю попытку договориться:

— Я поклялся принести жертву Гераклу Тирийскому...

Эфраим перевёл: "Мелькарту".

— ...и пообещал царю Тира не вводить воинов в город. В гордыне своей он не услышал меня. Может у тебя, доблестный Ранефер, слух лучше? Ты теперь соправитель Тира, им и оставайся. Заключим союз. Я согласен всего на половину той дани, что Тир платил мидянам.

Ранефер снова перестал понимать происходящее. Тисури никогда не платил дани Нахарину. Этот Алесанрас хочет разграбить город? Неужели он до сих пор не понимает, с кем столкнулся? Хотя... Если они хотят воевать и получать золото, то они будут воевать и получать золото!

— Ты хочешь получить дань своим мечом, достойнейший Алесанрас? Я могу сделать тебе предложение лучше. Встань под знамёна Священной Земли! Твоим копейщикам даруют дощатый доспех из храмовой бронзы. Укроют чешуёй коней, ибо негоже терять их под стрелами. Разграбить город ты смог бы лишь однажды. Я предлагаю тебе доход постоянный. Тебе, достойнейший, Менхеперра дарует двадцать хека золота, а твоим советникам и военачальникам по пять.

Эфраим побледнел, не зная, переводить ему, или нет.

— Переводи! — рыкнул Александр, заметив смятение переводчика.

Проводник повиновался.

— Ты слышишь это, Птолемей? — Александр рассмеялся, — они уже торгуются! Вот только Дарий предлагал мне десять тысяч талантов за мир, а египтяне хотят, чтобы я сделался наёмником за двадцать! Как же они так умудрились прогневить Зевса, что он наслал на них безумие?

Царь надел шлем и добавил:

— Довольно я выслушал лжи, "победитель мидян". Их тут на тысячу стадий окрест полгода уже нет! Если ты воин — сражайся! Не в силах сражаться, убирайся прочь с дороги и не юли, придумывая небылицы!

Ипи усилием воли погасил волну гнева, уже захлестнувшую его, и медленно, с

расстановкой, произнёс:

— Вы пройдёте в Тисури только сквозь нас.

Александр некоторое время молчал. Он стал совсем белым от бешенства, но Эфраим, испуганно переводивший взгляд с одного полководца на другого, был гораздо бледнее. Птолемей выглядел куда спокойнее. Схватки он не боялся, не первая и не последняя. Вот только мысли почему-то путались и одна, довольно глупая, никак не хотела убираться из головы.

Почему в эллинском языке "проходить" и "нападать" — одно и то же слово [\[39\]](#)?

— Мы пройдем сквозь вас, — сказал Александр.

Эфраим промолчал, но Ипи не потребовался переводчик.

4. Проклятие Мегиддо

Возницы вели лошадей шагом. Разъезжаться нужно с достоинством. Да и осмотреть лишний раз порядки врага не повредит.

Врага? Да, похоже, теперь уже именно так. Ипи молчал, глядя в пустоту. Наказ Величайшего не выполнен, будет бой, а с ним и неминуемые потери.

— Ты был достаточно красноречив, достойнейший, — Анхнасир прекрасно понимал состояние Верховного Хранителя, — если эти разбойники так хотят, чтобы их проучили, они добьются желаемого.

Ранефер оглянулся. Воины-акайвашга, вооружённые большими круглыми щитами, выстраивали сомкнутый строй протяжённостью локтей в сто или несколько больше. Ипи вспомнил, что вражеских щитоносцев они с Анхнасиром насчитали около тысячи. Значит, строятся в восемь или десять рядов.

Ипи невольно усмехнулся, вспомнив, как щиты акайвашга держат клюв хопеша и его вогнутое лезвие. Копья их не отличались слишком большой длиной, а круглый щит хорош в единоборстве, но не в бою плечом к плечу. Не то, что щиты Хранителей, Храбрейших и Щитоносцев^[40], способные составить стену. Встань на одно колено и будешь полностью защищён.

Куда они дели своих легковооружённых? Ага, выставляются по бокам "круглых щитов". Не стали растягиваться в линию, удлинняя копейный строй. Опасаются удара по слабейшим? Пусть прячутся. Ипи создаст из лёгких двуконных колесниц змею, поглотившую собственный хвост, и стрелки, не подвергаясь риску, расстреляют этих сухопутных пиратов, как уток среди камышей Дельты.

Однако там где-то ещё скрываются пять сотен лучников. Вот их следует опасаться более других. Хотя на марше разглядеть стрелков и их оружие было не просто, но Нетеру не обделили Верховного Хранителя зрением. Даже не подержав в руках, он сразу понял, что луки у акайвашга — не простые гнутые палки. Серьёзное оружие. Пираты "пурпурных" цену быка дают за добрый лук, какой в ходу у акайвашга и выходцев с острова Кефтиу^[41], а эти очень похожи. Впрочем, хотя и не детская игрушка, но навряд ли они лучше луков Та-Кем. Пробьют лист бронзы в палец толщиной? Луки Нахарина, хатти и пиратов, неплохи, но на такое неспособны^[42].

И все же пять сотен стрелков — серьёзная сила. Не стоит недооценивать, даже если бы они были вооружены простыми деревянками. Надо их рассеять. Пеших копейщиков Ипи не опасался. Он ещё не встречал воинов, что выстояли бы под градом стрел, прошивающих щиты и доспехи. Побегут, не сумев даже ответить. Пираты-акайвашга только в палубной схватке сильны, а на берегу только наподдай... А вот стрелки ответят. И как бы ни было их мало, свой урожай они снимут. Похоже, и Алесанрас понимает, каких воинов следует беречь, раз не стал их выставлять в первую линию. Стрелять будут неприцельно, навесом поверх голов.

Так, а куда они конницу свою дели? Ранефер взгляделся. Всадники-акайвашга носились позади строя копейщиков. Большая часть их сгрудилась возле правого крыла (для Ипи — левого), однако, постоянно смещаясь влево-вправо, они сбивали с толку. Одно ясно из этих манёвров — пытаются запутать, до поры скрыть, на каком крыле конница нанесёт удар. А

значит, Алесанрас решил не разделять её, ударит всеми силами в одном месте. Ну что же, пусть попытается. Семь сотен Хранителей будут стрелять сидя на пятках, преклонив колена, и стоя. Лучник Та-Кем никогда не бьёт во всадника. Ибо конь — цель почти впятеро большая. У самой бедной крестьянки из Куша золота на теле больше чем на этих скакунах брони. А без коня, если не сломает шею, стопчут свои же.

Ипи Ранефер и не заметил в раздумьях, как достиг своих порядков. И насколько же быстрее промчится время в бою, при том, что колесницы шли медленно? Прочь раздумья. Время меча. Верховный Хранитель откупорил поясную флягу и влил в себя треть её содержимого — в битве не помешает.

— Анхнасир, собери сотников и десятников.

— Слушаюсь, достойнейший!

Возница остановил колесницу возле строя Хранителей, который гудел, как пчелиный рой. Воины обсуждали противника. Ипи поднял руку, взывая к тишине.

— Вождь акайвашта желает битвы с нами...

Дружный хохот.

— ...Не так давно мы объяснили Паршататарне и прихвостню его, царю Кадеша, что дурная это затея!

— Да вечно живёт Величайший! — слитный клич, извергнутый тысячей глоток, грянул над пустошью.

Спрыгнув с колесниц, к Верховному Хранителю подбежали младшие командиры. Многие из них были очень молоды, как сам Величайший Менхеперра и его побратим. Среди них выделялся статью Аннуи, командир отряда Сехмет, сын вождя одного из кочевых племён та-неху^[43], ставший сначала простым наёмником, а потом, благодаря своей доблести, приближенным ко двору Величайшего. Ипи был бесконечно благодарен этому воину, ибо в тяжёлый момент битвы у стен Мегиддо, тот спас десятки хевити Хранителей, уже увязающие в перемалываемой толпе, все лезущей, готовой продрать мясницким ножом или обломком копья чешуи конских панцирей, опрокинуть...

Рядом с Аннуи стоял храбрый Херихор. Этих двоих, отличившихся в минувшей битве, Ипи особо выделял.

— Вы видите, достойнейшие, как вождь акайвашта расставил свои воинства?

С противной стороны до сих пор не прозвучал сигнал к атаке, хотя уже видно, что к бою акайвашта готовы. Впрочем, некая суэта там ещё продолжалась. Подготовился к битве и Ранефер, только теперь, имея время, он решил усовершенствовать свои построения. Собравшиеся внимательно вглядывались в порядки врага.

— Видим, — Аннуи заговорил первым, — на месте вождя варваров я бы ударил в самый край правого крыла Хранителей. Дабы, сокрушив их, отрезать нам путь отхода на старую дорогу к Мегиддо. Колесниц он твоих в деле не видел, пожалуй, верит, как воины Арвада и Нахарина, что сможет остановить хевити копьями.

— А ведь и я не знаю, пройдёт ли хевити сомкнутый строй.

— Проредим стрелами, — уверенно заявил Херихор.

— Как бы они нас самих не проредили, — осторожно вставил один из сотников, — вон, достойнейшему Ранеферу какой-то воин Нахарина, из благородных, коня дротом сразил. И чешуя не спасла.

— Не дротом, а копьём. Дротом нагрудник пробить, который частокол копий вздымает, это какую же руку иметь надо?

— Чего-то мне кажется — эти дротов не мечут, — сказал Аннуи, из-под ладони разглядывая строй акайвашта, которые что-то кричали и стучали копьями о щиты.

— Эти нет, — сказал Анхнасир, — но есть у них и те, что мечут. Ты просто не видел.

Ипи разговор слушал в пол уха, все внимание его было приковано к противнику. Наконец, он оторвался от созерцания акайвашта и сказал:

— Слева вроде больше всадников толпится.

— Я бы там не пошёл, — сказал Аннуи, — там подрост гуще. Колесницам совсем тяжело будет, да и верховым не намного легче.

— Думаю, ты прав, — согласно кивнул Ипи, — попытаются отсечь нас от старой дороги. Смотри, перемещаются они быстро.

Ранефер повернулся к поверенному.

— Анхнасир, прикажи ещё двум сотням Хранителей отойти и прикрыть Нейти-Иуни.

— Слушаюсь, достойнейший! — поверенный убежал выполнять приказ.

— Ты, Херихор, — продолжал Ипи, — поведёшь две сотни меркобт^[44], поделишь на два отряда слева и справа от меня. Изобрази атаку, но остерегись приближаться к ним. Крутите колесо перед их рядами и бейте безостановочно. Я поведу свои семь десятков тяжёлых в центре.

— Будут ли они бездельно стоять под стрелами? — усомнился Херихор. Обычно горячий и скорый на слово и дело, за эти неполных четыре дня он, казалось, изрядно помудрел и прибавил в рассудительности.

— Конечно, нет. Постараются добраться до вас. Думаю, бросят конницу. Вы отходите, не рискуйте. Выманивайте их на Нейти-Иуни.

— Откатятся.

— Да, — согласился Ранефер, — примутся отступать, вот тогда им в спину ударит отряд Сехмет. Он остаётся в резерве. Достойнейший Аннуи, смотри в оба и жди. Если акайвашта лишатся разума и все же полезут через подлесок на нашем левом крыле, кроме тебя их там встретить некому. Херихор, твой второй отряд, что будет ближе к левому крылу, должен прикрыть колесницы Сехмет от глаз наших новых знакомых, дабы Алесанрас не смог предугадать, куда те ударят.

Отряд Сехмет состоял из старинных колесниц-хтори, тяжёлых, защищённых чешуйчатой бронёй и снабжённых мечом в форме цветка лотоса на конце дышла, в отличие от хевити запряжённых не четвёркой, а парой лошадей. Это делало их менее быстроходными. Использовались хтори для переброски пехоты. Иногда на них сажали сразу двух стрелков. Просторная площадка легко вмещала трёх человек, даже четырёх.

— На этом все, — закончил Ипи, — готовьтесь к бою и ждите команды. Да, ещё, чуть не забыл — вождя постараться взять живым. Пленных, коль скоро они не безнадёжны, не добивать, выхаживать, как воинов Священной Земли. Отделять высокородных и военачальников. К вечеру Величайший Менхеперра должен знать о чужаках все.

— С фалангой они знакомы, — уверенно заявил Птолемей, когда они с царём вернулись в строй "друзей", — они там пятьдесят лет одними наёмниками воевали. Причём с обеих сторон. А уж насколько хитры египтяне — то всем известно. Нисколько я не удивлён.

— О чём ты? — спросил Клит.

— Об этом их четырёхконном чудовище с тараном. Видел его?

— Видел, — Чёрный поморщился, — я тоже сразу подумал, что это специально против

нас такое диво.

Александр хищно усмехнулся.

— Посмотрим, как оно им поможет. Нам надо пройти через эту пустошь, а не стараться её удержать.

— Может, как при Пелионе построиться? — спросил Гелланик.

Три года назад в битве с иллирийцами у крепости Пелион, Александр, окружённый варварами, прорвался сквозь них, ведя "пеших друзей" и щитоносцев колонной, причём фаланга, имевшая необычайно узкий фронт, шла зигзагами, поочерёдно угрожая левому и правому крыльям варваров и удивляя их выучкой и слаженностью перестроений.

— Нет. Они ударят в бок. Иллирийцы против нас вышли пешими, мы успевали перестраиваться. Здесь не получится. Потому действовать будем так. Ты, Гелланик, выстроишь половину щитоносцев в четыре ряда, другую половину чуть позади, но неплотным строем, а разделишь на декады.

— Зачем? — удивился Клит, — если первые ряды сметут, остальные-то что смогут сделать?

— Первым рядам, как колесницы налетят — орать, пугать лошадей, а потом расступаться в стороны. Если строй в восемь рядов, разбегаться в стороны куда тяжелее. Всем декадам немедленно указать, кому влево, кому вправо. Колесницы пропускать, а задние их валить будут. Понял?

— Да, царь.

— Это ещё не все. Как пропустишь колесницы на задних — перестраивайся в две колонны. Вот тут и вспомним Пелион. Между колоннами, на острие поставь самых лучших воинов. От колесниц их прибереги, удержи. В промежуток всех мулов, слуг и три сотни агриан. Так и пойдёшь. Все понял?

Гелланик кивнул.

— Справа их колесницы точно не пройдут, — царь указал на частый подрост из молодых сосенок, — а мы пройдем.

Клит удивлённо взглянул на Александра.

— Не лучше ли...

— Не лучше, — оборвал его царь.

Птолемей наклонился к Клиту и вполголоса объяснил ему:

— У них много колесниц с лучниками. На щитоносцев они пустят свои таранные, раз специально против фаланги их делали, а справа по кустам не проехать. Значит, все лёгкие колесницы атакуют наше левое крыло. Царь не хочет с ними встречаться.

— Так они же агриан потопчут.

— Вот-вот, — негромко сказал обеспокоенный Бергей.

Царь повернулся к нему.

— Триста агриан я возьму с собой, вместо щитоносцев, ещё триста поставишь в тыл Гелланику, остальными прикроешь его левое крыло. Работай в рассыпном строю. Лучники тебе в помощь. Слышишь, Ликон? — позвал Александр командира критян.

— Да, царь!

— Ты держись за спиной Гелланика. Будут обходить, выставишься влево и прикроешь Бергея стрелами.

— Александр, позволь мне хотя бы с одной илой встать на левом крыле, — предложил Птолемей, — ведь стопчут агриан.

— Ты слышал про растопыренные пальцы? — напомнил Лагиду иларх Гераклид, командир отряда "друзей" из области Боттиэи.

Александр задумался.

— Пожалуй, ты прав, Лагид. Если мы не покажемся на левом крыле, они будут ожидать удара на правом.

Птолемей кивнул, с полуслова понял, что задумал царь. Александр не отрывал взгляда от порядков противника.

— Не начинают первыми, — заметил Клит, — ждут.

— А нам ждать нельзя. Наш противник — только передовой отряд. Сколько всего сил у фараона Менхеперры? Надо прорываться в Тир и как можно быстрее. А вот там мы посмотрим, кто ловчее гоняет стотысячные рати...

Александр, вспыльчивый от природы, сталкиваясь с трудностями, неизменно приходил в ярость, но длилась та весьма недолго, да и опознать её чаще всего могли лишь самые близкие к нему люди, ибо внешне царь менялся мало. Он очень редко повышал голос, оставался холоден и как будто невозмутим. Однако Гефестион, Птолемей и прочие товарищи царя, разделившие с ним годы обучения в Миэзе, заметив знакомую бледность лица сына Филиппа и блеск в глазах, не обманулись бы в оценке его состояния. Царь в бешенстве. Однако спустя краткое время он всегда приходил в себя, и окружающих удивляла смена настроения Александра — он становится необычайно терпелив. Стремительный на поле боя, спешащий достичь края Ойкумены и покорить её всю, он, не задумываясь, тратил месяцы на осады непокорных городов, заражая друзей и подданных спокойствием и уверенностью.

Воины заканчивали построение. Гелланик убежал к своим людям, как и Бергей с Ликоном. Против обыкновения эллинских войн, командир фаланги решил идти на её левом крыле, где предполагал самое жаркое дело.

— Все по местам! Поторопите обозных! Щитоносцы — вперёд!

Запели флейты. Воины ударили копьями в щиты. По рядам пробежала волна, фаланга гипаспистов качнулась вперёд. Каждый из щитоносцев прежде послужил в "пеших друзьях", потому выучки им не занимать. А что не сарисса в руках, то не велика беда. Всяким оружием владеют гипасписты одинаково хорошо.

Пространство на пути фаланги неровно. Кусты, пни, кочки. Заросли папоротника по пояс. Шагов через пятьдесят идти стало легче, подлесок почти сошёл на нет. Но тут уж и колеснице есть, где раскатиться. Вот того они и ждали — когда фаланга выползет из зарослей. Дождались. Запели серебряные трубы египтян.

— Вперёд! — Ипи взмахнул рукой.

Возницы стегнули лошадей, и колесницы Херихора ринулись в атаку.

И на равнине-то бывает, тряско летит лёгкая меркобт, а тут на скрытых в траве кочках у молодого сотника зуб на зуб не попадал. Как целиться на ходу?

Молча. Не для того колесничие воины с шести лет учатся искусству стрельбы с летящей повозки, чтобы стенать и жаловаться.

Триста шагов до акайвашта. Херихор вытянул из стрелковой сумы, укреплённой возле борта, первую стрелу, наложил на тетиву.

Рано. Ещё немного.

Колонну колесниц по левую руку от Херихора вёл сотник Нахтра, известный всему

войску не именем, а прозванием — Не-Пей-Много. Или же по-простому — Пьяница. Язы молодых Хранителей меток и остёр, как их стрела. Прозвище это было для бедного сотника тем обиднее, что хмельного он вообще не пил. Всего раз в жизни поддался уговорам приятелей, когда они как-то забрели дружной ватагой в одну забегаловку Уасита. Там-то Апоп и сотворил со взором и разумом сотника злую шутку: выпив пива, тот увидел перед собой пять воинов Нахарина, немедленно вступил с ними в бой и всех победил. Незадачливых посетителей забегаловки, с коими доблестно бился Нахтра, едва привели в чувство, когда друзья с трудом скрутили могучего сотника. С тех пор его часто окликали:

— Эй, Нахтра, закуска есть?

Или, скажем:

— Пошли, Нахтра, выпьем! Только щит возьму!

Колесницы Нахтра опередили Херихора. Первые из них уже мчались друг за другом вдоль строя акайвашта на расстоянии ста шагов. Загудели тетивы, и бронзовый дождь пролился на копейщиков противника.

— Амен! — закричал Пьяница, спуская тетиву.

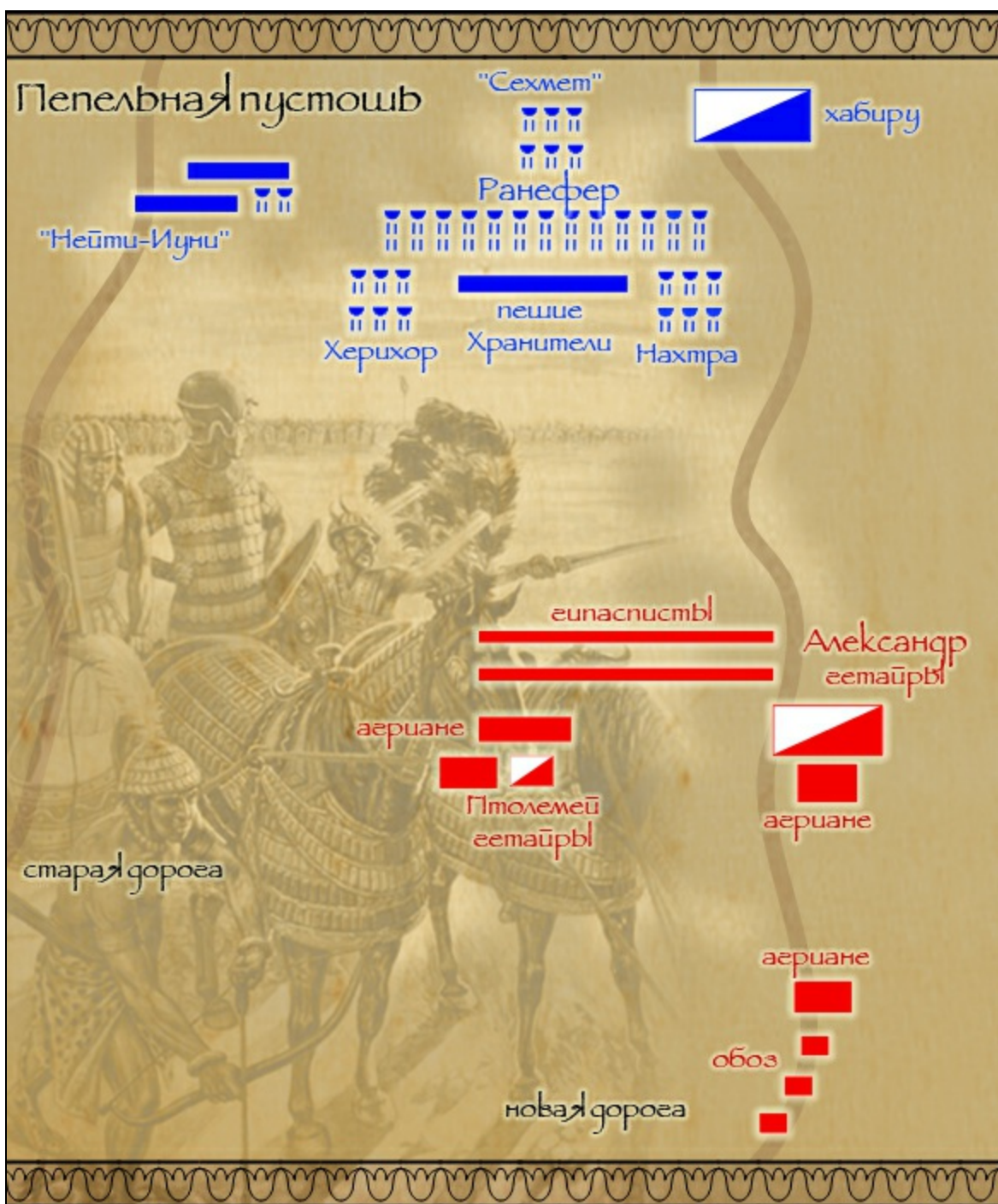
Хранители подхватили его клич.

— Амен!

Через несколько мгновений и Херихор решил — пора. Его меркобт, колёса которой скрипели и трещали так, что казалось, не попустите Нетеру, вот-вот развалятся, пронеслась мимо оконечности строя щитоносцев врага. Сотник растянул тетиву до уха. Наконечник плясал непривычно сильно, не приходилось ещё стрелять в такой тряске. Впрочем, он не на состязаниях. Цель такая, что не промахнёшься.

С мощным выдохом выпрямились плечи лука, согнуть которые — все одно, что гирю в два хека весом выжать. Тростниковая стрела с длинным бронзовым жалом унеслась прочь.

— Амееенн!!!

Не меньше десятка македонян споткнулись и больше не поднялись. Первый урожай Таната мог бы стать куда обильнее, но египтяне ещё не пристрелялись, как следует: множество их стрел вонзилось в землю у ног наступающих щитоносцев или пронеслось над головами.

Стрелки били не навесом, а настильно и никто из македонян не успел увидеть свою смерть. Воин, шедший слева от Полидора, повалился вперёд и обнял землю, даже не вскрикнув. На его место немедленно заступил идущий сзади. Что-то с большой силой ударило в край щита Медведя, он вздрогнул, скосил глаза: возле плеча из кожаного подбоя торчало древко стрелы с длинным бронзовым наконечником. Попади она чуть ниже — прошла бы незащищённого доспехами воина насквозь. Спустя мгновение новый толчок, на уровне глаз, заставил его инстинктивно дёрнуться, повернуть голову. Вторая стрела пробила щит и упёрлась в своевременно подставленный нащёчник шлема.

— Керберова отрыжка!

Полидор, не высовываясь из-за щита, древком копья смахнул с его поверхности торчащие стрелы. Они сломались очень легко. Тростинки.

Вражеские колесницы летели вдоль строя щитоносцев, образовав огромный круг, вращающийся противосолонь. Стрелы египтян сыпались на гипаспистов нескончаемым дождём, варвары били очень быстро. Колочая смерть, неудержимая тонким слоем начищенной бронзы, легко пронзала дубовые щиты. Луки некоторых стрелков столь туги, что выпущенные из них стрелы насквозь прошивали воинов, прячущихся за потерявшими в одночасье всякий смысл щитами.

Медведь ощутил себя голым. Ещё два стрелы ударили в его щит, лишь по необъяснимой милости богов не нанесли ран. Первый ряд щитоносцев уменьшился на четверть ещё до того, как здоровенное колесо египетских колесниц завершило один оборот.

Справа от Полидора, на чём свет стоит, бранился Теримах. Он уже схлопотал египетскую стрелу в левое плечо, а ещё одна, пронзив щит в нижней его части, оцарапала бедро.

— Ах ты, говноед засратый! Приап собачий тебе в рыло!

Древко поразившей его стрелы сломалось в двух местах. Вся жизнь лёгкой тростинки — лишь один полет. Но какой! Бронза не может устоять! Наконечник на треть длины выглядывал из сквозной раны рыжего. Боли он не замечал. Не до того.

Словно сам Арес-Эниалий решил спасти Теримаха и сунул ему в ноги корягу о которую рыжий споткнулся. Упал на колено, а щит, пытаясь удержать равновесие, поднял кверху, наклонив на себя. В тот же миг очередная стрела чиркнула по гладкой, едва не полированной поверхности, и рикошетом унеслась ввысь. А за ней ещё одна. Стрел Теримах, естественно, даже увидеть не успел, но удары ощутил. Поднялся и шагнул вперёд, восстанавливая строй. При этом согнулся много больше обычного, удерживая щит под углом. От намалёванной на бронзе звезды Аргеадов отскочила ещё одна стрела. Древко сломалось, а наконечник, кувyrкаясь, улетел куда-то в сторону и никому не причинил вреда.

— Ребята! — заорал рыжий, — щиты держите наискось! Да подальше от себя!

Многие в первом, стремительно редющем ряду, немедленно послушались. Не все. Некоторые, и среди них даже довольно опытные воины, оцепенев от собственной незащитности и беспомощности, продолжали топтать вперёд, как учили, не видя способов уберечься от стрел врага. Дисциплина, выучка и воспитанная многочисленными битвами стойкость пересилили страх, но очень немногие в первый момент сообразили, что привычные действия в бою, ныне, иначе как в Аид не заведут.

— В ноги попадёт! — заорал кто-то.

— По любому не убережешься! — немедленно парировал рыжий, — как боги присудят! А пузо, грудь авось целее будут!

— Ладно, ноги... — буркнул Полидор, который послушался друга и тоже теперь шёл вперёд едва не в полуприсяде, приподняв и наклонив щит, — а между ног прилетит?

— Зато все бабы твои! — хохотнул Теримах, — с таким длиннющим приапом-то!

Сердце Пирра стучало чаще, чем дятел клювом дерево долбит. Душа давно в пятках, и от леденящего страха, что никак не изживался за множество пройденных сражений, рыжий спасался испытанным способом — зубоскальством.

Непросто держать щит в чуть отставленной вперёд и вверх руке, он четверть таланта тянет по весу. Многие македоняне, послушавшиеся Теримаха, выбыли из строя, уязвлённые в

ноги, но потери от попаданий в щиты уменьшились. От поголовного истребления, щитоносцев спасало лишь то, что египтяне, трясущиеся по кочкам в своих лёгких колесницах, не блистали меткостью. По большей части. Хотя многие опытные Хранители со второй-третьей стрелы уже не допускали промахов.

Отряд Гелланика нёс потери, невиданные с самого дня его основания, но продолжал идти вперёд. Слуги воинов, приданные по одному каждой декаде, оттаскивали раненых в тыл наступающей фаланги. Слуг, не имеющих даже щитов, тоже погибло немало, ибо стрелы египтян, проносящиеся над головами первых рядов, доставали задних.

Раненых наскоро перевязывали. Тех, кто не мог идти, тащили на носилках или размещали на волокушах, которые наскоро, ещё во время переговоров, соорудили опытные воины, срубив молодые деревца и устроив лежанки для раненых из собственных плащей. Задействовали и немногочисленные обозные телеги, что взял с собой Александр в этот поход. Царь не собирался драться за поле, он шёл на прорыв.

Херихор завертел своё колесо на левом крыле фаланги. На его пути почти не было кустов и соснового молодняка, несравнимо меньше пней и коряг. В первые мгновения боя сотник добился куда более впечатляющих успехов, нежели Нахтра, заваливающий стрелами центр и правое крыло гипаспистов. Лучнику, если он правша, куда сподручнее бить по целям слева от себя, к тому же Херихор рискнул приблизиться к фаланге на меньшее расстояние, нежели Пьяница, потому и стреляли его люди гораздо точнее. Однако если Нахтра расстреливал македонян безнаказанно, то у Херихора лёгкой прогулки не получилось.

Сотник успел выпустить всего дюжину стрел. Четыре из них отправили на свидание со Стражницей Амет очередную душу, но едва Херихор наложил на тетиву новую стрелу, как сам чудом избежал путешествия на Берег Возлюбленных. Ослепительно-белый под лучами ползущего к зениту солнца, шлем-хепреш^[45] спас сотника. Чужая стрела лишь оцарапала краску. С внутренней стороны щита возницы вынырнули три острых клюва, один из которых напился крови, уязвив предплечье. Несколько стрел сломались о чешуйчатые "попоны" лошадей.

Критяне Ликона в меткости Хранителям не уступали. Стояли они на твёрдой земле, не трясом днище колесницы, потому били много точнее египтян. Уж упреждение в стрельбе по быстро движущейся цели любой мальчишка на Крите безошибочно возьмёт. Издревле славится лучниками остров. Ни за что критянин не даст персу или скифу превзойти себя в состязании стрелков. Конечно, искусники почти в любом племени найдутся, даже там, где большинство не слишком жалуется на лук. Но если не отдельных признанных мастеров оценивать, то гордость персов, свято блюдущих заветы Дария, первого с таким именем, великого, как царь и как лучник, останется без удовлетворения.

Возница Херихора, раненый легко и не упустивший поводья, направил колесницу по дуге прочь от строя противника. В кольцо. Удаляясь, сотник не стрелял, лишь смотрел, как работали его воины. Хорошо работали. Ряды противника таяли.

А собственные?

Тоже.

Мягкое железо эллинских наконечников в схватке с бронзой египетских доспехов уступило, однако критяне, быстро поняв, что просто в людей и лошадей бить бесполезно, принялись тщательно выцеливать. Кони врага не отлиты из бронзы целиком. Налобник, нагрудник, чешуя вовсе не укрывали их от копыт до кончиков ушей. Хорошему стрелку

открытых мест достаточно. Вот и первый конь покатился кубарем, опрокинув колесницу. Следующая не успела отвернуть и врезалась прямо в разбившуюся. Ещё две меркобт в попытке уклонения зацепились колёсами и рассыпались в щепки. Треск, жалобное ржание, крики людей.

Левое крыло фаланги, ожерелье из двухлоктевых в поперечнике дисков, взорвалось, выпустив наружу осиный рой. Несколько десятков, а то и сотен бездоспешных воинов в островерхих шапках и безрукавных рубахах, с волчьим воем бросились к завалу колесниц. В египтян полетели дротики и тяжёлые свинцовые ядра, выпущенные из пращей. Последние приносили наибольший ущерб, оглушали людей и лошадей, ломали кости, отбивали внутренности.

Колесница Херихора описала полный круг и неслась к завалу. Сотник видел, что легковооружённые воины врага совершенно беззащитны перед его стрелами. Их странной формы, полулунные щиты, столь малы, что и думать нечего о них, как о надёжной защите. Похоже, они ещё и из лозы плетены. Тем не менее, он, уже прицелившись, повернулся и выстрелил опять по гипаспистам. В свалке полно Хранителей и возниц. Не доверился Херихор собственной руке и глазу, хотя и был не из последних в искусстве стрелка.

— Правее! Берите правее! — закричал сотник следующим за ним Хранителям.

Те, однако, дело своё знали и смертоносный дождь, сыплющийся на противника, не утихал ни на секунду.

Гелланик, увидев успех Бергея, решил его поддержать. Плотный строй сохранять бессмысленно.

— Менесфей, держи угол! Арибба, делай, как я! Возьми четыре декады! За мной, бегом!

Хилиарх счастливо избег вражеских стрел и быстро добежал до завала. Его рывок поддержал лохаг Арибба с шестью десятками воинов. В завале, где нашли свой конец уже шесть колесниц, шла рукопашная. Дюжий египтянин, от плеч до колен закованный в бронзовую чешую, видневшуюся в разрывах льняного платья^[46], выбрался из-под перевёрнутой колесницы. Не выказывая даже намёка на то, что при падении едва ли не все потроха себе отбил, он лихо набросился сразу на двух агриан. Орудя здоровенным... серпом?... играючи снёс одному из них голову. Лицо, ещё секунду назад живое, отражавшее тысячу мыслей и чувств, в один миг превратилось в застывшую мёртвую маску, уставилось в равнодушное небо, изумлённо вопрошая у него: "Как же так? Почему я? Не хочу! Не-е-ет!"

Тело ещё не успело упасть, а египтянин обезоружил второго фракийца. Спас того Гелланик. Хилиарх, горой нависавший над широкоплечим, но не слишком рослым варваром, налетел, как орёл на ястреба-конкурента. Ударил копьём, тот уклонился, перехватил рукой ясеновое древко, обезоруживая противника, и мощным ударом хопеша расколол щит командира гипаспистов. Меч-серп прорвал бронзовый лист на две ладони, но удар вышел таким, что дубовая основа щита треснула по всей длине, а ручка, в которую продето предплечье, отвалилась. Впрочем, египтянина это не спасло. Гелланик, известный кулачный боец, олимпиец, голой рукой вбил египтянину нос внутрь черепа.

— Дави чумазых говноедов! — рычали македоняне-щитоносцы.

— Суку чалас! Улке мука! — выли фракийцы.

— Хтору мэт, шат абу! — неслоь со стороны египтян.

Лишённый щита и копья, Гелланик выхватил из ножен длинный изогнутый меч-копис, а левой рукой подхватил донельзя странный клинок египтянина. Тот оказался весьма увесист, раза в три тяжелее кописа. Клинок толстый, усиленный продольным ребром, немного

выступающим из плоскости по всей длине. Впрочем, разглядывать некогда.

Ловко орудуя двумя клинками (хотя трофейный лежал в руке непривычно, оттягивал её, да и длиной превосходил копис) Гелланик зарубил возницу, отсёк руку ещё одному бронзовому воину. Хопешем он удары не наносил, лишь защищался.

Македоняне довольно быстро перебили египтян с разбившихся колесниц и превратили завал в баррикаду. Отсюда стрелы критских лучников и свинцовые ядра агриан начали выбивать Хранителей с пугающей точностью и безнаказанностью. Херихор, колесницы которого сбивались в кучу, ломая строй и сталкиваясь друг с другом, понял, что дела пошли совсем неважно и надо срочно устранять эту импровизированную крепость чужаков. Он остановил свою колесницу.

— Спешиться!

Половина Хранителей осталась охранять колесницы и бить из луков, а остальные, во главе с Херихором бросились в атаку. Но прежде чем они схватились с Геллаником, на поле боя появилась новая сила.

Птолемей летел на острие клина из двухсот гетайров, прильнув к гриве своего буланого жеребца.

— Да-а-а-а-нос^[47]!!! — орал Лагид, не жалея глотки.

— Данос! — подхватили гетайры.

— Алалалай!

Птолемей видел, что оставшиеся у колесниц египтяне поднимают луки, поворачиваются от пехоты в его сторону. Надо успеть снести пеших, тогда пускай бьют в свалку.

— Алалалай!

— Н-на! Жри!

Копьё Птолемея ударило прямо в лицо египтянина, которому не повезло первым преградить путь Лагиду, наконечник выскочил из затылка. Птолемей рванул древко на себя, но оно сломалось. Он мгновенно перевернул его пяткой, которая была, как раз для такого случая, заменена вторым наконечником, и ударил снова. Неудачно, варвар принял копьё щитом вскользь. Конь Птолемея грудью сбил египтянина с ног и взвился на дыбы с жалобным ржанием: ещё один варвар рассёк ему шею серпом. Лагид полетел на землю. Не впервой. Извернулся, как кошка, чтобы не впечататься спиной. Сгруппировался, хотя и едва шею себе не свернул, когда задел землю гребнем шлема. Вскочил и наотмашь полоснул подбежавшего варвара, словно дубиной. Конечно, без толку, но тот замешкался и Лагид успел выхватить меч.

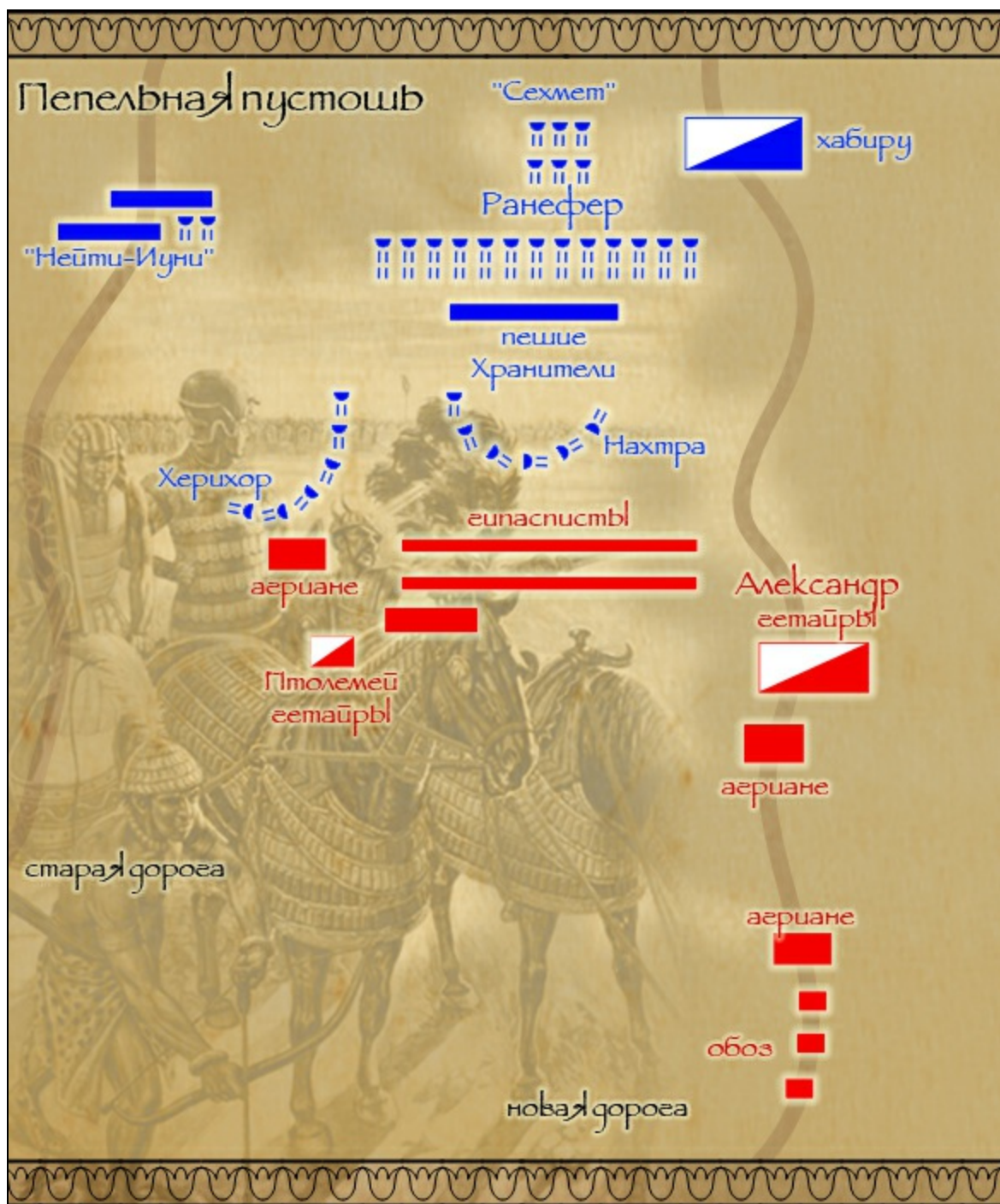
Гетайры, хоть и одетые в льняные панцири, обшитые железом и бронзой, все же не могли похвастаться бронёй, подобной той, что носила тяжёлая кавалерия персов, наделавшая шороху на левом фланге македонян при Иссе. И конских доспехов у них не было. Поэтому слитный залп Хранителей немало выбил людей и лошадей ещё до сшибки. Однако мощь разгона все же позволила им пролететь сквозь набегавших воинов Херихора, многих стоптав, и схватиться с колесничими. Некоторые из них попытались убраться из-под удара, но в манёвре безнадёжно уступали "друзьям".

Гетайры потеряли пробивную силу и увязли. Потери в людях от стрел египтян они понесли не слишком большие, ибо воины Херихора в первую очередь били по лошадям.

Хранители сражались безо всякого строя, просто не успели его создать. По правде сказать, в их обучении всегда предпочтение отдавалось другому виду мастерства. Разведчики, шедшие в передовых частях войска, три дня назад именно они на рассвете

разгромили лагерь царя Тунипа, начав великую битву при Мегиддо. Каждый отменно стрелял, рубил хопешем или длинным прямым мечом-селкитом. Каждый надёжно защищён бронёй из маленьких бронзовых пластинок, скреплённых шнуровкой и дающих достаточную свободу движений. У всех большой прямоугольный щит. Любой из этих воинов, раз уж он попал в отряд Хранителей, отборнейших бойцов, легко справлялся в рукопашной с двумя-тремя, а то и четырьмя митанни, хатти либо фенех одновременно.

Всем хороши Хранители, и строем биться умеют, но это не главная их задача, действовать, как одно живое существо. Потому и навыки строевого боя — постольку, поскольку. А гипасписты иначе не воюют. И как бы не тресали их щиты под ударами хопешей, они шли вперёд, переступая через трупы врагов и своих товарищей. Втянутая в свалку сотня Херихора начала нести большие потери. Гипасписты, агриане и гетайры, превосходя противника числом, заплатив многими жизнями, одолевали египтян.

Ранефер не видел всего, что там происходило, но заметил, что колесницы Херихора сбились в кучу. Прямо перед отрядом, возглавляемым Верховным Хранителем, Нахтра никак не мог остановить неудержимо прущий копейный строй. Невиданная прежде стойкость акайвашта потрясла и восхитила Ипи. Никто доселе на твердыне Геба ещё не ходил так в атаку под стрелами Хранителей. Заговорённые они там, что ли?

Подлетела одна из меркобт Херихора. Льняное платье воина все в крови, еле на ногах стоит, а возница, остановив колесницу, тут же и рухнул замертво.

— Достойнейший, акайвашта теснят Херихора! Он просит помощи!

— Что-о-о?! Как они смогли?

— Они прорываются... — прохрипел израненный воин.

Прорываются... Прямоком на Нейти-Иуни... Те встретят их, не знаящими промаха стрелами, но, как акайвашта идут под смертоносным дождём, Ипи уже достаточно насмотрелся. А отборных лучников всего три сотни. Нейти-Иуни потерять нельзя.

— Анхнасир, — Ипи повернулся к поверенному, — отряд Сехмет в бой. Сигнал Нахтра я атакую копейщиков.

— Что прикажешь делать хабиру?

— Пусть пока ждут в резерве.

— А Нейти-Иуни? — спросил поверенный, — им бить по врагу?

Ипи покачал головой.

— Там Херихор.

— Навесом достанут этих шакальих детей, — предположил Анхнасир.

— Хорошо, пусть бьют навесом до подхода Сехмет, а потом отступают на старую дорогу. Если и Сехмет не остановит акайвашта, введём в бой хабиру. Ну ведь не твари же Дуата они, — в сердцах выдохнул Ипи, — не бессмертные!

— Слушаюсь!

Запели трубы. Сигнал Нахтра: "Освободи дорогу". Приказ Аннуи: "Атакуй правое крыло".

Двести шагов. Одни падают, умирают. Другие перешагивают через мёртвых и раненых, но всё равно идут. Сколько их осталось? Хватит ли сил остановить? Хватит. Но какой ценой...

Ипи решил уплатить меньшую, протёр запylённые глаза. Несколько десятков пеших Хранителей, держащих тяжёлые щиты, разошлись. Верный Анхнасир снова на его колеснице. Как три дня назад. Это придавало уверенности.

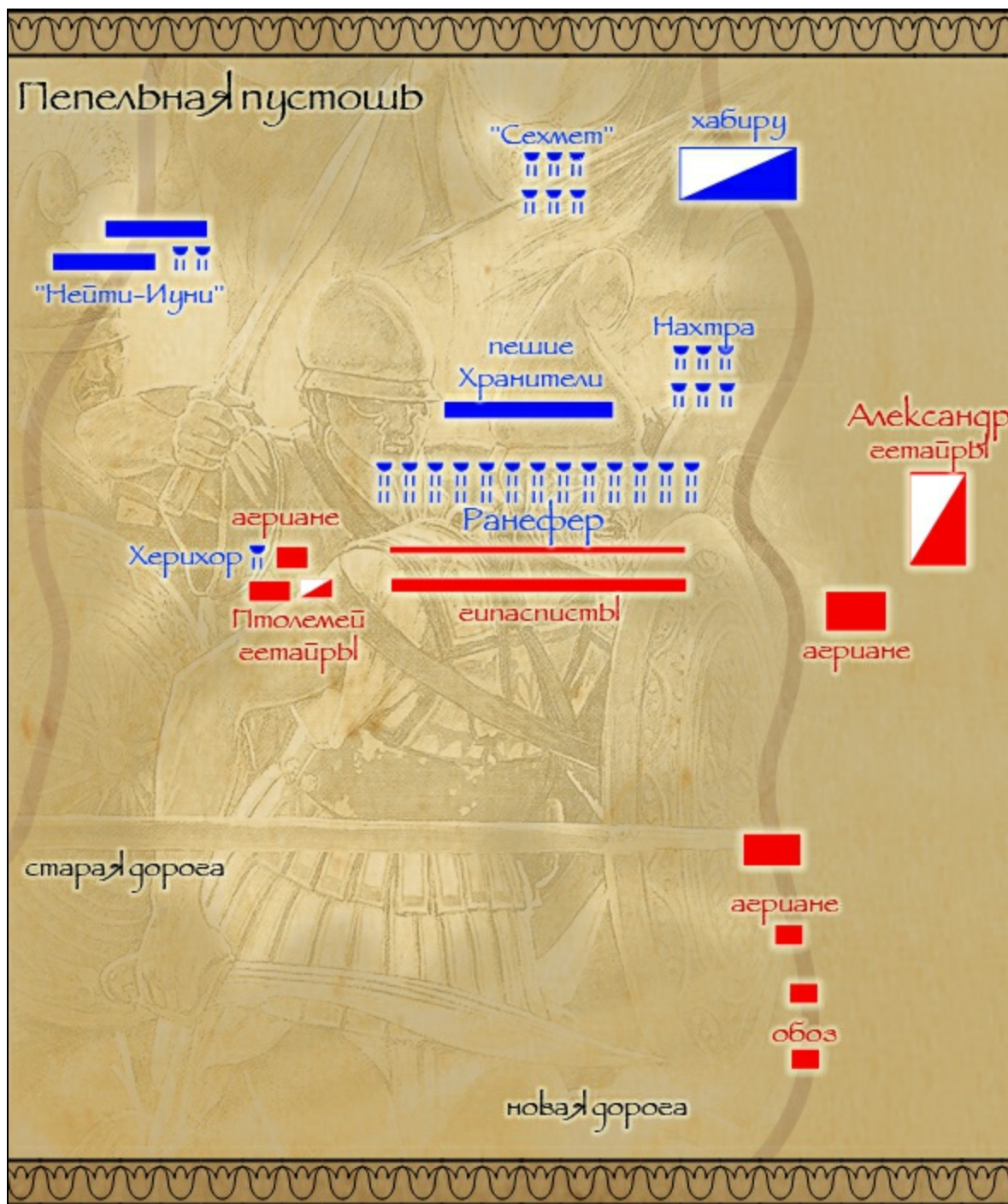
Одновременно с прозвучавшей песней серебра, из живых врат выкатились, быстро разгоняясь, семь десятков тяжёлых колесниц. Хевити, влекомые четвёрками, быстро набирали скорость, держа большие промежутки, необходимые, чтобы мечи таранов не столкнулись. Из-за этого их фронт значительно превышал протяжённостью строй акайвашта, но хевити всё равно шли одной линией, дабы, если выбьют первую, последующая не налетела на неё. Линия, изогнута, как наконечник охотничьей стрелы, на острие которой находился сам Ранефер.

Ипи спустил тетиву. Его примеру последовали все остальные стрелки. Шеренга акайвашта стала заметно реже, но... Ещё пятьдесят шагов, а у нескольких хевити в строю подломились колёса, просадив на брюхо — верно на пустоши осталось немало не

выкорчеванных пней. Подозрение подтвердилось, ещё две потеряли таран. А потом ещё. Одна вообще перевернулась, кони закувыркались, ломая шеи. Чей-то таран налетел на пень, сломалось дышло, а колесница взмыла в воздух, как из катапульты выбросив людей. Так к удару можно всю силу растерять. Но стрела со стрелой сходила с тетивы, уже в упор сражая вражеских воинов. Повозка подсакивала на кочках, сбивая прицел. Ранефер едва удерживал равновесие. Колёса и весь короб трещали так, что вот-вот развалятся.

Ближе, ближе... Ещё одно мгновение!

Акайвашга орали, срывая глотки, надеясь напугать лошадей, не зная, что тех с малолетства приучают к шуму и ужасу битвы^[48].

Ранефер успел подумать, что они наконец-то дрогнули ^[49], но случилось нечто другое. Строй чужаков вдруг рассыпался, пропуская хевити, большая часть которых влетела в образовавшиеся коридоры. Некоторые воины не успели убраться с дороги и горизонтально укрепленные мечи срезали их ноги, как серп колосья.

Ипи схватился за борт одной рукой и сгруппировался. Нет времени убрать лук. Удар... Тело продолжало лететь с той же скоростью, хотя колесница значительно замедлилась. Рывок. Мгновения потянулись свежим мёдом. Таран колесницы входил в людское море, отбрасывая волны, как нос корабля. Только цвет волн был не изумрудным, как на глади Зелёных вод, и не кроваво-красным, как при Мегиддо, когда он так же таранил строи Арвада и Нахарина. Десяток воинов "пурпурных" не стоил одного из этих акайвашта. Они смотрели на несущуюся на них неумолимую смерть, но только вернее подгадывали, как вонзить копья в нагрудник коня, и стояли насмерть вовсе не от отчаянья. На их серых лицах читалась ненависть и цель. Не просто дорого продать свои жизни, а победить. Да, победить! И от этой мысли Ранефер вздрогнул.

Не меньше десятка копий скользнули по массивной бронзе нагрудников и толстым бронзовым чешуям, рассчитанным выдержать удар колесничего копейщика хатти, мчащегося навстречу. Скользнули без вреда для лошадей. Однако хевити все же несли потери — они совсем недавно побывали в бою, и это напоминало о себе все чаще. Колесницы, которым "повезло" врезаться прямо в людей, а не влететь в пустое пространство, потеряли таран прямо при столкновении. Мастеров же, дабы восстановить их, у Ипи не было. Конечно, потеря тарана не спасала акайвашта, в которых он ударил, но Хранителям увязшим в месиве из человеческих тел, легче от этого не стало.

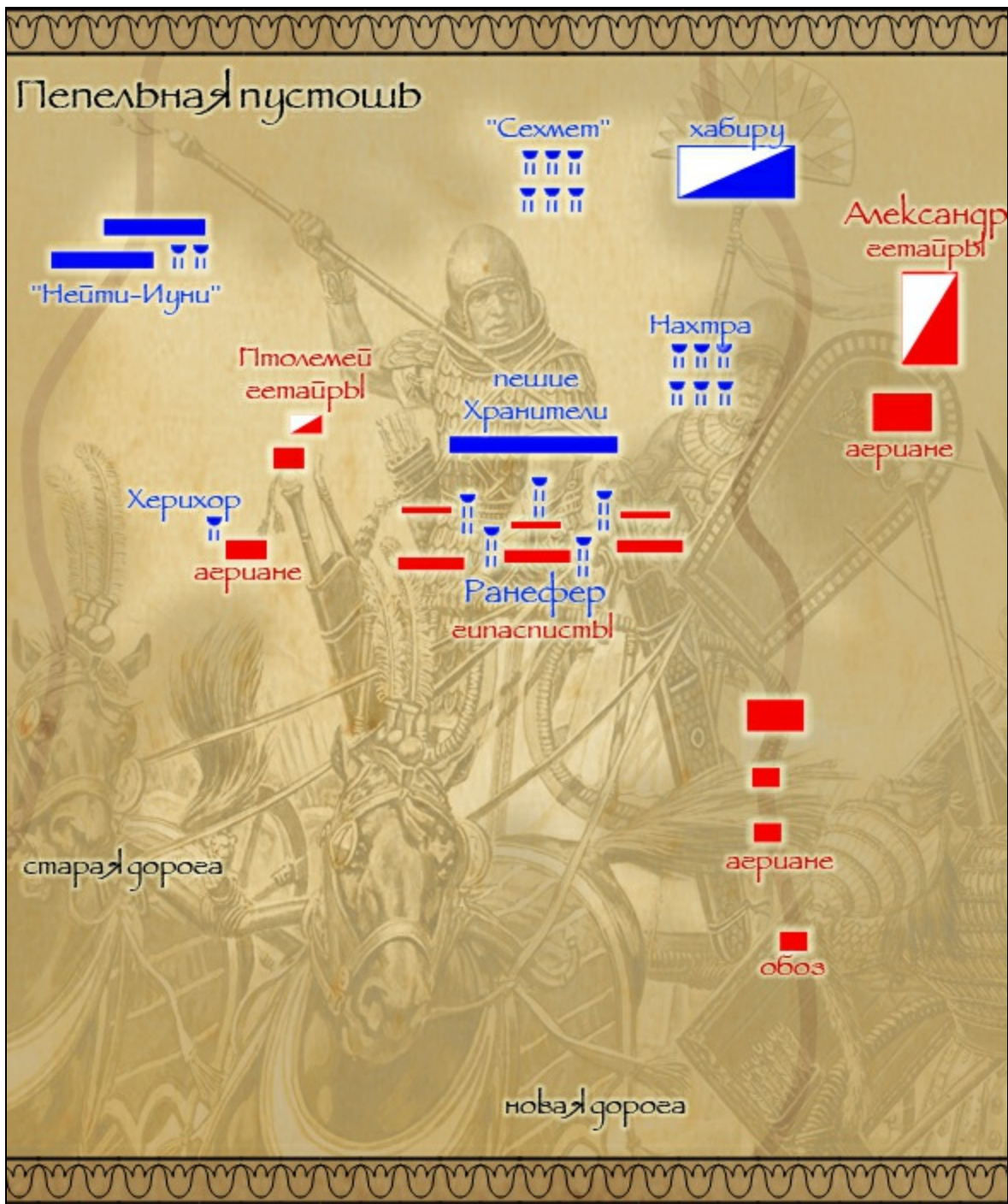
Ещё две колесницы сели на брюхо: подломилась ось. У троих не выдержало малое колесо, на конце дышла, и они зарылись в землю как чудовищные плуги. Не остались безучастными к судьбе хевити и воины противника. Кто-то бесстрашный разбежался и прыгнул на несущуюся колесницу, пробив копьём тяжёлый нагрудник коня, и распростёрся на зубьях тарана заваливающейся колесницы. Трое похитрее, заметив, что хевити падают землю без переднего колеса, решили пожертвовать копьями, вонзив их меж спиц. Попытка одного была пресечена стрелой колесничего, двоим же задуманное удалось. Только одному из них меч тарана хевити, едущей следом, отхватил ноги. Около десятка остановились у валежника, образованного двумя неохватными пнями, и навалившимися на них горелыми кедрами поменьше, и теперь их колесничие могли только стрелять под шлем акайвашта, рискнувших высунуться из-за своего укрытия.

Те же Хранители, колесницы которых охватили строй противника, видя крушение многих товарищей и то, что большинству таранный удар не удался, попытались отвернуть с линии атаки, ограничившись обстрелом врага. На правом крыле они пополнили завал из колесниц Херихора, а на левом влетели в заросли и остановились.

Больше половины колесниц Ипи потерял ещё до столкновения. Не стоило бросать их в бой, не перебрав как следует. И пни эти... Отряд истаивал, как воск в свете Ра, а подкрепление в триста пеших Хранителей отстало.

Двенадцать хевити развалились в момент тарана. Двадцать одна прорвалась сквозь строй врага. Однако Ипи ошибся в оценке его глубины. Всего четыре ряда. А дальше пустое пространство шириной шагов в тридцать, и снова противник. Только уже в рассыпном строю.

Скорость потеряна, спереди и сзади враги. Их очень много. Ловушка.

— Гони! — заорал Ипи вознице, тот стегнул лошадей.

Хевити, раскатываясь вновь, понеслась на рыхлый строй копейщиков, но и здесь Ранеферу не повезло. Не хватило пространства для повторного разгона, да и таран всё-таки не выдержал, обломился.

Возница сразу же остановил хевити, взял несколько дротов из корзины, Анхнабир расстреливал тех, кто хотел пронзить копьём лошадь или покуситься на Верховного Хранителя. Сам же Ранефер снял с оглобли семилукное копьё и тяжёлый щит. Сошёл с колесницы навстречу бегущим. Он не тронулся умом — вознице и Анхнасиру нужно выиграть время, убрать обломки тарана. Если на колесницу навалятся одновременно восемьдесят копейщиков, стрелы и дроты не спасут коней, а возможно и их самих. Первый из

чужаков с ходу попытался отклонить копьё щитом, но Ранефер отшагнул, отводя остриё, и ударом в грудь сразил раскрывшегося противника. Не успел Ипи вырвать из тела древко, как второй акайвашта, преломил его мощным ударом края щита. Верховный Хранитель схватил тяжёлый хопеш, подвязанный к поясу быстро освобождаемым узлом. Чужой наконецник лязгнул по бронзе щита, взмах, и копейщик остался с расщеплённой палкой вместо копья. Акайвашта попытался закрыться от атаки Ипи, но лезвие хопеша, который Верховный Хранитель держал серпом^[50], врубившись в край щита, доставило треугольный клюв прямо в лицо воина. Тело упало мешком.

Отбиваясь от наседавших врагов Ипи видел, что тех осталось ещё довольно много. Слишком много для малого отряда колесничих воинов. Акайвашта так и не побежали, наоборот, они продолжали ломиться вперёд, обтекая разбитые и остановившиеся колесницы.

Надо выбирать. Просто так здесь не развернуться, потому путь только один — вперёд. — Всем прорываться вперёд! — закричал Ранефер.

Уцелевшие десятники повторили его приказ.

Ипи свалил ещё двух воинов, получил лёгкую рану в бедро, один из акайвашта едва не вывихнул ему руку, вцепившись мёртвой хваткой в щит.

— Ипи! — до ушей донёсся крик Анхнасира, забывшего о всякой церемонности, до неё ли сейчас, — готово!

Пятясь, Ранефер вновь вскочил на колесницу. Возница стегнул лошадей.

— Но! Выноси!

Хевити тронулась. Одна из лошадей тяжело храпит: на белоснежной шее алеет рана. Остальных Анхнасир, вертевший с луком на площадке колесницы, словно волчок, смог уберечь.

— Вперёд! Вперёд!

Вокруг колесницы Верховного Хранителя кипела такая каша, что он ни на секунду не мог отвлечься, дабы рассмотреть, что происходит на поле. А там дела шли совсем не так, как он предполагал.

* * *

С лошадью ему повезло, оторваться от колесниц труда не составило. Топот копыт и скрип колёс остались далеко позади. Аристомен перевёл дух, придержал кобылу, давая ей отдохнуть. Во время бешеной скачки он почти не глядел по сторонам. Самое время сориентироваться.

Он осмотрелся. Слева чаща, справа чаща. За деревьями ничего не видать. Окромя других деревьев. Н-да. Сориентировался... И куда теперь? А чего тут думать. Позади погоня. Пути только один.

Пока скакал, весь бок отбил флягой, висевшей на ремне через плечо. Надо будет в следующий раз к поясу крепить. Аристомен откупорил её, отхлебнул разбавленного вина. Прополоскал рот и сплюнул.

— Кислятина...

Широкополая войлочная шляпа во время погони слетела на спину и парусила, врезаясь завязками в горло. Аристомен вытер испарину со лба (вспотел, будто бежал, а не верхом нёсся), вновь надел шляпу, подтянул завязки под подбородком. Потрепал лошадь по шее.

— Ну что, ласковая? Отдохнула? Давай продолжим. Нам к царю надо поспешать. Предупредить царя.

Кобыла недовольно фыркнула, но, подчиняясь воле всадника, потрусила вперёд.

Подозрительный шум Аристомен услышал задолго до того, как выскочил на открытое пространство. Сразу подумал, что, похоже, летит прямо из огня да в полымя. Так оно и вышло.

Перед выходом на пустошь дорога делала крутой поворот. Подлесок здесь отличался густотой и Аристомен отметил, что лес по правую руку редееет. Крики сотен людей и конское ржание уже различались отчётливо, и нельзя было списать их на игру воображения.

"Как бы сдуру прямиком на копья не налететь. Хорошо, если там наши. А если нет? И чего бы нашим орать? Только если драка. Значит, уже наткнулись, А те, что сзади — стало быть, подкрепление. Не успел..."

Аристомен осадил кобылу, спешился и осторожно повёл её через заросли. Впереди светлело, а шум битвы (то, что там драка, он уже не сомневался) усиливался. Узкая лесная полоса быстро сошла на нет. Аристомен выбрался на пустошь. Укрываясь за кустами, выглянул. Сплюнул.

— Ах ты... Вот ведь свезло, как покойнику...

Можно пробраться зарослями. Не заметят. Но ведь это долго, он потеряет время. А время сейчас — самое главное. Нужно успеть предупредить царя. Аристомен взлетел на спину лошади, толкнул её пятками в бока.

— А вот хрен тебе, Скотий^[51]! Но, пошла!

Одиноким всадником выскочил из подлеска в ста шагах прямо перед строем Хранителей и Нейти-Иуни, прикрывавших старую дорогу на Мегиддо. Лучники от такой неожиданности опешили. Кто-то даже рассмеялся:

— Смотри, смотри, как улепётывает, будто у него на пятках Апоп сидит!

Хранители по долгу службы оказались куда бдительнее. Свистнуло несколько стрел. Мимо. Всадник стремительно удалялся. Не достать.

Сотник Хранителей повернулся к Нейти-Иуни.

— Это лазутчик акайвашта, Сокол, убей его!

Стоявший в первом ряду стрелков немолодой воин поднял мощный четырёхлоктевой лук. Заскрипели натужно составные плечи.

— Стреляй! В лошадь бей!

Сокол выцеливал.

— Стреляй, уйдёт!

Загудела тетива, и стрела унеслась прочь. Никто не смог уследить за её стремительным полётом. Несколько сотен пар глаз впились в удаляющегося всадника. Тот не шелохнулся. Лошадь даже не споткнулась.

— Промазал... — выдохнул сотник.

— Нет, — спокойно ответил Сокол, — в окорок, на излёте. Силу уже потеряла.

— Ушёл... — сплюнул сотник, — с-сын шакала...

Аристомен мчался вдоль леса, огибая ревущую битву. Нужно добраться до тылов

македонян, и там узнать, где царь. Он, скорее всего, на правом крыле, как всегда, но гнать напрямик — чистое самоубийство, а ему недосуг меряться доблестью со щитоносцами. Он катаскоп, лазутчик, в первую очередь ему нужно доставить добытые сведения. Разведчики должны всегда возвращаться.

Александр, мрачнее Посейдонова гнева, что корабли топят, исподлобья смотрел, как варвары избивали фалангу. Этого противника он недооценил. Горстка египтян (персы в таком числе уже бы разбежались) умудрилась в несколько минут причинить щитоносцам ущерб, какой вся мемнонова родня^[52] смогла лишь за два года войны.

Весы судьбы колебались. Царь словно наяву ощущал скрип их качающихся чаш. Как тогда, при Иссе, когда он заметил успех Тимонда, теснившего фалангу.

— "Бросил два жребия смерти, несущей страдания людям. Гектора жребий один, другой же — Ахилла Пелида..." — едва заметно шевельнулись губы Александра.

— А у персов-то луки явно похуже этих, — сказал Клит, — хотя похвальба до Олимпа достанет.

Александр бросил на него косой взгляд и снова вернулся к созерцанию битвы.

Память услужливо подсунула горделивые слова Дария Великого, которые он слышал от персидских послов, когда в семилетнем возрасте принимал их вместо отца (Филипп был в отъезде, город какой-то осаждал, а может чей-то талам^[53]):

"Как лучник, я хороший лучник, и пеший и верхом".

— Пора, Александр, — нетерпеливо бросил Клит, — чего ждём?

— Ждём, когда Гелланик выбьет колесницы.

— А если не выбьет? Если они вообще не атакуют фалангу? Дураки они, что ли, совсем?

— Может и не дураки. Но фалангу таранить будут. Для чего им ещё эти четырёхконные чудовища?

Царь повернулся к одному из телохранителей:

— Лисимах, скачи в тыл, проверь, как там обозные. Пусть будут готовы к прорыву. Скоро уже.

Гетайр, возрастом лет на пять постарше Александра, кивнул и собирался уже поворотить коня, когда царь добавил:

— И ещё. Освободи из-под стражи Аттала. Нечего ему прохлаждаться, когда его товарищи и соплеменники умирают. Будет прикрывать тыл обоза во время прорыва. Верни ему оружие

— Слушаюсь.

Тем временем Ранефер пошёл в атаку. Александр обратился в подобие бронзовой статуи, что отливал с него Лисипп, единственный скульптор, которому царь позволял ваять себя. Лицо застыло, даже желваки на скулах перестали играть. Только глаза жили, выхватывая участки поля, где египтяне добивались успеха. Костяшки пальцев, сжимающие поводья, побелели. Букефал нетерпеливо бил копытом.

— Ага! — не выдержал один из "друзей", глядя, как разваливаются колесницы Ранефера, — это Ата^[54] их надоумила таких телег без ума понастроить!

Царь не ответил, он был напряжён, как растянутый лук и не отрывал взгляда от битвы.

— Эх... — сжал зубы Клит, глядя, как хевити проносятся сквозь строй щитоносцев, — надо бы...

Он не договорил. Царь повернулся к Арете, своему личному конюху и оруженосцу, в чьи

обязанности входил уход за Букефалом и сопровождение царя в бою, где он следовал сразу после Клита.

— Копьё!

Арета подскочил и протянул Александру копьё с кизилковым древком, длиной в семь локтей.

— Македоняне! — воскликнул царь, — Зевс нам поможет! Вперёд!

Букефал понимал Александра с полуслова. Зачастую не требовалось и толчка пяткой. Вороной "фессалиец" ускоряющейся рысью двинулся через редкий кустарник, непроходимый для колесниц, но легко преодолеваемый конницей. Семь сотен "друзей" и триста пеших агриан, не отставая ни на шаг, словно единое многоногое существо, последовали за царём.

Херихор отступал. От его сотни осталось всего пятнадцать колесниц. Остальные достались врагу. Большая часть потерянных меркобт не имела никаких повреждений, и кони не получили ран, но вести их уже некому. Воины, уцелевшие в великой битве с союзом царей, сложили головы в заурядной схватке с малым отрядом плохо вооружённых разбойников-акайвашта.

Отбиваясь хопешем от наседавших врагов, стремительно теряя силы от многочисленных ран, Херихор клял себя за то, что не выполнил приказ Ранефера, звучавший коротко и ясно: в ближний бой не вступать. Сотник и сам прекрасно понимал, что прямое столкновение грозит большими потерями, ибо противник превосходит числом. Он не питал иллюзий, знал, что даже голые дикари с дубинами способны уничтожить его отряд, если только их будет много и они не разбегутся под стрелами. То, что чужаки не из пугливых, он понял почти сразу, но вот ведь самонадеянность молодости — промедлил совсем немного, поддался порыву, хотел спасти гибнущих товарищей, атаковал в пешем строю и вот результат — уже не дюжина душ, а почти все, кто пошёл с ним в эту атаку, отправились к Берегу Возлюбленных.

Херихор в искусстве боя копьём, хопешем, да просто голыми руками — из первых. Потому все ещё жив, хотя успел побывать в самом пекле, приняв удар конницы акайвашта. Жив, но вовсе не цел. Правая нога в крови, на бедре — длинная резаная рана. Рассечено плечо. Левая рука онемела, а щит изрублен и исколот, пробит в двух местах копьём. Сотник потерял много крови и его, едва стоящего на ногах, Хранители чуть не силой втокнули на одну из уцелевших колесниц и велели вознице гнать. Один из спасителей Херихора погиб в следующее мгновение, поражённый в голову свинцовым снарядом. И шлем не уберёт.

Хранители, числом в два десятка, почти все — раненые, отступали. Акайвашта отпустили их, не преследовали. Легко вооружённые распрягали захваченных лошадей. Нескольких оставили в упряжке. На одну из них взойшёл воин в дорогих доспехах, потерявший своего коня. Под его началом всадники, около сотни и ещё полсотни вступивших в бой верхом, но потерявших лошадей, так же, как предводитель, ринулись на прорыв, к дороге на Зефти. Щитоносцы последовали за конницей. На удалении в триста шагов от места колесничего побоища их встретили колесницы отряда Сехмет. А впереди них верхом на вороном жеребце скакал Аннуи.

Ещё Величайший Аменхотп^[55], прадед нынешнего фараона, стал нанимать на службу кочевников. После воссоединения Священная Земля непрестанно богатела, прирастала людьми. Обелиски Небпехтира и его потомков передвигались все восточнее и севернее, в

страну Рек-Текущих-Обратно^[56]. И как не враждовали между собой царства, некогда владевшие этими землями, против Та-Кем они всегда объединялись. Иногда даже (что в голове плохо укладывалось), не прекращая приграничных стычек между собой.

А все потому, что не давали им спать священные дары, ниспосланные Та-Кем благими Нетеру: золото, медь, да тучные урожаи, приносимые разливами Великого Хапи. Разные народы точили зуб на Священную Землю и воевали они тоже по-разному. Всадники хабиру, народ "от семи родов семи стран семи рек", обидчики землепашцев Дельты, или племена та-неху, столь же лихие наездники, иной раз умудрялись нанести пешему строю решающий удар, и даже поражали колесницы. Потому властители Священной Земли всегда стремились золотом сманить на свою сторону часть вождей, дабы было, что противопоставить остальным.

Хотя фараоны окружали всадников почётом, не меньшим, чем возниц и колесничих стрелков, сыны Та-Кем отказывались идти в конное войско. Не подобает им ехать на спине коня, словно презренным аму-овцеводам и воинам нечестивых стран. Верховая езда портила статью и натирала кожу, но, главное — самому опытному воину, чьё копьё упилося кровью ни одного десятка врагов, не овладеть искусством наездника так, как кочевникам, рождающимся в седле.

Аннуи, воюя в рядах своих соплеменников против Та-Кем, угодил в плен. Его, выдающегося воина, оценили по достоинству и предложили служить Священной Земле. Та-неху согласился. С тех пор он провёл много больших и малых сражений под знаменем Маат. Высоко поднялся и даже удостоился встречи и похвалы от царственной супруги Величайшего. Бывший наёмник ныне командовал одним из отрядов Хранителей, идущих в бой пешими и на колесницах-хтори, однако сам он привык сражаться верхом, не переставая удивлять многих молодых воинов.

Злющий вороной жеребец предводителя Сехмет, за масть и характер носивший кличку "Апоп", легко нёс на себе совсем не тощего седока. Аннуи видел, что опоздал. Херихор разбит и конные акайвашта уже неслись навстречу Хранителям. Ах, как ладно летели! Та-неху восхитился. Такого ровного клина, что образовали чужаки, он не видел ни разу. Ни у кого из врагов Священной Земли, ушлых в верховой езде. И его соплеменники, воевавшие толпой, так не умели.

На крыльях клина виднелись бегущие пешие воины, вооружённые круглыми щитами и пять-шесть колесниц, явно захваченных у Хранителей. Он видел на них стрелков, растягивавших луки.

"По-нашему, значит, решили воевать, дети шакала? Ну, попробуйте".

Многое пронеслось в его голове за мгновения до столкновения. Течение Реки замедлилось для него, Аннуи не раз замечал подобное за собою в бою. Мимо пролетели три стрелы. Вот же презренные мужеложцы, выделили старшего. С колесниц бьют. Да только учиться им и учиться. Если выживут. Стрелы акайвашта даже не летели — плыли, словно священный сом в водах Хапи. Казалось, и следы их видны. Военачальник даже уклоняться не стал, однако лошадь одной из следующих за ним колесниц споткнулась. Хтори перевернулась, воины полетели на землю, едва не угодив под колёса другим колесницам.

Чужаки заорали что-то совершенно нечленораздельное.

— Алалалай!

Хранители ответили своим боевым кличем.

Вновь свистнули стрелы. Натренированный слух почуял бы спущенную тетиву, верный

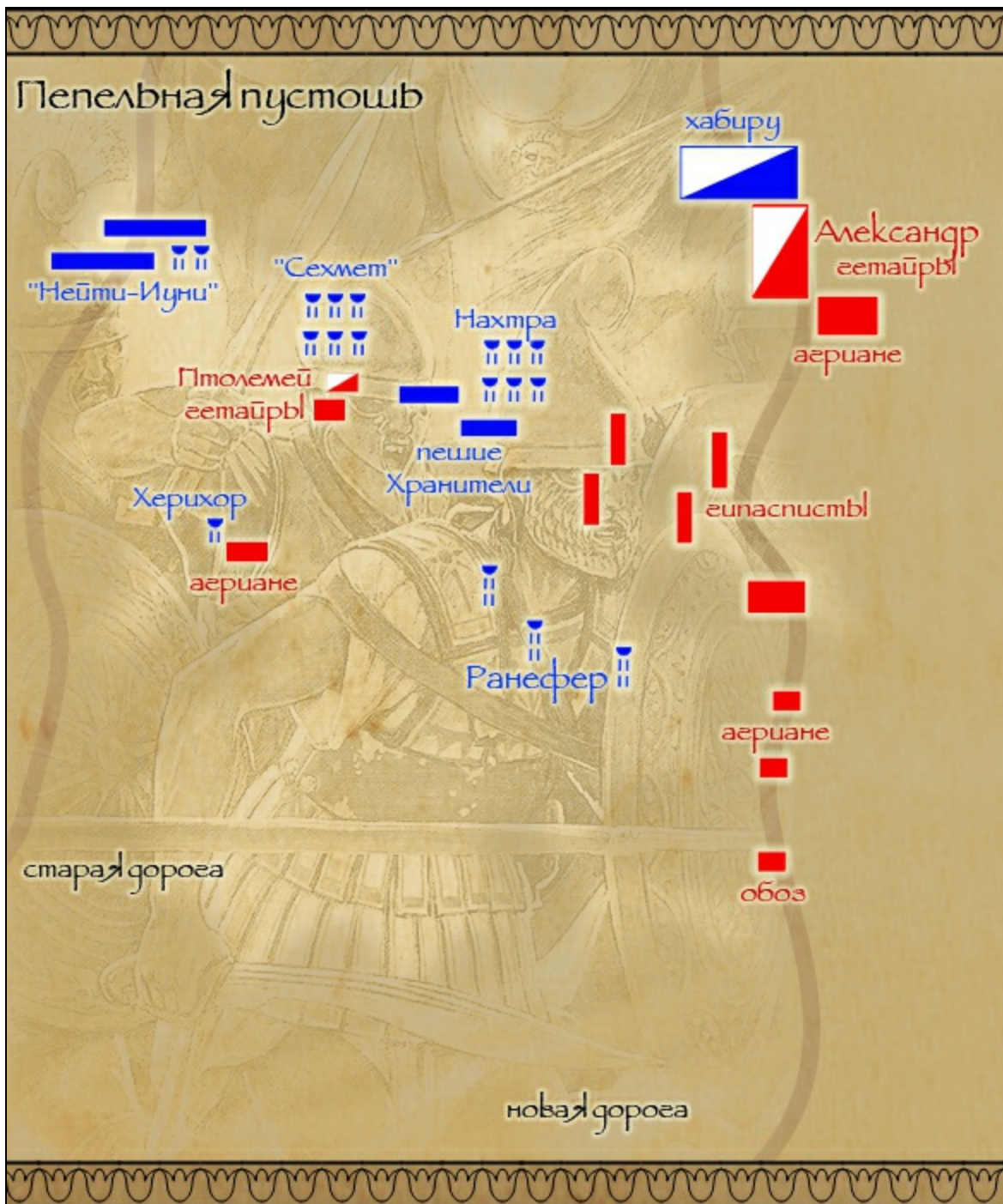
глаз увидел лучника, а чутьё опытного воина подсказало сразу три мгновенных мысли: опасность, откуда, что делать. Аннуи рванул храпящего Апопа вправо и дёрнулся сам, уклоняясь от стрелы, которая безвредно скользнула по гладкой поверхности шлема.

"В глаз целил, ублюдок..."

— Поймаю — копьё тебе в глаз, что землю видит! — закричал военачальник, — да чтоб из горла вышло!

Хранителей всегда восхищало изобретательное сквернословие их предводителя, но сейчас не до веселья.

Сехмет вступили в бой.

Кочевники-хабиру, наёмники на службе Величайшего, спокойно ожидали приказа к

атаке. Их внимание было приковано к правому крылу, где вертелся водоворот сражения, поэтому появление Александра стало для них сродни падению неба на землю.

Гетайры ударили клином, на острие которого находился сам царь. Варвары успели упредить столкновение десятком другим дротиков, только и всего, после чего "друзья" обрушились на них, словно молот на наковальню.

Македоняне неслись колено к колену, никто не вырывался вперёд и не отставал более чем на локоть. Уже один только вид этого плотного строя, поражавшего выучкой даже неискущённый взгляд, заставил наёмников вздрогнуть и броситься врассыпную. Каждый в мгновение ока прокрутил в голове, что будет, когда такой таран врежется в неподвижную, расслабленную толпу, и поспешил оказаться у неё где-нибудь с краю.

Не успевшие убраться, оцепенели от ужаса. Забыли про то, что в руках у них оружие, и если пустить его в ход, то можно спастись.

— Ха! — выдохнул царь, всадив копьё в первого из несчастных.

Разогнавшийся Букефал широкой мощной грудью попросту сбил с ног стройного жеребчика, видать отменно резвого, но слишком уж изящно-лёгкого, чтобы противостоять "фессалийцу". Ещё одного Быкоглавый укусил. Хабиру растекались перед гетайрами и те, не увязая, лишь незначительно снижая скорость, рассекли их надвое. Одна половина, увидев такое дело, моментально обратилась в бегство, другая (здесь, очевидно, находился начальник, пытавшийся воодушевить воинов) некоторое время сопротивлялась.

Агриане не привыкли бегать за гетайрами в бою, но, имея более лёгкое вооружение (у гипаспистов один только щит гоплитский чего стоил), не отстали и теперь кололи кочевников снизу дротиками, ловко вертясь под ногами лошадей.

Александр работал копьём неумоимо, как механизм, создавать которые горазды сиракузские мастера ещё со времён тирана Дионисия, обязавшего их настроить себе множество хитроумных боевых машин. Одного за другим он поражал варваров. В первые секунды боя в грудь, а затем все больше в спину, отчаянно браня их за трусость. По левую руку неотступно держался Клит, копьё которого уже сломалось и он дрался обломком.

— "Кто ты, откуда ты, смертный, дерзнувший навстречу мне выйти?" — пела душа сына Филиппа, — "дети несчастных одних встречаются с силой моею!"^[57]

Букефал, дрожавший от возбуждения, поднялся на дыбы, ударил копытами, проломив череп варвара, потерявшего свою лошадь и слепо мечущегося под ногами. Колени Александра сжимали конские бока железными тисками, но жеребцу нипочём подобные объятия. Одиннадцать лет они вместе, с тех самых пор, как наследник Филиппа, ещё не достигший возраста эфеба укротил дикого "фессалийца". Удержался тогда, неужто упадёт теперь, со спины друга?

— Н-на!

Копьё сломалось.

— Арета! — царь нетерпеливо вытянул руку назад.

Оруженосец тут как тут, сунул в ладонь древко, а сам выхватил меч. Клит тоже уже бился мечом. Лязг, лошадиный храп, ржание, крики, визг. Это варвары визжат.

— Бегут! Они бегут, Александр!

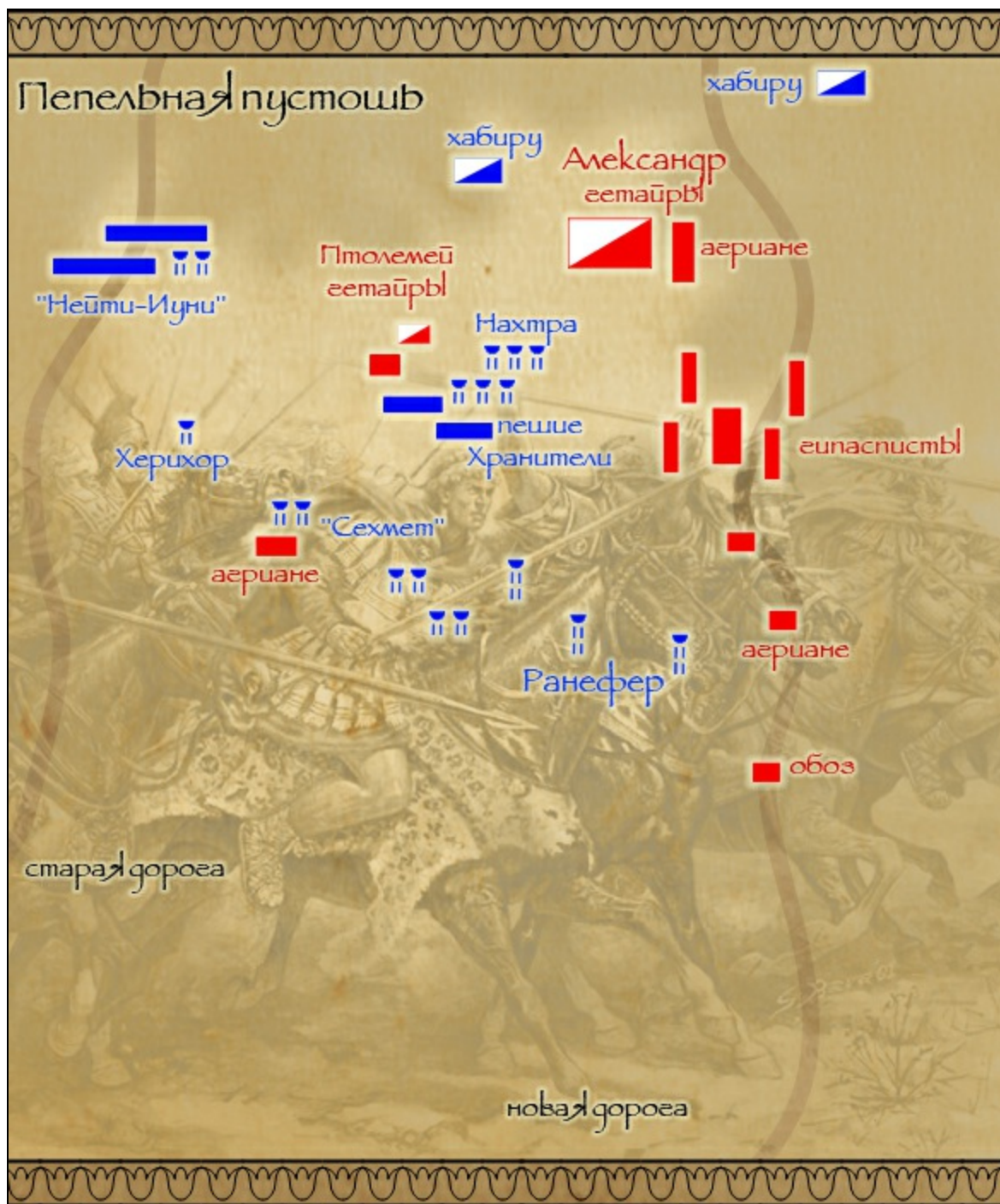
Кочевники, нахлёстывая коней, выбирались из бойни, разрывая смертельные объятия македонян.

— Преследовать?

— Нет! Пусть бегут. Это овцы. Мне нужен пастух. Ранефер!

— Его точно не было здесь, — Клит, переводя дух, сдвинул на затылок беотийский шлем, вытер окровавленным рукавом пот со лба. Лучше бы не вытирал — лицо ещё страшнее стало.

— Надо помочь Птолемею и Гелланику, — указал мечом Александр, — все за мной!

Птолемей стоял на площадке, захваченной у врага колесницы. Один из гетайров, так же потерявший коня, вызвался поработать возницей. Происходивший из Верхней Македонии, он имел страсть к колесничим гонкам, мечтал о победе в Олимпии, да куда там... Только царские лошади способны брать призы, вырывая их у "фессалийцев". Наследнику захудалого княжеского рода таких не купить.

Лагид совсем не жаждал нового столкновения с колесницами варваров. Видел, что они

гораздо крупнее тех, с которыми он только что познакомился. И воинов там намного больше. Они явно превосходили числом ту горстку бойцов, которую ему удалось сплотить вокруг себя, идя на прорыв.

— Гелланик, я ударю им вон туда! — Птолемей указал мечом на правую, с его точки зрения, оконечность надвигающихся вражеских колесниц, — свяжу их, и ты выведешь своих!

Хилиарх, тоже захвативший одну из боевых повозок, понимающе кивнул. Лагид предлагал прорваться в коридор, что образовали два крупных отряда варваров. Там ещё их пехота поспешала.

— Делаем!

"Царь уже должен пройти им в тыл", — подумал Птолемей, — "только на него вся надежда. Не ударит им в спину — конец нам".

За секунды до столкновения на македонян вновь посыпались стрелы. Били явно издалека, навесом. Щиты, которым проворно прикрылись гипасписты, на этот раз спасали: верно, на излёте уже шла оперённая смерть. Гетайрам и их лошадям все же досталось.

Птолемей, поглощённый дракой, даже не подозревал о существовании Нейти-Иуни, за которых так опасался Ранефер. Стрелки все сражение простояли в стороне и только сейчас растягивали тетивы своих мощных луков. Атаковать их никто не собирался, Лагид рвался в другую сторону.

Обстрел прекратился, как только Сехмет достигли Птолемея. Лагид позаботился о том, чтобы избежать прямой сшибки. "Друзья" на полном скаку стали отворачивать в сторону от несущихся на них тяжеловесных хтори, а те, неповоротливые, не могли быстро маневрировать. Тогда Хранители начали на ходу спрыгивать на землю и то тут, то там выстраивать фрагменты стены из больших прямоугольных щитов, стараясь перегородить путь македонянам. Одни вставали на колени, полностью спрятавшись за щитами, другие выставляли над ними длинные копья, удерживая их двумя руками. Хтори, на которых остались одни возницы, отъезжали в сторону. Потеряв скорость, они уже не имели боевой ценности и не могли причинить урона рассыпному строю гипаспистов и "друзей".

Македоняне быстро осознали, что атаковать Хранителей бессмысленно. Несколько гипаспистов, мечами и щитами отбрасывая в стороны наконечники вражеских копий, протолкались вплотную к египтянам, но не смогли добиться успехов и сложили головы. Гетайры, пока враг ещё не успел выстроить стену, пытались топтать пеших конями, но тоже не преуспели. Их копья безвредно скользили по огромным толстенным щитам варваров.

Ездящая пехота египтян весьма впечатлила Птолемея, но он заметил, что те, в отличие от фаланги, совсем не могут передвигаться. Ощетинились копьями и стоят. Оборонительный строй. Это на руку. Лагид закричал, чтобы "друзья" и гипасписты избегали Хранителей. Сехмет не смогли остановить Птолемея.

А вот Гелланику без труда проскочить не удалось. На него обрушились колесницы Нахтра. Сотник не рискнул приблизиться к фаланге и на некоторое время даже остановился в нерешительности. Обстреливать акайвашта невозможно, там Верховный Хранитель. Помочь ему (а Нахтра прекрасно видел, к чему привела атака Ранефера) тоже нельзя. У сотника совсем мало людей, чтобы остановить эту неудержимую волну акайвашта. Сзади спешили пешие Хранители, он атакует чужаков вместе с ними.

Однако прежде, чем подкрепление подоспело, Не-Пей-Много увидел прорыв конницы и пехоты чужаков по правую руку от себя. И уже не смог устоять в бездействии. Акайвашта-щитоносцы бежали и без своего неубиваемого строя, от которого кровь в жилах леденела,

уже не казались столь страшными. Сотник атаковал их. Издали, стрелами. Колесо крутить больше не стал — чувствуя за собой вину, что не помог Верховному Хранителю, он ринулся в ближний бой.

Тем временем фаланга, пробившись через потерявших колесницы Хранителей, начала перестраиваться в две колонны, между которыми появились легковооружённые воины, мулы, слуги щитоносцев и гетайров.

Правая колонна, избегая столкновения с наступающими пешими Хранителями, держалась ближе к зарослям (несколько тяжёлых колесниц, влетевших туда, стали лёгкой добычей гипаспистов). Левая, более истерзанная, отклоняясь ближе к отряду Геланика, вступила в бой с колесничими Нахтра.

Агриане, охранявшие обоз, очутились под стрелами Хранителей и бросились врассыпную. Большую часть мулов слуги погнали через кусты, но пробиться смогли не все. Ипи, который вывел несколько уцелевших хевити из драки с гипаспистами, выскочил напрямиком на обозных.

Аннуи, пробившись к колесницам Нахтра, громко звал сотника по имени. Тот услышал, отозвался.

— Где Ранефер?! — львом рычал предводитель Сехмет.

— Не знаю! — крикнул сотник, посылая стрелу за стрелой в пытающихся подобраться к нему македонян, — он прорвал строй акайвашта и увяз там! Больше я его не видел!

— Проклятье! Надо выручать!

— Как?!

— Свяжи этих шакалов, а я на помощь!

— Понял!

Аннуи конём стоптал некстати подвернувшегося под ноги гипасписта, ещё одного ударил копьём. Наконечник скользнул по щиту, но всадник не стал задерживаться.

— Вперёд, Апоп! Некогда нам тут копошиться! — его голос гремел, как грозовые раскаты над бушующим морем, — Сехмет, за мной!

Египтяне и гетайры отхлынули друг от друга. Птолемей, потерявший уже больше половины своей илы, не жаждал бодания до победного конца и рад был расцепить объятия.

Бойцы Сехмет, постепенно отрываясь от македонян, вновь вскакивали на площадки своих колесниц и устремлялись за своим предводителем.

Воин, ставший возницей на колеснице хилиарха, обращаться с ней совсем не умел. Он слишком круто маневрировал, пытаясь увернуться от меркобт Пьяницы и в результате перевернулся. Гелланик падения словно и не заметил. Вскочил, как кошка. Увернулся от колёс и копыт, в два прыжка подскочил к Хранителю, колесница которого остановилась, не разъехавшись с ещё одной, захваченной македонянами. Обоих египтян, возницу и стрелка, хилиарх зарубил играючи.

Гелланика сейчас легко можно было спутать с Аресом. Орудя двумя клинками, он быстро выяснил, что хопешем, тяжёлым и неудобным на первый взгляд, рубить одоспешенных египтян получается гораздо сподручнее, и перекинул его в правую руку. В могучей деснице хилиарха огромный бронзовый серп порхал, как невесомая тростинка. Гелланик получил уже несколько лёгких ран. Он не обращал на них внимания. Варвары быстро заметили опасного бойца и навалились на него.

Хилиарх в свою очередь обратил внимание на искусного стрелка, сложением не

уступавшего ему самому и явно командовавшего варварами. Расшвыривая врагов, словно те были не опытными воинами, всящими немало в своей бронзовой чешуе, а снопами пшеницы, Гелланик рвался к их предводителю. Нахтра заметил его слишком поздно. Повернулся, дабы всадить стрелу в упор, но не успел спустить тетиву. Клинок разрубил лук пополам, едва не лишив сотника руки. Нахтра отпрянул, сдёргивая с пояса свой хопеш. Гелланик неудержимо наседал, заставляя Пьяницу пятиться, но тот, отразив несколько могучих ударов, способных, не рассекая тело, всю душу вытрясти, сумел собраться. Хопешем он владел куда виртуознее македонянина и, зацепив клювом, закрутив чужой клинок, вырвал его из руки хилиарха. Тот не стоял столбом, в пируэте ушёл с линии атаки (несмотря на хаотичное скопление людей, лошадей и колесниц, здесь было, где вертеться, чай не фаланги сшиблись), обманул сотника ложным выпадом в живот и... молодецким ударом кописа перерубил хопеш Нахтра в месте, где длинная двуручная рукоять переходила в обоюдоостро заточенную арку. Глаза сотника расширились от удивления. На мгновение он опешил и Гелланик, толкнув его раскрытой ладонью, сбил с ног, Взмахнул своим клинком, осилившим бронзу, собираясь добить...

— Хтору мэт! — заорал, возникший позади Нахтра, египетский стрелок.

Его дугой выгнутый лук распрямился и стрела, выпущенная с пяти шагов, пронзила Гелланика насквозь, на целый локоть выскочив из спины. Хилиарх споткнулся.

— Да ты... как... — в глазах македонянина застыло удивление.

Ещё одна стрела вонзилась в грудь. Гелланик покачнулся, неловко шагнул, повернулся, упал на колено. Третья стрела ударила между лопаток. Пальцы разжались, выпустив рукоять кописа. Четвёртая прошла шеей, войдя по самое оперение. Хилиарх рухнул на бок, как срубленный вековой кедр.

— Гелланик!

Щитоносцы бросились к мёртвому командиру, пытаясь отбить тело, но не смогли. Их осталось совсем мало. Гетайры оторвались, спеша соединиться с Александром, и десятка три гипаспистов, из числа шедших за Геллаником, не смогли удержаться в хвосте колонны Птолемея. Хранители оттеснили македонян, окружили и уничтожили, не желающих сдаваться, всех до одного.

Лагид удалялся по направлению к устью северной дороги. С ним оставалось около двух сотен пехих и конных, четыре вражеских колесницы. Сражение на этом участке затихало.

Нахтра помогли подняться. Он, не видя ничего вокруг, смотрел на тело едва не одолевшего его воина. Подобрал вражеский клинок, бликовавший на солнце. Как в зеркале на его поверхности отражалась небесная голубизна. Сотник тронул пальцем заточку. Удивлённо цокнул языком. Два или три воина, отбросив врага, переводили дух, заинтересованно рассматривая меч из-за плеча командира. Один из них подобрал копис другого погибшего македонянина, принёс сотнику. Тот взял в руки оба, сравнил. Меч простого воина — железный. Сделан гораздо лучше грубоватых клинков хатти, но, безусловно, это железо. А вот странное оружие предводителя... Вроде бы тоже железо. Уже с двух шагов легко спутать. Серый блеск немного тусклее серебряного. Нахтра оглядел лезвия обоих клинков. Одно иззубрено. Другое... Словно им не хопеш, сокрушитель бронзы, разрубили, а сухую палку! Будто его вообще из ножен никогда не доставали! Сотник попробовал меч на изгиб. Упругий. Хатти не делают таких мечей. Их железо мягко, клинки из него гнутся даже не самыми сильными руками. Потому их делают толстыми. А этот тонок. Может это и не железо никакое?

— Благие Нетеру, что же это за металл?

* * *

— Смотри, кто это?

Фракиец, увязывавший в заплечный мешок броню, снятую с мёртвого египтянина, поднял голову и взглянул в направлении, куда указывал его товарищ.

Прямо на них мчался всадник. Один.

— Вроде наш. На этих не похож.

— Наш — не наш. Сейчас разберёмся.

Первый фракиец перехватил поудобнее ромфайю, двухлопастной узкий слабо искривлённый меч с длинной рукоятью, почти соразмерной клинку, и заступил путь всаднику.

— А ну стой! Кто таков?

Всадник осадил коня, поднял на дыбы.

— Свой! Аристомен я, из команды Никанора!

Фракиец почесал затылок. Прямо через выцветшую на солнце и полинявшую островерхую лисью шапку.

— Из команды Никанора? Что-то я про такого впервые слышу.

— Разведчики это, — встрял ещё один фракиец, пытавшийся освободить от постромок лошадь, лежавшую на боку возле перевернутой колесницы и дёргавшую головой и ногами в попытках подняться.

Лошадь не была ранена, но самостоятельно встать на ноги не могла, мешал труп товарки.

— Лазутчик, значит? Ну, рассказывай, где лазил и куда это ты так поспешаешь, пока мы тут кровь проливаем? — фракиец, изобразив недоверие, похлопывал клинком по ладони, — от драки дёру дал, гнида?

— Заткнись, Скориб, — раздался чей-то властный голос.

К фракийцам подошёл человек, одетый в такую же, как у них, рубаху с коротким рукавом, шапку и пёстрый, расшитый треугольниками плащ, под которым белел льняной панцирь — единственное отличие этого воина от остальных. Видать, начальник. И верно — названный Скорибом, послушно замолчал.

— Откуда ты? — спросил старший.

— Из дозора я. Как рассвело, и село иудеев потерялось, царь велел Никанору окрестности обшарить. Меня с товарищем послали к заброшенному городу, который царь вчера смотреть ездил. Глянуть, чего да как. Для спокойствия.

— Ну и как? Где товарищ-то твой?

— Через речку плывёт, — огрызнулся Аристомен, — с Хароном байки травит. При жизни любил это дело, так, поди, и в Аиде не заткнётся.

— Что случилось? — нахмурился фракиец.

— Случилось вот... Этот город заброшенный... Не заброшен он вовсе. И даже больше за ночь стал. И стены целые, никакие не развалины. А под стенами — войско и палисад осадный.

— Ты чего несёшь? — протянул агрианин, снимавший доспехи, — в уме повредился?

— Не вру я! — заорал Аристомен, — войско там. Сюда идёт! Те, с которыми вы бодались — передовой отряд.

Начальник подошёл к Аристомену, поманил ладонью, дабы тот нагнулся.

— Ну-ка, дыхни.

Разведчик выругался. В его говоре эллин без труда опознал бы грубоватую дорийскую речь. Фракийцы большими языковыми познаниями не отличались. Меж собой они болтали на своём варварском наречии, а с македонянами общались на жуткой смеси македонского и того диалекта эллинского, что в ходу у фессалийцев.

— Дыхни, говорю!

Аристомен дыхнул.

— Да не пьяный я! Не вру! Правда, там войско! Большое! Сюда идёт! За нами колесничие гнались, моего товарища стрелой сняли. Время дорого! Мне к царю надо!

— А ведь не врёт, — сказал ещё один агрианин, — смотрите!

Аристомен повернулся. Из левого бедра его лошади торчало древко стрелы. Она вошла неглубоко, в ране виднелся бронзовый наконечник.

— Дай-ка, выну. Сошёл бы ты, парень, на землю. Умучишь кобылку...

— Мне к царю надо, — набычившись, повторил разведчик, — спешить надо.

— Не знай, не знай, как ты теперь царя найдёшь... — покачал головой начальник, — видал, что тут творится? Царь в битве сейчас.

— Где ещё наши?

— Вон там фалангу давят, — указал начальник, — нас "друзья" поддержали. Вперёд ушли с частью щитоносцев. Там, позади обозные и две-три сотни наших. Царь видать, на правом крыле.

— Фалангу давят?! А вы здесь прохлаждаетесь? — возмутился Аристомен.

— Ты за языком-то следи! Прохлаждаетесь... Мы своё уж отмахали! — с вызовом бросил фракиец с мешком, — эти псячьи дети наших положили без счёта, так мы за кровушку пролитую себе сверх платы возьмём!

Он встряхнул увесистый мешок.

— Дурни! — возмутился Аристомен, махнул рукой себе за спину, — там силы свежие стоят, пока вы тут трупы обираете! И ещё по вашу душу вороватую идут!

— Ты говори, да не заговаривайся! — прикрикнул фракиец с ромфайей.

Аристомен застонал и выразился семиэтажно, помянув чью-то мать, прелести блудливых лесных девок и охочий до них сатиров приап. Закончил невнятно про Тартар и тамошних сидельцев.

— Ладно, отпусти его, — распорядился начальник, — а ты, парень, лошадку-то поберёг бы. Гнать будешь, царя точно не догонишь.

Аристомен его уже не слушал.

— Хей! Пошла, родимая!

Фракийцы смотрели ему вслед.

— А вы ноги уносите! — донёсся до них крик удаляющегося разведчика.

— Проведать решил? — презрительно усмехнулся Аттал, поглядев снизу вверх на Лисимаха, — неужто царь так за меня переживает?

Сын князя Лангара сидел на земле. Рядом лежало обугленное бревно, но Аттал побрезговал пачкать об него свой дорогой нарядный плащ.

Подле стояли четыре невозмутимых щитоносца, а чуть в стороне толпились десятка два агриан, поглядывавших на своего бывшего предводителя, но не решающихся послушаться царского приказа и освободить его.

Конь Лисимаха затанцевал возле вытянутых ног агрианина, но тот даже не подумал отодвинуться. Так и сидел, опёршись на руки, жуя травину. Запрокинув голову, рассматривал проплывающие редкие облака и щурился от солнечных лучей.

— Хорошо здесь. Не то, что вчерашние пустыни. Лес, полянка. Птички поют. Железки звенят... Прямо как у нас. А, Лисимах?

Гетайр скривился.

— Железки тебе слух ласкают? Волчья душа...

— Не, — возразил Аттал, — не волчья. Волчья — у гетов. Они вот совсем дикие. Мы агриане — нет.

— Ишь ты, — усмехнулся Лисимах, — думаешь, раз царь к твоему отцу благоволит, то ты и варваром перестал быть?

— А ты? — парировал Аттал, — перестал быть варваром? Я по-эллински почище тебя говорю, македонянин. Ты может софистов слушал? А в театре хоть раз бывал? Так кто из нас варвар?

— Ну, хватит, — отрезал царский телохранитель, — Александр велел освободить тебя и вернуть оружие.

Он бросил к ногам князя агриан маленький круглый щит-лазейон, прямой меч, шлем с высокой тульёй и личиной, изображающей Ареса. А может фракийского бога войны Кандаона, поди, разбери, что на уме у чеканщика было.

— Да ты что! — в притворном изумлении прикрыл рот Аттал, — простил меня царь?

— Не знаю! — рявкнул Лисимах, — хватит тебе тут прохлаждаться! Бери своих головорезов, строй обозных и вперёд! Фаланга тебе путь откроет. Убираться надо с этого поля. Эти египтяне покруче персов оказались. Как спарты^[58] дерутся и такие же неуязвимые, даймоны чернозадые!

— А, напинали вам, македоняне? — усмехнулся Аттал, — сбили спесь?

— Выполняй приказ! — раздражённый Лисимах стегнул коня, — щитоносцы, за мной!

Четверо гипаспистов бросились бегом за царским телохранителем.

— И на кого ж вы нас покинули! — всплеснул руками Аттал, поднимаясь с земли.

Он сбросил с лица маску зубоскала, разом посерьёзnel. Окинул взглядом воинов. Подобрал оружие.

— Ну что? Придумает судить меня сынок змеюки, найдётся, что ответить. Уж войску-то точно найдётся. А сдохнуть здесь всяко не лучше. Стройся!

Протяжно заревел навьюченный осёл, перекрывая шум битвы, гремящей всего в пятистах шагах к северу.

Всё-таки до царя Аристомен не доехал. Лошадь споткнулась и разведчик, перелетев через её голову, пропахал носом землю. Хорошо хоть не сломал себе ничего.

Он поднялся. Прихрамывая, подошёл к кобыле. Та косила на него глазом, возле рта

пузырилась пена. Бедро в крови.

Аристомен потянул за узду.

— Ну, ласковая, вставай. Ещё немного. Там отдохнёшь.

Лошадь дёрнулась, заржала, но не поднялась.

За кустами явственно различалось движение, топот ног, фыркание лошадей и мулов, окрики обозных. Воняло свежим конским навозом. Роились тучи слепней.

Ветки качнулись и оттуда показались двое фракийцев.

— Гонец к царю! — крикнул им Аристомен, — лошадь есть?

Агриане подошли, не говоря ни слова.

— Лошадь есть? — повторил разведчик.

— Ты кто такой борзый? — пролаял один из фракийцев.

Аристомен скрипнул зубами.

"Ну, сколько можно..."

— Гонец к царю со срочными вестями.

Эти агриане оказались не такими тугодумами, как предыдущие.

— Пошли.

За кустами двигалась колонна. Она уже почти вся миновала это место, Аристомен наткнулся на её хвост.

Царь Филипп отучил македонян пользоваться обозом. Воины в походах всю поклажу тащили на себе в плетёных из лозы заплечных корзинах или кожаных ранцах. Каждой декаде полагался слуга и мул для перевозки палаток и тяжестей, вроде жерновов для ручных мельниц, котлов, кирок и лопат. Каждого гетайра так же сопровождал слуга-оруженосец, ходивший за лошадью. Все эти люди, рабы, отпущенники и свободные из бедняков, в бою шли позади войска, выносили раненых, а иногда сами вступали в сражении, прикрывая крылья фаланги, для чего им давалась праща и короткий меч.

Обоз македонян, по мере их продвижения вглубь Азии, постепенно увеличивался. Особенно он разросся после Исса, где была захвачена богатая добыча. Теперь войско сопровождали сотни телег. Впрочем, в набег на варваров, живущих в отрогах Антиливана, Александр взял только лёгкие части, способные передвигаться быстро. Телег в отряде насчитывалось не больше десятка. А мулов, заводных и вьючных лошадей сотни четыре.

После того, как лохаг Менесфей, принявший фалангу, разделил её на две колонны, обоз с охранением из агриан двинулся через поле смерти.

Две трети обоза уже находились внутри коридора, образованного колоннами щитоносцев. Аттал, шедший во главе последней трети, отставал. Именно на него наткнулся Аристомен.

Князь агриан, не задавал много вопросов. Он не стал интересоваться, кто перед ним, ибо, входящий в свиту царя, каждого разведчика из команды Никанора знал в лицо.

— Войско, значит, подходит? Опоздал ты, парень. Нам и так здесь уже хорошо врезали. Видишь, какая тут заруба?

Аристомен видел. Они подходили к месту, где на фалангу обрушился первый залп египтян. Последствия впечатляли...

Раненых, кто мог идти, взяли с собой. Некоторых положили на телеги и волокуши, посадили на мулов, с которых без жалости скинули все лишнее. Ночь-другую можно и без палатки скоротать, а в главном лагере под стенами Тира новых нашьют. Тяжёлых, безнадёжных, милосердно прикончили. Всё равно им бы никто не смог помочь. Македоняне

прекрасно понимали, что это поле за ними не останется...

— Лошадь тебе? А раненых я куда дену?

— Приказ, — процедил Аристомен.

— Да срать я хотел на его указы! — вскипел Аттал.

Аристомен опешил.

— Ты чего, фракиец? Кругом народу тьма. Донесут, голову царь снимет.

— А он и так мне её снимет! Бабу трахнули, видите ли... Сам вдову Мемнона приневолил, на ложе себе кинул! Галикарнас со Старым Тиром по кирпичику разнёс! "Друзья" в золото оделись, Птолемей себе вон, целый гарем уже набрал на манер персидских! А тут бабу одну огуляли... Может она сама хотела... Воинов обуздай... Своих пусть обуздает, змеёныш!

Аттал совсем разошёлся и не замечал, что движение колонны замедлилось и на него недоумённо смотрит сотня глаз.

Аристомен стоял спиной к сражению. Сзади нарастал шум, топот копыт, скрип боевых повозок. Агриане закричали все разом, заржали лошади, заревели мулы.

Лазутчик обернулся. Сплюнул.

— Ты чего на меня-то орёшь, придурок? Накопилось, так вон на них выплесни!

Аттал выглянул из-за его плеча, охнул.

— Рассредоточиться!

Да уже некуда. Отряд Сехмет врезался в толпу агриан и обозных. Топча конями и пронзая копьями, египтяне почти мгновенно прекратили существование обозного охранения, как боепособной единицы.

— Не стой! — Аристомен в прыжке сбил Аттала с ног.

По тому месту, где только что стоял князь, промчался всадник на вороном коне. Лазутчик отскочил в сторону, потеряв шляпу. Выхватил из-за спины меч (всегда в разведке его там крепил, так сподручнее, иной раз ведь и по земле проползти надо). Вскочил.

Вокруг творился хаос. Египтяне, закованные в бронзу, на столь же надёжно защищённых колесницах, копьями гоняли агриан, которые пытались огрызаться дротиками. Кто-то раскручивал пращи, и от них в этой свалке оказалось больше пользы: метко пущенные увесистые снаряды сбили нескольких Хранителей на землю. Кому попали в голову, тот не встал. Одному из упавших Аристомен помог отбыть в Аид (или куда там попадают души этих варваров).

Избываемые фракийцы жутко вопили, разбегались, но кое-кто ещё сопротивлялся. Аттал, придя в себя, кинулся к одной из остановившихся колесниц. Князь ловко увернулся от копья и ударил мечом воина, стоявшего на площадке. Бронзовая чешуя выдержала, но тот всё равно упал: клинок, не добравшись до плоти, сломал ему ключицу.

— Фракиец! — заорал лазутчик, — да хрен с ним, с царём, о наших товарищах подумай! Там войско на подходе! Похоронят здесь всех!

Прямо перед разведчиком египтянин, спрыгнувший на землю, надел на копье агрианина, вооружённого ромфайей. Падая, тот выронил оружие, а Аристомен немедленно его подхватил, отбросив свой меч. Увернулся от следующего удара, перекатился по земле, и в выпаде снизу вверх поддел длинным узким клинком чешую египтянина, пронзив его насквозь.

К Атталу подлетел конный фракиец.

— Князь, руку давай!

Тот послушался и фракиец рывком забросил его себе за спину.

— Аттал! — кричал Аристомен, — забудь обиду, предупреди царя!

— Амадок, гони к Александру!

— Ты что?! Он же...

— Гони!

Воин повиновался. Аристомен бросился за ними по направлению к укрытому кустами неглубокому оврагу (он ещё не знал, что там овраг, но знал фракиец, подобравший Аттала). Ему тоже не улыбалось погибать в этой бойне.

Мимо свистнула стрела. Потом ещё одна. Прямо на них, вдоль зарослей неслось несколько четырёхконных колесниц.

Ранефер и Анхнасир, выбравшиеся из пекла на простор, били из луков. Конь с двумя седоками споткнулся и они полетели на землю. Поднялся только один.

— Амадок?!

Фракиец не отозвался. Он лежал лицом вниз, на спине под рубахой что-то подозрительно топорщилось. Вокруг расплывалось тёмное пятно.

— Бежим! — закричал Аристомен и они с Атталом нырнули в заросли.

Аннуи, мчавшийся на выручку Ранефера, видел, как щитоносцы врага, всем своим видом выказывая презрение к смерти, деловито шли к северной дороге. Он не пытался атаковать их. Дорогу чужакам ещё преградят Хранители и Нейти-Иуни. Да и хабиру встретят. Хотя насчёт боеспособности последних он сильно сомневался. Но должна же быть хоть какая-то польза от этих аму, возлюбивших овец больше жены^[59]! Себя Аннуи, обласканный при дворе, к презренным скотоложцам причислять не желал.

Нет, нечего ему связываться с этими копейщиками, надо найти Ранефера.

Первую группу легковооружённых акайвашта, грабивших убитых, Сехмет разметали в ключья. Никто живым не ушёл. Воины Аннуи заплатили за удачу немногими.

Чуть поодаль виднелись ещё люди. Аннуи повёл отряд прямо на них. Он издала разглядел (а с возрастом зрение вдаль стало у него острее, чем ближнее), что это обозные. Здесь заросли становились гуще, поэтому он до сих пор не видел колесницы Ипи.

"Ладно, разберёмся сначала с обозом. И как бы не завязнуть в кустах".

Удар вышел предсказуемо сокрушительным. Акайвашта в панике разбегались, сопротивлялись немногие. В круговерти драки Аннуи заметил, наконец, приближающиеся хевити и сердце его преисполнилось радостью.

"Вывались! Только бы он был жив!"

Однако прежде встречи с Верховным Хранителем предводитель Сехмет увидел несущегося коня с двумя всадниками. Один из них одет богато. Командир? Командира надо бы пленить. Аннуи поворотил коня и поскакал следом.

Догнать беглецов не успел, чья-то стрела поразила их коня. И, верно, одного из седоков. Второй бросился в заросли. За ним нырнул ещё один воин. Куда они побегут? Могут, конечно, на все четыре стороны, но скорее всего к северной дороге, туда же, куда рвутся все акайвашта.

Скача по кустам, Аннуи никогда бы не догнал беглецов. Но овраг извилист, можно срезать путь, пока они пробираются по его дну. Военачальник натянул поводья. Его захватил азарт охоты.

Аттал и Аристомен продирались через кусты. Лазутчик не бросил длинный клинок и рубил им заросли.

— Слышь, князь, тут дело серьёзное. Там не просто войско египтян. Куда хуже дело.

— Что может быть хуже, — буркнул Аттал, — я такого разгрома не помню. Ещё не известно, жив ли царь.

— Царь-то? Жив, я уверен. Небось, ещё и наподдал варварам. Они всего лишь обоз разметали, да и то не весь, а ты уже обосрался.

— Пасть захлопни.

— Ладно-ладно. Слушай, если меня убьют, а ты уцелеешь, царю расскажи...

— Чего рассказать-то?

— Тот заброшенный город, он вовсе не заброшен. Большой, крепкостенный. Не мёртвый вовсе. Эти египтяне его осаждают. У них знамёна с письменами. Там названо имя — Менхеперра.

— Кто это?

— Фараон, царь египетский.

— Ты что, по-ихнему понимаешь? Откуда?

Аристомен усмехнулся.

— Все тебе расскажи... Меньше знаешь — крепче спишь.

— А царю есть дело, как зовут этого фара...она?

— Царю до всего дело есть. А особенно ему до того дело будет, что фараон этот помер тыщу лет назад.

— Чего-о? Тебе по голове приложили? Мы что, с мёртвыми воюем? С выходцами?

— Вроде того, — негромко сказал разведчик.

Аттал недоверчиво покачал головой.

— Я видел, как ты одного из них проткнул. Выходца так просто не упокоишь. Он ведь уже мёртвый.

Овраг оказался не таким уж длинным и плавно вывел беглецов наверх. Здесь снова начиналось открытое место.

— Люди это. Из плоти и крови.

Аттал вытянул вперёд руку.

— И этот тоже?

— И этот, — Аристомен поудобнее перехватил ромфайю.

Навстречу им, в полусотне шагов, не больше, двигался всадник. Египтянин многозначительно покачал копьём и указал остриём на землю.

— Предлагает бросить оружие, — догадался Аттал.

Аристомен вытянул вперёд руку с мечом, а другой похлопал по локтевому сгибу.

Египтянин усмехнулся и взял копьё наперевес.

— Ты слева, я справа, — сказал Аристомен и вскинул ромфайю.

В качестве цели египтянин выбрал разведчика, хотя сподручнее было бить фракийца.

"По одежде и шлему распознал большого начальника, живым будет брать".

Египтянин пустил коня вскачь. Аристомен изготовился и в последний момент перебежал всаднику дорогу, сбив с ног фракийца. Взмахнул длинным клинком.

Конь Аннуи споткнулся, кубарем покатился по земле вместе с седоком, придавив его своей тушей.

Аристомен приблизился к воину, держа меч наготове. Египтянин лежал на спине и

хрипел. Из рта толчками лилась кровь. Грудь раздавлена, лёгкие порваны. Может ещё и хребет сломан. Не жилец.

Воин шевельнул левой рукой. С нечеловеческим усилием, по глазам видно, дотянулся до своего горла и сдёрнул какую-то фигурку на золотой цепочке. Протянул Аристомену. Тот принял дар. Египтянин прохрипел что-то на своём языке, Аттал ни слова не понял, разобрал только "Ранефер", но лазутчик кивнул.

Аннуи закрыл глаза.

Аристомен повернулся к фракийцу, опустив меч.

— Что он сказал?

Разведчик раскрыл ладонь. На ней лежала фигурка. Материал похож на синий нефрит.

— Что это?

— Это Маат.

— Кто? — Аттал поднял статуэтку за цепочку на уровень глаз.

— Богиня истинного миропорядка, вечности и смерти. Они — странный народ. Считают, что истинная жизнь наступает для чистых душ за порогом смерти. Он просил, чтобы я отдал фигурку полководцу Ранеферу и сказал, что воин Аннуи исполнил свой долг во славу фараона.

Князь вернул фигурку лазутчику.

— Нет там никакой истинной жизни. Только ожидание в чертоге Залмоксиса. Эллины и вы, македоняне, (на этих словах Аристомен усмехнулся) верят, что там только багровая тьма и вечное забвение, но мы, фракийцы, знаем, что после ожидания своего часа нас ждёт перерождение. Истинная жизнь... — Аттал хмыкнул, — варвары...

— Ва-а-арвары! — передразнил фракийца Аристомен, — сам Фалес Милетянин не столько удивлял египтян своим разумом, сколько учился знаниям у их жрецов Братства Тота. Это они рассказали ему, что затмения солнца происходят, когда его закрывает луна. И ещё многое...

Лазутчик перевернул фигурку, всмотрелся.

— Имена женские, но в царских рамках. Не знаю такой царицы Египта, — Аристомен задумался.

— Не знает он. Затмения солнца... И кто наплёл-то? Бывал что ли у них? Потому и язык знаешь?

— Бывал? — рассеяно переспросил Аристомен, поглядев куда-то за плечо Аттала, — не важно. Смотри.

Аттал обернулся.

К ним приближались три колесницы и несколько всадников. Пальцы Аристомена разжались и длинный клинок упал на землю. Аттал тоже все понял.

— Сдаёмся! — фракиец бросил оружие.

С первой из колесниц соскочил воин, подошёл к телу старика, склонился над ним.

— Нефер-Неферу, ди уат хеб неджем Та-Мери Аменети таа аха Аннуи^[60]!

— Что он сказал? — прошептал Аттал.

— Попросил богиню даровать сладкий и радостный путь на Острова Блаженных для воина Аннуи, — так же негромко ответил Аристомен.

Египтянин подошёл к ним.

— Ди Ранефер, — Аристомен протянул статуэтку на ладони.

Тот замер на мгновение, заломив бровь, взял украшение, перевернул.

— Ренуи Сит-Амен^[61]!

Египтянин вновь поднял глаза на пленных и жестом приказал следовать за ним.

Часть хабиру, нахлёстывая коней, неслась к западу. Как раз туда, куда нужно Александру, поэтому "друзья", не обращая внимания на остальных кочевников, устремились в погоню за этой горсткой беглецов.

Неожиданно варвары резко отвернули в сторону. Навстречу скакали всадники, летели несколько колесниц, бежали пешие.

— Наши! — вытянул руку Клит.

— Вижу, — ответил царь, — это Птолемей! Идём к нему! Гераклид, со своей илой преследуй варваров!

Две сотни "друзей" бросились за удирающими хабиру, а царь повернул навстречу Птолемею.

Лагид стоял на площадке первой из колесниц. Александр осадил Букефала и вскинул лицо к небу.

— Хвала тебе, Сотер^[62]!

Колесница Лагида остановилась подле царя.

— Ты жив!

— А что мне сделается, — усмехнулся Птолемей.

— Где Гелланик?

— Не знаю. Думаю, что он мёртв или попал в плен.

— Гелланик в плен? Никогда!

— Значит, уже ступил на ладью, — согласно кивнул Птолмей, — Александр, эти египтяне по-настоящему умеют воевать, персам до них, как до Олимпа. Наподдали нам, будь здоров!

Александр поджал губы, осмотрелся по сторонам. Вдалеке маячили колесницы варваров, однако они не пытались приблизиться. По дороге подходила колонна измученных бойней щитоносцев, торопливо погоняли мулов обозные.

— Что прикажешь. Александр? — спросил Птолемей, — перегруппироваться? Они все разбились на десяток осколков. Поодиночке перебьём.

— Смотрите! — крикнул Клит.

Царь взглянул в указанном направлении. Ила Гераклида, только-что отправившаяся в погоню, уже возвращалась. И явно поредела.

— Что случилось? — крикнул царь, когда "друзья" приблизились.

— Они навели нас на засаду, — ответил Гераклид, — там свежие силы. Много лучников. Начали бить издалека. Ни разу не слышал, что с такого расстояния можно поражать цель... Я приказал отступить.

— Свежие силы... — процедил Александр.

Царь выехал навстречу подходящим воинам. Гипасписты шли торопливо, но было видно, что они уже совсем выбились из сил. Лохаг Менесфей приветствовал царя, поднимая щит. Подошли воины Ликона и Бергея. Последних особенно мало.

Из зарослей показалась вторая колонна щитоносцев. Впереди ехали несколько колесниц. Четырёхконные чудовища Ранефера. Передней правил могучего сложения воин, а когда она приблизилась, оказалось, что на площадке сидит ещё один. Его нога и левое плечо перетянуты тряпицами, оторванными от полы хитона.

— А, вчерашние смутьяны? — узнал воинов Александр.

— Да, царь... — прохрипел Теримах (это он сидел на площадке).

— Прости нас, царь, — прогудел Полидор.

— В чём можно обвинить таких храбрецов? — Александр обвёл взглядом все прибывающих воинов, — вы все — герои, каждый из вас равен богоборцу Диомеду! Никогда ещё мы не встречали столь сильного и упорного противника среди варваров! Только эллины способны так драться!

Александр взглянул на Птолемея. Тот внимательно смотрел на царя.

— Что ты прикажешь, Александр?

— Лагид, ты же присутствовал на встрече. Это — передовой отряд. И где-то поблизости фараон Менхеперра. Они превосходят нас числом...

— И бьются, как одержимые, — вставил Птолемей, — мы едва одолели горстку, Александр.

Царь хищно раздул ноздри.

— Мы ещё вернёмся, Лагид! Со всеми нашими силами! И вот тогда посмотрим...

Царь приложил ладонь козырьком к шлему. Солнце, перевалившее зенит, слепило глаза.

— Они не приближаются. Стоят вдалеке. Видать, не бессмертные, — Александр повысил голос, чтобы слышали все воины, — они не бессмертные!

Воины закричали, ударили копьями и мечами в щиты.

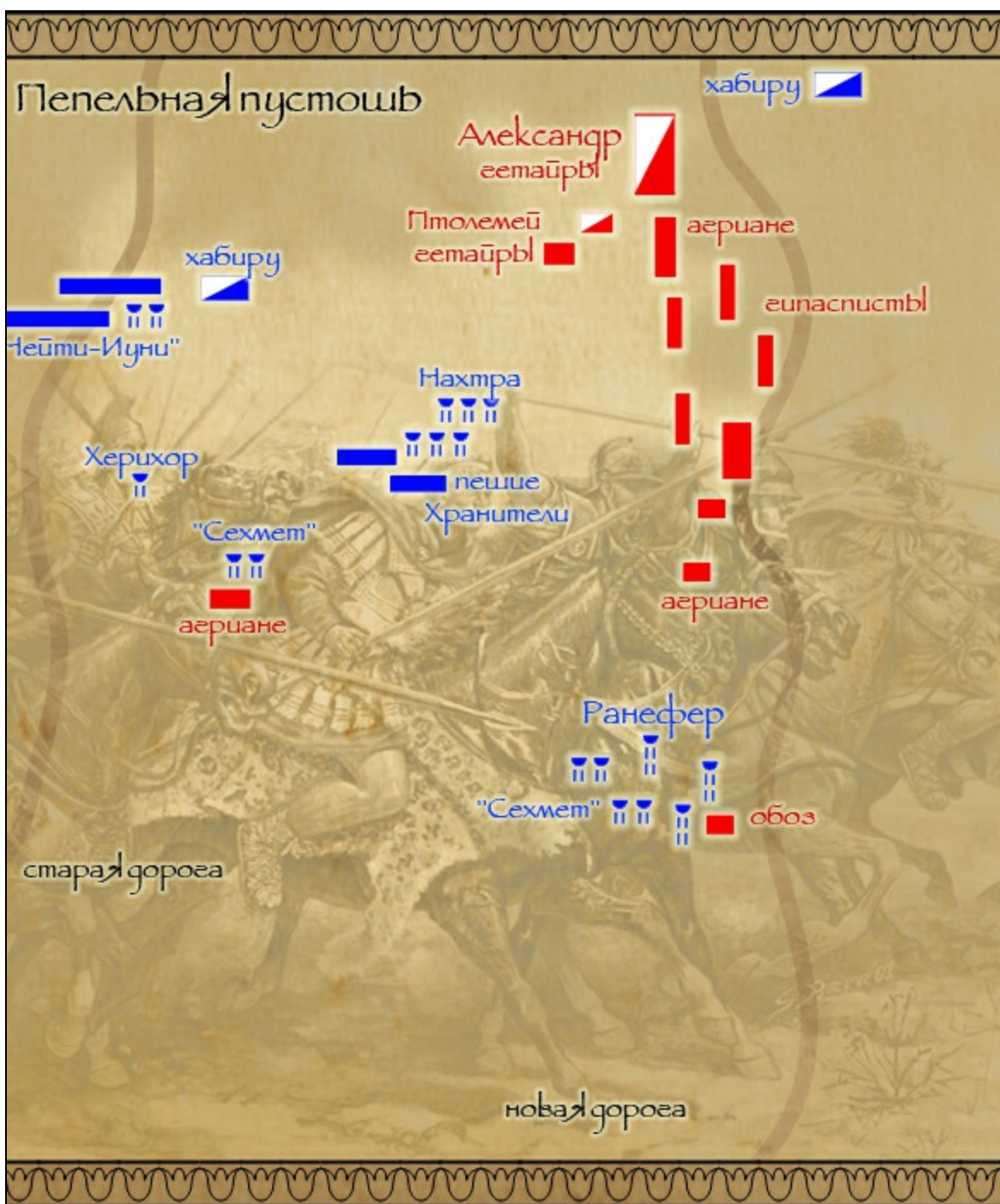
— Александр! Александр!

Птолемей покачал головой. В отличие от царя, он только что побывал на пороге Тартара, и у него сложилось совсем иное мнение на счёт смертности варваров.

— Идём в Тир! — приказал царь.

— А тело Гелланика? — спросил Лагид.

Александр скрипнул зубами, но не ответил.

Ипи, восстановив порядки, повёл колесницы вслед акайвашта, но увидев, что их отряды соединились, приказал остановиться.

Ранефер смотрел, как Алесанрас отступает и понимал, что не имеет сил, дабы задержать его. Поле боя осталось за сынами Та-Кем, и Величайший Менхеперра высечет на пилоне среди побеждённых племён ещё одно — акайвашта, но радости Верховный Хранитель не испытывал.

"Мы пройдем сквозь вас".

Вождь чужаков выполнил свою угрозу.

Воинство Маат Торжествующей, располовинившее двадцатитысячное отборное войско Нахарина, прикрытое царями фенех, смогло одолеть, но не сокрушить, не опрокинуть, не обратить в бегство, менее четырёх тысяч акайвашта. Однако, вовсе не досаду, но удивление и восхищение выражало в сей момент лицо Ранефера.

5. Горе тебе, Град-на-острове!

Цор, Тисури, Тир^[63]

Ночью выпал снег. Оскорблённое небо, спеша как можно скорее спрятать следы чудовищного танца смерти, скрылось за серыми тучами, дохнуло метелью. Пусть ровный белый ковёр укроет безжизненную солончаковую степь Гадамарги^[64], где не растёт даже ковыль, спрячет боль и страдания тысяч душ, безжалостно вырванных из жизни жестокосердным Танатом, сотрёт из памяти вечности безумие, охватившее смертных, что в гордыне своей присвоили себе право распоряжаться судьбами.

Не думать, не видеть, не знать. Было? Не было? Снег сотрёт все следы...

Рассвет не принёс облегчения, забытья. Будто мало смерти пыльной равнине, где ни зверь не живёт, ни птица не гнездится. Ещё вчера плоская, будто гладко оструганная доска, ныне она бугрилась складками гигантского белоснежного плаща. Трупы людей, лошадей. Десятки, сотни, тысячи... Их никто не убирал. Пережившим безумие — не до того.

Злой ветер, леденящий кровь в жилах, рвал с плеч плащ, бросая в пылающее лицо обжигающие холодом снежные заряды. Длинные чёрные полы плаща трепетали и хлопали, словно крылья огромной птицы, заглушая все прочие звуки.

"А вот и вороны..."

Откуда они здесь?

Чёрное на белом. Белое на чёрном. Белая земля, белые, сведённые мукой, окоченевшие лица покойников. От этой бесконечной белизны болели глаза.

Душа стремилась вырваться из чёрно-белой темницы. Хриплое карканье разрывало зыбкую ткань реальности. Та трещала по швам, обнажая яркое многоцветье красок, заполняющих сознание, подобно морским водам, проникшим внутрь проломленного тараном корпуса корабля. И в этом бешеном калейдоскопе призрачных образов отчётливо проступали черты женского лица.

"Чего ты хочешь?"

Её губы неподвижны. Голос, мелодичный, бесконечно приятный, кажется, лился отовсюду.

Эвмен прикрыл лицо ладонью, укрываясь от ветра. Обернулся. В глазах на миг потемнело. Завывания снежной бури в одночасье сменились многоголосьем ревущей битвы. Лошадиный храп, треск ломающихся копий, крики.

"Чего ты хочешь?"

Чего я хочу? Исполнения всех своих замыслов, мечтаний, того же, чего хотят все. Победы в битве? Да, я хочу победы. Но за все надо платить. Что если цена в итоге будет страшнее самой ужасной участи, что выпадали на долю побеждённых полководцев? Отвергнуть помощь, отдаться на волю судьбе?

"А знаешь ли ты свою судьбу?"

Да. Теперь он видел ясно.

"Я среди зверей".

Строй войска. Пёстрая масса людей, тысячи лиц, растерянных, даже испуганных. И немногие из них искажены злобой и ненавистью.

"Подлейшие из македонян! Вы выдаёте, как пленника, своего полководца. Разве не отвратительно, что из-за отнятого у вас обоза вы признаёте себя побеждёнными, как будто победа заключается не в превосходстве оружия, а в захвате имущества, и как выкуп за свои пожитки вы посылаете врагу своего полководца. Меня, непобеждённого и победителя, ведут в плен и губят мои же соратники!"

Они предали его. Старейшие воины великого Александра, "Серебряные щиты" прошедшие множество битв, ни разу не побеждённые, как и сейчас, когда они разметали фалангу Антигона, были наголову разгромлены собственной жадностью. Униженно, как шакалы на брюхе, они приползли к побеждённому врагу с просьбой вернуть обоз с их жёнами, наложницами и награбленным добром, который посчастливилось захватить воинам Антигона в самом конце сражения. Взамен Тевтам предложил выдать Одноглазому своего полководца.

Эвмен слишком устал. Он знал, что его ждёт, ибо был предупреждён "доброжелателем". Наверное, его следовало бы считать другом? Со стороны могло показаться, что так оно и есть. Самообман... "Друг" всего лишь опасался, что полководец сложит голову, не успев вернуть денег, выданных в долг...

Он так и не стал для них своим. Воистину, зависть и жадность Тевтама беспредельны. Долгие годы плечом к плечу, десятки битв. Все это оказалось лишь пустым звуком. Золото — вот истинный движитель всей этой массы людей. Золото, золото, тысячу раз золото, а ещё красивые тряпки и женщины. Для этого был совершен поход на край света с Александром? В Персиде они сожгли все. Сотни телег с награбленным добром превратились в единый костёр. Даже не по слову его. По одному осуждающему взгляду. Пошли они дальше и покорили Бактрию, Индию. За кардийцем они не идут. Кто он такой? За долгие годы никто из них, друзей покойного царя, так и не удосужился разглядеть за неизменной чернильницей, вощёной табличкой со стилем и грудой папирусов, равного себе. Разглядел Александр. Как все эти селевки и леоннаты бесились, когда царь назначил кардийца начальником конницы. Писаря сделал полководцем. Как многого они не знали, не желали знать... И вот теперь, когда семь лет уже нет Александра, они идут не за кардийцем. Они идут за золотом. Только оно — их цель.

А что есть его цель? Восстановить царство для наследника Великого царя? Семь лет погони за призраком, за несбыточной мечтой. Как видно, верность теперь не в цене...

Перед глазами мрачное мужское лицо. Ономарх, друг и соратник Антигона. Монофталм так и не появился в шатре Эвмена, не пришёл для разговора. Побеждённый не знал, как поступить с победителем, отданным в его руки собственными воинами.

"Вини во всём только себя. Должно быть, ты был плохим командиром, раз тебя все бросили. Или ты смеешь обвинять Антигона в подлости?"

"Нет, его я ни в чём не обвиняю. Ему никогда не пришла бы в голову мысль, подобная той, что боги вложили в отравленный жадностью разум Тевтама. Полагаю, вашему полководцу сейчас очень нелегко. Не хотел бы я оказаться на его месте, хотя, признаться, мне совсем не безразлично, что он решит. И несколько угнетает ожидание своей участи. Ты не знаешь, Ономарх, почему он не торопится казнить меня?"

"Я вижу, ты храбрый человек, Эвмен, но скажу тебе, что отважно встречать смерть следовало в битве. Немного достоинства умереть пленником".

"Клянусь Зевсом, в битвах-то я и был отважен".

"Так почему бы не дожидаться спокойно того срока, какой будет тебе назначен? Будь моя, будь наша воля, мы бы давно уже побили тебя камнями!"

"Сдаётся мне, ты сражался в рядах фаланги? Задали вам жару мои доблестные аргираспиды^[65]!"

"А ты знаешь, кто сейчас громче всех возмущается, что Антигон до сих пор не казнил тебя?"

"Тевтам сотоварищи? Я не удивлён".

Три дня томительного ожидания и вот, похоже, Одноглазый принял решение.

"Мой старый... друг... похоже, решил уморить меня голодом? Я буду тебе очень благодарен, Ономарх, если ты передашь Антигону мою просьбу. Я хочу умереть, как воин".

Эвмен вновь оглянулся на смертное поле. Он хотел увидеть солнце, но оно скрыто за тучами. Здесь только снег и ветер. Пусть так. Последний глоток ветра...

Женщина с белым пером в чёрных волосах, облачённая в летящее одеяние, сливающееся с метелью, выступила из белой мглы, взяла его за руку.

"Чего ты хочешь?"

"Я хочу, чтобы все это закончилось. Я хочу покоя..."

Эвмен открыл глаза. Утро. Восходит солнце, за окном весело щебечут птицы. Беспечным пернатым нет дела до того, что мир вокруг них изменился до неузнаваемости.

Второе утро после... события. Иначе и назвать не получается. Катастрофа? Катаклизм? Так вроде никто не умер, не утонул^[66]. Ну, нельзя, конечно, утверждать, что так уж и "никто". Но в сущности, ничего смертельного для войска. Бывало и хуже. Однако никакая вылазка варваров, сколь успешна она не была бы, никакое подкрепление, войско из Газы или флот из Нового Города^[67], не выбили бы землю из-под ног македонян. А тут именно оно самое и случилось.

Второй день Эвмен пытался осмыслить произошедшее, но оно совершенно не укладывалось в голове. Холодный разум кардийца не поддался панике, чего нельзя сказать об остальных, тех, кто уже успел заметить удивительные перемены в окружающей реальности. Да и реальности ли? Как-то это все на сон похоже. Вот только никак проснуться не получается.

И царь, как назло, в отъезде. Не позавидуешь сейчас Пармениону с Гефестионом. Слишком многие из македонян и союзников видели, что случилось с Тиром. Хорошо было гомеровым героям. Боги им морочили головы, водили за нос под стенами Трои, играя в, им одним ведомые, игры, а те и не удивлялись. Укроет туманом Афродита своего любимца Париса от гнева ахейцев — это нормально, в порядке вещей. А сейчас кто помнит, чтобы боги столь явно и в таком невероятном могуществе спускались в мир?

Ропщут македоняне, недоумённо оглядываясь по сторонам. А если сорок тысяч воинов ударятся в панику — со страху в одночасье горы свернут, но и себя погубят. А ведь здесь не только воины. Ещё пятнадцать тысяч рабов, мастеровых, торговцев, сопровождающих армию, даже женщин — и всем требуется как можно скорее дать понятное объяснение происходящего. Успокоить.

Успокоить... Тут сам не знаешь, как успокоиться, когда такие сны снятся второй день подряд. Эвмен провёл руками по лицу, протёр глаза.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Что это было? Игры Морфея? Может, гневается на него за что-то сын Гипноса и Нюкты-ночи? Жертву принести? Вот бы увидеть врата в мир, что бог, насылающий сновидения, открывает ему. Что-то подсказывало Эвмену — они окажутся вырезанными из рога^[68]... Слишком уж яркие образы, посланные богом. Это будущее? То, что его ждёт? Кардийцу всегда было интересно узнать, как видит грядущее царский прорицатель Аристандр.

Эвмен поёжился. Если это будущее, то ничего хорошего для себя он там не увидел. И кто та женщина?

Кардиец встал с постели.

— Дракон? Ты здесь?

Дверь покоев отворилась и на пороге возникла невысокая фигурка немолодого смуглолицего раба-финикийца, служившего Эвмену личным секретарём (секретарём секретаря, да). К начальнику царской канцелярии этот человек попал три года назад. Эвмен увидел его на рынке, среди раздавленных горем фиванцев, обречённых рабской доле не столько из-за жестокости Александра, сколько из необходимости пополнить казну перед азиатским походом. Сам Зевс, благоволящий своему сыну (если верить Олимпиаде), лишил фиванцев разума и взбунтовал против Александра. Тридцать тысяч мужчин, женщин и детей превратились в говорящий скот, а царскую казну пополнила пара сотен талантов серебра. Правда, истратили их очень быстро.

Дракон тогда привлёк внимание Эвмена своей невозмутимостью. Для свободнорождённых фиванцев рухнул весь мир, а в жизни финикийца ничего особенного не произошло. Просто очередная, далеко не первая в его жизни смена хозяина. Он уже много лет был рабом. Так долго, что не помнил своего настоящего имени.

Обнажённые женщины, матери семейств, пытались прикрыться, сгорая от стыда. Дети испуганно жались к ним. Мужчины в бессилии прятали глаза. Финикиец, стоявший в их рядах, не отрываясь, смотрел на толпу зевак, что бурно торговались, обсуждали женские прелести, бесцеремонно изучали зубы и мышцы мужчин. Кого-то из надсмотрщиков оскорбил независимый взгляд раба. Свистнула плетё. Плешивый старик, вовсе не бесстрашный суровый воин с плечами, как у Геракла, даже не поморщился. Лишь выпрямил спину и презрительно усмехнулся уголком рта. И тогда ладонь Эвмена сама собой потянулась к кошельку, закреплённому на левой руке у локтя. А позже, когда кардиец выяснил, что его новый раб говорит на семи языках, на трёх из них читает и пишет — возблагодарил Афины за то, что надоумила купить этого человека.

Было в облике финикийца что-то змеиное. Иногда замрёт, смотрит немигающе. Такое чувство, что сейчас между сжатых тонких губ проскользнёт раздвоенный язык. И голос негромкий, вкрадчивый. Завораживает.

Раб держал в руках медный таз с водой для умывания. Эвмен быстро поплескал себе в лицо, вытерся услужливо поданным полотенцем.

— Там воин ждёт, — кивнул на дверь Дракон, — Парменион прислал.

— Решили продолжить? — спросил Эвмен.

Раб покачал головой. Ему, конечно же, не сказали, зачем царский секретарь понадобился Пармениону. Хотя и так понятно. Как продолжать без Эвмена? Если кто и способен разобраться в этом безумии, то, пожалуй, лишь сам царь, да ещё старший над разведчиками. Вот только вчерашний допрос этого, как его... Шинбаала, не внёс ясности в происходящее. Надо продолжить.

— Ты пойдёшь со мной сегодня, — приказал Эвмен, — не доверяю я "пурпурным". Ни местным, ни сидонянам.

— Господин забывает, кто я? — усмехнулся Дракон.

— Господин ничего не забывает.

Эвмен вышел из дворцовых покоев, где коротал уже вторую ночь. В коридоре ждал Тевтам. Увидев его, кардиец вздрогнул, отпрянул, словно встретил привидение. Тот посмотрел на царского писаря с недоумением.

— Тебя ждёт Парменион. Иди за мной.

— Я, вообще-то, запомнил дорогу, если конечно они собрались в том же зале.

Тевтам не ответил, молча повернулся и пошёл прочь. Кардиец последовал за ним. После пары поворотов слабоосвещённого масляными лампами коридора, воин, ощущавший на своём затылке жгущий пристальный взгляд писаря, не выдержал и обернулся.

— Ты чего? — спросил Эвмен.

Тевтам помолчал, глядя исподлобья, пожевал губами, беззвучно проговорив оберег. Посторонился.

— Иди ты вперёд.

Эвмен усмехнулся. Перед глазами вновь встал образ женщины с белым пером в волосах. "Чего ты хочешь?"

В зале стоял массивный длинный стол, сделанный с большим искусством, украшенный резьбой и покрытый непрозрачным красным лаком, скрывавшим древесные волокна. За столом могло бы без труда разместиться пятьдесят человек. Очевидно, это обширное помещение с высоким потолком и большими окнами предназначалось для проведения советов, однако сейчас здесь почти никого не было. Всего два человека.

Один из них, молодой, темноволосый, одетый в пурпурную рубаху с длинными рукавами, украшенную вышитым золотым меандром, сидел за столом. Хотя правильнее было бы сказать — "лежал за столом": голова его покоилась на скрещенных руках, игравших сейчас роль подушки.

Второй, седой муж, крепкого телосложения, одетый более просто, в белый безрукавный хитон, обнажавший бугрящиеся мышцами загорелые руки, стоял возле распахнутого настежь окна и рассматривал ставни — мозаику, набранную из разноцветного стекла в толстой деревянной раме. Стекланный рисунок изображал человека с головой хищной птицы. Над ней художник поместил большой красный диск, обвитый коброй.

Старик задумчиво поглаживал аккуратно подстриженную серебристую бороду, временами пытался ногтем ковырять стыки фрагментов мозаики. Двустворчатые двери, подвешенные на хорошо смазанных петлях, отворились совершенно беззвучно, но седой всё равно это заметил, благодаря возникшему сквозняку. Повернулся к вошедшему.

— Долго спишь, кардиец.

Эвмен обернулся к Тевтаму, тот помедлил немного, посмотрел на седого, и, не получив никаких распоряжений, удалился. Начальник канцелярии, жестом указав Дракону ожидать у двери, прошёл к столу, отодвинул резное кресло возле спящего и сел.

— Я смотрю, кое-кто спит и подольше меня, Парменион.

Старик хмыкнул, а темноволосый поднял голову.

— Это потому что кое-кто всю ночь глаз не сомкнул, когда другие блаженно храпели себе в чистой постельке.

Глаза Гефестиона действительно были красными от недосыпа.

— Ну и что вы высидели, после того, как я ушёл? — спросил Эвмен.

Царский друг и заместитель неприязненно посмотрел на начальника канцелярии, но ничего не сказал. Притянул к себе серебряный кубок, заглянул внутрь. Поморщился. На расстоянии вытянутой руки на столе стоял большой глиняный кувшин с двумя дугообразными ручками, похожий на эллинскую пелику. Гефестион привстал, дотянулся до него, болтнул. Налил вина до краёв чаши, не разбавляя выпил. Скривился. Отставил кубок и потёр пальцами виски.

— Голова трещит? — участливо поинтересовался Эвмен.

Гефестион имел репутацию бражника. На пирах он далеко оставлял позади себя всех остальных друзей Александра. Однако и похмельем расплачивался за страсть к вину в большей степени, нежели они.

— Да иди ты...

Эвмен усмехнулся. Дверь снова открылась, и на пороге зала возникли Филота и Кратер. Не говоря ни слова, приблизились и сели напротив Эвмена с Гефестионом. Парменион оторвался от изучения мозаики, и занял кресло во главе стола. Гефестион, назначенный Александром командующим, возражать не стал. Он старался не ссориться со стариком из-за таких мелочей. Особенно в присутствии его сына, надменного и ревнивого к власти тех, чей род не столь знатен.

— Филота, ты распорядился, чтобы его привели? — спросил старый полководец.

— Да, отец. Сейчас он будет здесь.

— У кого-нибудь за ночь появились свежие мысли, что за безумие тут творится? — поинтересовался Парменион.

Кратер, мрачно изучавший свои кулаки, покачал головой. Филота промолчал. Гефестион снова опрокинул в себя чашу, и с размаху грохнул ею по столу. Звук, многократно отразившись от стен и потолка, затихал долго. У всех в ушах зазвенело, но никто из присутствующих не высказал неудовольствия.

— А что Аристандр говорит? — спросил Эвмен.

— Ничего не говорит... — буркнул Парменион, — не было знамений никаких.

— Знамения и придумать можно, — сказал Эвмен, — в первый раз, что ли?

Филота вытаращил глаза на святотатца.

— Ты из ума выжил, кардиец?

— Помолчи, сын, — оборвал его старик, — нам ещё брожения умов среди воинов не хватало. Прав Эвмен. Войску надо что-то говорить. Причём такое, что все поймут и примут. Аристандр найдёт, что сказать. Его задача — объявить всем, что эти невиданные чудеса сотворили наши боги. Которые нам, без сомнения, благоволят. Это не сложно. Мы же взяли Тир? Взяли. Довольно легко. Перед этим пять месяцев безуспешной осады, а тут за половину ночи и половину дня...

— И потери не так уж велики, — вставил Кратер, согласно кивая.

— Хотя, — повысил голос старик, — я теперь вижу, что их можно было избежать вовсе! Если бы придурок Мелеагр не кинулся сломя голову в драку, не разбирая, с кем и зачем, а отошёл спокойно к лагерю...

— Если бы не он, мы бы могли оказаться поутру у разбитого корыта, — вступился за товарища Кратер, — ты видел, как они дрались?

— А ты трупы варваров и пленных считал? — поинтересовался Филота, всегда

поддерживавший отца, — их там было-то... В плевке утопить можно!

— Уж ты бы утопил... — буркнул Кратер, — вспомни-ка сколько Мемнон выпил нам крови с горсткой людей. В Галикарнасе бреши гораздо шире пробили, а сколько бодались?

— Потому что там вышло так же, как сейчас! Два пьяных дурака спровоцировали вылазку, потом полночи без толку обе стороны подливали масло в огонь, да он так и не разгорелся. Потому что по горсти подливали! Не так надо было! Надо было сразу амфору кинуть! На одни и те же грабли наступаем!

Кратер хмыкнул. Филота всегда отличался красноречием. Даже сейчас без метафор обойтись не может.

— Утром они успели бы вооружиться, подготовиться... — поддержал Кратера Гефестион, — и стена эта...

— И как быстро они бы её заделали? Там дырища в тридцать шагов! Я специально вчера мерял.

— Заделали бы. Там же куча обломков, каменное крошево, какие-то куски кладки, кровли. Такое чувство, будто на неё сверху пару домов уронили. Ты видел, как они проворно телег туда подогнали? Между прочим, наших же! К утру бы укрепились, будь здоров.

— Стена — это самое необъяснимое, — подал голос Эвмен, — все остальное легко списать на вмешательство Олимпа, но зачем Громовержцу потребовалось возводить вокруг Старого Тира стену...

— Да при этом частично её рушить, — добавил Гефестион.

— Как раз пролом объясним, — сказал Филота, — иначе внутри кольца оказалась бы часть лагеря. Если бы боги решили оказать помощь не нам, а "пурпурным", то зачем ломать стену? Варвары бы тогда легко вырезали людей Мелеагра.

— Ты уверен, сын, что боги решили помочь именно нам? — спросил старый полководец, — те метаморфозы, случившиеся с Тиром, не сделали его менее неприступным. Скорее, наоборот.

— Но мы же сидим здесь, в царском дворце, а не на берегу локти кусаем.

Эвмен задумчиво почесал трёхдневную щетину. На мгновение перед глазами все поплыло.

"Чего ты хочешь?"

Эвмен вздрогнул, сердито мотнул головой, отгоняя наваждение.

— Что с тобой, кардиец, — спросил Кратер.

— Н-ничего... Я вот что думаю: "пурпурные" молились своим богам и те вняли им. Потому на месте развалин оказалась крепость с гарнизоном. Но олимпийцы тоже вмешались и у чужих не вышло. Не знаю, как иначе все это объяснить.

— "Так взволновалось все, как бессмертные к брани сошлись!" — мрачно процитировал Гефестион строки слепого сказителя.

— Вроде того, — поддакнул Кратер, — воистину, любит Александра его отец, раз вмешался.

— Ты бы язык-то прикусил, — сверкнул очами Парменион, — болтаешь много. Никому не позволю честное имя Филиппа позорить.

— Что я такого сказал? — удивился Кратер, — я ничего дурного про Филиппа не говорил.

— Хватит! — хлопнул ладонью по столу Гефестион, — из пустого в порожнее переливаем. Ни до чего так не договоримся. Надо допросить жрецов "пурпурных". Кому

молились, чего просили...

— И Шинбаала, — предложил Эвмен.

— Для того и собрались, — сказал Филота.

— Я догадался.

— Ну, где там он? — нетерпеливо крикнул Парменион, так, чтобы услышала охрана у дверей, — в Тартар его, что ли, запихнули?

Почти сразу после этих слов двери распахнулись и два воина ввели в зал темноволосого юношу, облачённого в длинное белое одеяние, украшенное бахромой и красными вышитыми узорами причудливых форм. Следом вошли ещё два человека — финикийцы, нанятые в Сидоне и приписанные к царской канцелярии в качестве переводчиков. Эвмен сразу поманил их к себе, подозвав заодно и Дракона.

Охранники подвели юношу к столу. Парменион откинулся на спинку кресла и произнёс: — Радуйся, Шинбаал! Садись.

Юноша скосил глаза на переводчика, тот повторил слова стратега на языке финикийцев. Шинбаал, помедлив немного, сел, немигающим взглядом глядя прямо перед собой, как бы сквозь Пармениона. Македоняне, напротив, пристально разглядывали человека, утверждавшего, что он является царём Тира.

— Ну что, *царь*, — Парменион выделил это слово пренебрежительным тоном, — продолжим наш разговор?

Тремя днями ранее

Правительница Сит-Уаджат проснулась до рассвета. Её царственный супруг, Шинбаал, владыка Тисури, ещё спал, и спал глубоко. Понятно, почему. Из-за бушевавшей вчера грозы, он полночи не мог уснуть, то и дело прерывая сладкий сон высокородной дочери Та-Кем. И дело вовсе не в суеверном страхе пред тварью Дуата, по вере фенех мечущей в небесах громовые стрелы. Просто, вернувшись на родину, прожив в земле Джахи^[69] уже более года, Шинбаал успел отвыкнуть от гроз Священной Земли. А Сит-Уаджат, прибывшая в Тисури вместе со своим мужем ещё при жизни нечестивого царя Йаххурима, заметила две странности. Дожди здесь шли в десять раз чаще, чем в Священной Земле, причём круглый год, а не только в сезоны Жатвы и Засух. А вот настоящие ливни были не просто редкостью — отсутствовали вовсе. Синие стрелы Небесного Хапи били море и землю столь редко, что сосчитать их за год можно по пальцам.

Сит-Уаджат привыкла, что даже в жарком Уасите, каждый дождь — это ливень, а каждый ливень — гроза, иногда не утихающая несколько дней. Правительница любила белые вспышки и убаюкивающий шум дождя. Она тосковала по дому. Вот и вчера ей вспоминался Уасит, отец... Сит-Уаджат сама не заметила, как задремала. Под утро, решив не будить супруга, дочь Та-Кем поднялась на башню царского дворца. Её удивило то, что камни, нагревшиеся за день, совершенно сухи. Царица огляделась по сторонам.

Горизонт на западе едва побледнел, но ещё не окрасился нежным пламенем Хепри-Ра.

На востоке Ушу^[70] ещё утопал во тьме, испещрённой едва заметными пятнышками факелов на улицах города простолюдинов. Вдалеке, за виноградниками виднелась гора, поросшая кедром. Старые раскидистые деревья хорошо заметны на фоне розовеющего восточного неба.

Царицу отвлёк далёкий, но сильный грохот, за которым последовали крики и едва слышимый лязг. Она остолбенела, признав шум битвы. Тревожная песнь серебряной трубы, пусть и заставила сердце сжаться, но мгновенно вывела женщину из оцепенения. Сид-Уаджат бросилась вниз по лестнице, ворвалась в покои, застав Шинбаала уже облачённым. Молодой царь, получивший в Священной Земле имя Синебт-Маатуи (при его соплеменниках оно никогда не называлось), смотрел в окно. Почувствовав взгляд, он обернулся:

— Тебе нечего бояться, высокородная Правительница, — Шинбаал улыбнулся, он действительно был спокоен, — это всего лишь набег пиратов акайвапта или кефтиу. Отражать его не в первой. Ранефер укрепил Ушу, да, к тому же, там несколько сотен отборных воинов и стрелков Чёрной земли и две тысячи воинов Тисури!

Царь Града-на-острове всегда разговаривал со своей супругой на языке Та-Кем.

— Взойдёт солнце, и ты сама увидишь, что разбойники бежали.

— Тем не менее, Возлюбленный Брат^[71], призови...

— Уже! — Шинбаал перебил супругу, — сейчас явятся почтенный уахенти^[72] Ранеб и наместник Тутии.

Две вспышки огня, внезапно возникшие посреди пролива между Цором и Ушу, отвлекли царственную чету. Ладья неведомых разбойников, получившая в борт две стрелы неугасимого пламени, быстро превратилась в сплошной костёр. Так быстро, что ни Шинбаал, ни правительница не успели разглядеть её очертаний. Зато другую ладью, прошедшую мимо и кажущуюся на фоне пожара чёрной тенью, удалось рассмотреть лучше.

— Какая огромная! — воскликнул Шинбаал, — она же вдвое выше и намного длиннее тех пиратских ладей, что нанимали Нибамен с Ранефером, дабы взять наш город. Никогда таких...

— И все же, достойнейший царь, это ладья акайвапта! — послышался хриплый, но твёрдый голос уахенти Ранеба.

Шинбаал и Сит-Уаджат оглянулись, только сейчас заметив, что прибыли двое, кого пригласил царь, а с ними Анхнофрет, Хранительница и член совета Дома Маат, коей даже Ранефер доверял, как самому себе.

Сотня едва заметных искрящихся светляков взмыла в небо. Корма второй ладьи задымилась, и вскоре над ней взвился высокий язык пламени. Пираты замечались, бросив рулевые весла, корабль закрутило, и в его борт вонзился таран третьей пиратской ладьи, не успевшей отвернуть. Горящий корабль едва не лёг на борт, однако, ладья, протаранившая его, осторожно отошла назад, вынудив смертоносный клюв, и остановилась, дабы принять команду и воинов с пылающего, а теперь ещё и тонущего собрата.

Не успел Ранеб выдохнуть: "Отличная цель!", как огненная стрела, выпущенная из осадного лука, установленного на крепостной стене, пронеслась над палубой и скрылась в волнах. Зато следующая, похоже, попала точно в борт, разбрызгивая пламя. Как и несколько других светляков, атакующих пиратский корабль со стороны невидимой из окон дворца.

— Взгляни, Ранеб! — наместник даже отшатнулся от удивления, рассматривая обречённый корабль, повернувшийся к ним носом, — презренные пираты научились строить ладьи размерами едва ли не больше наших осадных!

— Да, — мрачно подтвердил уахенти, — и у них три ряда весел.

— Не может быть! — воскликнул царь, — даже кефтиу не имеют таких кораблей, а они куда как преуспели в мореходстве и на равных соперничают с флотами Страны Пурпура!

Наместник покосился на Шинбаала и усмехнулся уголком рта.

"На равных..."

Хотя юный царь и воспитывался с десятилетнего возраста в Священной Земле, но родная кровь всё равно берет своё. "Пурпурные" никогда не признаются, что если бы не Огненный Потоп, положивший начало закату великого некогда острова, они не могли бы даже мечтать о том, чтобы сравниться в могуществе с морскими царями Кефтиу.

Пиратский корабль кренился на правый борт. Левый охвачен пламенем, которое торопилось пожрать все, до чего способно дотянуться. Отлично горит просмолённое дерево. Присутствующие в зале хорошо видели, как от огромного костра отделяются малые лепестки огня, мгновенно исчезающие в волнах — это прыгали за борт моряки.

— Мои глаза никогда не подводили меня, достойнейший государь, — твёрдо заявил Ранеб, — там три ряда весел.

— Я, конечно, верю тебе, достойнейший, — сказал Тутии, — но это всё равно невероятно. Как оборванцы-пираты смогли обскákat лучших мастеров Величайшего?

— Чему удивляться, — возразил Ранеб, — пираты хорошо осведомлены о возможностях "Себек-Сенеба". Семь лет назад многие из них не скрывали радости, что наблюдали его мощь, будучи в лагере победителей. Видать, не дураками оказались, раз урок, преподанный другим, пошёл впрок. Надо думать, что теперь их ладьи станут гораздо быстрее и будут легко уходить от пламенных стрел.

— А я уверена, что это не акайвапта, — нарушила молчание Анхнофрет.

— А кто же? — спросила Сит-Уаджат.

— Наши враги собрали огромную рать, почему бы не присовокупить к ней и флот? Чтобы нанести Священной Земле удар не одной рукой, а сразу двумя. Когда Ранефер брал Тисури, не только пираты оценили по достоинству "Себек-Сенеб". Моряки Гебала [\[73\]](#), избежавшие смерти и плена, вполне могли надоумить мастеров измыслить эти новые ладьи с тремя рядами весел. И ведь смогли построить в тайне. Проморгал Ипи.

— Пожалуй, Анхнофрет права, — Ранеб вытянул руку вперёд, — меня беспокоят вовсе не весла необычных ладей. Присмотритесь внимательнее. Сколько там людей?

Наместник беззвучно шевелил губами: считал. Бесполезное занятие. На фоне пляшущего пламени метались неясные тени. Однако вовсе не требовалось счесть каждого из нападавших, чтобы осознать — их слишком много.

— Да, многовато, — сказал Тутии, — но если три ряда весел...

— Достойнейший, ты думаешь, это гребцы? Со щитами? Приглядитесь все, как следует, неужели я один вижу, что там мелькают шлемы и щиты? Это воины!

— Воины союза царей, а вовсе не пираты! — добавила Анхнофрет.

— Но ведь Менхеперра разбил нечестивых царей... — пролепетала юная Сит-Уаджат, — уже три дня, как сова принесла весть о великой победе в Долине Врат...

— Эти о том, скорее всего, ещё не знают, — сказала Анхнофрет, — а если и знают — стало быть, решили отыгаться на водах Великой зеле...

Резкий, громкий треск донёсся до царского дворца, и зала погрузилась в молчание. Только Ранеб прошептал:

— Хорошо сработали подарки высокородного Знаменосца! Повезло же тебе с

соправителем, Шинбаал!

Царь не ответил. В зареве пожара было видно, как три охваченные пламенем, неуправляемые, увлекаемые течением ладьи, почти одновременно вздрогнули, точно каждую ухватил непомерно огромный сын Себека, и, как всегда делают крокодилы, тут же потащил под воду. Одна попыталась отвернуть, и почти миновала частокол заострённых кедровых стволов в воде... Но те все же проломили её борт и ладья стала быстро тонуть.

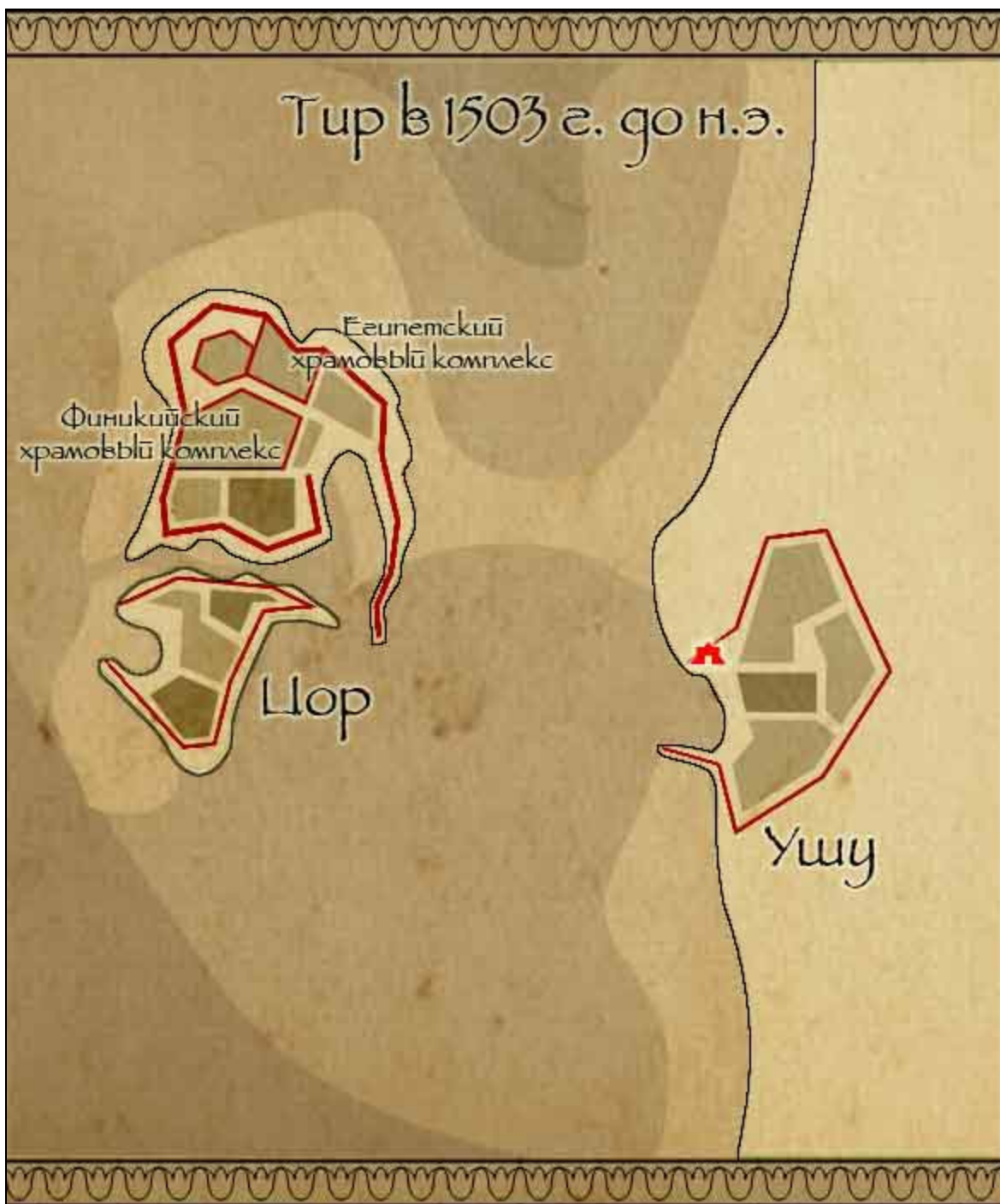
Семь разливов назад Ранефер ударом с моря захватил Тисури, разбив царя Бин-Мелека Йаххурима, отца Шинбаала. Ипи провозгласил себя соправителем Града-на-острове и едва Величайший, а следом и Самозванка, подтвердили его право на очередной титул, с головой нырнул в дела обороны этого важнейшего приобретения Священной Земли.

В то время Ушу, Град-на-берегу, защищали лишь валы и частокол. Цор так же не имел серьёзных укреплений, поэтому, когда Ипи сжёг флот "пурпурных", высадке воинов уже никто не мог помешать. Несущая знамя Верховного Хранителя осадная ладья "Себек-Сенеб" беспрепятственно вошла в гавань. Ранефер, возникни у него такое желание, мог с лёгкостью, безнаказанно, спалить Тисури дотла. С Градом-на-берегу его наёмники так и поступили.

Однако Верховный Хранитель прекрасно понимал, что значит Тисури для Священной Земли. Отличная верфь, может и меньше, чем в Бехдете, но побольше, чем в Па-Уда. Возможность торговать золотом, зерном, редким оружием и чудесными твореньями ювелиров Та-Кем, что ценятся во всём мире. Отныне — не оставляя трети прибыли ненасытным торговцам фенех. Постоянные, чтобы не случилось, поставки отборного корабельного леса для флота, третий военный порт на Зелёных водах, почти неприступная крепость Священной Земли.

Это "почти" Ранефер твёрдо решил исправить. Ипи испросил Тутимосе, с большой любовью строившего многочисленный флот, удвоить число старых лесовозов и дополнить их тяжёлыми спаренными, на основе корпусов осадных ладей, соединённых мощной рамой. Самозванка отказала Ипи в помощи, а собственных средств Менхеперра едва хватало на содержание войска, постройку крепостей и флота. Однако это не остановило Ранефера. Его семья потомков Древней Крови была самой зажиточной в священной Земле. Ипи купил несколько заброшенных каменоломен, включая одну в Суине, где раньше, пока не наткнулись на трещины, добывали отборный гранит для великих обелисков и стел. Не прошло и разлива, как по Реке двинулись караваны новейших сдвоенных, а так же старых, составленных из трёх корпусов, грузовых ладей, везя готовые блоки песчаника и гранита, каменную крошку и алебастр. Вместе с ними шли вереницы торговых судов поменьше, чем только не гружёных, от золота до зерна. Корабли возвращались обратно с кедром, который валили на горе близ Ушу. Драгоценное дерево везли на верфи, значительно расширенные Величайшим.

Всего через три разлива вокруг Ушу выросли стены — невысокие, в десять локтей, но ступенчатые, как строили со времён Имхотепа. Лестницы не очень-то приставишь, не говоря об осадных башнях. Основание с коридором для лучников, облицованное гранитом в локоть толщиной, не пробьёшь тараном. Защиту дополнили мощной восточной надвратной башней в двадцать четыре локтя, шестью угловыми в двадцатью, и восемью малыми. Ещё две низкие, но широкие башни венчали стены, выстроенные на искусственных косах, которые, на два десятка шагов вдаваясь в морские волны, защищали гавань Ушу.

Малый Цор, как "пурпурные" звали южный остров, и его торговая гавань были защищены почти также, разве что стены пониже и тоньше, без изысков, присущих крепостям Та-Кем, ибо с моря не подведёшь осадных башен, а пока приставишь с ладьи лестницу, корабль трижды успеют сжечь.

Зато сам Цор-Тисури Ипи превратил, воистину, в неприступную твердыню. Если укреплением южного острова и Ушу руководили опытные, но малоизвестные зодчие Та-Кем, вместе с приглашёнными строителями из Ашшура, то Градом-на-острове занимался сам Ипи.

Несмотря на молодость, Ранефер уже очень многое успел в этой жизни. Это он перестраивал величайшую из твердынь мира — крепость Джару, и почти заново создал связанную с ней, пришедшую было в упадок Стену Болот. К тому же, в деле укрепления

Тисури принял участие знаменитый Сен-Мут, зодчий, щедро одарённый Нетеру. Строить крепости ему прежде не доводилось, но, что не говори, храмы возводить гораздо труднее. Вот он и построил в Граде-на-острове величественный храм.

Ипи Ранефер исполнил обещание, данное нечестивому отцу Шинбаала: цари Хатти и владыки Востока, почти не имеющие своих приисков, отныне закупали в Тисури золото за полуторную цену, а когда Ипи, нуждаясь в серебре, резко уменьшал продажу, то за двойную. Зерно давало прибыль не меньшую, чем золото, особенно в годы неурожаяев. Большой доход приносило оружие и украшения лучших мастеров Та-Кем, за которыми цари и высокородные воины от острова Шарден до Элама посылали своих купцов, наказав платить, сколько запросят.

Все товары Та-Кем торговались только в Бехдете и Тисури, а поскольку Тисури был ближе... Даже великие и богатейшие города "пурпурных": Тидаин, Гебал, Берити, Иоппа, не говоря о мелких, Акке и Арваде^[74], беднели и угасали, тогда, как Тисури богател изо дня в день. Пусть треть дохода забирал Ранефер, по праву соправителя, и значительная часть дани ежегодно уходила в Дом Серебра и Золота. Но до подчинения Двойной Короне, больше шести десятков хека в год не выходило, а под властью Пчелы и Осоки сокровищницы каждый год пополнялись четырьмя сотнями хека золота^[75].

И покойный ныне царь — из страха ли, из гордости, а может из-за желания воздвигнуть то, что прославит его род, да заставит позеленеть от зависти самых богатых царей "пурпурных" — не скупился. Приглашал лучших каменщиков в странах фенех, суля плату, впятеро большую, чем те могли заработать на родине. Зимой нанимал по пять тысяч крестьян из своих земель на подсобные работы. Вдвое больше, да за меньшую плату, к нему шли крестьяне из внезапно обедневших соседних царств. Купил в землях Ашшура и Бабили двенадцать тысяч рабов. И на пятый год Тисури преобразился. Высоту стен довели до двадцати пяти локтей, расширили и уподобили с внешней стороны крепостям Та-Кем. Укреплённый царский дворец окружили дополнительной цитаделью. Усилили девять старых, построили пять новых башен, стены гавани. Возвели два пилон^[76], сравнимых с крепостными стенами. Один защищал храмовую площадь, где народ Тисури поклонялся своим тварям Дуата, а другой — Нетеру, вместивший в себя храмы Всевлadyчицы, Сокровенного, Нейти, Сети и Себека, исполненные в старом стиле.

Каждый храм — маленькая крепость. Между стенами храмов богов фенех и Нетеру шла узкая, едва две повозки разъедутся, улочка, ведущая к воротам дворцовой стены. Ни один военачальник не пустит в эту щель своих воинов под стрелы и камни. Купцы, выдавшие Уасит и Бабили, с восхищением замечали, что очень немногие крепости сравнятся теперь с Тисури, и, незаметно, на разных языках стали называть его не Градом, а Твердыней-на-острове.

Однако Ранеферу сие показалось недостаточным. Посему, он приказал нарубить молодых кедров, в один охват, да установить вокруг главного острова и всех гаваней на дне под углом. Там, где позволяло дно, мастера Ипи создавали рукотворные рифы. Причём, большая часть торговых ладей, даже под грузом, беспрепятственно проходила над ними, а уже боевые корабли "пурпурных" могли пропороть себе брюхо.

Там, где длинная коса завершалась башней, оставались безопасные проходы, шириной почти в сотню локтей. Для мирных торговцев. Боевой корабль никогда не пройдёт рядом с башней, ибо будет немедленно уничтожен. Ничто не спасёт его от неугасимых стрел.

И сейчас старый моряк Ранеб — учитель двоих Знаменосцев: Нибамена и Ранефера, не

без гордости наслаждался зрелищем уже пяти пиратских ладей, объятых пламенем, налетевших на подводные колы и гибнущих, как звери на рогатинах.

Со стен Ушу, похоже, выстрелили два осадных лука. Но не стрелами, а круглыми сосудами тонкостенной меди. В них была не "кровь Геба"^[77], а масло, загущённое воском, и раз в семь меньше горючего камня, чем в смеси неугасимых стрел. Тем не менее, громадные пятна огня вспыхнули на земле, осветив нападавших разбойников, а едва пламя вырвало цели из объятий тьмы, в них полетели стрелы защитников Ушу.

— На нас напали? — в залу вошла юная Сульяэли, сестра Шинбаала.

Полуодетая, сонная девушка протирала глаза и зевала. Следом за ней, едва не сбив царевну с ног и чуть не сорвав двери с петель, ворвался богатый и всеми в Цоре уважаемый купец Нитбалу.

— Напали!

Присутствующие повернулись к торговцу.

— Нитбалу, откуда ты?

— Ты что, прямо мимо пиратов проскочил?

— Кто эти разбойники, ты смог их разглядеть?

Купец отдышался, сел прямо на пол, видно ноги не держали, такого страху натерпелся. Сглотнул.

— Не только разглядел. Я шёл из Бехдета в Берити. Спешил. В Цор не собирался заходить и приставать на ночь к берегу не хотел. До Града уже немного оставалось, думал, обогну с запада, как обычно, — Нитбалу говорил на языке Та-Кем, ибо заметил присутствие Ранеба, который, как многим ведомо, речью фенех не владел, — гляжу, впереди огни в море. Много огней. Я не обеспокоился. Мало ли, может флот Величайшего прибыл или наоборот выходит до света за каким-то делом. Ну, кто тут ещё может быть в таком числе? Так и иду себе, как шёл. Две ладьи ко мне приблизились и велят, значит, остановиться. Я пригляделся, они странные донельзя. Никогда таких не видел. Огромные, просто жуть! Малое сходство с нашими есть, но больше на ладьи кефтиу и акайвашта похожи.

— Почему ты так решил? — спросил Ранеб, решив проверить собственные предположения.

— На корме завиток. Только у наших, как ты знаешь, почтенный Ранеб, он скорпионий хвост изображает, а пираты рыбий любят. Да и размерами он у них всегда больше. На носу рог торчит.

— Я же говорил! — сказал Ранеб, — это пираты. Ты не права, Анхнофрет, напрасно я с тобой соглашался.

Хранительница только рукой махнула.

— Дальше-то что, почтенный Нитбалу?

— Дальше... — купец рассеянно снизу вверх оглядел собравшихся.

— Не томи, достойнейший! — попросила Сит-Уаджат, — продолжай!

— Они мне, значит, на каком-то странном языке кричат. Я вслушался, ни слова не разобрал. Так и отвечаю, не понимаю, мол. А они мне тогда по-нашему. Станный говор какой-то, иные слова совсем как чужие звучат. Но в основном все понятно.

— Так они тебе ответили на языке Страны Пурпура? — переспросила Анхнофрет.

— Именно так, достойнейшая. На северный выговор похоже. Вроде, в Яхмаде так говорят. Хотя я не уверен. Мало с кем оттуда имею дела.

— Яхмад? — Анхнофрет многозначительно взглянула на Ранеба. Тот лишь фыркнул.

— Продолжай, почтеннейший, — попросил царь.

Нитбалу прокашлялся.

— Спросили, кто такой и куда путь держу. Я ответил правду. Спросили, что везу. Я сказал — вино. Они, похоже, не поверили. "Табань", — говорят. Я на вёслах шёл. "Мы", — говорят, — "сейчас к тебе подойдём и посмотрим". Тут я неладное почуял. Что корабли из Яхмада здесь делают? Смотрю, ещё одна ладья подваливает. Ещё больше тех двух. По сравнению с моей — слон рядом с ослом. "Нет", — думаю, — "не иначе Баалшур Сипиш решил на Цор напасть". Ходили слухи, что он большой союз собирает.

— Горшком его союз уже накрылся, — перебил купца Ранеб, — сова с вестью прилетела — три дня назад Величайший наголову разбил всех нечестивых царей.

— Да? — удивился купец, — я не знал. И в Бехдете ещё не знают. Быстро ваши совы летают.

— Дальше, дальше, пожалуйста! — попросила Сит-Уаджат.

— А что дальше... дальше я решил ноги сделать. Гребцам ору — навались! Навалились. От тех двух ускользнул, да всё равно сбежать не смог. Куда там, все море в огнях. Стрелы в меня полетели. От отчаянья на отмель ладью направил. Вот тут у северной оконечности острова как раз брюхом в дно и зарылся. Ну, в воду, конечно, сиганул со всей командой. До берега оттуда недалеко уже.

— А как в город попал? Вдоль стены, что ли, бежал? — спросил наместник.

— Какое там! Пролив чужие ладьи запрудили. Побоялся. С севера пусто, к стене подбежал и давай орать, что, мол, свой. Чуть не всю дворцовую стражу поимённо помянул, пока поверили, — Нитбалу вытер пот со лба, — никогда бы не подумал, что подобные знакомства в жизни пригодятся. Верёвку со стены сбросили, да втащили.

Шинбаал верил каждому его слову. Нитбалу выглядел испуганным, но царь знал, что купец не трус. Не раз он доказал это, борясь с пиратами, штормами, а так же принимая участие в некоторые чрезвычайно щекотливых и невероятно опасных предприятиях. В таких, где человеку робкого десятка совершенно нечего делать.

Царь знал и о том, что торговец работает на Ранефера, но помалкивал. Верховный Хранитель прекрасно разбирался в людях, а молодой царь пока ещё не чувствовал себя достаточно окрепшим, дабы хоть в чём-то явно или тайно выступать против своего соправителя. Сказать по правде, у него и тени мысли подобной доселе не возникало. Хотя, если задуматься, причины для того у Шинбаала имелись. Ему было прекрасно известно, кто помог умереть его отцу, царю Бин-Мелеку Йаххуриму. Более того, Ранефер не только не пытался скрыть от наследника своё намерение удалить его отца из мира живых, но заявил тому об этом прямо. Ибо хотел, дабы Шинбаал стал истинным Правителем, и представлял, на какие жертвы иногда нужно идти ради блага своего царства. И юноша, воспитанный в Священной Земле с десяти лет, как благородный заложник, не стал противиться, тем самым, фактически, сделавшись причастным к отцеубийству. Он мучился от этой мысли, но успокаивал себя тем, что, будучи предупреждённым, всё равно не смог бы предотвратить смерть отца. Однако, сделав вид, будто Йаххурим умер от болезни, наследник не возбудил в соплеменниках жажду мести, не толкнул их в новую заведомо проигрышную бойню. Ранефер внимательно наблюдал за Шинбаалом и, в конце концов, исполнился уверенности, что проник сквозь сложную вязь мыслей и чувств юноши. Он не имел причин сомневаться в его верности. Шинбаал, приняв Посвящение, оказался от веры своих отцов, поклоняющихся

тёмным демонам Дуата. И все же, если бы Ипи отличался безграничным доверием к людям, не быть ему Верховным Хранителем, глазами и ушами Величайшего. Потому-то, нет-нет да появлялся при дворе Шинбаала купец Нитбалу, поставщик дорогих вин.

Небо стремительно розовело. Над горой показался край солнца, и лучи его окончательно разогнали полумглу скоротечных предрассветных сумерек.

Собравшимся открылась картина, от которой оцепенели все, даже опытная Хранительница Анхнофрет и немало повидавший в этой жизни Нитбалу. Только Ранеб, смотря на обгорелые остовы, торчащие из воды тараны и кормовые завитки погибших кораблей, тела, колышущиеся в прибойной волне, удовлетворённо хмыкнул.

Сит-Уаджат воссияла улыбкой, удивив всех.

— Чему ты радуешься, Возлюбленная Сестра? — удивился Шинбаал, — посмотри, вон там, к югу...

Ранеб почти по пояс высунулся из окна, вглядываясь.

— Н-да... — только и протянул уахенти, и добавил, — поднимемся на башню, достойнейшие. Обзор много лучше, к тому же семь разливов назад мне подарили синие чаши жрецов Мер-Уннут^[78], а они приближают не только звёзды и лик Хонсу.

Присутствующие согласились с этой идеей. Ранеб быстрым шагом первым вышел из зала, направившись вовсе не туда, куда все. Однако он довольно скоро присоединился к царю и его спутникам на башне, неся под мышкой небольшой ящичек, а в руках кувшин с водой. Моряк открыл ящик, извлёк деревянные детали и собрал треногу с рамой. Наполнил водой прозрачные сосуды синего стекла, установил в специальные подогнанные гнёзда, прильнул к самому маленькому флакону, и, осторожно поворачивая раму, начал осматривать линию берега.

Нитбалу впервые лицезрел удивительное изобретение жрецов Реки, посему, несмотря на весь свой недюжинный ум и богатый опыт, разинул рот в изумлении. Будучи в первую очередь моряком, он прежде не слышал о подобных устройствах, полагая, что придумки жрецов Та-Кем призваны лишь испепелять вражеские ладьи. Эти же синие стекла куда какгодились бы и мирным путешественникам в их дальних странствиях к неизведанным берегам^[79].

Картина выходила не слишком радостной. Несколько десятков чужих кораблей, в лучах Хепри-Ра оказавшихся ещё крупнее, без движения стояли у берега Ушу, к югу и к северу от города. Весь берег усеян вооружёнными людьми. К северной стене примыкал огромный лагерь, сотни, если не тысячи больших и малых шатров. Они прямо лепились к укреплениям Ушу. Это особенно странно. Какой полководец станет разбивать лагерь прямо у подножия вражеских стен? Кто вообще, совершив дерзкий ночной налёт, станет тратить на это время? Безумие какое-то...

Ранеб считал корабли, Тутии пытался считать воинов.

— Невероятно, — наместник обратился к Хранительнице, — их там многие тысячи! И не меньше сотни кораблей!

— Гораздо больше, — мрачно вставил Ранеб.

— Откуда они взялись? Это не пираты. Те никогда не собирали такую силу в одиночку. Как могло столь огромное войско подойти к Тисури совершенно незаметно? Куда глядели Хранители?

Анхнофрет лишь головой покачала. Нечего ответить.

— Позволь мне взглянуть, почтенный Ранеб, — попросил Шинбаал.

Моряк уступил синие чаши. Царь прильнул к ним, некоторое время молчал, обозревая берег. Наконец, сказал:

— Они отошли от северо-западной стены. Не похоже, чтобы там шёл бой.

— А я не вижу лестниц и осадных башен, — сказал наместник, — как они вообще собирались брать крепость? Зачем они поставили шатры, да ещё так близко к стенам? Безумцы! Нетеру лишили их разума!

— Ты не прав, достойнейший, — Шинбаал немного повернул раму, — они не безумцы. По крайней мере в том, что касается штурма. В стене пролом! Я вижу его совершенно отчётливо! Он не очень широк, завален обломками.

— Сделали подкоп? — предположила Сит-Уаджат.

— Невозможно! Ещё на закате здесь не было и намёка на близость вражьего войска! За половину ночи не вырыть подкоп, достаточный для обрушения столь прочной стены!

— В гавани Ушу ещё идёт бой, — вытянул руку Ранеб.

— Каким бы способом чужаки не разрушили стену, но, похоже, овладеть ею не смогли, — предположила Анхнофрет, — решили взять город с моря.

— И ведь возьмут... — побледнел Тутии, — там же всего несколько сотен воинов. И флот, как назло ушёл в Хазету^[80]...

Почти весь флот Та-Кем, стоявший в Тисури, больше месяца назад отбыл на юг, дабы обеспечивать продвижение Менхеперра к Мегиддо, подвозить припасы и часть войск. В Тисури оставалось совсем мало кораблей. К счастью, большая часть их стояла в гавани северного острова. Ни один в море пока не вышел, и ладьи чужаков понесли потери только от неугасимого огня и подводных "подарков" Ранефера. Потери... Не больше полудюжины сгоревших и затонувших ладей. Только у входа в гавань Ушу сгрудилось их десятка три, а сколько ещё поодаль на якорях стояли... Малодушный сказал бы попросту: "Им нет числа".

— Цор не удержать... — прошептал Нитбалу.

Царь посмотрел на него, но ничего не ответил.

Ранеб, сжав зубы, не отрываясь, следил за сражением в гавани. Зрением моряк отличался хорошим и даже без синих чаш видел, что гарнизон Ушу его явно проигрывал. Силы слишком неравны.

— Апоп вас раздери, нечестивцы, — процедил моряк, заметив, что знамя Воинства Маат, венчавшее башню на рукотворной косе, вздрогнуло под ударом топора и полетело вниз.

Бесстрастный ветер доносил крики, треск щитов и лязг мечей, воодушевление и отчаяние, боль, брань и проклятия...

— Они побеждают, — сказала негромко Анхнофрет, — и все же я даже отсюда чувствую их смятение.

— Смятение? — переспросил Шинбаал.

— Именно так, достойный Правитель. Смятение. Растерянность. Посмотри на их порядки. Часть бьётся в гавани, а большинство просто стоит. Да не просто стоит — толпится! Если бы меня только сейчас подняли с постели и подвели сюда, я, кинув первый взгляд, вообще сказала бы, что это не войско, а просто толпа горожан, зачем-то вышедших за стены. Так не штурмуют крепости!

— Ты права, — сказал Шинбаал, — я помню штурм Цора Ранефером. Воины Священной Земли и наёмники сновали под деревянными стенами Ушу, как муравьи. Столь

же деловито и целеустремлённо. Сооружали лестницы, вязали охапки хвороста для заваливания рвов. А эти действительно ведут себя очень странно.

— Но и тех, кто сражается, достаточно для того, чтобы Ушу пал, — дрогнувшим голосом сказал наместник, — а поскольку их флот намного превосходит числом наш, то никакое неугасимое пламя нас не спасёт. Тисури падёт...

— В Ушу стоит четырнадцать боевых ладей, — сказал уахенти, — но им не прорваться. Нечестивцы полностью перегородили гавань.

— Что же делать?

Шинбаал выпрямился, кажется, даже выше ростом стал. Меж сдвинутых бровей пролегла глубокая морщина.

— Трубить во все трубы! — царь, сощурившись, посмотрел на пылающий солнечный диск, который божественный скарабей Хепри уже полностью вытолкнул из-за горы и даже успел приподнять над ней на целую ладонь, — подать сигнал зеркалами! Воинам оставить Ушу. Пусть жители отворяют восточные ворота, и, бросая все, бегут к горе, прячутся в роще!

Голос юного царя звучал твёрдо, глаза лучились уверенностью. Старый моряк и Хранительница незаметно переглянулись: воистину, Ранефер и царственная сестра его — Дважды Посвящённые Избранники Всевладычицы — смогли сделать из сына клятвопреступника Йаххурима истинного Правителя!

Шинбаал продолжал:

— Следует быть готовыми оставить Тисури. Оповестить жителей, в первую очередь высокородные семьи, богатейших горожан. Так же следует вывезти лучших ремесленников. Достойный Тутии, приказываю открыть сокровищницу и начать погрузку на ладьи золота. Не следует оставлять врагу и оружие...

— Брат мой, нужно снять со стен осадные луки! — Сульяэли перебила царя, чему, однако, никто не удивился: с воцарением Шинбаала в городе все больше утверждались порядки Та-Кем, — даже лёгкие!

Шинбаал кивнул и повернулся к моряку.

— Коль скоро в Граде-на-острове отсутствуют Знаменосцы Зелёных Вод, назначаю тебя, достойнейший Ранеб, верховным Знаменосцем Тисури и да будет так!

Ранеб и наместник немедленно покинули башню, отправились выполнять царский приказ. За ними удалилась Сульяэли. Анхнофрет задержалась.

Шинбаал проводил ушедших взглядом, потом снова посмотрел в сторону Ушу. Отвернулся. Направился было к лестнице, но остановился на полпути. Снова подошёл к крепостным зубцам и положил на них руки, сжав кулаки. На скулах его играли желваки. Сит-Уаджат испуганно следила за метаниями супруга.

— Возлюбленный Брат, ты решил прорываться на ладьях в Бехдет, чтобы вернуться потом с флотом Нибамена?

Царь молчал.

— Достойнейший Шинбаал, — Анхнофрет подобралась к царю неслышно, как кошка. Говорила она свистящим шёпотом, — я должна сообщить Верховному Хранителю и Правительнице. И остерегись принимать решения, пока не получишь ответа.

— Я помню, достойнейшая, что я верный слуга Двойной Короны, — в голосе юноши звучал металл, — но и ты не забывай, что перед тобой царь Тисури...

Он взглянул на Хранительницу и добавил твёрдо, даже с вызовом:

— Правитель Цора.

Его гордость и решимость понравились ей.

— Ты силён, царственный Шинбаал, — Анхнофрет вздохнула и улыбнулась юноше, — но недостаточно мудр. Ты заперт в крепости, окружённой врагами, а Ранефер, до которого гонца из Сихема колесница домчит за пару часов, стоит рядом с воинством Менхеперра, только что рассеявшим сотню тысяч врагов. Мерит-Ра уже в Бехдете. Ты не можешь рисковать своим городом и своим народом, царь Шинбаал. Если столь крупная рыба прошла сквозь наши сети, то лишь потому, что Верховный Хранитель готовил силки на ещё более крупного зверя.

— Какой зверь может быть крупнее? Ты видела, сколько их? Десятки тысяч!

— Ну, может и не десятки, — усмехнулась Анхнофрет, — но много, ты прав. Баалшур Сипиш собрал могучую силу, но она слишком пестра. Я думаю, что он, не веря в стойкость многоплеменного воинства, решил перехитрить нас обманным манёвром. Он просчитался и сам угодил в западню Мегиддо. Многие из тех, кто пошёл за царём Кадеша, за золото согласятся сменить знамёна. У нас много золота. И тогда успех нечестивцев растает, словно дым. А когда из Бехдета придут осадные лабды, спеси этих пиратов, наёмников Сипиша, и вовсе поубавится. Не торопись в своих решениях.

Выслушав Хранительницу, Шинбаал немного помолчал, а потом церемонно поклонился.

— Я благодарен тебе, достойнейшая, и прошу извинить мой гнев.

— Ты достойный царь, — Анхнофрет направившись к лестнице, улыбнулась Сит-Уаджат, которая провожала её недоумённым взглядом, — я покину вас, ибо кое-что обещала царю.

Шинбаал смотрел на столбы дыма, выраставшие за стенами Ушу. Он молчал достаточно долго. Наконец, подняв голову, негромко произнёс:

— Как бы ни распорядился Шай^[81], я останусь здесь.

Четыре громадных и в то же время лёгких серо-белых птицы неслышно, как тени, летели над морем и землёй на недостижимой для лучника высоте. Им не было никакого дела до копошения людей и лодок внизу. Они несли весть. Не зря в Та-Кем белую сову звали Вестницей Нейти, Нетеру-Мстительницы...

6. Самый длинный день

До полудня ещё далеко, но утренняя дымка уже растаяла без следа. Впрочем, воздух не стал прозрачнее: ночной береговой бриз ещё не сменился морским, и весь пролив заволокло дымом пожарищ.

Маленькая десятивёсельная посыльная эпактида, как морская птица, бьющая крыльями по воде в попытке взлететь, выскочила из серого облака. Гребцы, надышавшись дымом, отчаянно кашляли и работали вразнобой, отчего эпактида двигалась рывками, виляя кормой, как портовая шлюха задницей. На носу, вцепившись в канат-протон^[82], поддерживающий голую, лишённую паруса мачту, почти повиснув на нём, стоял босой человек, одетый в синюю короткорукавную рубашу до колен. Нижнюю часть лица он укрыл от дыма чёрно-белым платком, который на голове удерживал толстый витой шнур.

В подобном окружении и одеянии только слепой не опознал бы в этом человеке моряка-финикийца. Однако высказав такое предположение, любой, кто видел его впервые, сорвал бы лишь часть покровы истины. Причём меньшую. Финикиец? Бесспорно. Моряк? Очень может быть. По крайней мере, кормчий эпактиды, и ещё несколько человек на борту одеты почти так же.

Вот благодаря одежде, явно не господской, любой ушлый пройдоха, знавший моряка, мог бы в два счёта обвести вокруг пальца праздного наблюдателя, поспорив с ним на деньги о роде занятий этого человека. Потому что звали того — Энил, сын Эли-Баала и был он царём Гебала, который эллины зовут Библом.

Эпактида приближалась к большой пентере, стоявшей на якоре в полусотне локтей от берега. Звался огромный боевой корабль — "Стопа Бога" и на его корме, на древке, торчавшем из "скорпионьего хвоста", развивалось белое знамя с вышитой золотом пятиконечной звездой Ашпарт. Гребцы эпактиды проворно втянули весла. Корпуса кораблей (сколь ни мало посыльное судно, а все же — корабль, даже мачта с парусом есть) соприкоснулись. Удар смягчили толстые канаты, протянутые вдоль бортов. С пентеры на эпактиду сбросили верёвочную лестницу, и царь с кошачьим проворством взобрался наверх.

Энил откинул в сторону край платка, прикрывавший рот и нос. Под ним обнаружилась не слишком длинная, ухоженная борода, завитая мелкими колечками.

— Бен-Закар, готовимся к отходу, — распорядился царь, — передать на все корабли.

Энил покосился на диск солнечных часов, установленный возле педалиона^[83].

— Выходим не позднее, чем через час.

— Что случилось, государь? — удивился Бен-Закар, старший кормчий флота Гебала.

Царь повернул к нему своё загорелое лицо.

— Случилось? А ты, что, Бен-Закар, сам не видишь, что случилось?

— Вижу, — мрачно ответил кормчий, — но почему, государь, ты решил покинуть яванов?

— Да потому что эти нечестивые слуги Тиамат таки прогневили Баала, да падёт гнев Его на их дурные головы!

— Похоже, твоё проклятие, государь, сбылось ещё до того, как ты его произнёс, — кивнул кормчий на возникшие за ночь стены Ушу.

— Глупых и самоуверенных яванов это не остановило, — раздражённо буркнул царь, —

они почти сломили сопротивление в порту. Последних защитников дорезают. И знаешь, Бен-Закар, кто эти защитники? Одетые в бронзу воины Чёрной Земли!

Кормчий едва дар речи потерял от изумления.

— Чёрной... Земли?

— Да!

— Как они там оказались?

— Понятия не имею. Но это ещё самое малое из чудес. Отсюда из-за дыма плохо видать, но Цор словно гигантским мечом надвое развалило. Был остров, стало два. Понимаешь, что это означает?

— Н-нет... — пробормотал кормчий.

— Это не тот Цор, на драку с которым мы подрались, склонив головы перед яванами. Другой!

— К-как другой? Какой?

Энил понизил голос.

— Тебе что, два острова ни о чём не говорят?

— Нет, государь, — покачал головой Бен-Закар.

Царь презрительно скривился.

— Был бы ты простолюдином, ещё простительно, но отпрыску столь славного семейства и не читать священных летописей... На двух островах Цор стоял до Ахирама, Бен-Закар. Больше шести веков тому назад. Баал не уронил на головы яванов стены Ушу, он поднял из глубин минувшего древний Град-на-острове! Цор, каким тот был до Великого царя! И Ушу в те времена окружала неприступная стена. Либо время повернуло вспять, за половину ночи пролетев несколько столетий, либо бог проклял нас, и мы все поголовно сошли с ума.

— Время... вспять... — только и проговорил кормчий, невидящим взором глядя прямо перед собой, — но ведь это невозможно!

— Нет ничего невозможного для Всемогущего Баала, маловерный! — грозно рыкнул царь.

Бен-Закар попятился в суеверном ужасе, споткнулся и едва не растянулся на палубе. Спohватившись, закричал слова команды. Забегали матросы, ударили в барабаны сигнальщики, привлекая внимание моряков на стоящих рядом кораблях.

Когда царский приказ уже активно исполнялся, старший кормчий флота вновь подошёл к Энилу.

— Государь, прошу простить меня, но я не могу понять, зачем же уходить? Мы навлечём на себя гнев Александра! Он жестоко карает изменников.

— Плевал я на него, — бросил царь, — и на его гнев. Меня гнев Баала куда больше беспокоит.

— Но ведь ты сказал, — осторожно напомнил кормчий, — что яваны взяли Ушу. Да ещё так быстро, не успели стены возникнуть, как уже захвачены. Значит, помощь бога, ниспосланная Цору, защитникам не помогла. Я слышал, что яваны зовут Александра сыном...

— Ты, что, Бен-Закар? — прогремел Энил, — считаешь, что какой-то возомнивший о себе царёк сравнится в мощи своей со Всемогущим Баал-Хамоном? Александр — простой смертный! Червь, копошащийся в грязи! Я знаю, тело его несёт следы многих ран, в Киликии он едва не утонул, а вынутый из воды чудом не сгорел от лихорадки! Как может тот, кого

легко убить железом, сравниться с богом!

Кормчий открыл было рот, чтобы возразить, напомнить царю, что и без божественной помощи царь яванов одолел величайшее войско шахиншаха Дарайавауша, избавив Ханаан от многовековой власти жестоких персов, однако счёл разумным промолчать.

Царь между тем продолжал:

— Да, яваны взяли Ушу, но лишь потому, что все они, от царя своего до последнего из рабов, охвачены безумием. Противясь воле Всевышнего, они сами себя тащат на жертвенный алтарь. Я не собираюсь здесь ждать, пока Баал обрушит на них серу с небес. Бог милостив, он не стал карать нечестивцев сразу, сперва предупредил, окружив Ушу стенами, но они не вняли. Нет, надо убраться.

— Куда же? Обратно в Гебал?

— Разумеется. Прогнувшись перед Александром, мы навлекли на себя гнев Дарайавауша. Да, сейчас персы не в силе. Их войско рассеяно. Но флот Автофрадата у проливов никуда не делся. Если шахиншах повелит отомстить, то угроза Гебалу придёт не с востока, а с запада. У Автофрадата ещё осталось три сотни триер.

— А если сам Александр уцелеет? Ведь сейчас его нет в лагере? Бог обрушит гнев на Пармениона, а царь избежит кары? И мы окажемся между двух огней, ведь он соберёт новое войско.

— Где? Здесь? Никогда! Без флота, с малым отрядом, он навсегда сгинет в землях Ханаана!

— Вдруг большая часть войска уцелеет? — не сдавался осторожный Бен-Закар.

— Посмотри туда, — Энил указал на стены Цора, выраставшие из дымного облака, мало-помалу рассеивавшегося, — он не смог взять один остров, думаешь, с двумя выйдет лучше? Баал поднял из пучины город, стоявший здесь до Великого Ахирама. А стены того города, да будет тебе известно, невежда, возводили лучшие зодчие Чёрной Земли. Уж они-то умели строить, как никто другой, ты же бывал в их стране и видел гигантские пирамиды и великие храмы. Ты успел позабыть вчерашнюю грозу? Я не помню, чтобы молнии били непрерывно, превращая ночь в день. Какого знамения тебе ещё нужно, маловер? Всевышний предупредил сынов Ханаана, дабы покинули сие проклятое место. Только глупец станет противиться.

— Но если Баал-Хамон испепелит яванов, то погибнет и Цор...

— Вот уж кого мне совсем не жаль. Когда мы шестнадцать лет назад восстали против шаха Артахшассы, этот ублюдок, Адземилькар, целовал ему стопы и, злорадно ухмыляясь, поднялся на беде своих братьев, познавших горечь поражения. Он и сейчас пытался усидеть на двух стульях, презренный двоедущец. Но ничего, расплата не за горами.

Предпоходная суэта охватила флот Гебала. Восемьдесят триер и пентер стояли на якоре напротив южной оконечности острова Мелькарта. То есть, ещё вчера там была оконечность острова, а теперь на этом месте меняющий направление ветер гнал морские волны.

Большая часть кораблей уже изготовилась к выходу, когда планы Энила едва не расстроились. А виной тому стал Неарх-критянин.

Этот человек, уроженец древнего острова, детство своё провёл на южном берегу Фракии, в Амфиполе, где некогда поселились его родители. Когда царь Филипп захватил эту бывшую колонию афинян, отец Неарха поступил к нему на службу и поднялся довольно высоко, что позволило его сыну войти в круг знатных юношей, отправленных вместе с

царевичем в Миэзу, учиться у Аристотеля.

Неарх сблизился с Александром, полностью разделив судьбу царевича. Он даже последовал за ним в изгнание после ссоры Александра с отцом. Когда Филипп пал от руки убийцы и его сын взойшёл на трон, Неарх некоторое время служил в коннице гетайров, как и многие аристократы, не знающие иных занятий. Однако уже во время азиатского похода, вскоре после падения Галикарнаса, царь назначил его сатрапом Ликий.

Под властью критянина оказалась не только эта область, но и весь Памфилийский залив, для охраны которого он получил небольшой флот — двадцать триер. Тут было что охранять. Здесь проходил важнейший торговый путь, соединявший Элладу с Египтом и Финикией. Издревле его облюбовали киликийские пираты, настоящий бич мореходов.

Из царских друзей критянин лучше всех подходил на роль флотоводца, ибо любовь и знание моря впитал с молоком матери, хотя прежде и не командовал флотом. Старые навархи Филиппа, Амфотер и Гегелох, остались в Македонии, защищая её берега. Когда Александру потребовался флот, он призвал к себе Неарха. Тот, взяв десять триер (половину пришлось оставить в Ликии, дабы хоть как-то оберегать купцов от неистовства разбойных киликийцев), прибыл в Тир прежде эскадр Энила и Пнитагора.

Александр, не слишком доверявший финикийцам, приставил Неарха к Энилу советником, а по сути — своей десницей, лежавшей на горле царя Библа. Критянин присматривал за Энилом зорко и, когда тот собрался сбежать, не стушевался.

Действуя решительно и быстро, Неарх, с горсткой македонян, пресёк мятеж на пяти триерах, что стояли в наибольшем отдалении от флагманской пентеры Энила. Ещё четыре корабля, вытасченные на берег для ремонта, финикийцы всё равно не успели бы спустить на воду, но критянин не остановился на достигнутом.

Когда финикийцы уже выходили в море, он смело направил свою триеру прямо в гущу мятежных кораблей и, на чём свет стоит костеря мятежников в медный рупор, сумел подавить волю некоторых колеблющихся триерархов^[84].

— А ну стоять, сучьи дети!

— Ай, чего кричишь, уважаемый? — отвечал Неарху кормчий одной из триер, путь которой пытался преградить критянин, — у вас, яванов, своя дорога, у нас своя! Ты бы не приближался, а то, неровен час, немножко утопить тебя стану!

— Куда вы направились, дурни? Преступите через свою клятву, изведаете, каков царь в гневе! Или не слышали про Фивы?

— Ты не ори так, уважаемый, голос совсем сорвёшь. Слышали про Фивы. Гневом вашего смертного царя пугаешь? А гнев богов ты видел? Оглянись-ка вокруг!

— А вы уже от таких чудес жидко обгадились? Трусы вы и бабы! И дураки! Пока будете огибать Тир, Пнитагор успеет выйти в море. Он, в отличие от вас, трусливых шакалов — верен царю! И боя вам не избежать! А его кораблей больше! Всех перебьём! А потом наведемся в Библ и спалим дотла гнездо изменников! Детей ваших на копыя побросаем, баб перетрахем и туда же!

Часть горячих голов на триерах "пурпурных" призадумалась. Испуганные чудесами, они с самого начала не имели единодушия в том, как поступить. Последовать за Энилом — нарушить клятву, которую они вслед за своим царём дали Александру. Большой грех. К тому же царь не простит. С другой стороны, "пурпурных" гнал вперёд страх перед неведомым и был он столь силён, что никаких иных мыслей у них в головах не осталось.

На кораблях началась яростная перепалка между теми, кто увещевал остаться и теми,

кто яростно рвался прочь. Дошло до драки. Кого-то выкинули за борт. Жаждающих убраться оказалось много больше, но возникшее замешательство позволило Неарху с теми пятнадцатью триерами, что оказались у него в руках (в их числе десять верных ему ликийских), отсечь часть финикийцев от пентер Энила. Драться "пурпурные" все же не стали. Многие из них были так напуганы, что вообще не могли ни на что решиться сами. Лишились вожака, и сбились в блеющее стадо.

Весла триер упёрлись в воду.

— К берегу! — кричал Неарх, поглядывая в сторону удалявшихся кораблей Энила.

Царь Библа смог увести около пяти десятков триер и пентер из тех восьмидесяти, что привёл к Тиру. Финикийцы огибали южный остров. Энил, которого тоже весьма беспокоило то, как поведёт себя Пнитагор, решил взять мористее, дабы избежать встречи с киприотом. Боевые корабли "пурпурных" для открытого моря приспособлены куда лучше эллинских.

Неарх провожал взглядом Энила до тех пор, пока корма последнего мятежного корабля не скрылась за округлой оконечностью южного острова.

— Ну и пёс с тобой... — в сердцах сплюнул критянин, — обойдёмся без поганых предателей.

Несмотря на браваду, на душе у него лежал камень. Пятьдесят триер и пентер потерять, не плащ с плеч скинуть. Тем более, когда тут такое творится вокруг...

"Ладно, доберёмся ещё до тебя".

Он не знал, что в это самое время, по ту сторону острова, корабли Энила сближались с чужими, совершенно неизвестными эллинам и македонянам. И встреча эта грозила совершенно изменить расстановку сил в мире, который уже изменился до неузнаваемости.

* * *

Хранительница и новоиспечённый Знаменосец отдавали в гавани распоряжения — что и в какой последовательности грузить на корабли. Несмотря на то, что Анхнофрет предостерегла Шинбаала от поспешных решений, сама она не собиралась сидеть, сложа руки, ожидая ответа от Величайшего. В лучшем случае сова прилетит уже в сумерках. Это хорошее время для прорыва, когда к нему уже все готово.

На случай, если придёт приказ держать оборону до подхода флота Нибамена, наместник приказал не снимать со стен сразу все осадные луки. Распорядился треть из тех, что прикрывали порт, держать в боевой готовности.

В гавань влетела небольшая лодка, в ней сидели четверо Хранителей и гребли, как умалишённые. Пристав к пирсу, один из них бегом помчался к своим товарищам, охранявшим корабли, на ходу спрашивая, где найти Анхнофрет.

Ему подсказали. Подбежав к Хранительнице, дозорный, даже не переведя дух, выпалил:

— Достойнейшая, вражеский флот огибает Тисури! Мы насчитали около пяти десятков больших и малых кораблей!

— Огибает с запада? — Ранеб опередил Хранительницу с вопросом.

— Да!

— Собрались ворваться в гавань Малого Цора, — предположил уахенти, — пятьдесят ладей... Не удивлюсь, если остальные не замедлят с выступлением. Проклятье! Мы ещё не готовы и Тутии снимает со стен осадные луки. Не ожидал я от них такой прыти...

— А следовало бы, — сказала Анхнофрет, — учитывая, сколь неожиданно они тут возникли и как быстро разделались с Ушу.

— Достойнейший Ранеб, я думаю, ты не прав, — сказал дозорный.

— Почему?

— Я и мои товарищи, — Хранитель мотнул головой в сторону пирса, — считаем, что в стане врага нет согласия.

— С чего ты взял? — спросила Анхнофрет.

— У них там случилась какая-то заваруха. Поначалу в движение пришло куда большее число кораблей, при этом несколько ладей двигались очень странно, словно псы пастухов-аму, что сгоняют разбегающихся овец. Всех они не смогли задержать, и к берегу повернула меньшая часть. Потому мы и решили, что кое-кто из пришельцев решил отделиться, а другие пытались им воспрепятствовать.

— Раскол! — одновременно воскликнули Хранительница и Знаменосец.

— Раскол — это очень хорошо! — добавила Анхнофрет, — это нужно немедленно использовать!

— Что ты задумала? — спросил Ранеб.

— Выйду в море на "Владычице", поговорю с тем, кто там у них главный.

— Ты сошла с ума! — воскликнул уахенти, — это может быть ловушка!

— Нам нельзя тут сидеть в неведении о том, что происходит, Ранеб! Если нечестивцы перессорились, это просто необходимо обратить на благо Священной Земли! А если ловушка... Кроме "Владычицы" возьму ещё одну ладью. А ты скажи Тутии, пусть пока приостановит погрузку осадных луков. Мало ли... Я побежала!

— Подожди! — крикнул Ранеб, не представляя, какими ещё словами увещевать глупую девчонку, годящуюся ему в дочери. Все норовит прыгнуть крокодилу в пасть.

— Потом, Ранеб, все потом!

— Будь осторожна!

Анхнофрет его уже не слышала. На ходу отдавая распоряжения Хранителям, она примчалась к своей ладье "Владычица Тетнут", стоявшей у дальнего пирса.

— Все по местам! Выходим в море через пролив!

На подготовку к выходу много времени не ушло. Вышколенная, дисциплинированная команда, гребцы и полсотни Хранителей взошли на борт, едва рассвело и всем стало ясно, что на горизонте замаячила драка. Корабль был готов не только к ней, но и к дальнему переходу: вода и продовольствие загружены. Матросы отвязали канаты, оттолкнули ладью от пирса длинными шестами. Весла коснулись воды.

"Владычица Тетнут", так же, как и огромный "Себек-Сенеб", называлась "осадной ладьёй", месабит^[85], но, хотя и несла схожее по количеству и мощи вооружение, уступала в размерах любимому детищу Тутимосе. Зато значительно превосходила его в скорости, а именно это сейчас самое важное.

Вслед за "Владычицей", мерно покачивавшейся на низкой волне, от пирса отошла ещё одна ладья, поменьше. Оба корабля осторожно продвигались к выходу из гавани. Через несколько минут, миновав узкий пролив между островами, они вышли на простор Зелёных

Вод.

Первое, что бросилось в глаза Анхнофрет, едва она увидела огибающие Малый Цор лады пришельцев — вышитая пятиконечная звезда на парусах некоторых из них.

— Звезда Аштарт... "Пурпурные". Интересно кто? Тидаин слишком близко к Тисури. Мы бы знали... Гебал?

Анхнофрет приказала трубачам играть песнь посланника.

— Государь, смотри!

— Вижу, Бен-Закар.

Старший кормчий внимательно разглядывал корабли, вышедшие из пролива. Он с малолетства ходил по морю, бывал во многих землях, но такие видел впервые. Они не походили на боевые корабли хананеев и немногим отличные от них триеры яванов. Он не очень удивился (ведь очевидно, что если Баал-Хамон подменил Цор древним городом, то и флот тоже будет таким, каков он был до Великого Ахирама) и смотрел с интересом. Страх мало помалу сошёл на нет. Да и чего опасаться, когда против такой армады выходят всего два корабля, хотя они и весьма велики.

Их размеры впечатлили Бен-Закара. Самый большой соизмерим с флагманской пентерой по длине, но значительно превосходил её шириной. У него всего один ряд весел, но кормчий не сомневался, что на каждом из них сидит не меньше трёх человек. А то и пять. Иначе не сдвинуть с места такого гиганта. Борт пентеры выше, но у древнего на носу и корме возвышались необычные надстройки, явно скрывавшие воинов.

Второй корабль чуть поменьше. На большом протяжно запела труба.

— Сближаемся, Бен-Закар, они говорить хотят.

— Кто они, знать бы господин. Не мертвецы ли, если все так, как ты сказал? А то поговорят, да в царство Муту утащат, — Бен-Закар незнакомцев определённо опасался.

— Сближаемся, малодушный! Баал-Хамон милостив к своим верным рабам.

Однако вести столь важные беседы не пристало в одеянии простого моряка. Энил отыскал глазами одного из своих слуг.

— Эй, подать мне царское платье. Да поживее!

Флагманская пентера Энила отделилась от отряда. Меньший корабль сынов Реки (разглядев на надстройках воинов, облачённых подобно тем, что защищали Ушу, царь уже не сомневался, кто перед ним) осушил весла. Первый корабль приближался, сверкая бронзой громадного проемболлона^[86], в виде головы львицы. Подойдя ближе, сын Эли-Баала заметил прорези бойниц в высоких надстройках. Так и есть — лучники. На носу, лесенкой, переливались красным три бронзовые рессоры. Царь был достаточно опытен, чтобы догадаться, что это те самые машины, которые в предутренний час жгли триеры Пнитагора. Мачта закреплена канатами, спускающимися к бортам. Она казалась несъёмной, что особенно удивляло.

Энилу подали длиннополую шафрановую рубаху. Затем слуги помогли ему обернуться пурпурным покрывалом, расшитым золотыми звёздами и украшенным такого же цвета бахромой и кистями. На голову он одел жёсткую кожаную шапку с золотым ободом.

Бен-Закар, лично вставший к рулевым вёслам, осторожно направлял "Стопу Бога", оценивая расстояние до корабля сынов Реки.

— Табань!

Гребцы опустили весла в воду, навалились на них, останавливая пентеру, которая прокатилась ещё довольно приличное расстояние. Впрочем, искусству кормчего Бен-Закару было не занимать, расчёт вышел исключительно точным. Приближающийся корабль тоже замедлялся, ложась в дрейф.

— Суши весла! Правый борт, втянуть весла!

Корабли сблизилась на встречно-параллельных курсах. Между бортами не более пяти локтей. Царь прошёл на нос, наблюдая, как мимо проплывает высокая надстройка. Ещё одна такая же на корме, а уровень палубы между ними значительно ниже, чем у пентеры.

Моряки с обеих сторон стали бросать крючья, стягивая корабли. Пока Энил раздумывал, перейти ли ему к чужакам или принять посланника у себя, воины Чёрной Земли перебросили на борт "Стопы Бога" сходни, видно, что парадные, украшенные резьбой и позолотой. На них взошла стройная молодая женщина, одетая в платье выбеленного льна. Обнажённые руки украшены золотыми браслетами искусной работы. Пышные чёрные волосы ничем не прикрыты. Впрочем, царь, неоднократно бывавший в Чёрной Земле, прекрасно знал, что среди высокородных дам этой страны приняты парики.

Вот уж кого Энил совсем не ожидал увидеть, так это женщину. Дочери Ханаана, даже те, что происходят из знатных семей, весьма скромны. Они занимаются домом и не участвуют в делах торговли и войны. Сын Эли-Баала получил образование, подобающее его положению, читал летописи минувшего, потому знал, что в прошлом среди знаменитых властителей Ханаана были и женщины, однако теперь сие в Стране Пурпура просто невозможно представить. Чтобы женщина, на боевом корабле, в окружении воинов... Немыслимо... Он, конечно, знал, что нравы детей Реки куда более распушены, нежели строгая мораль хананеев, однако вести переговоры с той, чьё место у очага...

А этой, скорее, место на ложе. Одета, словно жрица Ашпарт, отдающая своё тело для удовольствий мужей во славу богини. Высокая. Стройнее жён Страны Пурпура. Немного смуглое тело покрывал полупрозрачный лен, так, что небольшую острую грудь золотая пектораль скрывала сильнее, чем одежда. Широкие и массивные браслеты на локтях и щиколотках подчёркивали непривычную хрупкость. Но красота её была хищной. Глаза смотрели в душу без вызова, тем не менее, в них явственно различалась уверенность и даже какое-то превосходство. Поджарая пантера, изготовившаяся к броску. В ножнах у пояса, покрытых красным и белым золотом — малый меч. Лук за спиной. Составной, усиленный костью и рогом. Энил не был хорошим лучником, но в оружии толк знал. За такой лук персы дали бы много золота. Могли дать и трёх коней.

Ашпарт и Дева Шеоль уживались в посланнице Реки. Верно, многие мужи падали к её ногам. Притом, некоторые — с бронзой в груди. Уж это наверняка. К гадалке не ходи — все в глазах отражается.

Страх и, одновременно, желание охватили царя, но, как он не старался, не мог скрыть не того, ни другого. Посланница, заметив это, хмыкнула и улыбнулась ему. Посмотрев, как на дитя!

Энил оскорбился.

"Бесстыдница... Одеться столь вызывающе перед мужчиной, перед царём... Дети Реки совершенно погрязли в разврате, напрасно персы позволяли им сохранять свои нравы и обычаи".

И все же, рассуждая подобным образом, Энил продолжал пожирать её глазами, жалея, что не может проникнуть взглядом под пектораль.

Она не отводила глаз. Чуть прищуренные, они смотрели на царя изучающе, с оттенком насмешки: воистину она читала все мысли Энила, отражавшиеся на его лице, словно чернильную вязь слов на листе папируса.

"Змея..."

Женщина остановилась посередине сходен, ожидая приглашения взойти на борт "Стопы Бога". Энил, вздрогнул, мотнул головой, гоня оцепенение. Он взглянул сквозь дочь Реки, на бронзовокожих воинов, стоявших за её спиной. Хотя царь признавал, что женщина выступила вперёд не случайно, он всё равно первым делом попытался вызвать на разговор мужей.

— Кто из вас хотел говорить со мной?

Царь хорошо знал язык Чёрной Земли и, видя, что за народ перед ним, не стал тратить время на общение через переводчика.

Женщина усмехнулась.

— Это я позвала тебя для разговора достойнейший, да живёшь ты вечно. Говорит с тобою высокородная Анхнофрет, из Дома Антета, Хранительница Трона, член Совета Дома Маат.

Выдержав паузу, она предложила представиться ему.

— Не назовёшь ли ты мне Рен своё, достойный Знаменосец?

"Рен своё. Имя". Энил не был трусом, и не верил в пришельцев из Подземного царства, как многие его соплеменники, с лиц которых все ещё не сошёл серый оттенок. Хотя... Когда кругом такие чудеса творятся, во что угодно поверишь... Назвать Имя... У сынов Реки Имя — часть души. Зная его, говорят, можно обрести безраздельную абсолютную власть над человеком. Превратить его даже не в раба — в бессловесную скотину. А эта змея смотрит так, словно уже до самого дна всю суть Энила постигла.

Хранительница Трона, Совет Дома Маат... А как она произнесла это. Спина прямая смотрит гордо. Так и хочется склонить перед ней голову. Словно не смертная, а богиня снизошла до Энила...

А-а-а... Будь что будет... Недостойно ему так трястись перед бабой.

— Моё имя — Энил, сын Эли-Баала, из древнего рода Ахирама Строителя, чьим предком был сам Ахирам Великий. Я — царь города Гебала, жрец светлого Мардука, Брат Дагона и служитель Ашгарт.

Анхнофрет заломила тонкую бровь. Царь Гебала? Сын Эли-Баала? Они там все дурным вином упились, что ли? На радостях, что взяли Ушу? Сколько же надо влить в себя, чтобы говорить такую чушь? Но тогда бы от него несло, как от винной бочки.

— Прости, царственный Энил, твои слова звучат, по меньшей мере, удивительно. Мне известен царь Гебала, он моложе тебя, хотя и носит имя твоего отца, без сомнения достойного.

Будучи Хранительницей Трона, она знала не только имена всех правителей Джахи и Яхмада, но даже их родословную, по крайней мере, на три колена. Однако среди почивших царей был только один по имени Йаххурим, но он не имел никакого отношения к Гебалу, и уж точно никому не пришло бы в голову звать его Великим.

Энил усмехнулся. Слова женщины убедили его в том, что деяние Баала, в которого не верят дети Реки, оказалось столь же неожиданным для них. Значит, они вовсе не проводники его воли, а такие же песчинки, сыплющиеся меж пальцев бога. А, следовательно, нечего их бояться, но стоит использовать к своей выгоде. Жизнь Энила-моряка — лишь вода в ладони Баала. Умереть можно от тысячи причин и чаще всего совершенно банальных. Так к чему

трястись, закатывая глаза в суеверном ужасе? Не следует Энилу-царю и жрецу народа своего показывать страх перед подданными.

Царь уже полностью уверился в том, что видит перед собой выходцев из далёкого прошлого. Он читал о давно минувших временах, о великих битвах, о славных властителях Чёрной Земли, которые равно уважительно и поэтично привечали друга и врага. И даже, сразив достойного, желали павшему лучшей доли, нежели та, что уготовили ему Муту и Вечная Дева Шеоль.

"Да пребудешь ты в Та-Мери, Земле Возлюбленных, где закат вечен, а природа изобильна".

Он бывал в Стране Реки после того, как она освободилась от власти персов и номархи упоённо делили древний венец. Он был принят всеми, как дорогой и почётный гость, но теперь понимал, что видел там лишь бледные тени истинных дочерей и сынов Солнца. Он смотрел на эту женщину, и прошлое оживало для него.

— Ты, верно, очень удивилась, достойнейшая Анхнофрет, увидев нас? Что ж, не скрою, и мы были весьма поражены, обнаружив на рассвете вместо единого неприступного острова, два малых. Ибо больше шести веков минуло с тех пор, как великий царь Ахирам, коего по материнской линии я числю среди своих предков, возвёл новый град на месте сем, засыпав пролив между островами. Прошлой же ночью Благой Господин по воле своей, коя непостижима нами, скудоумными смертными, явил мощь и поднял из пучины времени древний Цор, — Энил снова улыбнулся, — вместе с вами. Очевидно, он хотел тем самым предостеречь дерзкого Александра от разорения Страны Пурпура, ибо непобедимый царь яванов наглеет из дня в день. Верно, только бог теперь в силах остановить его.

Анхнофрет смотрела на Энила, как на умалишённого. Что он несёт? Какие шесть веков? При чём здесь Йаххурим, который что-то там засыпал? Что ещё за непобедимый обнаглевший? Только и осталось, что руками развести.

— Я не понимаю тебя, достойнейший...

— Не осуждаю тебя за это. Тут и вправду можно свихнуться, пытаюсь постичь непостижимое. Ты, достойнейшая, твой корабль, все твои люди и весь этот город, по воле бога ввергнуты в настоящее из далёкого прошлого. Нас разделяет, по меньшей мере, шесть сотен лет, но скорее всего больше. Впрочем, меня считают знатоком священных летописей, так что можно попробовать сориентироваться точнее. Кто в твоём времени правит Чёрной Землёй?

— Величайший Менхеперра... — машинально пробормотала Анхнофрет.

Этот человек лжёт? Он что, не понимает, с кем говорит? Да быть такого не может. Чтобы так лгать в лицо дочери Та-Кем, облечённой властью, это надо быть безумцем или... одним из тех, кто способен подчинять себе разум другого. Она видела, что Энил, поначалу впавший в замешательство, справился с собой, морщина меж густыми бровями разгладилась. Своё имя он произнёс спокойно, уверенно, титулы перечислил с неким, еле ощутимым, давлением. А теперь говорил неспешно, явно подбирая слова с большим тщанием, словно учитель, вбивающий урок в голову непонятливого ученика.

Преследуя какие-то тайные цели, он хочет, чтобы она поверила в невероятное. Это возможно. Человека можно заставить поверить во что угодно. Анхнофрет, внимая интонациям Энила, напряглась, заподозрив в них "приказную речь", тайное искусство, известное считанным единицам Хранителей, обучавшимся ему у Посвящённых жрецов Владычицы Истин и Братства Тути.

Она не слышала, чтобы "приказной речью" владели "пурпурные", хотя знала, кто способен на такое вне пределов Священной Земли. Кое-кто из жрецов Бабили. Все интереснее становится. Но зачем измышлять такие сказки?

Энил смотрел ей прямо в глаза, не отрываясь. Анхнофрет невольно отступила на шаг, прислушиваясь к себе. Не сдался ли разум чужой воле. Как заметишь такое? Она оглянулась на своих Хранителей, что стояли за спиной, положив руки на рукояти хопешей. Невозмутимы, как статуи. Это придало уверенности.

Энил между тем, немного поморщив лоб, явно что-то вспоминая, просиял:

— Фараон Менхеперра? Знаю такого. Это имя не единожды упоминается в летописях. Великий воин! Пожалуй, он не менее велик, чем живший позднее фараон Рамесиссу. А то и более. Менхеперра жил... — Энил пожевал губами, прикидывая, — примерно за такое же число поколений до Ахирама, что отделяет времена моего предка от нынешних.

Анхнофрет только и смогла, что головой покачать. Как это все осмыслить, с чего начать? Каша в голове. Все свои речи, что она заготовила, дабы перекупить "пурпурных", Хранительница забыла.

— Ты сказал, царственный Энил, что Тисури ныне стоит на одном острове, слитом из двух?

— Именно так. Ахирам пожелал сделать Цор совершенно неприступным, переселив туда жителей из Ушу. Он расширил острова, соединив их, возвёл новые стены. А Град-на-берегу постепенно захирел. Была великая война между царями Ашшура и Бабили, длившаяся века, то затухая, то разгораясь вновь. В конце её, когда уже пал Ашшур, в своё время владевший половиной мира, царь Бабили сравнял с землёй стены Ушу. Они никогда более не восстанавливались. Потом другой Ахирам, прозванный Строителем, насыпал ещё земли, ибо Цор под тяжестью своих неприступных стен погружается в море. Конечно, не столь быстро, как Бехдет, обелиски которого ныне скрыты волнами...

— Бехдет погрузился в воду? — воскликнула Анхнофрет.

— Увы, — снисходительно улыбнулся Энил.

У Анхнофрет, заморожённо слушавшей царя, чуть было не вырвалось: "Не верю!" Однако она взяла себя в руки и невероятным усилием воли приобрела невозмутимый вид. Все это, конечно, невероятно, но ведь вполне объясняет внезапное появление огромного войска у стен Тисури (ну никак не могли Хранители его проворонить) и эти странные лады... да много что объясняет. Пожалуй, следует исходить из того, что Энил не лжёт. И не пытается подчинить её разум. Он действительно уверен, что Тисури перенёсся в будущее. А может наоборот? Это несложно выяснить. Вот придёт весть от Мерит-Ра и все станет ясно. Или не придёт...

— Почему ты думаешь, царственный сын Эли-Баала, что это не ты ввергнут в прошлое волей Владычицы Истин, а наоборот?

Царь расхохотался.

— Вашей Маат? Быть того не может, потому что наш бог много сильнее!

Анхнофрет улыбнулась этим словам. Ох уж эти "пурпурные"... Поклоняются тварям тьмы, требующим крови младенцев и при этом зовут их "благими".

— Это он сам тебе, царю-жрецу, такое сказал?

Она спохватилась, но было поздно, слова прозвучали. Непростительная ошибка для Хранительницы Трона — хулить чужих богов, даже если это демоны Дуата. Ранефер, что поставил в Тисури обелиск с надписью, предостерегавшей фенех от кровавых

жертвоприношений под страхом смерти, поступил так по праву победителя, а Хранители, развязывая чужие болтливые языки, должны действовать гораздо тоньше. Нельзя оскорблять того, кто может оказать помощь Священной Земле, сказав нужные слова, открыв тайное. Так можно погубить всё дело. Иной раз неосторожное слово может стоить тысяч душ, что отлетят в Землю Возлюбленных до срока.

Впрочем, Энил, хотя и вспылел, но не схватился за меч. Более того, он даже просиял, словно всю жизнь ждал таких слов, заранее заготовив ответ, что развеял бы их прахом по ветру.

— Тебе ли, сомневаться в могуществе Баала? Храмы Благого Господина столетиями стоят незыблемо, а ваши были разрушены, жрецы преданы смерти! Не смогла их защитить ваша Маат! Так чей бог сильнее?

Анхнофрет побледнела.

— Как были разрушены? Что за нечестивцы подняли на них руку?

Энил понизил голос. Краткая вспышка гнева и торжества миновала. Он никогда не был склонен к злорадству, и теперь ему даже стало жаль эту женщину.

— Храмы уничтожили вы сами, дети Реки, те, что последовали за фараоном, отказавшимся от веры своих отцов. Он перебил жрецов и дал Чёрной Земле нового бога. Сам принял имя — Эхнеитан.

— Сын Итана^[87]... — прошептала Анхнофрет, — ты говоришь невероятное, невозможное...

— Но это правда. Тот фараон был потомком Менхеперры. Вроде бы правнук. Или праправнук, не помню точно. Все, что завоевал твой повелитель, достойнейшая Анхнофрет, обратилось в пыль.

"Неужели, правда? Значит, видение Мерит сбылось... Страшный сон обернулся явью... Владычица Истин, что же делать? Ведь этого не может быть! Он лжёт..."

Анхнофрет опустила голову. Она разбиралась в людях и видела, что Энил не сомневался в истинности своих слов. Ей неудержимо захотелось оказаться в Бехдете. Прямо сейчас. Увидеть его обелиски в закатных лучах Ра. Над водой, а не под ней...

Хранительница сердито тряхнула головой, гоня накатывающую слабость. Скоро все выяснится. Нельзя раскисать. Дело — прежде всего. Когда Анхнофрет вновь посмотрела на Энила, её глаза лучились той самой уверенностью, с которой она шагнула на борт его корабля.

— Скажи мне, царственный Энил, почему ты не остался там, под стенами Ушу, который взяли твои воины?

— Не мои. Это воины Александра.

Александра? Она успела забыть о нём, этом "непобедимом наглеце". Это очень плохо. Нельзя так безответственно терять нить разговора. Важнейшего разговора.

"Возьми себя в руки, дура! Соберись!"

— Кто он такой, этот... Алесанрас?

— Властитель маленькой страны за морем. Он необычайно возвысился, объединил вокруг себя разрозненные племена яванов и идёт теперь по земле с большим войском, сокрушая всех на своём пути. Полгода назад в великой битве на севере, он разгромил несметные полчища персов, которые некогда покорили почти всю землю, включая Страну Реки, но теперь ослабели и не в силах противостоят неистовым яванам, отменным воинам. Мне доводилось читать старые папирусы Чёрной Земли. Вы называли этот народ —

"акайвашта". Они особенно докучали потомкам Менхеперры, а с тех пор ещё и многократно усилились. Все цари нанимают их. Даже фараоны. Дошло до того, что в недавней войне фараона Нектанеба против шахиншаха Артахшассы, яваны сражались за обе стороны. И против Александра тоже дрались некоторые из его соплеменников.

— Разве наши воины столь ослабели, что за них воюют наёмники?

— Да, тот попутатель отеческой веры, о котором я тебе говорил, истребил роды многих славных воинов. Сила Чёрной Земли постепенно захирела, хотя и не сразу. Ещё были славные победы, но они уже не могли сравниться с теми, что одержал Менхеперра.

— Этот неистовый царь... он и Гебал покорил? — высказала догадку Анхнофрет.

— Да. Я был вынужден склониться перед ним и вместе со своими людьми и кораблями прибыл служить ему. Но ведомо мне, что Александр распространяет о себе слухи, будто бы он сын бога. Сопrotивляющихся он истребляет или обращает в рабов безо всякой жалости. Не щадит никого. Он осадил Цор, похваляясь, будто ничто не помешает ему принести в Граде-на-острове жертву своему богу-предку. Он прогневил Баала и тот решил наказать гордеца. Я не хочу попасть под стрелы божественного гнева из-за того, что принял сторону нечестивца, потому спешу покинуть его войско.

Все понятно. Они отделились и бегут. Это очень хорошо. Вернее, это было бы очень хорошо, если бы все остальное не было бы так плохо...

Анхнофрет потёрла виски пальцами.

— Ты направляешься в Гебал, достойнейший Энил?

— Да.

— Ты не допускаешь мысли, что... твой бог... не нас, а именно вас отправил в те дни, когда здравствует властитель, способный остановить полчища неистового Алесанраса? Ведь не далее, как три дня назад Величайший Менхеперра, о котором ты знаешь, как о могучем воине и полководце, сокрушил рати союза тридцати трёх царей в долине Врат. Он рассеял сотысячное войско врага.

Анхнофрет внимательно следила за реакцией Энила, но того подобные откровения, похоже, совсем не впечатлили.

— Я знаю, Менхеперра — славный воин, но едва ли он сумел бы столь же легко разогнать рати яванов. Уже в твоё время они отличались воинскими умениями, а с той поры много воды утекло. В отличие от многих народов, что достигли величия, но пали, тех же Ашшура и Бабили, яваны из поколения в поколение лишь преумножали свою силу. Впрочем, вести разговоры об этом более пристало досужим людям, — Энил усмехнулся, — кто кого заборет, лев или тигр? Не знаю, слышала ли ты об этом звере, обитающем в далёкой Индии.

Анхнофрет отметила, что обсуждать божественное царь Гебала более не собирался. Он уверен в своей правоте. Ну ладно. А вот что ей теперь делать? Если Тисури и вправду перенёсся в будущее... Нет, это нужно выяснить наверняка. К ночи прилетят совы. Или не прилетят...

Хранительница скрипнула зубами. Нет времени ждать. Энил и его корабли уйдут. Удержать их — нет сил. Две осадных ладьи не справятся. Даже все корабли, что стоят сейчас в Тисури, если и одолеют, то с великим трудом. А ведь это лишь часть воинства Алесанраса. Навалются все акайвашта — не устоять против них. Если этот мир окажется именно таким, каким его обрисовал Энил... Нельзя рисковать ни единым воином Та-Кем. Но и отпускать царя Гебала просто так нельзя. Что делать?

Анхнофрет решила. Тутти и Ранеб справятся без неё. Нельзя терять время, нужнос

действовать. Нужно прогуляться до Гебала. Она не сомневалась, что Ранефер на её месте поступил бы так же.

— Не будешь ты возражать, царь Энил, чтобы моя ладья проследовала с твоими?

— Конечно же, достойнейшая, — царь взглядом покупателя оглядел три громадные, больше чем в два человеческих роста, бронзовые рессоры осадных луков, что возвышались за спиной Анхнофрет, и понимающе усмехнулся.

"Пригодятся такие игрушки".

Немало удивив наблюдателей на стенах, "Владычица Тетнут" расцепилась с кораблём чужаков, величественно и плавно развернулась, после чего направилась следом за идущими на север необычными ладьями неведомых пришельцев. Вторая ладья присоединилась к ней. Малая лодка, в которой сидели два человека, выскочив из-за высокой кормы "Владычицы", помчалась к берегу.

* * *

Сообщение от Анхнофрет, переданное с молодым воином, недавно вступившим в ряды Хранителей, повергло защитников Тисури в замешательство.

— Н-да... — озадаченно поскрёб подбородок Ранеб.

Шинбаал побледнел и отвернулся. Ему вдруг показалось, что у него на лице написано: "А вдруг это действительно воля Баала?" Царь, принявший Посвящение и новую веру, поспешил эту мысль отогнать.

— Я не хочу думать, что мы угодили в совершенно чужой для нас мир, — сказал наместник, — если произошло именно это, то ни о каком сопротивлении не может быть и речи. В таком случае нам следует немедленно сдаться на милость этого Алесанраса и надеяться, что Владычица Истин не оставит нас, каковы бы ни были её мотивы.

— А если это они свалились нам на головы? — спросил Ранеб.

— А вот это совсем другое дело. Будем надеяться, что все прояснится уже сегодня. До тех пор мы на осадном положении. О поступке Анхнофрет я сообщу Ранеферу. Немедленно отправлю ещё одну сову.

— Ты осуждаешь её?

— Нет, хотя она и ослабила наши силы. Анхнофрет знает, что делает. Она стала достойной ученицей Верховного Хранителя.

— Я слышал, между ней и моим соправителем кровь? — ни с того ни с сего спросил Шинбаал.

— Это в прошлом, — ответил Ранеб.

— Она простила его? — повернулся царь к моряку.

— Тебя это удивляет, царственный Си-Небт-Маатуи?

Шинбаал покачал головой, сгрёб пальцами своё одеяние на груди. Он смотрел на Ранеба, но не видел его, погружённый в свои мысли.

"Значит, это правда. Её отца тоже убил Ранефер. Выходит, что она, как и я, приняла это.

Поняла и простила... Простила ли?"

— Ты доверяешь, ей, достойнейший Тутии? — спросил царь наместника.

— Как себе, — холодно ответил тот, — у тебя появились сомнения в её верности, царь?

— Казначей только что доложил мне, что Хранительница взяла из казны сорок хека золота и пять серебра.

— Золото уже было погружено на "Владычицу", — спокойно ответил наместник.

Царь удивлённо посмотрел на него.

— Это та часть казны, которую собирались везти в Бехдет, — напомнил Тутии, — она погружена ещё два дня назад. У Анхнофрет, конечно, не было времени избавиться от золота.

— Она знает о нём?

— Разумеется.

— Могла бы взять другую ладью. Зачем ей столько золота?

— Чтобы купить этого выходца из другого мира.

— Значит, она затем и отправилась с ним в Гебал? — недоверчиво спросил царь.

— Я не знаю, что у неё на уме. Но Хранители всегда думают на три хода вперёд, — сказал Тутии, — Анхнофрет — одна из лучших в Совете Дома Маат. Если не лучшая.

— Даже так?

— А ты думал, царь, — набычился Ранеб, — Величайший ввёл её в Совет из-за того, что она с ним...

— Помолчи, Ранеб, — одёрнул Знаменосца наместник, — не пристало тебе повторять все, о чём шепчутся простолюдины.

Моряк заткнулся.

— Царь, — обратился к Шинбаалу наместник, — поверь, твои подозрения беспочвенны. Анхнофрет знает, что делает. А у нас полно своих забот.

— Ты намерен продолжать подготовку к обороне, уважаемый? — спросил Шинбаал.

— Именно так. Пока не получим иного приказа. С твоего дозволения, царь, я бы погрузил всю казну на "Асет" и другие ладьи.

Шинбаал покачал головой.

— Если акайвашта возьмут Тисури, да оградят нас всех от этого Нетеру, не найдя золота, нечестивцы озлобятся, начнут пытаться купцов и высокородных, кто не сможет уехать...

— Царь прав, — мрачно согласился Ранеб.

— Хорошо, — сказал Тутии, — оставим часть золота. Пусть забирают.

— Да будет так!

Тутии помолчал немного, обдумывая слова царя о пытках. Заговорил вновь:

— Достойнейший царь Си-Небт-Маатуи, если наши дела пойдут плохо, будь готов взойти на борт "Асет" вместе со своей семьёй. Мой долг доставить тебя в безопасности в Бехдет.

— Ты слышал, достойный Тутии, — молодое лицо Шинбаала на миг стало маской, — что тебе сказали и супруга моя Сит-Уаджат, и царственная сестра моя Сульяэли? Мы останемся в Тисури.

— Царь, — попробовал настоять наместник, — я не могу...

— Мы останемся, — отрезал Шинбаал.

— Твой сын пережил всего три разлива... Что, если пришельцы не ведают жалости даже к тем, кто не причинил им вреда? Мы ничего не знаем об их нравах...

Царь указал на маленькую прозрачную склянку синего стекла, подвешенную к поясу Сит-Уаджат, которая стояла рядом с супругом, бледная, но исполненная уверенности.

— Тогда царственная супруга моя и сестра испытают величайшее блаженство, а после очнутся на ладье Анпу, везущей их на Берег Возлюбленных. Не коснётся их бесчестье. Забери в Бехдет лишь моего сына и мать.

— Я все исполню, — заверил Шинбаала наместник и добавил, — ты истинный царь.

Пара сов прилетели в конце пятого часа Амена^[88]. Они несли послания для царя Шинбаала и Знаменосца Ранеба. Одинаковые, на случай неожиданной гибели птицы. Хотя те и летают слишком высоко для стрел охотников, и хищники их опасаются, но сова, севшая подремать на ветку, может стать жертвой подкравшейся кошки, или даже лисы.

Царственная Мерит-Ра уже покинула Джару и прибыла в Бехдет, куда прилетела одна из сов, отправленных Анхнофрет.

Шинбаал сломал печать супруги фараона и зачитал наместнику письмо.

Мерит-Ра сообщала, что Тутимосе и Ранефер осаждают Мегиддо и не могут выступить к Тисури. В Бехдете всего восемь больших и три малых ладьи. Устраивать их размен на флот акайвашта невыгодно, потому они так же не придут на помощь. Если потерять их — нарушатся перевозки кедра, морская торговля, придётся отложить захват Арвада, труднее будет удерживать форпост на Алаши^[89], кичливые кефтиу снова поднимут голову. Даже если Величайший снимет осаду, нечестивцы, скорее всего, не примут бой и уберутся восвояси. Менхеперра не станет ловить полчища мышей, но загонит их в мышеловку.

— Посему надлежит тебе, Си-Небт-Маатуи, — прочитал вслух юный царь, — оставить Тисури и предпринять все возможное, дабы вывезти ценности и высокородных горожан в Бехдет.

— Исполним все в точности, — кивнул наместник.

Мерит-Ра словно мысли Сит-Уаджат на расстоянии прочтала. Её приказ Ранебу предписывал затащить супругу и сестру царя на ладью силой, если те пожелают разделить судьбу Шинбала.

Уахенти отыскал царицу, и молча протянул ей папирус с печатью Мерит. Сит-Уаджат пробежала его глазами, взглянула на Ранеба. Покачала головой. Моряк долго смотрел ей в глаза, не говоря ни слова. Потом повернулся и ушёл. Царица, почувствовав слабость в ногах, прислонилась к стене, чтобы не упасть. Сердце билось в груди, как птица, запутавшаяся в силках.

Моряк вернулся в гавань, столкнулся на пирсе с наместником.

— Выводи свои корабли первым, достойный Тутии. Успеешь уйти, пока нечестивцы не опомнились. Погонятся за тобой, я их сдержу.

Наместник кивнул, поднялся на борт ладьи "Асет" и сказал её кормчему:

— Выходим.

Из гавани северного острова можно выйти совершенно незаметно для наблюдателя, находящегося в Ушу. Корабли скроет длинная коса со стеной, они пройдут между островами, после чего — ищи-свищи. Однако отряд Тутии не мог проследовать этим путём. Его ладьи были чрезвычайно перегружены, а пролив мелководен, потому они двинулись на юг у всех на виду.

— Похоже, началось! — выдохнул Шинбаал, заметив, что с севера, в погоню за отрядом

наместника направились, вспенив вёслами воды, семь трёхрядных ладей, из облегчённых, чьи гребцы не укрыты даже льном от светила. К ним присоединились ещё четыре более крупных. С сильным недолётом, локтей в двести, плюхнулся в воду снаряд, пущенный громоздким устройством на носу тяжёлой ладьи. Не достали беглецов и стрелы с горячей паклей. Тутии даже не думал отстреливаться.

— Истинно сказано, — вздохнул Ранеб, наблюдавший за погоней с угловой башни в северо-западной части стены, — самая страшная кара Нетеру — лишение разума. И, похоже, она настигла этих акайвапта.

Корабли Пнитагора шли ходко, явно быстрее неповоротливых сундуков, пытавшихся спастись бегством. Наварх стоял на носу чуть отставшей пентеры, сложив руки на груди. Он вышел в море самовольно, даже не уведомив Гефестиона. К чему тратить на это время? Он сейчас догонит беглецов, а победителей не судят.

Пнитагор хорошо знал воды Тира и не опасался ловушек. Колья, с которыми тирийцы познакомили его в предутренний час, прикрывали лишь входы в гавань, но как перегородишь ими пять стадий моря? В свете дня, пусть и клонящегося к вечеру, проревс^[90] заметит ловушки загодя. Их можно зацепить канатом и безопасно своротить. Да и кто будет их здесь ставить? У берега большой земли не слишком глубоко, но все же достаточно для афракта^[91], уж если высокобортные и глубже сидящие триеры Адземилькара не боялись подходить к лагерю македонян во время атаки на мол.

Тот, кстати, исчез, как и второй, работа над которым только началась. Это заставило наварха насторожиться и свою пентеру "Персефону" он решил осторожно провести ближе к острову, где глубины больше. Кормчие остальных кораблей не выказали подобного благоразумия, увлеклись погоней.

Меньшая из триер, вырвавшаяся вперёд, проскочила место, которое ещё вчера пересекал мол, но две следующие за ней, неожиданно вздрогнули. Одна начала заваливаться на бок, другая, словно носом в ил зарылась (а так оно и было). Её развернуло поперёк пролива. Гребцы опрокидывавшейся триеры закричали, побросав весла, начали прыгать за борт.

Пентера, идущая впереди "Персефоны", вдруг словно на стену налетела. Перепуганные гребцы навалились на весла, пытаясь отработать назад, но корабль так быстро не остановить. Бронзовый таран отломился, стэйра хрустнула. Корпус, все ещё продолжая движение, похоже наползал на крутой подводный каменный склон, корма опускалась все ниже.

— Табань! — заорал Пнитагор и бросился к педалиону.

Кормчий и сам не дурак, рванул одну вёсельную рукоять на себя, другую оттолкнул, но было поздно. Таран "Персефоны" врубился в корму товарки.

— А, чтоб тебя! — взрыдал Пнитагор, — сдавай назад!

Келевст^[92], плюясь и матерясь, двинул в ухо флейтиста, который, вращая круглыми глазами, продолжал насвистывать темп гребли.

— Назад! Назад, дармоеды!

Гребцы, рыча, пятью гребками из неудобного положения, вытащили пентеру-убийцу из тела жертвы, но лишь ускорили её конец. Моряки барахтались в воде. Им бросали концы канатов, подавали древки копий.

Пентера, налетевшая на мель, с креном на корму погрузилась в воду до весел второго ряда. Внутрь корпуса ворвалось море. Корабль лёг покорёженной носовой частью на скалу, но корму его ничто не поддерживало и, едва та заполнилась водой, пентера начала сползать

с подводного уступа.

— Тонем!

— Чего орёшь, не тонем мы, на мель же сели!

— На приап Посейдонов мы сели! Глаза разуй, придурок! Сейчас потонем нахрен!

Пнитагор, бесновавшийся на палубе "Персефоны", вдруг сообразил посмотреть на зубцы крепостной стены Тира. Там маячили головы.

"Мы же, как на ладони здесь. Ударят стрелами, никто не спасётся..."

— Отходим! Весла на воду! Метробий, командуй разворот! Ещё сдать назад!

Весла пентеры пришли в движение. Прямо посреди ещё барахтавшихся в воде людей.

— Вы что творите, сучьи дети! — захлёбываясь, заорали моряки погибшего корабля.

Люди, спеша выбраться, хватались за весла, мешая гребцам. Лопасты опускались на головы. Несколько человек из тех, что пытались по ним взобраться на корабль, исчезли с поверхности воды.

— Ублюдки, будьте вы прокляты!

— Дальше от борта, ребята!

— Сдохни, Пнитагор!

Наварх, выбравшись, осмотрелся. Пентера затонула, ещё одна прочно сидела на мели. Два корабля, включая "Персефону", у которой открылась небольшая течь в носовой части, отошли от опасного места. Из триер мель сумели беспрепятственно миновать четыре. Не получив иного приказа они продолжили погоню, хотя теперь явно пребывали в меньшинстве.

Последний из уходящих кораблей, самый большой размерами, замедлился и начал разворачиваться.

— Что он делает? — спросил один из воинов, стоявших рядом с Ранебом на крепостной стене.

— Льву недостойно убегать от стаи шакалов, — сказал Знаменосец, — эх, осадные луки поснимали... Такая мишень...

— Смотрите! — указал рукой другой воин, — ещё идут!

С севера приближались ещё несколько ладей акайвашта. Какое-то движение наблюдалось и на юге, где виднелись корабли "пурпурных", не следовавшие за "царём-выходцем", как его обозвал Ранеб.

— Я выхожу в море, — объявил Знаменосец, — если они приблизятся к стенам, накормите их, как следует, огнём.

"Асет, великая чарами", разворачиваясь, подставила ладьям акайвашта борт и они, словно псы, повизгивающие от возбуждения, спешили вонзить свои зубы, покрытые живой и мёртвой зеленью, в беззащитный борт. Беззащитный, ага.

— Бей, — коротко приказал Тутии, даже не повысив голос.

Со звенящим гудением распрямились бронзовые рессоры трёх осадных луков. Толстые длинные стрелы, снабжённые медными трубками, заполненными горючей смесью, секретом жрецов Братства Тути, прочертили в воздухе искристо-дымный след. Две прошли мимо, а третья поразила цель. Неугасимый огонь выплеснулся и жадно вцепился в смолёное дерево. Моряки-акайвашта закричали, засуетились.

"Асет", продолжая огрызаться огнём, который с каждым выстрелом поражал врага все точнее и точнее, избежала тарана и, развернувшись, шла теперь меж ладьями акайвашта. Сам наместник, стоя во весь рост на носовой башне, бил из своего дорогого составного лука.

Чужаки опомнились, тоже огрызнулись стрелами. Один из Хранителей, стоявших рядом с наместником, упал со стрелой в горле. Другая испытала на прочность доспех Тутии, но не осилила прочной чешуи. Наместник даже не покачнулся, скорее всего, и синяка не будет. Тем не менее, его сразу потащили от борта.

— Достойнейший, укройся! Не ровён час...

Тутии послушался. Ему подали щит. Выглядывая из-за него, он ещё раз окинул взглядом ладьи акайвашта. Удовлетворённо хмыкнул: три пылали, четвёртая пыталась удрать, на ней пожар смогли затушить.

— Уходим. Нечего задерживаться. Ранеб даст добавки тому, кто не наелся.

Гефестион и Парменион с берега мрачно наблюдали за тем, как из гавани выходят боевые корабли защитников Тира. Первыми шли три громады, с огромными надводными таранами. При виде самого большого корабля, с бронзовой головой крокодила на проемболлоне, старый полководец удивлённо крикнул.

— Сколько там у них на вёслах народу-то сидит?

— Если судить по размерам, я бы сказал, что человек пять на каждом, — отозвался Гефестион.

— В два ряда.

— Уверен?

— Да, отчётливо различаю.

— Охренеть...

Над головами гребцов поблёскивали листы бронзовой крыши. Ими же, как чешуёй, прикрыты борта надстроек, возвышавшихся на носу и корме.

Корабли шли очень неспешно. Тяжеловесные толстокожие гиганты. Ещё вчера, увидев их, Гефестион бы лишь рассмеялся: затопить — раз плюнуть. От тарана в борт им не увернуться. Однако, успев осознать, в чём сила противника, он уже не считал их лёгкой добычей.

— Что делать? — повернулся Гефестион к старому стратегу, — афракты Пнитагора они пожгут, а всеми силами ему не миновать отмель. Откуда хоть она взялась, зараза...

— Оттуда же, откуда они, — кивнул Парменион на стены Старого Тира, — они верно нацелились на наших оставшихся финикийцев, да испепелит Астропей^[93] этого подлого предателя Энила.

— Может отвести корабли?

— Куда? Да и отведёшь, так эти подойдут к берегу и начнут нас безнаказанно обстреливать огнём. Кто тогда окажется в осаде?

— Александр-р-р, — глухо прорычал Гефестион, — где тебя носит...

Парменион покосился на него, но ничего не сказал. Привыкший, что младшие слушают опытных старших, он все ещё не мог смириться с тем, что царь в его советах не нуждался. А Гефестион верит, что Александр мигом бы нашёл выход из этого головоломного положения. Не он один — все воины верят. Царь ещё ни разу не разочаровал их. Как такое могло случиться, что Парменион, старый испытанный полководец, не в силах был дать юноше ценный совет? В голове не укладывалось...

— Придётся принять бой. Пусть Пнитагор со всем флотом обходит остров.

— Пока обойдёт, они пожгут "пурпурных". Ты видел, как они умеют жечь? Знать бы что там, в этих стрелах и горшках...

— Смола, сера...

— Я знаю, как горит смола и сера! — воскликнул Гефестион, — а это варево прямоком из Тартара! Песком еле потушили...

— Всё равно придётся драться, — твёрдо сказал Парменион, повернулся, отыскал глазами сына, — Филота, быстро к Неарху, его не должны застать врасплох.

Обычно надменный и важный Филота не стал посылать никого вместо себя, вскочил на коня и унёсся. Стоянка финикийских триер располагалась почти в пяти стадиях южнее основного лагеря.

Парменион с Гефестионом продолжали наблюдать за выходом противника в море. Гиганты, покинув гавань, замедлили ход, очевидно, ожидая остальные корабли, размерами поменьше.

Ни клепсидры под рукой, ни солнечных часов. Казалось, прошла вечность, хотя на самом деле колонна выдвигалась на простор чуть более получаса. В её хвосте, одним из последних, шло такое диво, что Гефестион едва не уронил челюсть наземь.

— С ума сойти... Они два корабля бортами связали? И умудряются двигаться?

На платформе меж корпусов удивительного судна громоздились штук пятнадцать огромных кедровых стволов.

— Зачем они с собой бревна-то тащат? — недоумённо спросил Гефестион, — если собираются...

Старик сообразил раньше.

— Они уходят, парень! Не хотят драться! Загрузились пожитками и драпают!

— Преследуем?

— Ты с ума сошёл! Надо задержать Неарха!

Но было поздно. Корабли критянина уже показались из-за косы, прикрывавшей с юга гавань Старого Тира.

— Эх... — Парменион сжал кулаки.

— Может, не примут бой, — предположил Гефестион.

Старик не ответил. Противники ещё не встретились, но перед глазами Пармениона уже, как наяву, пылали триеры...

Ранеб приказал на всех кораблях чаще сменять гребцов. Идти в Бехдет без остановок, с наступлением ночи следовать, как укажут знатоки звёзд, жрецы Мер-Уннут.

Пропустив купеческие ладьи и громадный лесовоз, несколько месабит выстроились клином. Впереди с большим отрывом шла облегчённая "Нейти, разящая нечестивцев". За ней следовал старик "Себек-Сенеб", задуманный и созданный самим Величайшим. Знаменосец за годы службы так прикипел к этому кораблю, что никогда не согласился бы идти в бой на усовершенствованной, более быстрой, защищённой и вёрткой "Сехмет во гневе". Замыкал колонну тяжёлых кораблей "Скипетр Ириса". Эта ладья, меньшая из месабит, отличалась высочайшей манёвренностью. Следом шли с промежутками в сорок локтей корабли поменьше, "ладьи луков": "Тути — Глас Амена-Сокровенного", "Звезда Уасита" и "Селкит, жалящая огнём".

"Первый лучник" "Себек-Сенеба", ставший уахенти, "первым ладьи" в связи с неожиданным повышением Ранеба, разглядывая приближающиеся корабли акайвапта, не слишком весело усмехнулся:

— Хорошо, что с нами нет "Звезды обеих Земель" и "Мерит-Ра". Корабли с такими

именами потеряешь, вернёшься в Бехдет, только и останется, что чашу вина выпить. Особого...

— Если я живым из этой переделки выберусь, — хмыкнул Ранеб, — то в Бехдете не то, что яд, кровь Апопа выпью без закуси!

Он повернулся к стрелкам осадных луков.

— Вначале бить из ашшур-педет, на таких дальностях они хороши. С двухсот шагов огневыми не стрелять!

Он говорил, в общем-то, очевидные каждому на боевых ладьях вещи, не никогда не повредит их повторить. Вселяют уверенность.

Простые бруски прочного и гибкого дерева жители Ашшура и Нинеби вываривали в вине, затем в масле, изгибали и сушили под гнётом. Затем крепили под нужным углом на простую и не слишком тяжёлую деревянную станину, да прибавляли сверху ложку из бронзы или железа. Вводили её просто верёвками, блоком или рычагом, крюк или петля на тыльной стороне ложки входили в паз ограничителя, не дававшего сломать устройство при натяге. И металы (зачастую друг в друга) каменные ядра или горшки с нефтью.

Когда эти машины попали в руки многоискусных жрецов Братства Тути, их увеличили в размерах, усилили сложной рессорой со спины, а спереди упругой бронзовой пластиной, скорее не работающей на взвод, а предохраняющей от излома. Конечно, если из осадного лука попасть с трёх сотен шагов даже в небольшой пиратский корабль мог любой из десятников отрядов стрелков, то из луков Ашшура для попадания нужно было выстрелить раз двадцать. Это если Нетеру помогут. Зато ашшур-педет (эту машину так и называли — "ассирийский лук"), почти не занимал на палубе место, легко передвигался на другой борт, дальность регулировалась степенью изгиба рессоры, а направление — только станину поверни куда хочешь. Стрелять он мог не только неугасимым огнём, но и свинцовыми ядрами, даже камнями, если все припасы разошлись. При обороне и осаде крепостей с моря и с суши — устройство незаменимое. Тем не менее, лишь однажды удалось ему побывать в бою, когда один из стрелков Нибамена с пятисот шагов уложил (случайно, разумеется) медно-глиняную чашу с неугасимым огнём в крупный корабль кефтиу, мгновенно обратившийся в костёр. Да вот теперь ещё выстрелом со стены сожгли ладью акайвашта. Неудивительно — неугасимой смеси там вчетверо больше, чем в медной трубке стрелы.

Дымные арки, числом сорок шесть, рассекли небо. Несколько снарядов вспыхнуло, разбрызгивая огонь ещё в воздухе, остальные плюхнулись в воду, на поверхности которой расплылись масляные пятна.

Снова залп. Ранеб не надеялся на победу, но намеревался сжечь как можно больше кораблей противника, прежде чем они сблизятся до опасной черты, когда плавучий костёр мог перекинуться на его собственные ладьи. Знаменосец знал от поверенного Анхнофрет (тот не зевал во время переговоров, внимательно рассматривал ладьи противника и многое углядел), что камнемёты есть только на тяжёлых ладьях. На лёгких стояли странные осадные луки, без бронзовых рессор.

Один из "ассирийцев" умудрился вметнуть язык пламени на палубе тяжёлой ладьи акайвашта. Ранеб удивлённо поднял бровь. Надо же. Чтобы из "ашшур-педет" попасть со второго раза... Невероятное везение. Впрочем, огонь быстро погас. Учёные уже, видать. Очевидно, пламя забили песком. Больше никому не повезло. Пора взводить осадные луки.

Запела бронза. "Себек-сенеб" разлил огонь по носу одной из первых ладей

приближающегося клина. Быстро не потушат, это не просто нефть, гореть будет долго. Сехмет уложила все свои стрелы в воду. Ранеб заскрипел зубами с досады. А вот "Скипетр" оказался точнее. Горящая ладья акайвашта стала отставать и поворачиваться: гребцы правого борта спасались от огня, когда на левом все ещё работали в полную силу.

Всплеск в двадцати локтях от носа "Себек-Сенеба" сказал Ранебу, что чужаки тоже начали стрелять. Интересно, чем? Хорошо знакомые ему пираты кефтиу и акайвашта не ставили на свои корабли метательные машины. Ранеб подозревал, что они вообще не умеют их делать. Но от этих выходцев всего можно ожидать. Дымных следов Знаменосец пока не видел и уже хотел этому порадоваться, когда сразу с нескольких вражеских ладей взвились в небо огненные снаряды. Все они сгнули в волнах, не долетев до его кораблей.

Ладьи акайвашта увеличили скорость. Нечестивцы поняли, что спасение от огня в стремительном сближении. Ранеб дёрнул уголком рта. Не понять, раздражённо или одобрительно. Ни один из кораблей противника не обратился в бегство.

— Ада-а-р! Меле-е-ек! — орал Неарх, срывая голос, — не стре-ля-а-ай! Бес-по-лез-но-о-о!

— Что-о-о? — отвечал с борта "Гнева Мелькарта" его командир.

— Бли-и-и-же! Вплот-ну-у-ю! Сожгу-у-т! — Неарх ударил кулаком о ладонь.

— По-о-нял!

У обоих бортов "Гнева Мелькарта" вскипели волны. Три библосских пентеры, оставшиеся с Неархом, начали выходить вперёд. Критянин на "Никее" держался рядом. Триеры расходились веером, обходя уже горящие корабли.

Опытные финикийцы не ударились в панику, хотя по внешнему виду противник был им совершенно незнаком. Но его выдавала любовь к огненным снарядам. Дети Реки. Египтяне. Во флоте Ахеменидов их корабли даже в худшие для Чёрной Земли годы оставались грозной силой. Обладавшие скверной мореходностью, неповоротливые, они практически бесполезны в борьбе с пиратами. В морских сражениях эллинских усобиц, тайно или явно раздуваемых персидскими царями, они не использовались. Только изредка, в самых крупных сражениях, в столкновениях флотов. И вот там-то египетские рессорные стрелометы-эвтитоны снимали такой урожай смерти, на который не способен более никто.

Неарх знал, что египтяне в своих машинах никогда не использовали силу скрученных волосяных канатов. В море они быстро отсыревали (хотя их и смазывали маслом), натяжение менялось. Камнемёты-палинтоны эллинов и финикийцев требовали длительной пристрелки и очень сильно зависели от погоды. Рессорные стрелометы египтян били не столь далеко, как машины их морских соперников, но зато не в пример точнее. Так повелось с седой древности. Конечно, финикийцы не оставляли попыток разгадать секрет бронзы, которую их противники использовали в рессорах, но не слишком в этом деле преуспели.

Вскоре после смерти фараона Нехо, могущество египтян стало стремительно хиреть. Когда Египет завоевали персы, многие знания были утрачены. Финикийцы рассказывали Неарху, что последний раз знаменитые египетские эвтитоны использовались Ксерксом в битве при Артемисии. Да и то их там было совсем немного. После смерти мастеров, последних хранителей тайны, секрет канул в Лету. Фараон Амиртей, изгнав персов, обратился к жрецам Братства Тота, с просьбой воссоздать его.

— Ходят слухи, будто что-то у них получается.

Неарх уже знал, почему бежал Энил, и теперь понял, что столкнувшись с древними,

обречён увидеть их смертоносное оружие во всей красе и мощи.

С критянином осталось около сорока кораблей. Не последнюю роль в этом сыграло то, что последовать за Энилом не решился один из его приближённых, Адар-Мелек. То был высокородный аристократ, и, как стало недавно известно Неарху — претендент на трон Библа. В случившемся он увидел для себя шанс возвыситься. Александр без сомнения накажет предателя. А гнев Баала... Кто не рискует, тот не пьёт хиосское. Ради осуществления своих замыслов Адар-Мелек готов был рискнуть.

Однако оказалось, что крики Энила про серу с небес — не пустой звук. Увидев, как одна за другой вспыхивают его триеры, Адар-Мелек дрогнул, но отступить уже некуда. По правому борту две его пентеры, выполняя, приказ идут вперёд. По левому — критянин с горящими глазами. Не развернуться. Не сбежать. Спасение одно — атаковать.

— Быстрее, ещё быстрее!

Флейтист на корме "Никеи" повиновался, а его товарищ на носу перестал попадать в такт. Келевст-киликеец, мешая эллинские и финикийские слова, разразился бранью, замахнулся кулаком, веля тому заткнуться, а потом принялся отбивать ритм деревянной колотушкой.

— Вот так! Вот так!

— Ещё быстрее!

На спинах гребцов, блестящих от пота, вздуваются мощные мышцы. Хилым нечего делать в этом ремесле беднейших, не способных иным способом добыть себе хлеб насущный. Доля гребца триеры для кого-то — настоящий дар богов. И их же проклятие.

— Ха-а-ай!

Выдох.

Сто восемьдесят весел вспенивают воду, рывком бросая триеру вперёд. Лопасты рассекают границу стихий, с них срывается дождь. Гребцы толкают весла вперёд, опускают.

— Ха-а-ай!

Корабли египтян все ближе. Сразу две горящих стрелы ударили в борт "Никеи" у самого акростоля^[94]. Он моментально запылал, заставив Неарха отшатнуться. Разве возможно, чтобы дерево, даже смолёное, вспыхнуло так быстро и с такой силой?

— Тушите!

Несколько матросов с мокрыми кожами бросились спасать корабль. Неарх, наплевав на опасность, сам кинулся помогать. Успел увидеть, что на концевнике одной из стрел, наполовину впившемся в борт, болтается медная трубка. Древко сгорело, а трубка, прикрученная проволокой, осталась. Что это ещё за хрень такая?

Впрочем, нет времени предаваться размышлениям. С высокой надстройки вражеского корабля полетели стрелы. Какой-то матрос оттолкнул Неарха, а сам скривился: тростниковое древко с длинным бронзовым концевником прошило плечо.

Критянин вскочил, стараясь не высываться из-за борта, который стремительно превращался в ежа.

— Помогите ему!

— Командир, держи! — подскочивший воин подал щит.

Неарх надел его на локоть, осторожно выглянул. Борт вражеского гиганта все ближе. Критянин спрыгнул с катастрофы^[95] в проход между рядами гребцов. Побежал на корму, крича:

— Правый борт, втянуть весла! Левый — суши!

Гребцы торопливо исполнили приказ. "Никея", набравшая скорость, продолжала лететь вперёд.

Приблизившись на расстояние в сотню локтей, акайвашта начали стрелять точнее. Горшок с маслом разбился о стрелковую носовую надстройку "Себек-Сенеба" в трёх шагах от Ранеба. Знаменосец успел прикрыться от брызг масла, однако оно не загорелось. Торчащий из горшка фитиль потух в полёте. Следующий снаряд оказался куда смертоноснее и, хотя пожар задавили в зародыше, несколько моряков заработали ожоги, а один истошно орал царапая выжженные маслом пустые глазницы.

Ранеб видел, как из бойниц кормовой надстройки "Нейти", идущей первой, повалил дым, показались языки пламени. Акайвашта обошли её с двух сторон и, не приближаясь, обстреливали в упор. Они заплатили за свою удачу тремя ладьями, пылавшими позади, но и "Нейти" теперь обречена. Только сейчас Ранеб понял, что её приняли за ладью Знаменосца и навалились с большей силой.

Сразу два корабля акайвашта атаковали "Скипетр", намереваясь таранить. Тому удалось уклониться, однако судьба его была — погибнуть от своего оружия. Снаряд чужаков, расколовшись, разлил масло с серой на приготовленные у борта огненные припасы. Асфальт, которым запечатывались трубки, быстро расплавился и неугосимый огонь выплеснулся на палубу кормовой надстройки, превратив её в факел.

"Себек-Сенеб" приближался к стене огня и дыма. Жечь врага больше нельзя — велик риск пострадать самим.

— Огненные припасы убрать! — крикнул Ранеб, — стрелять каменными ядрами!

Лучники, перебравшиеся в закрытые надстройки, выбивали гребцов на лёгких трёхрядных ладьях, где тех не закрывал сплошной борт. Одна из таких, совершая неуклюжий манёвр, подставилась под удар Сехмет и бронзовая голова львицы, давя гребцов, вломилась внутрь ладьи. Акайвашта не стали дожидаться, пока их всех перебьют стрелами и бросились на вражеский корабль. Завязался палубный бой. Гребцы тоже кинулись с драку, подхватывая оружие убитых. Ещё один корабль противника, воспользовавшись неподвижностью "Львицы" ударил её тараном в борт.

Всё-таки настал в жизни Ранеба тот момент, которого любой опытный моряк должен избегать точно так же, как лучник обязан сторониться схватки на мечах. Сразу две вражеских ладьи шли точно навстречу, и в их бортах не было видно весел... Вот оно как у них заведено — лишить хода хотят. Знаменосец отвлёкся, но "первый на ладье" не растерялся. Зазвучали слова команды, гребцы начали втягивать весла. Успели не все.

"Никея", прокатилась вдоль борта здоровенного чудовища с головой крокодила на носу, сломав десяток весел. Эпибаты^[96] заваливали врага дротиками, но и сами гибли от стрел египтян. Не останавливаясь, триера разошлась с "Себек-Сенебом".

Вдоль другого его борта прошёл "Гнев Мелькарта" и, хотя там египтяне свои весла сохранили, но финикийцы смогли наделать на осадной ладье шороху двумя удачными выстрелами из палинтонов в упор. Каменные ядра проломили борта и искалечили обломками около дюжины гребцов. Египтяне смогли причинить пентере меньший урон, хотя лучники активно заваливали её стрелами.

— Весла на воду!

Кормчий, которого во время "прохода"^[97] прикрывали щитами сразу четверо гоплитов (двое из них погибли), рванул левую рукоять педалиона, правую толкнул от себя и "Никея"

начала разворот противосолонь, удаляясь от частично обездвиженного "Себек-Сенеба". Тоже самое делал Адар-Мелек.

Ранеб сразу понял, что дела плохи. Шакалы сожрут неподвижного льва. Знаменосец приказал передать половину уцелевших весел на другой борт, но пока гребцы возились, к двух сторон притёрлась ещё пара ладей с закрытыми галереями гребцов и скорпионьим хвостами на корме. С обоих кораблей на "Себек-Сенеб" полетели абордажные крючья.

"Гнев Мелькарта" не смог вернуться, чтобы добить "Крокодила" — сцепился с другим кораблём. Но вернулась "Никея". Немного мешала финикийская пентера, прилипшая к борту гиганта и ограничивавшая выбор места, куда можно всадить таран. Однако, цель теперь неподвижна, только совсем бестолковый промахнётся.

— Всем приготовиться!

Бронзовый бивень вломился в незащитный борт. Эпибаты метали дротики, били из луков. Неарх уже собирался сам броситься на палубу вражеского корабля, когда к нему подскочил проревс.

— Стэйра треснула! Течь!

— Тьфу ты, зараза! — выругался критянин.

Он кинул взгляд на палубу вражеского корабля, где кипел бой. Помочь финикийцам? Но если египтяне одолеют... А их там чего-то многовато.

Неарх не рискнул ввязываться в палубную драку. Надо убираться. Идти скорее к берегу, пока не потонули.

— Назад!

"Никея" попятилась, извлекая таран из тела "Крокодила".

Ранеб, как в полусне, отдавал приказы, почти ничего не видя, возникал то на носу, то на корме. Воинов на любимом детище Тутимосе было гораздо больше, чем ладьях пришельцев, и они одолевали. С одного борта чужаков удалось отогнать на их ладью. Несколько Хранителей последовали за ними.

— Врёте! Даже неподвижный лев разорвёт дюжину шакалов! — кричал Ранеб, размахивая хопешем.

Знаменосец уже торжествовал, когда вдруг осознал, что дела на самом деле гораздо хуже, чем он думал. "Себек-Сенеб" начал крениться на правый борт, его чрево быстро заполнялось водой.

— Воины! — закричал Знаменосец, — "Себек" тонет! Наше спасение — эта ладья!

Ранеб указал клинком на вражеский корабль. Хранители все поняли. Гребцы и воины бросились на него, добивая последних защитников. Те попытались заглотить кусок больше, чем смогли переварить, и не преуспели.

Хранители, проникнув уже и на нижнюю палубу вражеской ладьи, силой вытаскивали оцепеневших от страха гребцов и заставляли прыгать в воду. Гребцы "Себек-Сенеба" выбрасывали за борт убитых, спешили занять места и приноровиться к непривычным вёслам и скамьям. На борт захваченной ладьи с месабит перебрасывали припасы для осадных луков, сами луки, из тех, что полегче.

"Себек-Сенеб" быстро оседал. Вторая пентера финикийцев, потерявшая почти всех эпибатов, поспешила расцепиться с ним.

Ранеб отыскал глазами "Львицу" и увидел, что она тоже погружается, вместе с протаранившей её ладьёй акайвапта.

Они погибли почти одновременно, "Себек-Сенеб" и "Сехмет во гневе", два самых

больших боевых корабля Священной Земли, с такой любовью выстроенные Величайшим по его собственным чертежам. Много лет они верой и правдой служили ему, одним своим видом наводя ужас на берег фенех, и вот над обоими сомкнулись Зелёные воды...

За кормой полыхал огромный костёр. "Нейти"... Знаменосец отвернулся, ибо уже не мог ничем помочь оставшимся там. Закатный ветер сносил дым до самого горизонта, где угасал Атум, истекая кровью...

И все же Ранебу удалось главное — он дал уйти ладьям с особо ценными беженцами. Противник лишился многих ладей, на одной из которых уже подняли знамёна Та-Кем.

От отряда Ранеба уцелела лишь одна боевая ладья Тисури, и лёгкая "Звезда Уасита", принявшая всю команду с погибшего "Скипетра". Она улизнула, скрытая дымом. Ну и эта ещё... Знаменосец не задумывался над тем, какое имя получит захваченная ладья, сейчас все его мысли были с павшими товарищами, с погибшими кораблями. Но в одном он был уверен точно — жертвы не напрасны. Этот корабль для Величайшего ценнее золота, которое способен поднять.

Ладьи — величайшая страсть в жизни Менхеперра. Захваченный корабль столь необычен, что теперь Величайшему предстоит долгая череда бессонных ночей, пока он не проникнет в его секреты, разберётся во всём. Какая ладья, какой мощи и скорости родится разумом Тутимосе — Ранеб не брался и предполагать.

Примерно через час после побоища, в сгущающихся сумерках, из гавани Тира вышел ещё один корабль, совсем небольшой и явно не военный. Он направился напрямик в бухту Ушу.

Обозлённые потерями финикийцы, рвались предать его огню, но Гефестион не позволил. Он сразу понял, что это за судно.

— Хотят сдать город. Кто сумел, сбежали, остальные сдаются.

Он не ошибся.

Судно подошло к пристани, с которой только недавно убрали трупы. Гефестион, Парменион, Филота, Эвмен, Мелеагр и Кратер молча ожидали посланника. Египтяне опустили сходни, и по ним на пирс... сошла женщина.

Она была одета очень богато. От обилия и изящества украшений, блеск которых пламя факелов выхватывало из объятий тьмы, у некоторых македонян дух захватило. Хотя кое-кто из них успел повидать великолепие гарема Дария и потому не должен был удивляться роскоши женских нарядов, кои нельзя увидеть в их далёкой отчине.

Женщина была молода и красива. Кратер и Мелеагр переглянулись. Филота усмехнулся, бесцеремонно раздевая её взглядом.

Посланница торжественно произнесла несколько слов на непонятном языке. Гефестион, отметив, что она упомянула имя "Алесанрас", посмотрел на Эвмена, тот поманил переводчика.

— Понимаешь её?

Финикиец кивнул.

— Она "окает". Вместо "а" произносит "о". Но в целом почти все понятно.

— Что она сказала?

— Представилась. Её зовут Сит-Уаджат. Она — царица Тира.

— Вот как? — удивился Гефестион, — так городом правит женщина?

Финикиец задал вопрос. Посланница ответила.

— Городом правит царь Шинбаал. Она — его супруга.

— Почему царь не прибыл сам?

— Царь не может быть посланником.

— Бабу вместо себя прислал! — засмеялся Филота, но под грозным взглядом своего родителя заткнулся.

— И что же хочет нам сообщить царь Шинбаал устами своей супруги? — церемонно спросил Гефестион.

— Он покоряется тебе, царь Александр, и сдаёт город...

— Что? — переспросил Гефестион.

— Не сердись, уважаемый. Она думает, что это ты — царь Александр, — поклонился переводчик.

Гефестион посмотрел на Пармениона. Старик ничего не сказал.

— Пусть продолжает.

— Царь Шинбаал просит не предавать Тир огню и мечу, ибо все сегодняшнее противостояние между нами случилось из-за недоразумения, вызванного вмешательством божественных сил.

Гефестион посмотрел на стратегов и писаря. Кратер пожал плечами. Мелеагр коснулся свежего пореза на щеке. Эвмен молча кивнул, а Филота поджал губы.

— Что скажет царь? — еле слышно проговорил Парменион, — он очень зол на Тир.

— Я знаю, — так же негромко ответил Гефестион, повернулся к Сит-Уаджат и объявил торжественно, — да будет так! Я гарантирую безопасность города.

* * *

Шинбаал никогда в своей жизни не проводил дознаний и, тем более, сам не оказывался в положении допрашиваемого.

Почётный заложник с десяти лет, он получил воспитание и образование при дворе Хатшепсут, ныне покойной мачехи фараона Тутимосе, но, несмотря на некоторое прикосновение к дворцовым интригам, ещё не очень-то хорошо разбирался в вопросах политики, особенно тайной. Царь решил, что рассказывать чужакам о встрече Энила и Анхнофрет не следует. Сами "победители" в первый день о том не расспрашивали. Как догадался Шинбаал, они этого даже и не знали. Действительно, встреча произошла скрыто от их глаз.

Однако возникла трудность. Царь и его супруга допустили ошибку, обнаружив знание, что сдают город не какому-то неизвестному завоевателю, а Александру. Военачальники акайвашта не обратили внимания на эту деталь, но она заинтересовала того, кто записывал ход допроса.

Этот, скромного вида, человек, под рукой которого на папирусе возникали ровные ряды необычных значков, вцепился в Шинбаала, как ловчий кот. Царь не устоял перед его обескураживающими вопросами, на которые можно было отвечать только правду, либо

молчать. Ложь бесполезна, ибо будет разоблачена немедленно.

Шинбаал избрал второй путь. Он устыдился своей мимолётной неприязни к Анхнофрет и уверился в том, что успех её дела сейчас — важнее всего. Важнее жизни. Он принял эту мысль, даже не понимая, в чём, собственно, важность. Просто что-то подсказывало ему — именно так должно быть.

Стиснув зубы, Шинбаал молчал. Писец, задававший вопросы, оставался невозмутим, но военачальники постепенно выходили из себя. Начались угрозы. Царь не говорил ни слова, лишь молясь про себя, чтобы Сит-Уаджат и Сульяэли, которых заперли отдельно от него, успели воспользоваться зельем, ведущим на Берег Возлюбленных. Мысленно он прощался с ними и со своей жизнью.

Шинбаал, неопытный в делах, где Хранители чувствовали себя, как рыба в воде, слишком поздно сообразил, что переговоры с Энилом можно было свалить на кого-то другого. Например, на Ранеба, который, как царь надеялся, ещё жив и ушёл в Бехдет. В любом случае эта ложь Знаменосцу бы точно не повредила. Однако теперь, после длительного молчания, акайвашта в подобные откровения вряд ли поверят.

Никто из македонян уже не сомневался в том, что они имеют дело с людьми, в сущности, мёртвыми уже несколько веков. При этом те вовсе не похожи на сбежавших из царства Аида теней. Живые люди, из плоти и крови.

Все говорило о том, что здесь не обошлось без козней Крона-Временщика. Отец Громовержца обитает ныне в Тартаре, куда низвергнут собственным сыном. Не туда ли мы, македоняне, загремели? Те, кто успел тесно познакомиться с неугасимым огнём египтян, придерживались именно такой точки зрения. С другой стороны... Солнышко светит, птички поют, волны о берег плещут, совсем не злобно... Если это Тартар, то, видать, не так уж он и плох.

Эвмен подобные мысли не разделял, а вот за сбивчивые рассказы финикийцев о том, будто Энил кричал что-то там о царе Хираме (или Ахираме, пёс его разберёт) ухватился. Сам высокородный Адар-Мелек, уцелевший в огненной заварухе, подтвердил, что да, шесть веков назад часть Тира стояла на двух островах, а на большой земле город окружали высокие стены. Это в Ханаане всем известно, кроме совсем уж невежественных пастухов. Царь Хирам такую грандиозную стройку закатил, едва пирамиды не посрамил размахом. Недаром он — величайший из сынов Ханаана. С ним только премудрый Соломон способен сравниться, что в те же годы в Ершалаиме правил.

Итак, эти люди жили (и все ещё живут, вот ведь чудно-то как) шесть веков назад или более. В отличие от Энила, Эвмен недолго терзался сомнениями, кто куда попал. Катаскопы разведали окрестности и донесли: здесь все иначе на многие стадии вокруг. Исчезли одни селения, появились другие. Откуда ни возьмись, вместо чахлых рощ выросли обширные леса. Значит, лагерь македонян действительно провалился в прошлое. А поскольку он частично располагался в черте древних стен Старого Тира, то при сопряжении миров значительный их кусок исчез. Проснувшиеся македоняне и местные жители столкнулись буквально нос к носу, сразу схватившись за мечи. Как сквозь землю провалились оба мола. Башня, которую восстановили на первом, полуразрушенном вылазкой тирийцев, лежала теперь на дне и отчётливо просматривалась под толщей воды.

Кардиец старался не вспоминать, каких трудов стоило военачальникам задавить панические настроения войска, удержать его в руках. И всё равно кто-то от страха тронулся

умом, некоторые малодушные свели счёты с жизнью. Случилась большая драка с финикийцами, которых обвинили в колдовстве.

Большая делегация явилась к царскому прорицателю Аристандру и потребовала, чтобы он вернул все назад. Когда же тот сказал, что не обладает божественной силой, его попытались побить. К счастью, поблизости случился командир щитоносцев агемы^[98] Адмет. Он вырвал жреца из рук, озверевших от отчаяния воинов.

Пережив первый всплеск страстей, поборов его обильным кровопусканием, стратеги стали совещаться, что предпринять. Царь отсутствовал, и все они, даже Парменион, вдруг ощутили себя голыми и беззащитными, словно малые дети. По расчётам Эвмена, Александр должен был появиться дня через четыре или пять. Ему навстречу (а появления его ждали со стороны Назарета, по крайней мере, таков был первоначальный план) немедленно отправили отряды разведчиков, усиленных бегунами-продромами^[99]. До прихода царя решили ничего не предпринимать. Если же он остался там, за пределами мешка, в который всех их вверг Крон... Эвмен старался об этом не думать.

Воины теперь произносили имя Александра с благоговением, словно, если кто и мог повернуть все вспять, так это он. Тут и там множились разговоры о божественном происхождении царя. Даже те, кто вслед за Филиппом привык именовать Олимпиаду не иначе, как змеёй, теперь высказывались о матери Александра с уважением и даже каким-то священным трепетом. Как же, с самим Зевсом возлегла.

Только бы вернулся царь...

Шок оказался таким, что мало кто вспоминал о сражении с египтянами, стоившем многих жизней. Люди опасались даже думать об этом, ибо сразу же возникала мысль:

"А если они вернутся, да не малым отрядом, а в силах тяжких?"

Сдавшийся Тир заняла хилиархия щитоносцев под командованием Тимандра. В порту Града-на-острове встали около двадцати кораблей Пнитагора. Их команды сошли на берег и вместе с гипаспистами занимались поддержанием общественного порядка.

Гефестион слово сдержал, Тир не тронули, никто не обижал его жителей. Но сын Аминты ничего подобного не обещал в отношении Старого Тира. Вот там-то македоняне вдоволь натешились. Душу отвели, наполненную страхом.

Часть военачальников осталась в лагере, но высшие отбыли в Тир. Город посмотреть.

Осмотр затянулся. Парменион мрачно ходил по дворцу, где его все раздражало. Филота и Кратер, отоспавшись, в сопровождении воинов облазили весь город, даже заглядывали в храмы варваров, где жрецы косились на них с удивлением. Гефестион пил. Свои прямые обязанности исполнял только Эвмен. Команда его писцов тщательно переносила все увиденное на папирусы. Счетоводы составляли описи трофеев. Разведчики занимались подбором местных жителей для допросов.

Кардиец вновь обратился мыслями к дознанию. Шинбаал скрывает, откуда ему стало известно имя царя Македонии. Значит, имеет причины. В том, что до ночи, когда все это завертелось, он слыхом не слыхивал ни о каком Александре, Эвмен, разумеется, не сомневался. Надо быть полным идиотом, чтобы предполагать иное. Следовательно, узнать имя царя он мог только в тот, самый длинный день. И когда именно?

Весь день кардиец, находясь в ставке Гефестиона, наблюдал за Тиром. Он был свидетелем всех столкновений на суше и на море и не допускал мысли о том, чтобы кто-то из македонян или союзников перебежал в Град-на-острове незамеченным. И вроде в плен

никого египтяне не утянули. Разве что, с захваченной пентеры. Но после этого их корабли уже не заходили в Тир, сразу убрались восвояси.

Значит, остаётся единственная возможность. Энил. Беглец обогнул острова с запада. Что, если его там встретили? И побеседовали по душам? Это бы объяснило осведомлённость египтян. Но всё равно непонятно, почему продолжает запираяться Шинбаал. Ну, встретили, поговорили, узнали много интересного. Задержать всё равно не могли. Они даже против Неарха не сдюжили (хотя шороху навели немало). И зачем делать из этого тайну?

Кардиец вернулся к реальности. Парменион грозился переломать пленнику все кости, но тот упорно молчал. Эвмену все это не нравилось. Нужно заставить его говорить. Пусть на другую тему, но он снова должен заговорить. Ведь говорил же! Не просто так заткнулся.

Выждав, когда Парменион устанет изобретать пытки, которые он обрушит на голову молодого царя, Эвмен спросил:

— Ты упоминал, царь, что у тебя есть соправитель. Не мог бы ты рассказать о нём?

Шинбаал не ответил.

— Дурень! — рявкнул Филота, — ведь это же не тайна, всё равно узнаем! Первого попавшегося на улице спросим!

Шинбаал помолчал ещё немного и неохотно заговорил:

— Его зовут Ипи Ранефер Херу-Си-Атет...

Царь сказал что-то ещё, но переводивший его слова Дракон вдруг запнулся и замолчал. Эвмен недовольно взглянул на своего раба. Тот смотрел на Шинбаала, удивлённо округлив глаза.

— Ты чего? — спросил кардиец.

— Н-ничего... Пусть господин простит своего нерадивого раба. Царь Шинбаал говорит, что его соправитель особо приближён к фараону Менхеперре.

— Спроси его, как так вышло, что его соправитель — египтянин? И откуда вообще здесь, в Тире, взялось столько египтян?

Шинбаал выслушал Дракона и ответил:

— Семь лет назад флот, возглавляемый Знаменосцами Нибаменом и Ранефером, принудил моего отца, царя Бин-Мелека Йаххурима склонить голову перед Страной Реки. наших сил не достало на то, чтобы противостоять противнику. Ранефер обошёлся с нами милостиво. Отцу он оставил царство, и тот властвовал ещё несколько лет до самой своей смерти.

Историю покорения Града-но-острове Шинбаал рассказывал обстоятельно, не умалчивая подробностей, ибо не видел в делах минувшего опасности для нынешнего дня. Сказав одну-две фразы, он ждал, пока слова переведут, потом продолжал свою повесть. Его не перебивали, не торопили и не задавали вопросов. Дракон внимательно слушал, поглаживая свою подстриженную клином седую бороду, сам говорил неспешно, размеренно. В начале рассказа, когда прозвучало имя царя Йаххурима, финикиец пару раз кивнул, словно из уст Шинбаала прозвучало подтверждение его собственным мыслям, которыми он не спешил делиться с македонянами. Задумавшись, он снова замешкался с переводом.

— Да что с тобой? — удивился Эвмен.

Дракон торопливо продолжил:

— Закончив великое строительство, Ранефер отбыл. Теперь он редко появляется здесь, и власть царя разделена с наместником фараона.

— Где наместник? — спросил Парменион.

— Он покинул город.

— Так это его корабли прикрывали отход каравана?

Шинбаал помолчал немного, раздумывая, не повредит ли правда Ранебу и Тутии.

— Нет. Вы сразились со Знаменосцем Ранебом. Наместник покинул город чуть ранее.

— Почему ты остался, царь? — спросил Филота.

— Ты сам ответил на свой вопрос, достойнейший, — повернулся к нему Шинбаал, — я — царь.

Парменион хмыкнул, скорее одобрительно, нежели пренебрежительно.

— Что ты можешь ещё сказать о Ранефере? — спросил Гефестион, — каков он? Сколько ему лет?

— Он пережил двадцать четыре разлива. Величайший старше его на год.

— Двадцать четыре года? — удивился Парменион, — так семь лет назад...

— Да, ему было семнадцать лет, когда он покорила Тисури, — подтвердил Шинбаал.

Парменион только головой покачал.

— Ты удивлён? — спросил старика Гефестион, — разве забыл, как Александр в шестнадцать ходил на медов?

— Не забыл. Выходит, этот Ранефер — ровесник Александру. И фараон немногим старше. Мальчишки...

Гефестион неприязненно посмотрел на старого стратега, потом встретился взглядом с Филотой, но ничего не сказал.

— Мальчишки... — снова пробормотал Парменион, — и здесь двое мальчишек. Воюют, строят... Это какое-то зеркало... Насмешка Временщика...

Эвмен долгим внимательным взглядом посмотрел на старика и что-то черкнул на листе.

— Полагаю, у фараона есть и умудрённые годами мужи-полководцы? — спросил Парменион, — назови самых значимых из них.

Шинбаал не удостоил его ответом. Он сложил руки на груди, глядя сквозь старого стратега. Дальнейшие попытки разговорить пленника, успехом не увенчались. Дошло до того, что Филота, вспыхив, начал убеждать отца применить допрос с пристрастием.

— Он у меня, как миленький заговорит!

— Нет, Филота, — возразил Парменион, — не забывай, царская кровь священна. Пытать его может лишь другой царь. Нужно ждать Александра.

Филота вспыхнул, но ничего не сказал. Шинбаала увели. Парменион распорядился обращаться с пленным согласно его достоинству.

— Ну и чего мы добились? — спросил Кратер, молчавший на протяжении всего дознания.

— Все же больше, чем вчера, — ответил Эвмен.

Кардийца безумно интриговало странное поведение его раба, который после окончания допроса сидел с задумчивым выражением лица и, казалось, не замечал ничего вокруг.

— Я думаю, Энил успел встретиться и поговорить с ними, — сказал Гефестион, разделив тем самым мысли Эвмена.

— Тут нечего и выдумывать иное, — согласился Парменион, — иначе как бы они узнали имя Александра? Но вот то, что он отказывается сие признать, меня беспокоит. До чего они там договорились с "пурпурными"? Что замыслили против нас?

— Энил явно ушёл в родной город, — сказал Эвмен.

— Это и ежу понятно, — усмехнулся Гефестион, — но ведь египтяне наверняка

рассказали ему, что Библи совсем не тот, какой он знает. И чего он туда поплёлся?

— А куда ему ещё? — спросил Кратер.

— Все верно, — согласился Эвмен, — надо обязательно расспросить Шинбаала про Библи. Что там и как.

— Не скажет, — покачал головой Филота, — разве что...

— Я уже говорил тебе, сын, — бросил старик, — только Александр...

— Я не забыл, отец, — раздражённо отмахнулся начальник гетайров.

— Ладно, хватит пока, — подытожил Парменион, — у меня голова от всего этого трещит. Надо прогуляться малость. Позже продолжим.

Когда все покинули зал, Эвмен придержал Дракона за локоть.

— Говори. Ты ведь узнал больше, чем перевёл нам?

— Пусть господин не гневается, — поклонился финикиец, — я все ещё не уверен. Но мои догадки легко можно проверить. И тогда станет ясно, в какое время мы угодили по воле богов, чьи бы они ни были.

— Как это выяснить?

— Недостойный слуга просит своего господина немного пройти. Здесь недалеко.

— Пошли.

Они покинули дворец и направились к воротам в стене южной внутренней цитадели, одной из трёх в Граде-на-острове.

— Эта стена окружает храмы наших богов, — сообщил Дракон, — богов Ханаана. Севернее стоят храмы детей Реки.

— Ты так египтян называешь?

— Да.

— Что же ты хотел мне показать?

— Вот он, — Дракон указал рукой на остроконечный обелиск, пятнадцати локтей в высоту, установленный на втрое более высоком ступенчатом постаменте.

Эвмен задрал голову. Колонна была вытесана из песчаника. Наверху покрыта металлом.

— Это сплав золота и серебра в равных частях, — объяснил Дракон.

— Электрон, — согласно кивнул кардиец, — что это за колонна? На ней какие-то письмена, но отсюда они не очень-то разборчивы. Можешь прочитать?

— В этом нет необходимости, я знаю их наизусть.

— Даже так?

Эвмен мысленно завязал узелок на память — обязательно разговорить своего раба, насчёт его прошлого. Сидонянин, уверяющий, что знает наизусть содержимое древних тирийских надписей, составленных на неродном ему языке, интриговал царского секретаря с каждым днём все сильнее. Как же, всё-таки, мало он узнал его за эти два года с небольшим... Нужно навёрстывать.

— Значит, колонна стоит и в нашем времени?

— Да. Только её сняли с постамента.

— Что там написано?

Дракон неспешно обошёл обелиск кругом, остановился возле западной грани, на которой необычных значков было больше всего. Некоторое время финикиец рассматривал их, а потом, прикрыв глаза, заговорил в своей привычной слегка шипящей змеиной манере:

— "Окружил я стеною святилища ваши, не тронул их, разве Тиннитовых жриц отдал желавшим их, но и те не остались в обиде, получив по два шати. Рядом я выстроил храм Величайшей Владычицы истин, и Сокровенного Ра. На рассвете он Хепри, а после — Атум — Создатель заката. С ними поставил храм Нейти, божественной лучницы, что покарает любого, пусть в рубище он, иль в короне, и пусть колесниц у него десять тысяч — единой стрелы на них хватит. В вашем же храме дарите животных, вино и цветы для Сетизмееборца, что поражает нечистых отродий Дуата, и даже Апопа. Пусть вы Баалом двубожным его нарекли и верите в копья его громовые. Пусть вы поймёте Хатор, как Ашпарт, богиню любви, материнства и млека. Только не смейте вознесть на алтарь и Ашпарт, и Баала, и мерзкой Тиннит-Исефет богопроклятой, душу живую. Тем, кто содеет сие, пусть виновен лишь муж в святотатстве, чашу вина изопьёт вся семья, и добавлю я Истины каплю. Если младенец таков, что способен испить только груди, тогда я сверну ему шею, как гусю, ибо должно истреблённым быть мерзкое семя Дуата! Тех, кто в обряде Тиннит, с алтаря пожирает младенцев, бронзой велю замотать, без различий на простолудинов и высокородных, старушек отвратных и юных красавиц, старцев немощных и, равно, младенцев грудных. Прямо на том алтаре, чтобы твари Дуата блевали, неугасимым огнём обольём, не жалея не Гебовой крови, ни камня Сети. И возожжём нечестивцев, отнюдь не из мести, о верные люди Тисури, да не из страха, чтоб вас отвращал от таких приношений, а чтобы семя Апопа навек обратилось в пепел!"^[100]

На протяжении всей речи Эвмен внимательно смотрел на своего раба, лицо которого не выражало никаких эмоций. Когда Дракон закончил, кардиец отвернулся от него, снова взглянув на обелиск. Проговорил негромко.

— Значит, такова вера твоих отцов и доныне?

Дракон не ответил.

— Не могу сказать, что я хоть в чём-то не согласен с тем, кто установил этот обелиск, — добавил Эвмен, — кем бы он ни был...

— Бог требует крови младенцев, — сказал финикиец, — могущественный бог. Господин ещё не убедился в его неодолимой мощи? Даже цари приносили на алтарь собственных новорождённых детей. В чёрные времена опасности Тиру, никто из них не роптал. Человек лишь червь. Кто посмел бы противиться воле Баал-Хамона?

— Хочешь сказать, что когда мы осадили Тир, Адземилькар тоже...

— Наверняка.

Кардийца передёрнуло. Он и прежде слышал много неприятного о богах "пурпурных", но полагал сие надуманным теми, кто недолюбливал финикийцев. Люди вообще склонны сочинять небылицы, наделяя чужаков наимерзейшими чертами и обычаями, однако теперь, стоя возле свидетельства оных, Эвмен чувствовал себя особенно поганю.

— Разве господин не знаком с поэмами Софокла, Эврипида и Эсхила? Забыл жертву Агамемнона в Авлиде? И многое иное, что рассказывают эллины о своих богах и героях?

— Это было тысячу лет назад. Мир был юн и дик.

Дракон усмехнулся.

— Мы сейчас как раз и пребываем в этом юном и диком мире. Как изволил заметить господин, "тысячу лет назад".

— Откуда ты знаешь? Адар-Мелек говорил о временах Хирама...

— Истину установить просто. Памятник сей воздвиг человек, чьё имя и поныне помнят в Тире. Звали его Горсиантеф.

— Как?

— Горсиантеф, — повторил раб и добавил, — если это имя произнести правильно, то звучать оно будет — Херу-Си-Атет.

Эвмен вздрогнул.

— Тот, кого Шинбаал назвал своим соправителем?

— Да. Это по его приказу выбили надпись-предупреждение. А на северной стороне обелиска цари Тира писали свои имена.

Дракон вздохнул и по памяти перечислил:

— "Я, царь Йаххурим, родил Шинбаала царствовать. Я, царь Шинбаал, родил Абд-Мардука царствовать. Я, царь Абд-Мардук, родил Адземелькара царствовать. Я, царь Адземелькар, родил Итту-Баала царствовать. Я, царь Итту-Баал, родил Ашгарт-Мерса царствовать..."

Дракон посмотрел на Эвмена и добавил:

— Власть этой династии прервали дети Реки, фараон Сети. Однако после перерыва в столетие записи возобновились. И продолжались от Ахирама Великого до царя Эли-Улая.

Эвмен пошёл вокруг обелиска, всматриваясь в письма. Остановился у северной стороны.

— Здесь всего один ряд знаков.

— Зрение не подвело господина, — кивнул раб, — здесь написано: "Я, царь Йаххурим, родил Шинбаала царствовать". И все.

— Это значит...

— Именно так. Благодаря этому обелиску мы можем знать, куда нас занесло. Во времена, когда Горсиантеф жив и здоровствует. Он — правая рука фараона Менхеперры. Господин слышал о нём?

— Нет, — честно сознался Эвмен, — сказать по правде, о Египте я знаю только то, что писал Геродот...

Дракон покачал головой.

— Сей муж повествовал о более поздних временах. И в рассказе его много небылиц.

— Ты и его читал? — удивился Эвмен.

— Нет, но слышал кое-что от знатоков его "Истории". Господин забывает, что предыдущий хозяин своего недостойного раба не в каменоломнях содержал.

— Ты же был его помощником в торговых делах, при чём здесь знатоки сочинений Геродота?

— В торговых делах иногда пересекаются люди разных занятий, — улыбнулся Дракон, в эту минуту ставший особенно похожим на змея.

Эвмен поморщился.

— Ладно, отвлеклись. Так что ты знаешь об этом Менхеперре?

— На моей родине, до сих пор в знатных семьях детям рассказывают о нём, хотя и минуло двенадцать веков.

— Чем же он так знаменит?

— Менхеперра совершил семнадцать походов в земли Ханаана, Сирии и Мидии, не потерпел ни одного поражения, ни разу не отступил. Он рассеивал воинства врага, десятикратно превосходящие его числом, создал могучее царство, которое соседи боялись даже спустя столетие после его смерти. Потому и помнят о нём. В наших летописях сказано: "Не осталось ни клочка земли, который бы не ограбил Менхеперра".

От внимания Эвмена не укрылась оговорка финикийца: "в знатных семьях", однако сейчас его заботили вещи куда более важные, нежели интригующая осведомлённость раба-секретаря в вопросах древней истории.

Великий полководец. Никем не побеждённый...

Прищурившись, Эвмен снова взглянул на острую, ослепительно сияющую в лучах Гелиоса вершину обелиска. На мгновение показалось, что над головой прошелестели огромные крылья, а через мгновение небритой щеки коснулось что-то невесомое, скользнуло вниз. Кардиец покосился себе на грудь: к хитону прилепилось пёрышко. Обычное белое пёрышко...

Два дня пролетели, как один миг. В делах и заботах Эвмен ни разу не присел передохнуть, и уж точно ему не довелось больше простаивать в задумчивости у подножия камня, коему боги присудили стать беспристрастным свидетелем вечности.

Шинбаала больше не допрашивали. Стратеги долго беседовали с Драконом, финикийскими триерархами во главе с Адар-Мелеком, с местными жрецами. С их помощью в головах македонян сформировалась довольно подробная и внушительная картина этого нового старого мира. Настолько внушительная, что Гефестион в тот же вечер нажрался до совершенно скотского состояния, а Парменион опустил руки, не имея ни малейшего понятия, что же ему теперь следует предпринять. Впервые в жизни он, сам себе удивляясь, твердил, как заведённый:

— Александр... Надо ждать Александра...

Наконец, выведенный своим менее впечатлительным сыном из краткого постыдного оцепенения, старый полководец полностью погрузился в дела поддержания и укрепления дисциплины перепуганного войска. Он вернулся в лагерь возле Старого Тира и своим громоподобным рыком, не гнушаясь и кулаком, приводил в чувство малодушных. Их стремительно возраставшее число чудом удалось удержать на зыбкой грани, за которой уже никакие увещания, никакие казни, не спасли бы войско от неминуемой катастрофы.

К концу пятого дня после События, Эвмен доковылял по постели, еле волоча ноги и моментально уснул. Однако сон не принёс долгожданного отдохновения. В царстве Морфея кардийца преследовали бесчисленные, донельзя странные образы. Он видел двух воинов, в полном облачении необычного вида. Прикрывшись щитами и потрясая копьями, они кружились один вокруг другого у подножия крепостных стен незнакомого, но явно очень большого города. Все вокруг в странной дымке. Неразличимы лица, не слышны звуки. Крылатая тень на стене. Он обернулся, но никого не увидел. Вязкая чернота подступила вплотную, обволокла его разум и утянула в бездну, где больше не было снов. До самого утра.

А на рассвете в Ушу примчался гонец на взмыленной лошади, пьяный без вина и сияющий от счастья. Он выкрикнул одно имя и свалился без чувств.

Через три часа в коридор, образованный вопящими от восторга воинами, прибежавшими к восточным воротам Града-на-берегу, горделиво вышагивая, вступил Букефал, за которым бесконечной змеей тянулась колонна гетайров и гипаспистов. Александр вернулся.

7. Откровение

Отряд колесниц, ведомый Тутимосе, вступал на Пепельную Пустошь. Хранители и лучники выстроились перед Величайшим. Судя по всему, Нейти-Иуни не понесли потерь, как и прикрывавшие их Хранители. Зато колесницы... От семи десятков хевити осталось не больше половины. Некоторые, незначительно пострадавшие при опрокидывании, наскоро ремонтировались. К иным подводили новых коней, взамен выбитых. Тараны потеряли почти все. От двух сотен лёгких осталось и вовсе менее трети. Только массивные хтори не понесли потерь.

Думать о том, сколько погибло лучших в Священной Земле возниц и колесничих, а иных в воинство Торжествующей Маат не отбирали, не хотелось вовсе. Разбросанные в беспорядке по всему полю тела нечестивых акайвашта утешали мало.

Аменемхеб, колесница которого шла рядом, заметив, что Менхеперра мрачен, поспешил обратить внимание Величайшего на то, что за каждого колесничего пираты и их наёмники заплатили пятью, и то и десятком своих воинов.

— Не меньше тысячи нечестивцев останутся здесь навсегда. Кроме того, Ранефер захватил три сотни пленных, — подвёл итог пожилой предводитель Воинства Амена Сокровенного.

— Ипи потерял почти все колесницы, — негромко сказал фараон, — теперь ему не избежать косых взглядов со стороны знатных воинов и многих военачальников. Дескать, Хранители много полезнее в Бехдете или Уасите, нежели на поле боя. Пусть сидят себе за папирусами, или с луками на пилонах храмов в землях фенех надзирают за порядком, упреждая бунты и устраняя баламутов. Война — не для них. Такие разговоры звучали и прежде. Теперь пойдут снова.

— Среди своих услышу — прикажу палок всыпать, хоть даже сотнику, отмеченному наградами, — твёрдо заявил пожилой полководец.

— Для начала я выступлю перед воинствами и объявлю, что число пиратов было не пять, а десять тысяч, и две из них отправились к Апопу, — Величайший вздохнул, — на пилоне и в свитках напишем истину, но до того не один месяц пройдёт.

Тутимосе знал, что далеко не все властители, правившие Та-Кем до него, отличались честностью. И в будущем всегда найдётся тот, кто ради тщеславия или сиюминутной выгоды сохранит в вечности ложь. Но сам Менхеперра уподобляться таким не собирался. Неотвратим для смертного час суда в Зале Двух Истин и не стоит пятнать себя грехом...

— Ипи достались самые жёсткие куски мяса, — продолжил Величайший, — с отборным воинством Нахарина, с войсками "пурпурных" он бился практически в одиночку, и рассеял, понеся малые потери. Одолел, уступая числом десятикратно. С одними Хранителями и презренными хабиру, хотя в том бою они не подвели, не то, что сейчас! — Менхеперра со злости ударил бортник кулаком, — только, достойнейший Аменемхеб, где ты видишь три сотни пленных, по мне так — десятков семь.

— Раненые, отделённые от наших, видишь? Все как описывал гонец. Да и те, чьи связанными сидят, легко ранены по большей части. Почти нет таких, кто уцелел.

— Теперь вижу. Странно... Видно, до последнего бились. Интересно, почему? Акайвашта всегда обращаются в бегство, столкнувшись с более сильным. Пираты же. Ценят

свою шкуру.

Показалась колесница Ранефера. Без тарана. И второй конь первой пары был заменён на пегого, необычно крупного, однако, сгибавшегося под непривычной тяжестью толстой бронзовой чешуи. Верховный Хранитель Трона показал знаком, что хочет поговорить с военачальником и Величайшим без посторонних ушей. Тутимосе приказал колесницам, идущим за ним остановиться.

Ранефер аккуратно спустился на землю, против своего обыкновения спрыгивать. Левое бедро его было наскоро перевязано, но Ипи припадал почему-то на правую ногу, видно на наконечник стрелы наступил или просто подвернул.

— Досталось мальчику, — прошептал старый полководец.

Он хотел сказать что-то ещё, но, заметив грозный взгляд Величайшего, пережившего всего на один разлив больше Ранефера, замолчал. Сделал вид, что осматривает поле битвы.

— Да живёт вечно Величайший Менхеперра! — Ипи поклонился, выпрямился и приступил к докладу, — воинства акайвашга потеряли четыреста тридцать семь пеших копейщиков, около полутора сотен лучников и столько же всадников. Ещё шесть сотен легковооружённых. В основном — убитыми, пленных не так много. Точнее скажут после подсчёта. В первую очередь считали наших. Алесанрас сумел перехитрить меня. Уцелевшие ушли, протиснувшись между пешими отрядами.

Ипи помолчал, вздохнул.

— Воинство Маат потеряло триста тридцать шесть Хранителей. Около пяти десятков легко раненых, девяносто тяжёлых. Уцелели только тридцать две хевити, с десятков можно восстановить. Восемь хевити и двенадцать меркобт акайвашга угнали, выбив колесничих. Погибло много отборных коней. По лёгким колесницам — сами видите, все ещё хуже. Из лучников ни один не погиб, и врагам удалось опрокинуть только две хтори из сотни. Пали лучшие воины, — Ипи прикрыл глаза, — ударной сила Воинства Маат больше нет. Погиб Аннуи, да будет сладок путь его в Та-Мери. Херихор еле жив. Одного из военачальников акайвашга нам удалось сразить. Пленники просят достойного погребения для него, видишь это кострище из кедра?

— Достойнейший Ранефер, — Менхеперра перебил названного брата, поспешив успокоить, — начнём с того, что пираты заплатили по пять жизней за каждого колесничего, и тебе ли, сокрушившему воинства Нахарина стыдиться потерь? Ты сохранил Нейти-Иуни. Не мне тебе объяснять их ценность. Но почему пираты не извели их стрел? Расскажи мне о битве.

— Да, конечно, — Ипи Ранефер прищурил глаза и окинул фараона немного отрешённым взглядом.

Верховный Хранитель рассказал о захвате и допросе пленного, о неудачных переговорах, о своих и вражеских построениях перед битвой. Однако чем дальше заходила его повесть, тем более мрачнели Величайший и старый военачальник. Дети Реки пребывали в твёрдой уверенности, что сражаться столь отважно, хитроумно маневрируя, на всём Престоле Геба могли лишь они сами, воины Священной земли. Молодой Херихор и вправду не допустил ошибки, он достоин льва или даже пчелы доблести^[101]. Но ему не повезло. Слишком много врагов навалилось на его сотню. Коршун^[102] (Ипи не стал называть Пьяницей достойного воина Нахтра) хорошо проредил движущуюся стену акайвашга, но, в итоге, и его принудили к пешему бою и отступлению.

— Большой отряд на нашем правом крыле сумел вывернуться из-под стрел Нейти-Иуни.

Я расспросил своих людей и пленных и почти уверен теперь, что именно его вёл Пталемаи, присутствовавший на переговорах. Очевидно, это поверенный вождя. Они умеют быстро перестраиваться в бою. Стена их пехоты подвижна, в отличие от той, что строим мы, прикрывая лучников. Я никогда не видел ничего подобного.

— Подвижная стена? — переспросил Аменемхеб.

— Именно так, достойнейший. Они шли очень плотно, прикрывшись щитами и действовали, как единое живое существо.

— Никогда о таком даже не слышал, — покачал головой старик, — а я пережил сражений куда больше, чем ты, Ипи. Ни Нахарин, ни хатти, так не сражаются. Хотел бы я взглянуть...

Ранефер помолчал, собираясь с мыслями и продолжил.

— Нахтра сказал, что Аннуи, да будет голос его правдив на Суде, бросился выручать меня и по дороге столкнулся с легковооружёнными, прикрывавшими обоз. Их облик заметно отличается от пеших копейщиков и всадников. Я думаю, это другое племя. Аннуи рассеял их, но сам сложил голову. Его убийца схвачен. Весьма любопытная личность. Хотя бы тем, что говорит по-нашему. Его речь звучит немного странно. Насколько мне известно, так говорили во времена Имхотепа^[103]. Я намерен тщательно расспросить его о нашем новом противнике.

В конце рассказа Ранефер вновь обратил внимание фараона и Аменемхеба на то, что все пленники, кого с грехом пополам успели допросить и кто при этом не молчал, в один голос утверждали, будто Алесанрас захватил все побережье Хатти и разбил огромное войско Нахарина где-то на севере близ Каркемиша.

— Язык этих акайвашта столь странен, что едва можно понять их речь. Кроме того, большинство пленных (да что там, почти все) сами говорят на этом наречии очень плохо. Как я понял, они — союзники или наёмники Алесанраса из каких-то очень отдалённых северных племён. Допрашивать их почти бесполезно. Не понимаем ни слова. От самих акайвашта больше проку, но все они ранены. Говорить способны немногие. Двое попали в плен невредимыми, вот от них я получил больше всего полезных сведений. Меня называли лжецом в глаза, когда я говорил о разгроме стотысячного воинства союза "тридцати трёх царей" и осаде Мегиддо. Более того, утверждали, что город лет триста как заброшен и вчера Алесанрас осматривал его руины.

— Заброшен?

У Тутимосе лицо вытянулось от удивления. Ипи кивнул и добавил, что ему удалось узнать после боя, почему Алесанрас так торопится к Тисури. Город сей осаждён его главными силами, коих не менее сорока тысяч.

— Этого не может быть!

— Одни и те же слова произнесли сразу несколько пленников. Невозможно лгать столь согласованно, да и ложь такую не измыслишь, — покачал головой Ранефер, — и, судя по всему, они надеялись запугать меня, ибо говорили дерзко, с вызовом. Да и сам их вождь упоминал Тисури. А называя меня лжецом, искренне верил в то, что говорил. Они ничего не знают о владычестве Двойной Короны над этим городом. Я разбираюсь в людях.

— В голове не укладывается, — покачал головой Аменемхеб.

— Да, — согласился Ипи, — мне предстоят ещё долгие часы бесед с этим А-ри-сто-меном, который знает наш язык. Он словоохотлив, держится спокойно. По крайней мере, глаза от страха не мечутся.

— Анхнофрет в Тисури, — вдруг сказал Тутимосе.

Смуглое лицо Величайшего уподобилось отбеленному льну, но Менхеперра быстро совладал с собою.

— Ты сказал, Ипи, что пленники утверждают, будто Тисури осаждён с конца Сезона Жатвы, но несколько наших боевых ладей прибыли оттуда в Бехдет меньше месяца назад. Значит — ложь. И теперь я понял, что Ипи Ранефер удручён не потерями, а упущением Хранителей, проглядевших появление этого воинства. Если бы я не знал тебя как самого себя, то решил бы, что ты напрашиваешься на лесть. Алесанрас хитёр, сам говорил. Пришёл к Сипишу и послал гонцов к Паршататарне, наверняка взял щедрую плату за найм, но сам затерялся среди многих тысяч. В битву не вступил, может, даже ударил в спину отступавшим "пурпурным", судя по его пути. Решил пограбить их земли, да уйти на ладьях. Возможно, рассчитывал взять плату и с тебя, да просчитался — затребовал слишком много и проболтался про Тисури. Наёмник, разбойник, пират, хотя и одарённый военачальник.

— Нет, Величайший, — Верховный Хранитель протёр глаза, — мои люди и их соглядатаи вовсе не при чём. Ты можешь представить себе сорокатысячное войско у какого-то вождя пиратов (допустим, он не врёт)? Можешь вообразить, что он захватывает города хатти один за другим? А далее — они разбили воинства Нахарина. И Паршататарна, которого враги жалят на границе его царства, вместо того, чтобы навалиться на них или просить мира, направляет двадцать тысяч копий и тысячу колесниц с лучшими военачальниками и двумя наследниками к Мегиддо. Если даже хатти не смогли устоять против пиратов...

— В это трудно поверить, — перебил Ранефера старик.

— Вообще-то, я бы поверил, учитывая, как они дрались здесь. Но тут дело несколько в другом. Хатти наверняка запросили бы помощи у нас. Не так уж и плохи наши отношения сейчас.

— Были до недавней битвы, — возразил фараон.

— Они не жаждали сражаться. Их присоединение к союзу — интриги и козни Баалшур Сипиша, — заметил Аменемхем, — я согласен с достойнейшим Ранефером. Хатти сейчас не слишком сильны и запросили бы помощи, не жалея серебра в оплату.

— Я пытаюсь понять, откуда же эти акайвашта, сколько бы их ни было, пусть даже те пять тысяч с которыми мы столкнулись, свалились нам на голову! — сказал Ипи.

— Да уж, — протянул Аменемхем и почесал подбородок, — все это весьма странно.

— Свалились на голову? — задумчиво, даже несколько рассеянно переспросил фараон, — постой-ка, Ипи. Ты — Прорицатель Ур-Маа^[104] и Святитель Владычицы Истин — неужто веришь, что Алесанрас со своими воинствами явился к нам из Дуата?

— Не верю, Величайший, — Ранефер натянуто улыбнулся, — хотя бы потому, что когда наши с Анхнасиrom стрелы прошивали чужаков, те падали замертво, а кровь на моём хопеше была красной, а не чёрной. Однако, именно как Великий Видящий и Святитель Прекраснейшей я читал много тайных свитков. Ты часто говоришь: "У Нетеру хватит даров на всех". Это верно. Как и то, что Нетеру могут все.

Ипи выдержал паузу, взглянув в глаза весьма озадаченного фараона.

— Ещё во времена Сен-Усер-Ти, да что там — сам Имхотеп писал о таком, являлись люди... Сыны Священной Земли, только... Вечность — это река, подобная Хапи, а настоящее — ладья, с которой мы не можем сойти, двигаясь вниз по течению. В это трудно поверить, но иногда являлись те, кто был выше по течению, или... Ниже. Первые указывали свои гробницы, неизвестные ранее, подробно описывая надписи и фрески. При вскрытии

вместилищ, их слова подтверждалось, а сах^[105] не находили... Вторые... Величайшая тайна жрецов Прекраснейшей и немногих Хранителей из числа высших посвящённых. По сим свиткам мы сверяем свои пророчества, отделяя их от пустых снов, причуд сознания и наваждений Дуата. Вспомни Пророчество Ипувера^[106], жреца Маат. Как он описал крах Великого Дома Амен-Ем-Хети^[107], проклятие прекрасной Себек-Нефер и нашествие грязных хаков. Дом Маат хранит тайну того, кто рассказал жрецу Прекраснейшей о грядущем. Нам с Мерит-Ра не так повезло, подтверждения пророческих предвидений от Гостя пока не случилось. И, слава Всевладычице, ибо не желаю я, чтобы они сбылись.

Ипи помрачнел и запнулся, осознав, что сказал лишнее.

— Однако Прекраснейшей Владычице Истин или Амену-Ра Сокровенному и Триединому нет разницы — перенести против течения одного или воинство в пять, да хоть в сорок тысяч. Завтра допрошу пленника. Он явно бывал в Священной Земле и поможет прояснить, если не все, но многое. Только, Величайший, даже не проси меня смотреть в воду или золото!

— Не буду. Я знаю, что ты и вино пьёшь с закрытыми глазами.

— Ты уверен, что пленник скажет правду? — спросил Аменемхеб.

— Надеюсь, смогу почувствовать ложь. Ты знаешь, достойнейший, прежде я не ошибался.

Аменемхеб снял шлем и протёр лоб.

— Н-да... Думаю, этот человек подтвердит твою догадку. Маат или Амен... Или Апоп... Это — проклятая земля. С древности холм посреди долины, на котором стоит Мегиддо, "пурпурные" звали, и по сей день зовут "алтарём Баала". А крови тут пролито... Ещё великий предок твой, Ипи, Херуаха, сын Сома, объединившего Священную Землю разбил здесь воинства фенех. Многомудрый Сенусерт — тоже. Только наших битв и побед не счесть, вплоть до Аахеперкара, деда Величайшего. А сколько "пурпурные" резали друг друга на месте сем? Хаки, сыны Яхмада... И вот мы вновь напоили эти кровожадные камни. Щедро напоили... Столько смертей в один день они за все века от рождения мира не видели. И три дня спустя вновь кровопролитие...

— Алтарь Баала... — Ипи внезапно вздрогнул, его синие глаза, как показалось фараону и полководцу, на мгновение вспыхнули, — зачем мне младенцы, Избранник? Зачем мне они, Вместилище Хранителя Та-Мери? Каждый разбойник, каждый пират и торговец меняет мне кровь на золото!

У Тутимосе и Аменемхеба вытянулись лица. Ипи невидящим взором смотрел сквозь них и продолжал говорить негромким хриплым голосом.

— Царей, царства, народы и страны приносят мне жаждущие золота! Завтра ты принесёшь мне в жертву огнём и бронзой воинов Тисури. Все, все, что сотворят Менхеперра и Ипи Ранефер будет свершено ради золота! Десятки и сотни тысяч прольют свою кровь от стрел, мечей и копий воинов Та-Кем, и она прольётся на мой алтарь!

Аменемхебу показалось, что голос Ранефера доносился отовсюду, из-за каменных стен гробниц, из-под земли, из Дуата. Полководец покрылся гусиной кожей и глянул на Величайшего. Тот оставался невозмутим.

— Похоже, то, что Ипи прикрывает глаза, когда пьёт вино, не избавляет его от видений, — спокойно сказал Менхеперра, — не нужно страшиться, достойнейший Аменемхеб. Поначалу от внезапных видений Ипи и Мерит мне было так же не по себе. Потом я привык.

Фараон вздохнул и закончил:

— Представляю, каково им самим...

Ранефер встряхнулся.

— Это не видение.

Тяжело дыша, он провёл рукой по вспотевшему лицу.

— Сон семилетней давности, в ночь перед взятием Града-на-острове... Просто вспомнил, как наяву, но... Во-первых, тогда тварь солгала. Тисури сдался почти без боя. Во-вторых, сон окончился явлением Нефер-Неферу, сразившей тварь священным мечом синего золота. Твари бессильны против воли Извечных, Аменемхеб. Но и Нетеру оставляют последнее слово за нами, нашим выбором. Есть Неизбежность, но мы должны творить её. А есть то, что только в наших руках. Нетеру могут подсказать и направить, твари — искушать. В этом же сне нечестивый Баал предлагал мне Двойную Корону, Мерит-Ра и троны от Шарден до Элама. Если я соглашусь отравить Самозванку, Величайшего и младенца-наследника

— Великие Не... — Аменемхеб прикрыл ладонью уста, с опаской посмотрев на Величайшего.

Разве можно говорить такое в его присутствии? Но взгляд фараона не содержал в себе гнева, лишь только сострадание. Тутимосе вздохнул и отвернулся. Повисла пауза.

— Ничего... — Менхеперра вновь посмотрел на побратима, — ничего! Мы сокрушим и Нахарин и этих акайвашта, будь их и вправду сорок тысяч. А в воду и золото я и сам запрещаю тебе смотреть. Не время сейчас. Проведёшь переговоры с осаждёнными и посланниками Нахарина, и сразу же, как можно скорее, в Хазету, а там, не задерживаясь, в Бехдет. Мерит всё-таки Местоблюстительница Скипетра Ириса, Жрица Прекраснейшей и Урт-Маа. Вдвоём вам будет легче решить загадку Гостей. И... — Величайший тепло улыбнулся, — она ждёт своего брата.

— Я благодарен тебе, Тутимосе, — Ипи едва заметно кивнул, — помимо отчёта о потерях, у меня есть ещё кое-что, чрезвычайно важное.

Ранефер подошёл к колеснице, все так же пошатываясь, поднял с площадки кожаный свёрток, судя по всему, довольно увесистый. Второй, такой же, закинул себе за спину Анхнасир.

Поморщившись от боли, Ипи сел на корточки и положил свою ношу на землю. Аменемхеб наклонился и развернул кожу. Выпрямился. Недоумённо посмотрел на Верховного Хранителя.

— Это оружие нечестивцев?

Менхеперра взял в руки необычайно длинный узкий меч с рукоятью, соразмерной клинку.

— Железо?

Ипи кивнул.

Фараон попробовал пальцем остриё странного клинка. Отступив на шаг, осторожно взмахнул им. Хмыкнул.

— Этот двумя руками держат, — подсказал Ипи.

— Здесь только железо. У них, что, все оружие железное? Ты это имел в виду?

— Да. Но шлемы бронзовые. Щиты обиты бронзой. С убитых всадников мы сняли несколько чешуйчатых броней на льняной основе. Полагаю, это высокородные. Большинство пиратов не имеют доспехов вообще. Думаю, они и с железом связались, по той же причине,

что и хатти — их земли бедны оловом и медью.

Тутимосе попытался согнуть необычно длинный клинок, снабжённый для жёсткости сразу двумя долами. Тот поддавался с трудом. Человек, сложения менее могучего, нежели Менхеперра, не справился бы и махнул рукой, но Величайшему упорства было не занимать.

— А у хатти железо намного мягче. Испытать бы неплохо.

Ранефер дал знак Анхнасиру. В руках того появился хопеш, специально принесённый для испытания. Ипи поднял слабо изогнутый широкий клинок, кивнул поверенному. Они одновременно взмахнули мечами. Застонало железо, запела бронза.

Ранефер протянул фараону оружие пришельцев. На лезвии появилась большая выщерблина.

— Ещё один такой удар и клинок сломается.

Аменемхеб осмотрел хопеш, удовлетворённо крикнул. На бронзе тоже появилась щербинка, но гораздо менее заметная.

— Давай теперь этот, Анхнасир.

Испытали ещё один меч. Он сразу сломался. Большой обломок взлетел, вращаясь, и Верховный Хранитель сбил его наручем, чтоб не поранил кого.

— А этот слишком хрупкий, — прокомментировал старик.

— Да, — согласился Ипи, — все железо или мягкое или, если его перекалили, хрупкое.

— Мя-а-гкое... — лицо фараона потемнело от натуги, но он все же согнул клинок.

Тот в таком состоянии и остался. Фараон озадаченно повертел испорченный меч.

— Негодное оружие, — высказал недоумение Аменемхеб, — и такое дорогое... Какое-то здесь противоречие. Не проще ли покупать у соседей бронзу, ведь это обошлось бы гораздо дешевле?

— Нет, не проще, — Ипи покачал головой.

Все присутствующие знали, что в землях Хатти и Нахарина бронза, самая обычная, при выплавке которой не применялась синяя краска^[108] вдвое дороже, чем в Священной Земле.

— Проще покупать у нас, — сказал фараон, — в Уасите купцы акайвашта занимают целый квартал. Но Ипи упомянул, что эти пришельцы из более отдалённых северных земель. Если их южные сородичи или те же хатти, продают бронзу по цене в три-четыре раза выше, чем мы? Ведь ни один купец в здравом уме не перепродает товар за те же деньги, что купил.

— Ты хочешь сказать, Величайший... — начал Аменемхеб.

— Разумное объяснение только одно: акайвашта научились получать железо, которое выходит им дешевле привозной бронзы. То есть, втрое дешевле того железа, что выплавляем мы. Так, Ипи? Этой демонстрацией ты намекаешь, что неплохо бы поискать среди пленных кузнецов и рудознатцев? Хотя бы даже просто высокородного, имеющего на родине рудники и мастерские?

Ранефер кивнул.

— Именно так. Если бы это удалось, мы могли бы пустить железо на многие инструменты, простые скобяные изделия, высвободив сотни и тысячи хека бронзы, и, тем самым, увеличить и усилить доспешное воинство!

Аменемхеб посмотрел на Верховного Хранителя, не скрывая восхищения. Тутимосе, который задумчиво скрёб подбородок, заметил его взгляд и сказал:

— Не спеши радоваться, достойнейший. Мы пока ещё увидели лишь морок в пустыне, но не достигли оазиса. Я бы сказал, что найти опытного кузнеца среди пиратов, которые живут войной и грабежом, было бы поистине невероятной удачей.

Ранефер с улыбкой посмотрел на побратима, потом на старого полководца и сказал:
— Это ещё не все достойнейшие!

Анхнасир подал ему ещё один меч, формой неотличимый от тех, что только что подверглись испытанию.

— Ты прав, достойнейший Аменемхеб. Все эти мечи акайвашта никуда не годятся. Кроме этого.

Ранефер протянул клинок Тутимосе. Фараон взглянул на клинок с удивлением.

— А чем он примечателен? С виду — такой же.

— Этим мечом военачальник пришельцев разрубил хопеш Нахтра, как тростинку.

— Вот как? — фараон поднял глаза на Верховного Хранителя, — может, в пылу битвы...

— Нет, Величайший, — перебил Ипи фараона (на что дерзости хватало у немногих, хотя Тутимосе в подобных случаях даже не пытался изображать гнев), — три Хранителя тому свидетели. Павший воин действительно перерубил хопеш Нахтра этим мечом. Клинок у Коршуна, кстати, не из последних. Я знаю, он им часто похвалялся. Дедовский, во многих схватках бывал без малейшего урона для себя.

Заинтригованный Тутимосе сомкнул ладонь на рукояти меча акайвашта.

— Может, небесное железо? — предположил Аменемхеб.

— Нет, достойный Аменемхеб. Величайший, попробуй согнуть клинок.

Фараон упёр остриё в борт колесницы. Налёг.

— Как прутик гнётся, — сказал Ипи.

— Действительно, — подтвердил фараон, — железо Незыблемых Звёзд прочное, но совсем не гибкое.

— И ещё! — Ранефер провёл лезвием меча неизвестного металла по хопешу, затем — наоборот, — они оставляют друг на друге царапины. Значит, прочность этого железа равна бронзе с краской для синего стекла. Но посмотрите, сколь тонок сей клинок!

Менхеперра восхитился трофеем

— Я беру его, и пусть посвящённые Тути разгадывают секрет этого железа. Ценнейшее приобретение! А ты, Ипи, тщательно расспроси пленных об этом металле. Если же будут молчать...

— Заговoryт.

Ранефер вдруг прикрыл глаза и покачулся. Тутимосе успел его подхватить.

— Ты же на ногах не стоишь!

— Не мудрено, — добавил Аменемхеб.

Ипи встряхнулся.

— Нет, вполне здоров, отделался небольшими царапинами. Ты знаешь, Величайший, эти акайвашта... Каждый из них в отдельности вряд ли долго продержится против почти любого из Хранителей или Храбрейших, но в строю они...

— Все это расскажешь потом! — отрезал фараон, — ты переутомлён, верно, ещё не оправился от удара по голове. Напрасно я не послушался Нибамена...

Тутимосе повернулся к поверенному Ипи.

— Достойнейший Анхнасир, немедленно отвези его в наш лагерь у стен Мегиддо. Проследи, чтобы после осмотра врачом Ранефер сразу лёг спать. А если он начнёт тебе рассказывать, что является Верховным Хранителем и припомнит какие-то свои обязанности, я разрешаю тебе его связать.

— Не надо, — слабо улыбнулся Ипи.

Пошатываясь, он взошёл на площадку хевити.

— Слушаюсь! — поверенный вытянулся перед фараоном в струну, потом вспрыгнул на колесницу и стегнул лошадей.

Выполняя приказ Верховного Хранителя, его люди свалили на опушке леса несколько мёртвых, не переживших давнего пожара, но все ещё стоявших на корню, кедров. Их порубили на дрова и сложили погребальный костёр для полководца акайвашта.

Отбывая с Пепельной Пустоши, Ипи бросил взгляд на пламя, пожирившее тело доблестного воина. Пленные, кто мог стоять, выстроились вокруг костра. Хранители не препятствовали им отдать почести своему командиру. Ранефер заметил, что многие из пиратов не скрывали слёз.

Воины, коих привёл с собой Менхеперра, продолжали собирать тела и трофеи, перевязывали раненых. Хранителей фараон отпустил в лагерь. С ними же отправили и первую партию пленных, тех, кто мог самостоятельно идти. В большинстве своём это были обозные. Ипи заметил среди них несколько "пурпурных". Те обликом резко отличались от акайвашта, бритых, как истинные дети Реки. Все фенех одеты неброско, очевидно это слуги, погонщики мулов и носильщики. Ранефер обратил внимание и на то, что среди пленных, тех, кто явно не участвовал в сражении и не имел отношения к охране обоза, большинство так же следует отнести к тому же племени, что и пиратов-воинов. Фенех среди обозных немного.

Многие Хранители, прибывшие к месту битвы на колесницах, теперь вынуждены были идти в лагерь пешком. Анхнасир и прочие колесничие не отрывались от пешей колонны, потому лёгкая меркобт с посыльным фараона опередила отряд Ранефера, и, по вступлении в лагерь, войска устроили Верховному Хранителю торжественный приём, как победителю.

Вдоль дороги выстроились почти все воины, кто не занят в караулах и осадных работах. В первых рядах славословящих его, Ипи заметил много кетет-аха, "младших воинов". Эти юноши, набираемые в пятнадцать лет, не смотря на то, что находились при войске, в битве при Мегиддо не участвовали. Их берегли, обучая воинскому искусству в течение пяти лет, привлекая к осадным работам (как сейчас), службе в гарнизонах и походам на неопасного противника — племена "девяти луков"^[109]. После окончания обучения, "младшие воины" переводились в разряд "старших", получали дощатую броню, высокое жалование и земельные наделы. Наиболее отличившиеся на службе, достигали почётного звания пехти-аха и именовались в дальнейшем "высокородными". Простолюдины и даже чиновники среднего ранга должны были обращаться к ним с добавлением перед именем слов "почтенный воитель".

Кетет-аха восторженно смотрели на Ранефера. Нибамен и Усермин, оставшиеся в лагере, запрягли молодёжь нарвать священных белых ирисов. По весне их росло в Долине Врат великое множество.

Цветы сыпались под ноги людей и лошадей, под колёса хевити. Ипи закрыл глаза. Он не слышал тысячеголосого торжественного хора. В голове его звучала музыка:

С белым ирисом на камнях
Над Долиной взошла весна.
Белый ирис вернул меня
Из страны блаженства и сна.

Пронеслись над землёй века,
И проплыли тысячи лет:
Те же белые облака,
Амен-Ра золотистый свет.
Там, где кровь потоком лилась,
Где не раз гремела война, —
Белым ирисом взорвалась
Над Мегиддо опять весна...
Где же кедры? Где же ручей?
Все иначе, все как во сне...
Только звонкой бронзой мечей
Пробудилась память во мне.

...Воды Хапи в бессмертье нёс,
И в лучах закатного Ра
Утаить не сумела слёз,
Провожая меня, сестра.
"Не печалься, достойный Брат!" —
Ободрял меня фараон
По дороге к Долине Врат.
Только был удручён и он...

Показались стены Мегиддо. Пленные фенех зароптали.
— Этого не может быть! Это мир Муту! Мёртвые восстали!

Анхнасир тронул Верховного Хранителя за локоть. Ипи очнулся от оцепенения, оглянулся назад, туда, где вели пленных.

Волновались только "пурпурные". Акайвашта, идущие рядом, смотрели на них с недоумением. Один из фенех вырвался и сломя голову, не разбирая дороги, бросился бежать. Убежал недалеко, Хранители сбили его с ног, он кубарем покатился по земле и сжался в комочек, как побитая собака, со всхлипами приговаривая:

— Мёртвые... мёртвые...

Знаменитое хладнокровие Ранефера на миг ему отказало, по спине мурашки пробежали.
"Являлись люди... те, кто был ниже по течению Реки Вечности..."

Протолкавшись сквозь ряды славящих его воинов, он прошёл к своей палатке. Сел на походное ложе. Следом заглянул Анхнасир, протянул кувшин пива, в котором Ипи уловил слабый запах макового сока. Это кстати.

Потом приходил личный врач Тутимосе. Едва отбившись от его настойчивого внимания, Ранефер извлёк из футляра чистый папирус, разгладил его, придавил кедровой дощечкой. Немного подержав лист под спудом, перевернул дощечку и приклеил края папируса мёдом. Он не собирался отдыхать. Этот бесконечный день принёс столько всего... Каша в голове. Нужно сосредоточиться, собраться. Осмыслить все как следует. Сейчас, по горячим следам. Отдых подождёт.

С чего начать?

Он достал из ящичка с письменными принадлежностями пару заточенных палочек для письма, идеально ровную золотую полоску с насечками, стеклянную палетку. Уселся

поудобнее и начал чертить.

За час до заката в палатку снова зашёл Анхнасир.

— Гонец из Сихема только что привёз папирусы для Величайшего и Верховного Хранителя.

Поверенный передал свитки. Ипи сломал печать и развернул первый из них, пробежал глазами. Удивлённо поднял глаза на поверенного.

— Будут какие-то указания? — спросил тот.

— Пока нет. Ступай.

Странно. Это письмо написала вовсе не Мерит-Ра, как он ожидал. Послание из Тисури от Анхнофрет. Ипи развернул второй папирус. А вот это уже Мерит.

"Брат мой, я пересылаю тебе это письмо, дабы не тратить время на пересказ своими словами..."

Он дважды перечитал оба послания. Отложил свитки и потёр пальцами виски. Все сходится. Пришельцы не лгали, говоря о своём воинстве у стен Тисури. Не менее сорока тысяч человек, множество ладей...

Мерит сообщала, что приказала наместнику оставить город. Правильное решение. Она написала, что совы прилетели в Бехдет около полудня. Если она отправила ответ сразу, то Тутии получит его с минуты на минуту, если уже не получил.

Ранефер встал и вышел из палатки, вручив письма Анхнасиру с приказом отнести их Величайшему. Хранитель не мог сидеть на месте, когда вокруг зачинались столь важные дела, но прекрасно понимал, что сейчас нет смысла куда-то рваться, гнать колесницы, чего-то срочно решать. Утро вечера мудренее. Нужно немного прогуляться, собраться с мыслями.

Атум-Ра опускался к горизонту, разливая красное золото на кедровые кроны. Ранефер раздумывал — согласится ли Величайший смягчить условия сдачи для тех, кто заперт в Мегиддо? Если ещё на рассвете они могли рассуждать о сколь угодно длительной осаде Врат, то теперь это невозможно. Ситуация изменилась. Надо убедить Менхеперра пойти на уступки. Анхнофрет писала в спешке, скорописью. Рука дрожала, но верить ей можно как себе.

Надо было брать вождя живым... Но теперь сетования бесполезны. Ипи сделал все, что смог.

И все же откуда? На всех землях этих пиратов и скотоводов не наберётся сорока тысяч мужей, знающих, как держать копьё. Как осведомители упустили такое воинство? А ладьи? Даже если те топили любую посудину, встретившуюся на пути своих кораблей, они не могли вырезать тех, кто видел их на берегу. Наконец, Цитанта никогда не задружился бы с Баалшур Сипишем, если бы по его землям гулял столь лихой и удачливый пират. С огромным войском, вдвое превышающим то, что привёл Менхеперра под стены Мегиддо.

Перед глазами все стоял тот, трясущийся от необъяснимого ужаса, слуга-фенех. Ипи провёл руками по лицу. Нефер-Неферу, неужели его безумное предположение — правда? Допросить немедленно того воина, что одолел Аннуи? Нет, завтра... В голове Ранефера вновь стучал молот.

Верховный Хранитель отпил вина, опустив веки. А может... Может не стоит прятаться от самого себя? Взглянуть в воду и золото? Кто знает, вдруг он увидит нечто, что даст ответы на все вопросы?

Всё равно, завтра. Поставив чашу на низкий походный столик, Ранефер откинулся на

ложе и почти мгновенно уснул.

Мерит-Ра запрокинула голову и раскачивалась на большом сидении, в такт своим мыслям. Сестра прорицала... Его маленькая Мерит. А он-то испугался. Показалось... Привиделось...

Ранефер присел рядом, осторожно провёл кончиками пальцев по отзывающейся на прикосновение разгорячённой коже Мерит. Дрожа, расстегнул пектораль, прижался к обнажённой спине, коснулся губами шеи сестры.

"Менхеперра простил нас, но не даровал любовь и не лишил вины..."

Ипи вздрогнул. Перед глазами огонь, кровь, смерть.

Что это? Жестокая бойня в Долине Врат, битва на выгоревшей пустоши? Наваждение? Кровавое и бессмысленное наваждение. Нет вокруг ничего, кроме них двоих. Ничего...

— Ипи... — полушёпот, как выдох... Сладостный стон... И вдруг... Стон боли и отчаянья! Крик! — Ипи, я прошу тебя!

Мерит оттолкнула брата.

— Отдай мне нечестивца! — она развернулась и привстала, она еле дышала.

Глаза Мерит-Ра не были напуганы — из них ушла жизнь. Царственная супруга Величайшего сняла с перевязи священный клинок, и снова уставилась на брата невидящим мёртвым взглядом.

— Отдай его мне, или соверши это сам, Ипи! Иосаф... Это зло, Хранитель, великая Тьма, идущая с востока!

— Что ты видишь?! Что? — Верховный Хранитель приобнял Мерит-Ра, медленно и осторожно отобрал и бросил на камень её меч.

— Я вижу величие и славу, Избранник! Меч фараона, сокрушающий все на сотни итеру, от Бабили и Хатти до Куша и Островов. Великие победы в Долине Врат, при Каркемише и Вашшукани! Слава и золото! И Храмы, брат мой, Ипи. Величайшие и богатейшие города, невиданный расцвет мощи и власти!

— Но чем ты напугана, Мерит, чем? — Ипи прижал сестру к себе, но она вновь оттолкнула его и упала на ложе без сил.

— Величие и слава растоптаны! Храмы разрушены безумцем, что будет страшней всех прихотей Самозванки и полчищ хаков! Изваянья Нетеру низвергнуты в огонь. Великий диск испепеляет, не согревая. Имя Аменхотпа, нашего предка, предано проклятию! Слава Мудрейшего-из-Величайших втоптана в песок! Воины Та-Кем убивают собственных Жрецов по приказу безумного властителя. Страны, завоёванные Тутимосе, преданы на разграбление дикарям без боя! Вот что я вижу, достойнейший Ипи Ранефер! Вот что принесёт нам плод моего чрева. Дом Йахумосе погибнет от одного из своих правителей, и дочь Паер-Анха из Дома Амен-Ем-Хети, кровь Великого Сома, родит того, чьим потомком будет нечестивец... Безумец Нефер-Хепер-У-Ра Эх-Не-Итан!

Женщина, мелко задрожав, медленно сползла на пол, перевернувшись и распластавшись на каменных плитах. Слезы текли по лицу Мерит.

— А ещё, брат мой... Тот, кто обречён родиться, мой сын, поднимет руку на Избранника... Ты, хранящий берега Хапи, избранный Вместилищем, падёшь от его руки! И проклятие обрушится на землю Та-Кем, не сразу, но неизбежно, как гнев Сехмет, ибо не уберёгшие своего Хранителя недостойны дыхания! И взойдёт кровавый диск, и будет поправа Истина, и будет преломлён меч!

Мерит-Ра встала и пошла к западному окну. Её глаза по-прежнему оставались застывшими, а слова становились, все более туманны и невняты.

— Семь голов, мой возлюбленный брат! Семь голов, раздробленных булавой палача, идущего вслед за великим воителем, покорившего всех, но не казнившего, ни единого! Семь Сах, вывешенных на стенах от Куша до Нахарина, девять луков, приходящие из чёрных стран, из пустынь Аменет и стран Хепри. Великая тварь, порождённая кровью семи царей и твари Дуата, сражённой тобою! Тварь о семи головах, идущая с востока, девять луков в руках у твари, и кровавый диск.

Мерит трясло, словно в ознобе, но Ранефер не мог пошевелиться, подойти, обнять, сорвать невидимые путы ужаса. Скованный по рукам и ногам обречённостью и отчаянием, он слушал.

— И восстанут мёртвые у Города Врат, чтобы нести гибель живым. И на месте великой битвы Извечные сойдутся с силами Мрака, и падут города и страны, и придут дикие, и сокрушат снова Нахарин, земли Ре-Тенну, Хатти, Бабили и Та-Кем, но будут тысячекратно страшнее хаков, ибо падут троны и некому будет остановить их! Тьма идёт с востока, брат мой! Кровавый диск восходит на западе! Двойная корона Пшент брошена во прах, корона Атеф расплавлена в пламени, синяя корона Хепреш продана торговцем, ибо Девять корон увенчают голову твари, ибо Маат попрана, и не будет спасения!

— Прощу тебя, Мерит, остановись! Даже Верховному Ур-Маа невыносимо сознавать такое грядущее!

Ипи схватил стеклянный сосуд и бросил на пол, надеясь, что резкий звук вернёт Соправительнице сознание. Он боялся закрыть глаза ибо, как наяву видел всадников, с ног до головы закованных в железо. Их щиты и одежда несли на себе знак, похожий на священный Анх^[110]. Следом ползли приземистые чудовища с белыми и красными звёздами Ашгарт, синими звёздами Мелькарта. Они отрывали смерть, как и летучие подобия себека, которые извергали из пасти огненные ленты, сметающие все на своём пути. С неба падали хищные птицы, исчезающие в огненном вихре.

Он боялся рассказать об этом сестре. Но в том не было смысла — она все видела сама.

— Так слушай, Избранник и Хранитель Берегов Херу. Раскрой глаза свои и ты увидишь Неизбежность! Смотри на земли, разграбленные и выжженные, на города Севера и Юга. Узри неугасимый огонь и великий ветер, порождённый стрелами, что возожгут рукотворные светила и обрушат покров Нут на землю! Смотри на победу Апопа, смотри, как Величайшая плачет у Врат Та-Мери, ибо все страны и народы явятся к ней в один день, истреблённые самими собою в час последней битвы у проклятой горы Мегиддо!

— Остановись, Мерит, хватит, заклинаю тебя, ты не вынесешь этого! — Ранефер обернулся, схватив чашу с вином, чтобы напоить и успокоить царственную сестру, но допустил ошибку. В тот же миг Соправительница подняла свой меч, ухватив двумя руками, направив лезвием вниз, себе в живот...

— Стой, Мерит! — Ипи успел только крикнуть. Он был слишком далеко, чтобы остановить её руку. Соправительница замахнулась и, выдохнув, ударила.

Верховный Хранитель выбросил ладонь, будто мог дотянуться до сестры с нескольких шагов, разве что от отчаянья, но...

Ипи открыл глаза, и некоторое время лежал неподвижно, затаив дыхание и прислушиваясь к учащённому биению сердца. Справившись с охватившей его дрожью,

Ранефер выскочил из палатки продышаться, приветив восход Хепри. Холм и возвышающиеся на нём стены Города Врат, грозной тенью нависали над лагерем на фоне розовеющего неба.

Семь лет прошло с того дня, когда видение о грядущем, леденящее кровь в жилах, явилось его сестре. Как и он сам, Мерит-Ра, щедро одарённая благосклонностью Прекраснейшей, могла видеть будущее. Чаще всего туманные пророчества нуждались в толкованиях и могли быть поняты по-разному, но тогда видение впервые вышло столь отчётливым, подробным и... страшным.

И вот, снова. Тот день, как наяву. Будто вчера...

Безумец придёт. Ипи знал, что видение правдиво. Ему, Видящему Ур-Маа, не требовались для того никакие доказательства. Эх-Не-Итан придёт в этот мир, но не один. Херу-Ем-Геб — будет имя нового Избранника, нового Избавителя, который вернёт надежду истерзанной Священной Земле. И в его жилах будет течь Древняя Кровь. Кровь Ипи Ранефера. Безумца настигнет стрела Истины, запущенная Ипи в будущее. И она поразит свою цель, спустя столетие.

Ипи знал, что так и будет. Вот уже семь лет он жил с этим знанием. Как и с тем, другим. Семь лет. Совсем скоро столько исполнится маленькому Аменхотпу, первенцу Величайшего. Тому, кто... Лучше не думать об этом.

Но было здесь что-то ещё. Что-то новое. Станные образы, не поддающиеся осмыслению.

"И восстанут мёртвые у Города Врат".

Этого не было в прошлом пророчестве. Звёзды Ашгарт, звёзды Мелькарта. Неугасимый огонь и ветер. Что это значит?

Нет ответов. Сейчас нет.

Ранефер уже собирался вернуться в палатку, когда сине-белая вспышка расколола престол Нут, затмив сияние Триединого. Ипи зажмурился, но свет пробивался сквозь веки, а тело охватил жар, подобный пламени вод Дуата.

Наваждение пропало, но Верховный Хранитель, ослепнув на миг, не решался открыть глаза.

"Не бойся, Ипи"

Знакомый голос. Любимый голос. Ранефер поднял веки.

Маленькая лодка на водах вечного Хапи. На её носу стоит женщина в белоснежном одеянии, с пером в чёрных волосах. Ранефер любовался Ею, невидимой на фоне умирающего Атума, сотканной из закатного света. Он хотел видения, и Прекраснейшая даровала его.

"Да славится в Вечности Маат Нефер-Неферу!"

Она улыбнулась, не ответив ему.

"Что со мной?"

"Ничего, Ипи"

Нежный голос звучит, как музыка.

"Твоя стрела летит в Вечность, но хорошо ли ты видел свою цель? Она скрыта в тумане. С уходом сына Итана не окончатся беды Священной Земли. Это лишь начало конца..."

"Но что же делать, Прекраснейшая? Как предотвратить это? В моих ли силах..."

"Мир изменился, Ипи. Потрясатель основ, разрушитель царств, тот, кто возвысился в мощи своей там, в нижнем течении Реки, не будет проклинаям людьми. Кем он станет теперь? Спрашиваешь, в твоих ли силах? Ты плывёшь на лодке, Ипи. Течение влечёт тебя, вас всех и вы не противитесь ему. Возьмись за весла".

Искорки розового света пробились сквозь смежённые веки. Над Долиной Врат щебетали первые птицы, приветствуя юного Хепри-Ра.

Ранефер очнулся, огляделся по сторонам. Пробуждающийся лагерь гудел, как пчелиный улей. Ипи подозвал слугу с водой для умывания. Заметил Анхнасира. Тот стоял неподалёку с каким-то потерянным видом и горестно вздыхал.

— Что с тобой? — спросил Ипи и, не дожидаясь ответа, добавил, — Величайший и Аменемхеп вернулись в лагерь? Полагаю, они уже не спят?

— Не спят, достойнейший, — ответил поверенный, несколько смутившись, — и ждут тебя на совете. Но, осмелюсь заметить, тебе не стоит торопиться. За ночь из Сихема колесницы доставили ещё письма.

— Письма? — Верховный Хранитель вытянулся в струну в нетерпении, — есть ли новые вести из Тисури? Прибыл ли в Бехдет уахенти Ранеб?

— Ранеб, а так же Анхнофрет, юная Соправительница Сит-Уаджат, наместник Тутии и двое из твоих Хранителей, верно, работающих тайно, раз ограничились печатью Прекраснейшей, отправили своих сов в Сихем, откуда всю ночь один за другим приезжали гонцы.

Поверенный вручил Ранеферу несколько опечатанных папирусов, не отходя от Верховного Хранителя Трона. Ипи, прежде всего, развернул письмо высокородной Анхнофрет, написанное куда более обстоятельно, чем первое. Видно было, что за несколько часов, разделявших письма, Анхнофрет успокоилась и собралась с мыслями. По мере чтения, Ранефер лицом все более напоминал сытого и обласканного кота.

— Ха, а Величайший ещё беспокоился за неё.

Читая послания Тутии и Ранеба, Ипи пару раз вздохнул, однако его взгляд все более походил на гепарда, затаившегося в поросли и осознающего, что добыча никуда не уйдёт. И только письмо юной Сит-Уаджат, короткое и торопливое, заставило Верховного Хранителя сжать зубы и прикрыть глаза, ненадолго отложив недочитанный папирус. Задумчиво произнёс:

— Значит, они держат Шинбаала под стражей...

— А сама достойная Соправительница на свободе? — спросил Анхнасир.

Ипи взглянул на него. Печати не были сломаны, но слова поверенного свидетельствовали о том, что он знал о падении Тисури. Хотя, чему удивляться. Он присутствовал на переговорах. Догадался. Ума ему не занимать, иначе не стал бы поверенным Верховного Хранителя.

— Её тоже заперли, но она смогла передать послание служанке. Тебе стоило разбудить меня раньше, дабы я успел ознакомиться с донесениями, и не заставлял достойных воинов ждать себя.

— Величайший велел не нарушать твоего покоя вечером и не будить поутру.

Однако... — поверенный потупил взор, — я подумал, что достойнейший Верховный Хранитель должен ознакомиться с важными вестями в преддверии совета, тем более — ты приказал.

— Ты поступил верно, исполнив мой приказ, — Ипи вздохнул, — однако, Хепри уже высоко, а я бесстыдно давлю ухо...

— Не наговаривай на себя, Ипи, — раздался за спиной голос Нибамена.

Ранефер обернулся.

— Я шёл к тебе, Верховный Хранитель, расстраиваясь, что придётся тебя будить, а застал за чтением посланий, посему и не стал мешать, — улыбнулся полководец, — Величайший был бы счастлив, дать тебе отдохнуть подольше после вчерашнего напряжения сил. Но дела не терпят.

Докатился. Высшие военачальники лично ходят его будить... Ипи еле заметно покраснел. Впрочем, Нибамен не выглядел сердитым.

— Достойнейший, мне нужно кое-что показать Менхеперра. Прошу меня немного подождать, я скоро приду.

— Хорошо, — ответил старик, — мы подождём. Дочитывай послания. Не буду мешать.

Полководец повернулся было, но, задержавшись, добавил:

— Знаешь, Ипи, ты снова стал тем же юным, едва пережившим семнадцать разливов, Ранефером, чьего разума побаивалась Самозванка, но... С возрастом ты все больше напоминаешь своего отца.

Едва военачальник ушёл, Ранефер дочитал послание Сит-Уаджат и, быстро свернув, сложил все свитки в поясной футляр. Обратился к Анхнасиру:

— Где сейчас собраны все трофеи?

Они вдвоём направились к захваченному обозу.

— Опять оружие? — осведомился поверенный.

— Нет, но не менее интересное.

Через несколько минут Ипи вошёл в шатёр фараона, держа в руках увесистый кожаный мешочек.

— Живи вечно, Ипи, — сказал Тутимосе, — выглядишь намного свежее. Сразу видно, бессонницей не мучился.

— Да живёт вечно Величайший! Бессонницей? — Ранефер горько усмехнулся, — да уж, спал, как убитый.

Фараон не заметил иронии, перешёл к делу.

— Зато, похоже, Анхнасир не спал полночи, достойнейший, а некоторые колесничие и возницы воинства Прекраснейшей — вовсе не ложились.

— О чём ты, Величайший?

Ответил Аменемхеп:

— Воины успели переделать пару хевити по твоему папирусу, который ты отдал перечертить Анхнасиру перед сном. Что же, я могу сказать, что против сомкнутого строя копейщиков — лучше и не придумаешь.

— Верно, достойнейший, — Верховный Хранитель вздохнул, — я дважды имел возможность оценить, каковы наши таранные колесницы против копейного строя... Больше не хочу. Колесницы Нибамена ударили в спину бегущим воинам Яхмада, после того, как тех опрокинули Храбрейшие. Они преследовали бегущих и почти не понесли потерь в людях и лошадях, но многие всё равно лишились таранов, хотя в том сражении, четыре дня назад,

нам не мешали пни и буераки. Останавливалась хевити — два лучника продолжали бить в спину. Теряла таран — кони всё равно топтали дрогнувшего врага. А я, в обоих случаях, правил навстречу строю. В первый раз от больших потерь меня избавила трусость сынов Арвада, побежавших и смешавших ряды митанни. Акайвашта оказались не робкого десятка... Думаю, нам больше применять так хевити не следует. Вспомните, их создавали для борьбы с колесницами врага, а не с пехотой. Эти акайвашта доказали, что пехота в состоянии справиться с ними.

— Должен признаться, я удивлён, как Хранители и возницы столь быстро смогли сотворить такое, — сказал фараон, — ведь они не плотники и не шорники.

— Ну, без плотников не обошлось, — вставил Нибамен.

— Колесничие и возницы, и в битве, и после неё — прежде всего возницы и колесничие, а уже после — Хранители Трона. Потому им должно уметь восстановить колесницу, равно, как и лук свой, и доспех.

— Что же, достойнейший, мы с Аменемхебом и Нибаменом внимательно осмотрели переделанные хевити, — Тутимосе улыбнулся, — ты не удивил меня, воистину, Владычица Истин одарила тебя разумом, которого хватит на пятерых, названный брат.

Ипи смутился немного, понимая, что это не лесть, но, в то же время был рад, что его мысль оценил Величайший и военачальники.

— Вижу, ты многое оставил неизменным. И да будет так. Но лёгкий щит вместо тарана — хорошая мысль. Копья скорее преломятся, чем пробьют его.

— Да, Величайший, — Ипи продолжил, развернув чертёж с расчётами, — соединённый с хомутами передней пары. Малое колесо слишком далеко впереди, сдвинуть его назад. Мечи удлинить и закрепить выше. Воин — не конь, его не так просто подкосить под ноги. Я видел, как митанни и акайвашта перепрыгивали мечи, а при таком расположении ничего бы у них не вышло.

— Главное, — Менхеперра внимательно пригляделся к чертежу, выискивая то, что мог не заметить в утреннем сумраке, — дышло, выдвинутое вперёд, с лотосовидным, как у хтори, широким мечом. Да и щит закреплён намного надёжней. При том, что не враги будут падать на таран, постепенно отламывая его, а щит будет сбивать с ног тех, кто избежал меча. Чтобы спастись, воинам врага придётся падать низ. Строй будет сломан, не говоря о том, что избежать бронзы и копыт удастся немногим. Счастливики, бесспорно, попытаются ударить коней в бок, но колесницы пойдут клином и воспрепятствуют этому.

— Думаю, достойнейший Ранефер и Величайший Менхеперра согласятся со мной, — Аменемхеб прокашлялся, — в том, что хотя бы четверть хевити необходимо оставить, как есть. В боях с колесницами митанни и кочевниками, создания Праведногласного Аменхотпа не раз показали себя с самой лучшей стороны. Это истина, не требующая доказательств.

— Согласен с Аменемхебом, — произнёс Нибамен.

Ранефер тоже кивнул. Фараон, поглаживая пальцами подбородок, произнёс:

— Я тут подумал... Мы обсуждаем, как переделать хевити. Многие Хранители утверждают, что акайвашта в бою, захватив несколько колесниц, пытались сражаться, как мы. Сейчас это у них не слишком хорошо получилось, но ведь Алесанрас, наверняка, тоже многое вынес из этого боя.

— Думаешь, попробует подражать? — спросил Нибамен.

— Уверен.

— Вряд ли он сможет воспроизвести все, что видел, — сказал Ипи, — сложно и дорого.

Много бронзы нужно.

— Но все же не стоит недооценивать пиратов, — возразил Тутимосе, — ладно, мы отвлеклись. Что же ты принёс с собою?

— Прости, Величайший, но об этом лучше поговорим позже. Есть дела поважнее.

— Да. Я знаю, что вчера, на протяжении ночи и перед восходом Хепри прилетело несколько сов. От Мерит и Тутии, от Анхнофрет из Тидиана, да и твой поверенный по привычке первым делом доставил послания тебе в нарушение моего приказа не беспокоить Верховного Хранителя.

А-а, так вот почему Анхнасир выглядит так, словно у него болят зубы.

— Надеюсь, ты разнёс его не слишком сильно?

— Напрасно надеешься. Я всего лишь решил подождать до утра и посмотреть на тебя. Если бы ты сейчас цветом лица напоминал Себека, твоему поверенному несдобровать.

— Не сердись на него, Величайший. Анхнасир — поверенный Верховного Хранителя который должен и способен заменить меня и в битве, и на Совете Дома Маат. Посему ему следует думать и действовать, как я, и не стоит винить его в том, что он — истинная опора держащего Скипетра Ириса. Мы все хорошо отдохнём в Та-Мери. Сейчас не время.

— Но что случилось, Ипи? — лицо Менхеперра выдавало тревогу фараона, ибо давно он не видел Ранефера одновременно взволнованным и жёстким.

— Новые вести, Величайший, да будет жизнь твоя вечной, — Ранефер глубоко вдохнул, — из Тидиана, Тисури и Хазету.

Видя, как меняются в лице Тутимосе, Аменемхем и Нибамен, Верховный Хранитель продолжил на одном дыхании.

— Добрые вести.

— Не томи, Ипи! — Менхеперра горел нетерпением.

— Зря, Величайший, ты беспокоился за Анхнофрет. Она увела у Алесанраса больше пяти десятков ладей. Поняла, что Тисури осаждён Гостями и склонила к службе Двойной Короне одного из вражеских знаменосцев. Его зовут Энил. В нижнем течении Реки Времени он — царь Гебала. Во втором письме, которое доставили совсем недавно, она рассказала, что пообещала ему трон Арвада, если он поможет нам взять этот град. А после — и трон родного Гебала, в котором ныне правит другой. Первоначально Энил рвался к себе на родину, думал, что только один Тисури перенёсся сквозь время, но к вечеру они достигли Тидиана и теперь у царя-знаменосца почва выбита из-под ног. Анхнофрет сумела убедить его в том, что воинов на его пятидесяти ладьях недостаточно, чтобы взять Гебал. Да и град сей теперь, совсем чужой для него. Ныне ладьи Энила вместе с кораблями Хранительницы повернули назад и идут в Хазету. Видно, что царь не дурак, и решил не размахивать мечом, не разобравшись, кто ему теперь враг, а кто друг.

— Выходит... — Величайший прищурился, — из двух сотен ладей у Алесанраса осталось полторы, а флот Великой Зелени прирос пятью десятками?

— Второе трудно оспорить, Величайший, — Ранефер улыбнулся, — хотя, пока на них воины фенех, причём не те, с какими мы привыкли иметь дело, сие приобретение нельзя считать надёжным.

— А почему достойнейший Ранефер хочет оспорить первое? — Нибамен попытался облечь свой вопрос в шутку, однако старого военачальника выдавал слишком заинтересованный взгляд.

— Потому что, достойнейший Нибамен, у северного пирата остались не полторы сотни

ладей, а много меньше. Тутии и Ранеб изрядно проредили их число. Наместник сумел вывезти из города множество ценностей, включая осадные луки, кедр, подготовленный к отправке в Бехдет, часть золота и лучших мастеров.

— Они смогли прорваться? — Тутимосе вскипел и наклонился вперёд, опёршись кулаками о столешницу, — Ипи, но это же значит, что Тисури брошен и станет лёгкой добычей врага... Кто мог отдать столь бездумный приказ — не ты ли? Или это самоуправство Ранеба? А, может, Тутии? Или... — фараон сглотнул, — Анхнофрет?

— Это был приказ Мерит-Ра, Величайший, — Ипи проговорил размеренно, не отводя взгляда, — и Тисури не станет лёгкой добычей.

Ранефер выждал мгновение, наблюдая, как фараон меняется в лице.

— Мерит приказала Шинбаалу сдать город. И я, не только, как Верховный Хранитель Трона, но и как Соправитель Града-на-острове, считаю мудрым решение царственной сестры.

— Правительница и вправду поступила мудро, Величайший, — Нибамен воспользовался заминкой, — она сохранила стены и людей, мастеров и золото. К тому же, Ранеб показал пирату силу наших ладей и неугасимый огонь. Думаю, это не меньше впечатлит Гостя, нежели колесницы Ранефера.

— Нибамен прав! — Аменемхеб поклонился фараону, — и, кстати, потому, как ловко царь акайвашта уклонился от Нейти-Иуни и смог улизнуть с поля боя, я не могу не согласиться с Ранефером: этот Алесанрас мудр и не станет недооценивать наше воинство.

— Верно. Тем не менее, я не думаю, что Алесанрас уstraшит нас, — Нибамен поддержал старого товарища по оружию, — несомненно одно — царственная Владычица заманила его в ловушку, мышеловку-на-острове, подобно тому, как ты, Величайший, запер двадцать тысяч врагов в стенах Мегиддо.

— Достойнейшие, — фараон окинул собравшихся взглядом, — я полагаю, что условия сдачи осаждённых надо смягчить. Серьёзно смягчить, ибо... — Тутимосе задумался, чем не преминул воспользоваться Верховный Хранитель:

— Именно об этом я и хотел поговорить с тобою, Величайший! Уже сегодня должны прибыть посланники Нахарина. Ты предполагал взять со всех воинов Страны Рек, с уцелевшего Наследника и военачальников зарок, что они не будут сражаться со Священной Землёй, или отправить их в Та-Кем, как пленников до получения выкупа. На первое Паршататарна не согласится, ибо здесь — лучшие, и он так или иначе будет вынужден нарушить клятву. Уплата золота же обескровит небогатый Нахарин, посему он откажется и от этого. Посланники будут стоять до последнего. Три-пять, а, может и семь недель, чего мы не можем допустить.

— Ты говоришь верно, Верховный Хранитель Трона, — Менхеперра присел за стол, отпил из чаши, и опёрся подбородком на руку, — но что ты предлагаешь? И в Мегиддо не только воины Нахарина.

— Верно, Величайший, — Ранефер тоже выпил немного вина и присел напротив, последовав примеру фараона, — я учитываю это. Устроить переговоры в тысяче шагов от наших воинств, но и вне досягаемости стрел осаждённых. Пригласить царя Мегиддо, военачальника Нахарина, ибо, насколько я знаю, Арыюшну уцелел. И Баалшур Сипиша...

— Этого безумного мерзавца? — Тутимосе скорее удивился, чем возмутился.

— Ты забыл добавить — "труса", Величайший, — Ипи Ранефер продолжил, — на встречу поеду я с Хранителями, а Сипиш страсть как боится стрелы из засады. И потому

пошлёт своего советника — Ишгартубала.

Ипи не мог скрыть улыбку. Величайший некоторое время молчал, удивлённо глядя на побратима. Потом хохотнул:

— Да, Ипи, ты, воистину — змея. Подобен священной Мерит-Сегер, ибо сколь мудр и хитёр, столь и ядовит! Обернуть все так, чтобы вместо врага говорить со старым другом!

— Я предложу Арьюшну заплатить один дебен золота и пять серебра за каждого его воина. Это сто шестьдесят хека золота, вместо почти пяти сотен. Серебро, впятеро более того, нам совсем не помешает, но для Паршататарны сия плата будет посильной. Более того — почётное отступление, при своих мечях и топорах, оставив нам щиты и доспехи. Военачальникам и высокородным отдадим их колесницы. Наследника и двоих князей отвезём в Хазету, окружив царскими почестями, и лишь до тех пор, пока посланники Нахарина не привезут оговорённую плату. То же предложим иным, только вдвое уменьшив отступное, в обмен на присягу Владыке Венцов. И вовсе освободим от платы тех, кто даст нужных нам воинов в найм. Некоторые города я смогу склонить к этому. Халеп — даже к союзничеству против Кадеша и Нахарина!

Фараон и военачальники посмотрели на Верховного Хранителя с долей недоверия, но Ипи уверенно продолжал:

— Пять сотен отборных воинов Ашшура и без того будут с нами. А Сипиш... Поверь мне, Величайший!

— Я полностью доверяю тебе, Ипи, зная то, как ты помог мне выиграть эту битву, сравнимую с войной. Выиграть, даже не сейчас, а когда мы с тобою были ещё в Уасите! — Тутимосе хищно прищурился, — и ты полностью прав: я не знаю, зачем тебе наёмники фенех, от которых мало пользы, но наши воинства не должны быть связаны осадой, ибо... — на мгновенье Величайший прикрыл глаза, — я останусь здесь, а ты отправишься в Хазету, а затем — в Бехдет. С пленниками, наёмниками, заложниками, добычей. Сразу после переговоров. Снимешь две тысячи воинов, из опытных, да тысячу лучников со стен Джару, возьмёшь с собою три четверти уцелевших хевити, дабы переделать по твоему замыслу. На хтори установишь осадные луки. Думаю, хватит места. Мерит-Ра загнала царя акайвашта в мышеловку. И я возьму его там!

— Величайший, я не сомневаюсь, что ты сможешь сокрушить Алесанраса и его воинства, — Нибамен говорил без лести, действительно считая так, — но, я верю и словам Ранефера о том, что противник непрост.

— Нибамен прав, Величайший, — Ипи даже привстал, готовясь сказать важное, — и не только потому, что понимает зыбкость своего положения. Увидев Тисури, он сразу поймёт, что оказался в чужом, незнакомом и враждебном ему мире. Оказался не победителем несокрушимых, а царём без царства и военачальником с оголённой спиной, обращённой к врагу.

— Думаешь, он уйдёт из Тисури? Морем? Но его флот сильно уменьшился и он не сможет посадить на ладьи всех своих воинов. Пойдёт берегом.

— Величайший, не кажется ли тебе, — Ипи протёр глаза, быстро уставшие в полумраке, — что все эти новые хевити, хтори с осадными луками стоит оставить на потом? Есть ли необходимость сейчас рвать и метать? И не лучше ли попробовать договориться с акайвашта? Заключить союз? Ведь наше столкновение, падение Тисури — все произошло от недопонимания. Когда все откроют глаза, договориться будет не так уж и сложно.

— Союз? — у Тутимосе глаза на лоб полезли, — даже не мир, не перемирие после

хорошей трёпки, а именно союз? С какой стати?

— Прости, Величайший, об этом я поговорю с тобой наедине. Не потому, что не верю достойнейшим военачальникам, — Ипи по очереди поклонился высокородным воинам, — а потому, что они не поверят мне, а то и решат, что на Пустоши меня ранили не в ногу, а в голову.

— Что ты, достойнейший Ранефер! — обычно невозмутимый, как изваяние, сухощавый Нибамен широко улыбнулся, — к тому, что у Верховного Хранителя есть тайны даже от Величайшего, мы привыкли ещё до твоего рождения. Это естественно, как восход Хепри.

— Мы ведь знаем, Ипи, — подтвердил Аменемхеб, — что именно ваши тайны привели нас к невиданной победе в Долине Врат. Посмотрим, к каким победам приведут новые!

Старик поклонился Ипи и Тутимосе, сверкнув лысиной в свете лампы.

— А пока, достойнейшие, мне нужно обсудить с вами ещё кое-что, — сказал Ранефер, — я действительно долго не мог уснуть, размышлял. Для начала, взгляните вот на это.

Ипи развязал кожаный мешочек и высыпал на походный стол несколько небольших блестящих кругляков, заплескавших под серебряный звон на отполированной, как зеркало, лакированной столешнице.

— Что это? — спросил Тутимосе и взял в руки один кругляк.

На маленьком серебряном диске было выбито лицо молодого человека.

— Перед тобой, Величайший — вождь нечестивцев, Алесанрас. Поскольку я говорил с ним, свидетельствую — портрет выполнен весьма точно.

Нибамен и Аменемхеб тоже заинтересованно разглядывали диски с изображением предводителя акайвапта.

— Это печать? — спросил Нибамен, — зачем так много одинаковых?

— Это деньги, достойнейший, — ответил Ранефер, — отливки с царским клеймом! Вы понимаете, что это значит?

Ипи обвёл взглядом присутствующих и с торжествующим видом продолжил:

— Нам следует поучиться у чужаков. Теперь Верховному Хранителю более не будет надобности быть... верховным торговцем. Здесь мне видятся сразу множество выгод. Удобно отливать не кубики и полосы, а такие вот диски.

— Почему? — спросил Нибамен.

— Видишь вот это кольцо из точек по краю? От диска нельзя отпилить кусочек, не разорвав кольцо. Это сразу станет заметно. Так можно уберечься от подделки! Сколько сил мы тратим на борьбу с мошенниками? Теперь торговцам не обязательно будет всюду таскать с собой весы с надёжными мерами! Диск нельзя и утончить, поскольку клеймо выбито с двух сторон.

— Умно придумано, — покачал головой Аменемхеб.

— На одной стороне предлагаю изобразить лик Величайшего, — продолжал Ипи, — и пять священных имён в знаках Сен. А на другой — надпись: "Величайший Менхеперра, да живёт он вечно в силе и здравии, принимает сие священное золото и благословляет подателя, и да купит благочестивый купец в земле Та-Кем все, что нужно ему. И да приобретёт сей слиток за половину полновесного дебена золота".

— Не длинновато? — усмехнулся фараон.

— Можно сделать надпись короче, — сказал Нибамен, которому понравилась идея, — а подробности огласить в специальном указе.

— Лучшие мастера будут точить камень для формы, — продолжал Ранефер, — дабы подделать было труднее. Но это ещё не все. Я предлагаю золото развешивать по четыре пятах дебена и делить надвое.

Полководцы и фараон молчали, обдумывая его слова. Наконец, Менхеперра сказал:

— Предлагаешь за половину дебена выдавать меньший вес? Ипи, ты мудр, как Великий Тути и коварен, как сам Апоп! Но если народ Священной Земли будет недоволен? Мне не нужен бунт. Особенно, среди воинов, достойнейший.

— Чем будет недоволен народ, Величайший? — Аменемхеб улыбнулся — не думаю, что достойный Ранефер собирается уподобиться нечестивым торговцам, которые обвешивают покупателей. Воины и чиновники будут получать жалование того же веса, что и раньше. Просто слитков будет больше.

— Хорошо, пусть так. Но торговцы фенех и иных стран? Думаю, именно для них Ипи предлагает шати назвать кайтом^[111] и сделать вид, что здесь нет обмана. Иначе ради чего все это? Вы ждёте, что они смирятся?

— Тот, кто не смирится, останется без золота. Или без товара! — Ипи усмехнулся, — кстати, я не зря не стал предлагать клеймить серебро. Именно им будут расплачиваться фенех и прочие, когда мы откажемся принимать неклеимённые золотые слитки. В Священной Земле нет серебра, и оно без войн и дани само потечёт рекой в наши сокровищницы! А мы станем тратить меньше золота.

— В конце концов, у них тоже появится достаточное количество клеймённых дисков для оплаты нам.

— Все знают, что наше золото наиболее чистое и у нас его больше всего. Они заинтересованы в нём не только для расчётов. Вот увидишь, будут копить, продолжая расплачиваться серебром. Привыкнут. Наш хлеб, оружие, необходимы им. Куда денутся? Заплатят. Кроме того, много меньше риска пострадать от ловкачей, подделывающих священный Нуб.

Фараон молчал, потирал подбородок и вертел пальцами диск, разглядывая лицо Алесанраса. Полководцы тоже не говорили ни слова.

— Все это нужно хорошо обдумать, — наконец сказал Тутимосе, — я не рискну принять решение прямо сейчас. Ещё вернёмся к этому разговору.

— Хорошо, — легко согласился Ранефер, — тогда я перейду к следующему делу.

Фараон кивнул.

— Мы захватили несколько коней, на которых шли в бой всадники Алесанраса. Некоторые ранены. К их выхаживанию я привлёк лучших наших конюхов и даже посвящённых Анпу^[112]. Впервые пожалел, что воинам с молодых лет внушается — в первую очередь бить в коня.

— Они столь ценны? — Тутимосе не смог скрыть удивления. Не дожидаясь ответа, возразил, — бей колесничие во всадников, потери конницы акайвашта скорее всего уменьшились бы. Конь пятикратно более крупная цель. В итоге ты вряд ли захватил бы больше, Верховный Хранитель.

— Твоя истина, Величайший! — Ранефер улыбнулся, — а чем ценны... Мы не первый век тщательно выводим породу и преуспели в этом. Наши лошади лучше, чем у хабиру и танеху, лучше, чем у хатти и митанни. Но эти... Они крупнее. Мощные, широкогрудые. Великолепные скакуны. Если повязать жеребцов с отборными кобылами из конюшен Та-Кем, к скорости и выносливости прибавится мощь и грузоподъёмность. Колесницы полетят

быстрее.

— Хорошо, — согласился фараон, — я отдам приказания старшим конюхам. Захваченных лошадей не станем использовать в бою вместо выбитых наших.

— У меня тут ещё появилась одна мысль...

— Богат ты на мысли после драки, достойнейший! — беззлобно хохотнул Аменемхеб.

— Говори, — улыбнулся фараон.

Ипи помолчал немного, подбирая слова.

— Все, кто столкнулся с всадниками акайвапта, не скрывают своего удивления. Разбойные кочевники, любители пограбить Восточную Дельту, совершают набеги верхом. Мы видели, как хатти, отступая, бросали колесницы, распрягали лошадей и удирали, сидя на их спинах, причём держались весьма ловко. Все вы помните, достойнейшие, не слишком удачную попытку Величайшего Аменхотпа создать конный отряд, дабы противостоять кочевникам в заболоченных и изрытых оврагами землях, где тяжело или невозможно пройти колеснице. Ему так и не удалось убедить воинов Та-Кем, что служба эта может быть почётна. Ни один из отпрысков потомственных воителей не сел на коня верхом, не уподобился аму-овцеводу. Набрали сколько-то простолудинов, но... Сами знаете, толку мало. Проще нанимать кочевников.

Ипи замолчал. Сглотнул.

— В горле что-то пересохло.

Нибамен, не говоря ни слова, сходил вглубь шатра и вернулся с флягой. Ипи отпил лёгкого финикового вина и продолжил:

— Торговцы ставят на ослов деревянные кресла для путешествий верхом, и на лошадях наши люди ездят в подобных. Со стороны зрелище такое, что кто увидит, еле смех сдерживает. Кочевники держатся на спине лошади безо всяких приспособлений, причём управляются ловчее. Сам я не видел всадников акайвапта в бою, но люди Херихора, Аннуи и те хабиру, у которых хватило стыда вернуться после позорного бегства, в один голос утверждают, что пираты скачут верхом так слаженно, как иные на своих двоих в большой толпе двигаться не могут. Сначала я не придавал этому значения, ибо с чужих слов тяжело воспринять столь необычные сведения. Но потом, когда меня посетила мысль о пришельцах из грядущего... Ведь получается, что там мастерство всадников возросло многократно и на голову превосходит искусство наших соседей, которому мы удивляемся, так и не освоив в должной мере.

— Что ты предлагаешь? — серьёзно спросил фараон.

— Увеличить наш малочисленный конный отряд. Пригласить наставников из числа таких мастеров, как Аннуи, да будет лёгок его путь в Та-Мери. Не жалеть им оплаты. И одеть лошадей и всадников в бронзу. Если бы тогда на зефтийской дороге конница под моим началом...

— В схватке с воинством Арвада твоим хабиру невероятно повезло, — перебил побратима Тутимосе, — а вчера везение кончилось и акайвапта разогнали их играючи. Я, знаешь ли, успел опросить свидетелей. Часть презренных трусов выскочила на Нейти-Иуни, так те утверждают, что овцеводы неслись так, словно на пятках у них сидел Апоп. Заметь, по твоим же словам, на пиратах нет доспехов. По крайней мере, таких, как у нас. И какой смысл в отряде неповоротливой тяжёлой конницы? Кого ты собрался ею атаковать? Строй пехоты Нахарина?

— Нет, вражескую конницу.

— Если противник остановит колесницу, это ещё не означает гибель, для сражающихся на ней воинов. Они за бортами, и всадникам противника не так-то просто будет им повредить. Я знаю, что говорю, расспросил людей Херихора. А верховых, сбитых наземь — затопчут сразу же. Удар копьём, когда ты стоишь на колеснице нечего и сравнивать с ударом, когда ты сидишь на тряской спине лошади. Слетишь на землю в один миг. И дальше что?

— Но, Величайший, — Ипи не хотел так просто расставаться с идеей, — эти акайвапта...

— Ипи, — усмехнулся фараон, — а не стоит ли тебе урезать длину крокодила, поимкой которого ты тут похваляешься? Подумаешь, овцеводов разогнали. Тех только ленивый не гонял. Любой из кетет-аха... Да что говорить, не веришь мне, спроси Аменемхеба, уж у него-то опыта побольше чем у нас обоих, вместе взятых.

Старик согласно кивнул.

— Это бессмысленная затея, — продолжил Тутимосе, — ты сам первым делом упомянул, что идея Аменхотпа практически провалилась. Мы без толку тратим деньги на содержание того отряда. Пираты, которые так удивили тебя, видать, совершенствуют мастерство с малых лет и, заметь, не одевают брони.

— Мы ведь уже обсуждали это. Все вы согласились, что пришельцы, вероятнее всего, бедны...

Менхеперра покачал головой.

— Я сказал — нет. И не будем более об этом. Преждевременно начинать сомнительные опыты. Сначала следует тщательно допросить пленных об их секретах. В том числе и о том, как они столь продвинулись в верховой езде.

— Хорошо, Величайший, — Ипи Ранефер кивнул, — а теперь, достойнейшие военачальники, я попросил бы оставить нас.

Нибамен незамедлительно исполнил приказ Верховного Хранителя, хоть и облачённый в форму просьбы. Аменемхеб, выходя, что-то проворчал себе под нос, вызвав улыбку Ранефера и Тутимосе.

— А теперь, Ипи, скажи мне, что значат твои слова о союзе с удачливым и неглупым пиратским царём? — Менхеперра не мог скрыть интереса.

— Для начала, названный брат, я скажу тебе, что Алесанрас и вправду неглуп. Посему не будет запираться в Тисури, с чем согласились все четверо, но и отправлять войско по морю частями, разбивая флот, рискуя разгромом, или, по крайней мере, большими потерями, тоже не станет.

— Всё-таки пойдёт напролом, через города Фенех, а возможно, и земли Хатти?

— Именно, Тутимосе! Ему достанет сил пройти без особых трудностей все побережье Фенех и Яхмада.

Огонёк загорелся в глазах фараона, он немедленно подхватил мысль побратима.

— И города сии окажутся промеж двух лучников с одним щитом, ибо гнев Кадеша и Нахарина грозит ударить в спину, а мой гнев на тех, кто только что зарёкся в верности Короне Сома, и тут же впустил к себе акайвапта — стрела, летящая в грудь. Тем не менее, горе малодушным, открывшим врата Алесанрасу. Ему нужны ладьи. Он и торговые все себе заберёт. Флот пиратов будет следовать вдоль берега, не давая кораблям "пурпурных" улизнуть. А ещё ему потребен скот и хлеб. И золото, разумеется.

— Боюсь, Тутимосе, тот, кто будет сопротивляться Алесанрасу, окажется промеж тремя

лучниками, и не избежит резни. И тогда, Величайший, ты подчинишь север Джахи, побережье Яхмада, Киццувадну, войдя в их города не как захватчик, а как избавитель, от которого бежит Алесанрас, оставляя за собою выжженную землю. Только Арвад, ту часть, что на острове, нельзя отдавать ему. Поход займёт у пиратов не меньше месяца. Мы подготовимся. У меня будет много новых ладей. Ранеб подробно описал их, сразу видно, за что цепляется глаз моряка. Ладьи весьма необычны. Думаю, в Хазету я быстро проникну в их секреты. Ранебу сразу бросилось в глаза, что они построены не из кедра.

— Опять хочешь обойти меня, Ипи? — Тутимосе лукаво посмотрел на Ранефера, — в постройке ладей я не дам тебе себя обскакать.

— Думаю, Нибамен, сын Нибамена, обойдёт нас обоих.

— Итак, — Тутимосе задумался, — Арвад нужно уберечь от нашествия. Ещё вам с помянутым Нибаменом нужно уделить внимание обороне Пер-Маата, на случай, если Алесанрасу взбредёт в голову переправиться на Алаши.

— Это, кстати, весьма возможно, — согласился Ранефер.

Фараон кивнул и повторил свой приказ:

— После переговоров с осаждёнными поедешь в Хазету, далее, в Бехдет.

— А ты, Величайший, как я понял, будешь ждать подкреплений и добрых вестей? Пусть цари изменники, отворившие пиратам врата, жалуются на варваров, оставивших их без кораблей, пищи и сокровищ. А иные вопиют о защите или возмездии. Думаю, и Цитанта, и подданный его Пиллия, царь Киццувадны, недооценят воинство Алесанраса. Мы будем ждать, посматривая, как крокодил в водах Хапи, когда два льва вцепятся друг другу в глотку и изорвут друг друга. Ещё до того, как послы Цитанты попросят союза, не жалея ничего. Тогда и настанет пора прийти в земли Фенех, Яхмада и Хатти избавителю Менхеперра.

— Да будет так, достойнейший Ипи Ранефер! — фараон прикрыл глаза.

На совете Ранефер ничего не стал рассказывать о своём видении. Позже. Он вернулся в свою палатку, на ходу приказав Анхнасиру:

— Приведи ко мне пленного.

Поверенный сразу понял, кого имеет в виду Верховный Хранитель, но все же уточнил:

— Убийцу Аннуи? А второго?

— Пока не надо, он всё равно не говорит по-нашему.

— Слушаюсь!

Ночь они провели, сидя на земле со связанными за спиной локтями. Аттал вздыхал и стрелял глазами по сторонам, однако более чем серьёзная охрана остужала все его мысли о победе. Аристомен спокойно смотрел в звёздное небо и молчал.

Руки и ноги затекли и едва ощущались. Агрианин ёрзал пытаясь выбрать позу поудобнее, вполголоса бранился, с некоторым удивлением поглядывая на неподвижного лазутчика. Наконец, не выдержал и спросил:

— У тебя шея ещё не отвалилась, вверх таращиться?

— Небо тут другое, — сказал Аристомен.

— Чего?

— Небо, говорю, другое. Звёзды не так расположены. Вроде и узнаются созвездия, но все не на своих местах. Знаешь, о чём это говорит?

— Понятия не имею.

— Не наш это мир. Другой. Лишнее подтверждение...

Аристомен замолчал. Аттал некоторое время ждал продолжения. Не дождавшись, толкнул лазутчика плечом.

— Ну?

— Что, ну?

— Чему подтверждение?

— Тебя князь не удивляет, что царь ездил смотреть руины, а три часа назад ты воочию наблюдал вполне себе живой город?

— Я тех руин не видел, — проворчал Аттал.

— Мы угодили в прошлое. Здесь Мегиддо процветает и окружён кольцом высоких неприступных стен. Расположение звёзд — ещё одно подтверждение моего предположения. И на знамёнах имя — Менхеперра. Войско египтян под стенами Мегиддо...

Аристомен помолчал немного, а потом произнёс несколько слов на неизвестном Атталу языке.

— Что ты сказал?

— "И тогда стал побеждать их его величество во главе своего войска. А когда они увидели, что его величество побеждает их, они поторопились бежать, будучи разбиты, к Мегиддо, с лицами полными страха".

— Что это?

— Эту надпись довелось мне читать на стене одного храма в Фивах Стовратных.

— Ты и читать по-ихнему умеешь? Где так натаскался?

— Было времечко... — неопределённо ответил Аристомен.

— Наёмничал?

Лазутчик кивнул. Аттал тоже задрал голову к небу.

— И давно жил этот... Менхерпер?

— Давно. Несколько веков минуло.

— Несколько веков? — Аттал закашлялся, — ни хрена себе... Это что же... Все наши... Да чтоб я сдох...

— Можешь и так считать. Как раз по вашей фракийской вере. Помер и воскрес. А прошлое, будущее... Какая разница? Все одно — другой мир.

— В башке не укладывается, — Аттал попытался стереть испарину со лба собственным коленом, но не слишком в этом преуспел, — уж лучше по-простому в Аид загреметь.

— Чем тебе тут не нравится? Мы же дышим ещё, говорим. Себя помним. В Аид никогда не стоит торопиться. Да и существует ли он вообще? — философски заметил Аристомен.

Аттал ничего не ответил. Некоторое время он молчал, потом снова вздохнул.

— Тот египтянин, видать, был большим начальником.

— Какой догадливый, — усмехнулся Аристомен.

— Как бы нам за него, того... Голову не сняли...

— Может, и снимут, — невозмутимо сказал Аристомен, — чего переживаешь? Ты только что предпочитал на асфодели посмотреть.

— Иди ты, к Эребу...

— Эти, — Аристомен мотнул головой в сторону стражников, — сказали бы, что Эреб сам к тебе придёт. Кау-Ка^[113], по-ихнему.

— Какую придёт?

— Ага. Вроде того.

Больше они не разговаривали, а на утро за Аристоменом явился какой-то

начальственного вида египтянин.

— Прощай, — сказал Аттал с сочувственными нотками в голосе.

— Врёшь, поживу ещё, — ответил лазутчик, потирая локти, после того, как ему разрезали путы.

У входа в палатку Аристомен невольно замедлил шаг. Он все же не исключал возможность, что его привели сюда, только чтобы объявить приговор и навстречу смерти не торопился.

— Заходи, — Анхнасир подтолкнул его в спину, — чего встал?

Внутри, сидя за походным столом, ждал человек, одетый в свободное льняное платье, с накинутой поверх леопардовой шкурой. На голове полосатый платок-немес. Этого человека Аристомен уже видел и тот даже успел коротко переговорить с разведчиком. По тому, как к нему обращались египетские воины, Аристомен понял, что именно этот муж здесь начальствовал.

По дороге Анхнасир сообщил пленному имя и титул человека, который станет решать его судьбу. Лазутчик счёл правильным первым произнести слова приветствия.

— Радуйся, доблестный Ипи Ранефер Херу-Си-Атет, держатель Скипетра Ириса! — Аристомен припомнил обхождение египтян и добавил, — живи вечно.

— И ты живи вечно, достойный А-ре-ста-мен, — ответил Ипи, нервно вращая пальцами фигурку Прекраснейшей, которую Мерит-Ра когда-то подарила Аннуи.

— Желаешь вечной жизни? Стало быть, Та-Мери пока обойдётся без меня?

Ранефер ответил не сразу. Ему потребовалось некоторое время, чтобы снова привыкнуть к странному выговору чужеземца.

— О Та-Мери гредишь? Мнишь себя праведником?

— Нет, к праведникам меня, пожалуй, не пустят.

— Тебе сказали, кто я?

— Да. Ты — Верховный жрец Величайшей и брат царственной. Прорицатель, полководец и правая рука фараона...

Последнее слово Аристомен произнёс по-эллински и Ранефер поморщился, угадав в нём невероятно исковерканный титул Величайшего.

— Довольно славословий. Я вызвал тебя, поскольку ты единственный из пленных художнико-бедно говоришь на нашем языке, а мне нужно побольше узнать о вожде Алесанрасе. И на сей раз без двойного перевода, противного Маат, ибо в нём теряется вся истина.

— Что ты хочешь узнать, достойнейший? Спрашивай.

Ипи удовлетворённо хмыкнул.

— Признаться, не ожидал, что ты согласишься говорить без принуждения. Твои соплеменники не очень-то разговорчивы. Хотя их невероятно трудно понять, но все же некоторые владеют языком фенех. Тем не менее, только это и удалось у них выяснить. Пока. Ты, надеюсь, понимаешь, что все наши затруднения временны?

— Да, понимаю.

— Очень хорошо. Ты, судя по всему, бывал в Священной Земле? Скажи-ка, кто в то время носил Двойную корону Сома?

— Тогда страной Та-Кем, по-нашему — Египтом, правил Величайший Нехет-Хор-Ем-Хебит, мы его зовём Нектанебом. Он сражался против царя царей Артексеркса Оха и для борьбы с ним нанял много моих соплеменников, среди которых оказался и я. Мне было шестнадцать лет. Царь Артаксеркс так же имел на службе эллинов и те помогли ему

одержать победу над нами. Нектанеб потерял древний венец Сомы. Теперь страной Реки снова правят персы. Царь царей Дарий Кодоман.

Ранефер и Анхнафир переглянулись.

— Снова? — переспросил Ипи.

— Да. Персы уже владели Священной Землёй, потом на несколько десятилетий она обрела свободу, но вновь угодила им в руки.

— Когда это случилось?

— Семнадцать лет назад.

— Слышал ли ты имя Менхеперра?

— Да, достойнейший. Это фараон, живший в глубокой древности. Великий завоеватель. Повесть о своих походах он повелел записать на стенах храма Амона в Фивах... То есть, в Уасите. Я был в том храме и читал эти записи.

"В глубокой древности".

Пальцы Ипи сжались в кулак.

— Ты и читаешь на нашем языке?

— Да. Не очень хорошо, но разобрать могу. Я провёл в Египте много лет.

— Что ты скажешь, достойный Аристамен, — на этот раз Ипи смог выговорить имя лазутчика быстро и правильно, сказывалась его способность к языкам, — если узнаешь, что в настоящее время Священной Землёй правит именно Величайший Менхеперра?

Ранефер внимательно следил за Аристоменом, но к немалому удивлению Хранителя, пленный не изменился в лице и ответил сразу, без запинки:

— Я знаю это, достойнейший. Уже успел убедиться, что все мы попали в прошлое.

— Так.

Ипи откинулся на спинку кресла. Превосходно! Этот акайвашта — настоящий дар Владычицы Истин! Вот так просто все встало на свои места. Ранефер посмотрел на фигурку Прекраснейшей. Воистину, здесь нет никаких случайностей. Все происходящее — Её воля.

Значит, Алесанрас действительно явился с нижнего течения реки Вечности. И он не лгал. Они просто не поняли друг друга. Проклятье. Кровопролития можно было избежать...

Ранефер собирался с мыслями. Анхнафир, стоявший за спиной пленного, вытер пот со лба.

— Ты упомянул эллинов и персов. Расскажи, кто это?

— Эллины — это мои соплеменники. наших предков, ахейцев, вы зовёте — акайвашта. Персы — народ, несколько веков назад пришедший с востока и сокрушивший много царств. В том числе и Та-Кем.

"Тьма надвигается с Востока..."

По спине Ранефера пробежали мурашки.

— Сейчас персы ослабели, — продолжал Аристамен, — мой царь, Александр, разбил их бесчисленные рати в нескольких сражениях и захватил много городов. Сейчас он осаждает Тир. Не помню, как этот город зовётся по-вашему. Финикийцы, фенех, называют его — Цор.

— Тисури, — подсказал Ранефер и спросил, — как Алесанрас... Повтори-ка его имя, хочу выговорить правильно.

— А-лек-сандр, — по слогам проговорил лазутчик.

— Александр, — медленно повторил Ипи, — так как Александр оказался здесь, у Мегиддо? Если, по твоим словам, он осаждает Тисури?

— Он возглавил небольшой отряд, чтобы совершить набег на дикие разбойничьи племена, живущие в горах к востоку и препятствующие свободному проходу торговых караванов. Мы рассеяли их и возвращались к остальному войску.

Всё-таки, царь. Не вождь пиратов. Победитель этих... персов. Которые завоевали Священную Землю. Благие Нетеру, ведь это значит, что пророчество истинно...

Пауза затягивалась. Аристомен чувствовал себя неуютно под тяжёлым взглядом Анхнасира, которым тот сверлил разведчику затылок. Ранефер сидел в задумчивости, поглаживая подбородок.

"Сказать ему про Тисури? Почему, собственно, нет? Это знание, вручённое ему, Священной Земле не повредит".

— Ты знаешь, что Тисури сейчас находится под властью и защитой Двойной короны?

— Нет, — ответил Аристомен.

Он действительно этого не знал. Хоть и цепка память лазутчика, но разве в силах человеческих запомнить все, что когда-либо видел, слышал или читал? В Фивах, поражённый величием древних, он обращал внимание лишь на самые значительные события прошлого, сохранённые для потомков в виде барельефов и фресок.

— Тисури захвачен войском Александра, — сказал Ранефер.

— Откуда ты знаешь? — вырвалось у лазутчика.

— Это не важно. Имеет значение другое: наше кровопролитное столкновение можно было бы счесть недоразумением, и предать забвению, хотя в нём погибли многие доблестные воины. Лучшие воины. Слишком много. С обеих сторон. Но теперь, когда в его руках Тисури... Думаю, скоро Александр поймёт, что произошло. Как он будет действовать?

Аристомен покачал головой.

— Я не знаю.

— Случалось ли прежде, чтобы ему приходилось отступать, отказываться от своих планов?

— Нет, — медленно ответил лазутчик, — никогда.

— Он не переживал неудач? Не спотыкался о препятствие, которое не удавалось преодолеть сходу?

— Такое случалось. Но лишь подстёгивало его азарт. Он никогда не отступал. Там, в нашем времени, осада Тира затягивалась. Защитники оборонялись отважно и успешно. Я знаю, некоторые полководцы советовали царю снять осаду. Такие разговоры велись даже среди простых воинов. Но Александр продолжал состязание с противником в военном искусстве и хитростях.

Вот оно что. Азарт. Он азартен. Не отступает, даже если враг сильнее. И, в конце концов, превозмогает его. Его не удалось разгромить на Пепельной Пустоши. Царь вырвался, сохранив много отборных воинов. Слова пленного свидетельствуют о его честолюбии. Значит, он запомнит эту оплеуху, которую получил от Ранефера. Он уже огрызнулся, вырвав изрядный кусок мяса из ноги, на которую опирается Величайший. Погибли лучшие Хранители...

В руках Александра Тисури, его войско числом превосходит силы Менхеперра. Они сражаются иначе. Во многом уступают воинствам Та-Кем, но имеют и немало сильных сторон. Это не митанни и не хатти. Одолеть тех — большая честь и доблесть, а эти акайвашта много сильнее. Имей они доспехи не хуже, чем у воинов Та-Кем, пожалуй, сейчас бы не Ранефер допрашивал пленных и подсчитывал трофеи...

Ипи встал, обошёл кругом Аристомена, внимательно оглядев его со всех сторон. Крепко сбитый, загорелый, темноволосый. Борода аккуратно подстрижена. Многие пленные безбороды, а этот — нет. Интересно, почему? Видно, что образован, знает языки, наблюдателен. Судя по всему, обладает хорошей памятью. Попался возле разгромленного обоза, но обликом не похож на защищавших его воинов. И явно не слуга. Одолел Аннуи в поединке. Возможно, та-неху расслабился, уверившись в победе. Тем не менее, бойцом он был, не из последних. О чём все это говорит? О многом.

— Из твоих слов я делаю вывод, что самолюбие царя уязвлено и на мир он вряд ли согласится. А что ты сам об этом думаешь?

Аристомен не слишком замедлил с ответом.

— Продолжать кровопролитие бессмысленно. Это безумие в нашем положении.

Ипи кивнул, ответ его удовлетворил. Некоторое время он молчал, разглядывая пленного. Потом откинул край полотна, расстеленного на столе (Аристомен только сейчас обратил на него внимание). Под тканью обнаружились два обломка эллинского меча-кописа.

— Ваше железо не может устоять против наших мечей, — сказал Ранефер.

— Я успел это заметить, — спокойно ответил лазутчик.

— Но клинок вашего военачальника, которого мы с честью предали огню, уважая ваши обычаи, смог сотворить с хопешем одного из наших воинов то же самое, — Верховный Хранитель указал рукой на обломки и посмотрел в глаза пленника.

Тот оставался невозмутим.

— Металл, из которого откован тот меч, на первый взгляд, не отличим от железа. Но ваше железо — непрочно.

Ранефер поднялся из-за стола и прошёл в глубину палатки за занавеску. Задержался там недолго, вернулся, неся в руках свой длинный и прямой церемониальный меч-селкит в узорчатых ножнах. Обнажил клинок и положил на стол перед Аристоменом. Анхнасир на всякий случай подобрался, как охотящийся кот.

— Это тоже железо. Но иное. Оно пришло с Незыблемых Звёзд. Не оттуда ли родом клинок вашего военачальника?

Аристомен шагнул вперёд, привлечённый хорошо различимой надписью, вытравленной на селките.

— Я не знаю.

Лазутчик протянул было руку к мечу, но прикоснуться без дозволения не решился.

— Что здесь написано?

— Ты утверждал, что умеешь читать наши письма. Возьми и прочти.

Черен удобно лёг в руку. Аристомен провёл ладонью по полированной поверхности клинка, попробовал пальцем острière. Зашептал еле слышно, складывая символы в слова:

— Ренуи селкит хаси ур нехети лебани,

Седи ниут хазетиу ур хак менфитуи,

Рен селкит небут-нетеру дет анхи

Себек-сенеб хати анх неб, хат тути...

Аристомен читал вслух, все громче, как замороженный. Ипи слушал его отрешённо, прикрыв глаза, еле заметно улыбаясь.

"Имя твоё: поющий в кедровых рощах,

Сокрушающий стены и несметные орды врагов.

Истина — Имя твоё, исполненный мощью,

Синее золото и Серебро Богов.

Ты — боевая ладья над Зелёным морем,

Неугасимый огонь городам врагов..."

Аристомен замолчал, не дочитав до конца, поднял глаза на Хранителя.

— Ты хочешь знать, достойнейший Ранефер, секрет металла, удивившего тебя?

— Ты, я смотрю, догадлив, — усмехнулся Ипи, — да, я хочу это знать.

— Я не кузнец и не смогу тебе его открыть, — спокойно ответил лазутчик, — даже, если ты станешь пытаться меня.

Ипи усмехнулся, сверля взглядом пленного. Тот не прятал глаз, лицо его оставалось спокойным.

— Я не слишком рассчитывал на то, что ты выдашь мне эту тайну. Однако, скажи, как много таких мечей у воинов Александра? Только ли высокородные владеют ими?

— Не только. Всякий, у кого достанет средств, может купить такой клинок. Он недёшев, но стоит своих денег. Хорошие клинки куют в Лакедемоне. Ещё лучше (и дороже) — в Лидии.

Ипи слушал, не перебивая, хотя названия мест, упоминаемые Аристоменом, ничего не говорили ему. Лазутчик продолжал:

— Металл, из которого куют эти мечи, называется "халиб"^[114].

— Халиб? — переспросил Ранефер, — это как-то связано с городом Халеп в Яхмаде?

— Нет. Металл зовут так по имени племени халибов, славящихся своими кузнецами.

— Где обитает сей народ?

— На южном берегу Понта. В Пафлагонии и Каппадокии. Дешевле всего халибский меч можно купить в Синопе, эллинском городе, стоящем в землях этих искусных кузнецов и суровых воинов.

Названия перечисленных стран Ранеферу ни о чём не говорили.

"Надо будет потом показать ему карту".

— Полагаю, кузнецы этого племени не слишком охотно делятся мастерством с чужаками?

— Да.

— Значит, кузнецам Александра, если таковые есть в его войске, секрет не известен?

— Я не знаю. Многие пытались его разгадать. Слышал, что кое-кто даже смог приблизиться к тайне и разбогател. Но лучшие клинки, всё равно, халибские. Лаконские и лидийские мечи хуже. А простые воины довольствуются обычными, железными.

Ранефер некоторое время обдумывал слова Аристомена. Наконец, принял решение.

— Тебе вернут свободу. В некоторых пределах. Вернуться к Александру ты не сможешь, и за тобой будут приглядывать, но ты будешь содержаться не как пленник.

Ранефер взглянул на поверенного.

— Анхнасир, выдели нашему гостю палатку. Пусть его накормят. Приставишь к нему двух Хранителей. Он волен перемещаться по лагерю. Пусть поправляют его речь, знакомят с нашими обычаями, если какие-то покажутся ему незнакомыми. Все же много воды утекло с тех пор, как он посещал Священную Землю.

Ипи усмехнулся и посмотрел на Аристомена.

— Приставленные люди ответят на все твои вопросы, если они не коснутся дел военных, а так же тех, коими занимаются Хранители. Тебе выдадут письменные принадлежности, и ты запишешь все, что тебе известно о деяниях Менхеперра и потомков

его. А потом, в Уасите, обучишь своему языку меня, Величайшего и царственную Соправительницу. Я положу тебе жалование — сорок кайтов золота в неделю.

Аристомен поклонился.

— Благодарю тебя, достойный Ранефер. Что же ты намерен предпринять в отношении Александра?

— А вот это, — сказал Ипи, перестав улыбаться, — уже не твоего ума дело.

8. Путь в никуда

— Это не Ханаан, — мрачно изрёк Эфраим, исподлобья разглядывая слоновье стадо, мирно пасущееся в трёх стадиях от дороги, что, выйдя из лесу, загибалась к северо-западу.

— А что? — спросил Птолемей.

— Я не знаю. Но это не Ханаан. Здесь должны быть довольно густонаселённые места. Уже Назарет недалеко. Тут нет никаких лесов. И уж точно не водятся слоны.

— Не водятся?

— Когда-то, очень давно водились, но теперь их даже в Египте не часто встретишь.

— Откуда же везут слоновую кость? — спросил Александр с интересом, из-под ладони разглядывая невиданных зверей, о которых так много слышал, но воочию видел впервые.

— Из Нубии.

— Ты хочешь сказать, это Нубия? — усмехнулся Лагид.

— Я ничего не утверждаю, господин. Кроме того, что это не Ханаан.

Сначала они не придали большого значения этим словам иудея, но чем дальше продвигалось войско на север, тем чаще Эфраим твердил, что не узнаёт местность. В конце концов, "друзья", составлявшие ближний круг, ощутили лёгкую дрожь в коленях. Не обращать внимание на слова проводника, совсем серого от страха, стало невозможно.

Александр помрачнел. Птолемей, озадаченный не меньше, прокручивал в памяти переговоры с Ранефером и последующее сражение, пытаясь вспомнить какую-нибудь зацепку.

— Допустим, хотя это кажется бредом сумасшедшего, что мы в Нубии. Там водятся слоны? Водятся. Там есть леса?

— Есть, — буркнул проводник, — мне это доподлинно известно, хотя я там и не бывал.

— Хорошо. Вернее, плохо, но пока ладно. Если это Нубия, то что здесь делают египтяне?

— Египтянам в Нубии всегда есть, чем заняться, — сказал иудей, — оттуда до их земли рукой подать. И название этой страны происходит от египетского слова, означающего — "золото".

— Там много золота? — спросил Птолемей.

— Много.

— А ещё туда сбежал от персов Нектанеб, — буркнул Александр, — который второй.

— Вроде Ранефер что-то говорил про Нектанеба, — вспомнил Птолемей, — или нет?

— Я думаю, — сказал царь, — этот Менхеперра — потомок Нектанеба. Сын или внук. Копил силы долгие годы и решил вернуться.

— Если так, то зря времени он не терял, — кивнул Лагид, — подготовился неплохо.

— Нубия... Пожалуй, это все объясняет. Кроме одного. Как мы сюда попали?

— Ну... — протянул Птолемей, — гроза, иудейские боги. Забыл?

— Нет, — покачал головой царь, — не забыл.

Воцарилось тягостное молчание.

— Что будем делать? — разорвал тишину Клит.

— Идти в Тир, — твёрдо заявил царь.

— В Тир? — удивился Чёрный, — дотуда, поди, теперь тысячи стадий!

— У кого-то есть предложения получше? — сверкнул глазами царь, — все это может оказаться мороком, насланным колдунами варваров!

Предложений не нашлось. Македоняне переглядывались друг на друга, переминались с ноги на ногу и с надеждой поглядывали на царя.

У Александра играли желваки на скулах, он изо всех сил старался выглядеть хладнокровным.

— Эфраим, если мы все же в Финикии, если это морок, сколько дней нам осталось идти до моря?

Проводник давно уже не мог сориентироваться, потому довольно долго тянул с ответом, прикидывая. Наконец, сказал:

— Если повернуть на запад, то день, государь. Если море никуда не делось. Но нам придётся пересечь Кармельский хребет.

— Ты точно не видишь никаких примет? Значительных? Река или гора, к примеру.

Эфраим подумал и ответил:

— Если бы мы были в Ханаане, то завтра достигли бы левого берега Киссона.

На следующий день после полудня войско действительно подошло к реке.

— Это и есть Киссон? — спросил Александр.

— Не знаю, — покачал головой Эфраим, — тут мост должен был быть. Да и берега я не могу узнать.

Александр дёрнул щекой. Помолчал немного.

— Река течёт с востока на запад, как ей и положено. Я принял решение. Нет смысла идти в неизвестность. Поворачиваем на запад, к морю.

— А если река впадает не в море? — заметил Птолемей, — а в другую реку?

— Всё равно лучше держаться поближе к водным путям.

Войско двинулось вдоль берега реки вслед заходящему солнцу. Воины, видя напряжённость своих начальников, заподозрили неладное и начали выпытывать у них, что случилось. Те молчали, опасаясь возникновения паники, но тем сильнее вызвали беспокойство подчинённых. Стараясь отвлечь людей от мрачных мыслей, царь гнал их, не давая отдыху никому, в том числе и себе. Он шёл во главе основной части колонны, сразу за авангардом, ведя в поводу Букефала. Точно так же поступили все гетайры: следовало беречь лошадей.

На исходе следующего дня, когда уже пришла пора искать место для лагеря, со стороны ушедшего вперёд передового отряда прибежал человек. Он размахивал руками и отчаянно орал:

— Море! Море!

Македоняне возбуждённо зашумели. Волна воодушевления покатила вдоль тела гигантской, растянувшейся почти на пять стадий змеи.

— Бывают же совпадения... — прошептал царь.

— О чём ты? — спросил Птолемей.

— Вспомни поход десяти тысяч. Они кричали так же, с ума сошли от счастья... "Море! Море!"

— Я помню эти строки.

— История повторилась, Лагид. Хотя мы и не бродили несколько месяцев по бесконечным равнинам и горам, но оказались в похожей ситуации.

Семьдесят лет назад, эллины, наёмники Кира Младшего, претендента на персидский

трон, после неудачной битвы при Кунаксе возвращались на родину из самого сердца Азии. Измотанные длительным походом, с честью выдержавшие борьбу с племенами диких варваров и гигантскими расстояниями, они вышли к Понту Эвксинскому и море вдохнуло свежие силы в людей Ксенофонта, записавшего для потомков перипетии этого грандиозного похода. Птолемей отметил про себя, что Александр довольно воодушевлён собственным сравнением со знаменитым полководцем и историком, хотя, сказать по правде, оно не слишком справедливо.

— Мы ещё не выбрались из этой Керберовой задницы, — буркнул за спиной Клит, — по-прежнему не можем объяснить происходящее.

— И все же, — ответил Александр, — у меня камень с сердца свалился. Море на западе. К западу от Нубии только пустыни, где даже звери не живут. Я видел много карт и читал землеописания. Значит это все же Финикия, а эта река и есть Киссон. До Тира три дня пути.

— Твои слова, богам бы уши, царь, — покачал головой Птолемей.

Однако Александр оказался прав. Через два дня его войско, измученное сражением, переходом, неизвестностью и целым ворохом всевозможных страхов, встретило своих. Разведчиков, посланных Эвменом.

Спустя сутки, к моменту вступления в Тир, Александр уже знал в общих чертах, что произошло, и лицо царя, въезжавшего в восточные ворота Ушу, внешне совершенно невозмутимое, своей неестественной бледностью выдавало такое смятение, какого сын Филиппа не испытывал никогда. За всю свою жизнь.

* * *

— Дурень, тебе же говорят — мы все их видели. Все.

— Сговорились.

Раздался нервный смешок. Теримах театральным жестом воздел руки к прокопчённому потолку.

— Боги, ну как можно быть таким твердолобым?!

— Ты за слова-то свои...

— Ответит, не волнуйся, — на плечо недоверчивого слушателя, сидевшего спиной к двери, легла мозолистая ладонь, а густой бас заставил многих присутствующих втянуть головы в плечи.

Послушать байки походников явилось высокое начальство. Таксиарх Кен, один из старших стратегов, командир асфетайров^[115], при всей своей внешней суровости отличался особой близостью к простым воинам. Вечером его частенько можно было увидеть в их кругу с деревянной миской просяной или гороховой каши.

Теримах и ещё несколько человек привстали, приветствуя стратега. Рыжий и воины его декады, приняв приглашение земляков-знакомцев из числа "пеших друзей", пришли отметить возвращение и рассказать о своих приключениях. Собрались в Старом Тире, в каком-то доме недалеко от порта. Вид города, конечно, впечатлил вновь прибывших, но

нельзя сказать, что очень уж сильно. Всякого навидались за пять дней перехода от Пепельной Пустоши. Следам пожаров, разгрому в домах и на улицах, малочисленности местных, тоже никто не удивлялся. Только Медведь совсем почернел лицом, увидев в какой-то подворотне труп женщины с подолом, завёрнутым на голову. Он и прежде не отличался разговорчивостью, а после того инцидента в иудейском селении совсем замкнулся, общаясь с товарищами односложно.

— Сидите, — махнул рукой Кен, — ты, рыжий, продолжай. Как ты там их обозвал? "Финикийские коровы"?

— Да, — ответил Теримах.

— Помнится, в Олинфе, на агоре, видел целиком слоновый рог, а недавно, в Сидоне...

— Это не рог, — перебил стратега рыжий.

— Я слышал, это у них зубы такие, — сказал один из воинов.

— Брехня, — авторитетно заявил другой, — это же какую пасть надо иметь...

— Не брехня, — буркнул Полидор, молчавший в течение всего теримахова рассказа о "Малом Анабасисе", как уже окрестили вылазку Александра некоторые её участники.

— Верно, — сказал Теримах, — эти зубы у слона изо рта торчат.

— Бывает же чудес на свете...

— Да уж... Разливай. Накатим за чудеса. Будь они прокляты...

— "Пурпурные" рассказывают, — сказал Кен, — что в Вавилоне, в царских садах, Дарий держит много слонов. Их родина далеко на востоке, в Индии. Оттуда пригоняют. Там на этих зверюгах ездят. Даже сражаются, сидя верхом, как на лошади.

— Как это, "далеко на востоке"? Вон, Теримах говорит, в дне пути отсюда целое стадо видели...

— Это здесь. *А там...* — Кен неопределённо мотнул головой, но все поняли, что он имеет в виду, — не водятся. Вымерли, видать. Как львы у нас, в Македонии. Мне бабка рассказывала, последнего льва ещё при Филэллине^[116] прикончили.

— Твоя бабка, Кен, небось и Ксеркса живьём видела? — поинтересовался кто-то из задних рядов.

— Дурак ты, — беззлобно ответил стратег.

Многие присутствующие помрачнели. Только отвлеклись от тягостных мыслей, как вот нате вам снова...

— Ох-хо-хо... Охохонюшки... Как же мы теперь-то будем? — спросил, глядя в пустоту, Тидей.

В сражении с египтянами милетянин рвал и метал, стараясь смыть позор плена. Дрался в самом горячем месте, был легко ранен. Не зря на него в своё время большие начальники обратили внимание. Воином наёмник оказался не из последних. Теримах видел это, потому после боя расквасил носы паре острословов, намеревавшихся наградить Тидея почётным прозвищем — "Засранец".

Но вот этот вздох некоторые посчитали притворным.

— Тебе-то что, милетянин? — мрачно посмотрел на него Медведь, — у тебя ни жены, ни детей. Наёмник...

— Как будто у тебя жена есть.

— У меня мать с отцом ещё живы...

— Все, считай в покойники запишут, — бросил один из "пеших друзей", воин, у которого все лицо пересекал уродливый шрам, а левое ухо отсутствовало.

— Может, вернёмся ещё? — неуверенно протянул другой.

— Хрен, ты вернёшься, — ожесточённо сплюнул себе под ноги одноухий, — так все и подохнем здесь.

— Двум смертям не бывать, — спокойно сказал Тидей, — чего бояться? Пока мы живы — смерти нет. Когда она придёт — нас не будет.

— Воистину так, — согласно кивнул Кен.

— Да ты философ, милетянин, — сказал одноухий.

— Не я — Эпикур.

— Образованный, выходит? Не веришь, значит, в Лодочника?

— Не верю. Басни для деревенской темноты.

— Ишь ты, какой... Как хоть тебя в наёмники-то занесло?

Не дождавшись ответа, воин посмотрел на Теримаха и других щитоносцев.

— Не видели вы, чего тут у нас было...

— Мы, зато, многое другое повидали, — спокойно ответил Теримах.

Повисла пауза.

— Заметно... — в тягостной тишине прозвучал ещё один голос, — сколько вас вернулось...

— Слышь, милетянин, вон, рыжий сказал, вы даже тела павших не погребли. Ничего, что они к Харону без оплаты ломанутся, а он их пинками назад? Неприкаянными скитаться. Не напрягает?

— Чего ты ему рассказываешь? Он в Харона не верит.

— Да мне насрать, во что он там верит... Столько народу, без погребения... Эпикур хренов. Удобно так, да?

— Ты, я смотрю, недоволен? — процедил Теримах, — иди, хорони. Дорогу объясню.

— Будут мне трусы ещё указывать, — снова сплюнул одноухий.

Теримах вскочил. Полидор схватил его за локоть.

— А ну, сядь! — рывкнул Кен, и повернулся к одноухому, — если пасть не захлопнешь, язык вырву! Ты кого в трусы записал? Александра? На том поле Гелланик голову сложил! Тело варварам досталось... Мы с ним дорог протопали... Ты ещё...

Кен замолчал, не в силах слова подобрать.

— Ну, скажи, Кен, — подался вперёд одноухий, — скажи: "Ты ещё под стол пешком ходил". Чего молчишь, ведь на языке верти...

Он не закончил, полетел на пол от могучей затрешины.

— Ты ещё пешком под стол ходил, — с расстановкой произнёс Кен, — когда мы с Геллаником иллирийцев по горам гоняли.

Одноухий вскочил, злобно покосился на стратега, и вышел прочь, хлопнув дверью.

Кен обвёл глазами воинов и сказал:

— Чего-то распустились вы. Разговорчивыми стали... Я вам брат, сват? Когда и так. Но не сейчас. Сейчас такое дело, что я вам — командир. Вот ещё раз подобное повторится, выбитыми зубами не отделаетесь. Никого жалеть не стану. Кто не верит, сходите за ворота.

Воины потупились. Возле лагерного палисада лежали без погребения тела казнённых, виновных в разжигании ненависти к финикийцам, раздувании паники.

Стратег помолчал немного, потом снова заговорил:

— Следует павших помянуть. Налейте-ка мне.

Кену подали вырезанную из дерева походную кружку, похожую на чашу-киаф, которой

на пирушках смешивают вино с водой.

— Неразбавленное пьёте? Да и правильно.

Он залпом опрокинул её в себя. Крякнул.

— Ну, чего приуныли. Царь вернулся. Хотя и не победили врага, а все одно, без срама пришли. Поживём ещё, македоняне! Да, не буду врать вам, что ещё свидитесь с близкими. Не знаю. Может, мы тут навсегда. Однако из-за чего такое случилось, никто не знает. И "пурпурных" резать не позволим. Они же с нами тут оказались. В одной лодке сидим.

Воины молчали. Потом один из них сказал.

— Все верно говоришь, Кен.

— Да, — подхватил Теримах, — вон, у Эвтина трое детей осталось. А уцелей он тогда, попал бы с нами в эту заваруху. Его детям легче что ли? И так и эдак отца больше не увидят. Но мы хоть живы ещё. Поживём!

Некоторые закивали. Не все. Полидор мрачно изучал дно пустой кружки.

— Кстати, насчёт трусов, — спохватился Кен, — чуть не забыл. Не моё это дело, не твой я командир, рыжий, но коли встретил тебя здесь, обрадую. Носить тебе шлем с золотой полосой.

Воины возбуждённо загудели.

— Лохагом его? — переспросил один из теримаховых бойцов.

Кен кивнул.

— А Менесфей?

— Он теперь — хилиарх, — стратег вздохнул, — вместо Гелланика.

— Ну, рыжий, ты даёшь! За какие заслуги-то хоть, поведай?

— Ни за какие, — буркнул опешивший Теримах.

— Так и поверили! Давай, колись!

— Героев иначе славить пристало, — встрял Тидей, — тут гимн потребен.

— Не надо, — попробовал протестовать Теримах, но было поздно.

Милетянин, встал, приосанился и торжественно начал:

— Славу пою меднощитному мужу, что Пирром зовётся!

В битве великой сошлись Александр с фараоном Египта.

Сам Громовержец — за наших, а Феб-Аполлон восстал против.

Смертных обличье приняв, в беспощадную битву вступили,

Не удержавшись вовне, как встарь Илионскую, боги.

Стрелы, подобные тем, что Парису вручил Лучезарный,

Били щиты и броню, и без промаха в грудь попадали,

И понесли щитоносцы Харону последнюю плату.

Ясное небо, ни тучи — и в силе великой Атимний,

Он даровал египтянам доспехи начищенной бронзы,

Даже коней удостоил сияния бог сребролукий,

Заговорив их броню от стрелы и от копий фаланги.

Мало ему, так искусством Гефестовым он заручился

И наделил меднокожих мужей колесничею мощью.

В небе ни тучи, и копыя перунам не мог уподобить

Зевс-Астропей, но разум избранныкам дал и отвагу.

Шёл Теримах впереди, сам едва не достался Танату,

Видя, как воины гибнут, сражённые меткою бронзой,
Ранен стрелою в плечо, что гоплон просквозила и тело.
Тучегонитель всесущий, заметив его, надоумил,
Накосо щит меднокованный дабы подставил он стрелам.
Видя: увязла стрела, отскочила со звоном иная,
Зевсу воздавши хвалу, закричал Теримах щитоносцам,
Чтобы держали щиты, как и он, пригибаясь немного,
Голову, сердце и печень тогда сохранят, к досаде Таната.
Видит стратег египтян — догадались от стрел защититься,
И протрубил на фалангу свои колесницы направить.
Мчались четвёрки коней долгогривых, подобны триерам.
Вновь колесничие стрелы разят щитоносцев нещадно:
Варварам, видно, помог Светозарный — божественный лучник.
Уж различимы мечи за два локтя по каждому краю таранов
Крепко прикованы... Быстро они донеслись до фаланги.
Врежутся — много за миг соберёт серебра Перевозчик.
Сильногомучий рванул Теримах колесницам навстречу,
Меч перепрыгнул, и, стрелы щитом отражая, ударил
Верным копьём в круп коня колесницы, где бронза потоньше,
Только подранил, но дюжину спас щитоносцев отважно,
Ибо возница тотчас отвернул, да помчался обратно.
Много упряжек, однако, с разгона, ворвались в фалангу,
Жатву Таната мгновенно утроив тараном с мечами,
Копья скользили, ломались о бронзу коней, не вредя им.
Дюжины две колесниц прорвались, и ударили задних,
Многие пали, как рожь под крестьянским серпом за мгновенье.
Варвары спешили, взявши щиты и тяжёлые копья.
К ближней рванул Теримах и десяток товарищей следом,
Семеро пали от стрел, а троих поразил колесничий,
Пирр же тогда обошёл его сбоку, копьём упокоив.
Дроты возницы разили без промаха, многих повергнув.
Вот и вдвоём Теримах с Полидором остались.
Лучнику в горло Медведь запускает копье, словно дротик,
Рыжий, подобный Гераклу, мечом повергает возницу,
Так захватили они колесницу чудную, да с пленным,
Много врагов положив, древним героям подобны!

— О-о-о! — восхитились воины, — да ты Гомер, милетянин!

— Тьфу-ты... — отвернулся Медведь, — вот уж язык без костей...

— Для Гомера хиловат пока, — хмыкнул Кен, — ритм хромает местами.

— Командир, ты стал разбираться в поэзии? — заломил бровь один из педзетайров.

В дверях возник человек. Тяжело дыша, обвёл собравшихся мутным взглядом. Заметил таксиарха.

— Кен, насилу нашёл тебя! Царь зовёт!

Стратег поднялся и вышел вместе с посланником. Теримах тоже встал.

— И я пойду. Парни дораскажут остальное.

— Куда ты?

— К нашим палаткам. Вдруг, чего важного скажут. Видать, царь совет стратегов созывает.

Он удалился.

— Ишь ты, важное ему скажут, — хохотнул один из педзетайров, — прямо вот так царь зайдёт, по плечу хлопнет: "Хочу тебе, Теримах, важное сказать".

— Может и зайдёт, — серьёзно сказал старый, посеребрённый сединой ветеран, свидетель филиппова возвышения, — резво рыжий крыльями машет, высоко взлетит.

— Лоха-аг... — протянул с ноткой зависти в голосе другой воин.

9. Не может дружбы быть меж львом и человеком?

После переговоров, проведённых Верховным Хранителем, Мегиддо сдался на второй день, чего не ожидал никто. Город и воинства, запертые в его стенах, преклонили головы пред Двойной Коронай всего через шесть дней после великой битвы — в двадцать пятый день Ре-Нут-Тет двадцать третьего года Менхеперра.

Строй Хранителей и Храбрейших приветил песнью серебряных труб выходящих воинов Нахарина — сыны Та-Кем умели ценить достойного противника. Тем не менее, враг, даже поверженный, оставался врагом. Митаннийцы шли со своими знамёнами. Воины, которым из всей брони оставили только шлемы, потрясали мечами и топорами, и выкрикивали нечто воинственное. Несколько военачальников и высокородных выехали на колесницах.

Но копья, щиты, дроты, почти все луки, не скрывая ненависти, сыны Нахарина бросали под ноги победителей. Понутив головы, навстречу восьми тысячам, скрывшимся в городе, брели ещё тысяч пять их соплеменников, которым повезло гораздо меньше. Их угораздило оказаться на правом фланге прорыва Воинства Маат, после чего они попытались уйти на старую зефтийскую дорогу. Часть колесниц и кочевников преследовали их, а впереди бегущих встретило войско Тунипа. Узнав о пленении царя и его присяге Величайшему, они вначале побежали, но решили вернуться, выказав покорность. И успели-таки послужить Владыке Венцов — отборные, но измождённые боем и бегством воины Нахарина сдались, будучи запертыми в узком ущелье.

Эти, просидев пять дней связанными или в колодках, едва ковыляли. Вовсе без оружия — с них сняли все до медной бляхи. Остатки двадцатитысячного воинства Паршататарны уходили по дороге Тамашка, а ещё пять тысяч навсегда остались в земле Долины Врат.

В направлении шатра Величайшего выехали три колесницы и пара крытых повозок, сопровождавших молодого наследника Шаттивасу, третьего сына Паршататарны, "грозного именем, льва степей". Судя по всему, в отличие от погибшего в долине старшего брата, набальзамированное тело которого уезжало вместе с уходящим разгромленным войском, скромностью Шаттиваса не отличался. Он даже в роли заложника не желал расставаться с охраной, прислугой, наложницами и дорогой утварью. Ну да Апоп с ним — в Хазету князь пробудет недолго, зато от уплаты золота царь Нахарина не отвертится. И воины нескоро оправятся от страха, ран и позора, несмотря на всю торжественность их ухода.

Воины Халепа, зная, что их царь приглашён в шатёр фараона для заключения союза, стояли при оружии и потешались над позором митаннийцев и, особенно, войск Кадеша. С теми и другими у войска Града-на-скале накопились свои счёты, а Тутимосе нужна была надёжная опора у границ Страны Рек, и вечная угроза ослабевшему Кадешу.

Несколько тысяч воинов Баалшур Сипиша, сбежавшего из Мегиддо в ночь перед сдачей, разоружали и обыскивали. Затем, связывали сначала попарно, а после ещё раз — весь строй одной толстой верёвкой. За шеи, как баранов. В кучу сбивались заложники, оставленные царями мелких городов фенех, которым, помимо зарока верности, надлежало заплатить выкуп. От одного освободили Берити, из воинов которого тщательно отобрали гребцов и воинов царских ладей, посулив немалую плату за найм.

Цари Угарита и Тунипа, так же избавленные от выкупа, ликовали, не зная ещё, какая угроза нависла над их городами. Всех уцелевших воинов Арвада освободили, а с их царя

потребовали лишь преклониться перед двойной короной, да платить ежегодную дань. Это удивило многих воинов Священной Земли. Даже Нибамен роптал:

— Я понимаю, что Ранеферу нужен второй Град-на-острове, но никогда не поверю, будто горстка трусов, стопы которых мы рассмотрели во всех подробностях, как-то смогут предотвратить или хотя бы отсрочить его падение.

Однако мнение Величайшего на сей счёт не изменилось.

Отдельно, спеша выстроиться в походный порядок, вслед за основными силами Воинства Маат, стены Мегиддо покинули пять сотен бойцов Ашшура. Сотню конных, возглавляющих отряд, вёл высокородный Ишгартубал в тяжёлой золочёной броне. Его верный вороной Нергал^[117] гордо вышагивал под всадником. Воины Ашшура отвечали звонкой песнью бронзы на серебряные трубы сынов Та-Кем.

Утром следующего дня, собрав от нескольких деревень с полсотни тысяч крестьянских семей, всех попавшихся ремесленников, многие тысячи голов скота, пленных, числом в тридцать сотен, золото и серебро, как захваченное в битве, так и полученное в качестве выкупа, бесчисленное оружие, восемь сотен колесниц и свыше двух тысяч коней, Воинство Маат двинулось к Хазету.

Через три дня, прибавив к добыче, и без того немалой, дань покоровшегося Таанаха, разноцветная змея, с бронзовой головой и кончиком хвоста, вытянувшаяся на полтора итеру, достигла Иоппы. Почти все пленники, скот и крестьяне, задерживавшие колонну, были погружены на несколько десятков кораблей Та-Кем и Фенех и те ушли прямо в Бехдет под защитой отряда боевых ладей. Хранители, попеременно едущие на колесницах, наёмники и союзники, заложники и высокородные пленники со своими колесницами и повозками, могли двигаться вдвое быстрее, что для Ранефера было куда важнее торжественного прибытия с бесчисленной добычей. Выйдя из Иоппы ещё затемно, отряд достиг Хазету к вечеру второго дня.

Подъезжая к городу, Ранефер заметил в бухте громаду "Звезды обеих земель", ещё с десяток осадных, включая три сдвоенные, и немало лёгких боевых кораблей Великой Зелени. И полсотни, если не больше, кораблей, мало отличимых от царских ладей фенех, только много крупнее и с двумя-тремя рядами весел. Верно, тот самый флот Знаменосца Энила, взятый Анхнофрет без боя.

Среди кораблей Гостей один сильно отличался от остальных: массивный, трёхрядный, увенчанный высоким рогом на носу и рыбьим хвостом на корме. В нём смутно угадывались черты, присущие ладьям пиратов-акайваша.

Серебряные трубы колесничего отряда, вышедшего из врат Хазету, поприветствовали Воинство Прекраснейшей. Трубы Хранителей откликнулись протяжной песнью.

Ипи Ранефер приказал вознице гнать, и его хевити, когда-то нарядная, украшенная позолотой, а ныне несущая на себе множество отметин вражеских копий и стрел, помчалась к встречающим.

Ещё издали Верховный Хранитель узнал молодого Знаменосца Нибамена, сына Нибамена (кого для того, чтобы не путать с отцом, гораздо чаще называли вторым именем — Нимаатра), Анхнофрет, Ранеба, Тутии и какого-то незнакомого вельможу, по виду — из народа фенех. Не так трудно было догадаться, что это и есть тот самый Энил — удачное приобретение высокородной Хранительницы, возлюбленной Величайшего. Воистину, не зря Анхнофрет зовут Ядовитым Цветком Тростника^[118].

— Да живут вечно достойнейшие! — Верховный Хранитель Трона приветствовал

встречающих первым.

Сановники Священной Земли хором ответили ему и поклонились. Только Энил замешкался, отчего его приветствие, слишком подобострастное и нелепое, вызвало непринуждённый смех. Ипи, уставший от напряжённой и наигранной церемонности, равно, как и от напускного высокомерия — поведения вынужденного среди военачальников, а, паче того, сотников и чужеземных послов, расслабился. Впервые за долгое время он находился среди своих. Эти люди (с некоторыми он рос, кто-то был его учителем) — куда ближе ему, нежели Первые Мечи Величайшего. Впрочем, именно Тутимосе и, конечно, царственной Мерит-Ра не хватало, дабы позабыть свои скипетры и мечи, и вспомнить старые, пусть не всегда добрые времена, со сладкой, подобно финиковому вину, похожему в свете Атума на расплав золота, светлой тоскою.

Нимаатра, заметив отрешённую улыбку Ипи, понял, что Верховный Хранитель замечтался и поспешил вернуть его:

— Достойнейший Ранефер, слава ваших с Величайшим побед бежит впереди Воинства Маат, сотрясая троны. Отряд ладей с добычей и пленными, заходил в Хазету, и мы узнали многое... — Знаменосец улыбнулся и тихо добавил, — я понимаю, что ты устал. Две тяжких битвы... Однако, тому же Ранебу пришлось не слаще. Понимаю, что оказавшись среди друзей, ты немного обмяк, и желаешь только беседы за чашей. Нам и вправду многое нужно обсудить. Ныне, с явлением Гостей, каждое твоё слово, равно, как и слово Ранеба, Тутии, Анхнофрет — весомо, как десяток хека золота.

— Верно, достойнейший Ранефер, поспешим! — Анхнофрет поклонилась Верховному Хранителю, да, не медля, приказала развернуть к городу свою колесницу.

— Да, Ипи, — Ранеб всегда по-простому обращался к обоим своим ученикам в морском деле, не взирая на их происхождение и титулы, — мне нужно сказать тебе многое. И мы, все мы с нетерпением ждём твоих слов.

— И да будет так достойнейшие! — Ранефер кивнул, — поговорим на "Звезде Обеих Земель"...

— Да уж, — негромко пробормотал Энил, — хотелось бы мне побывать на этом чудевище.

— Думаю, достойный Энил, — Ипи улыбнулся не без гордости, заодно отметив, что с личностью неведомого финикийца он не ошибся, — тебе будет бесполезно осмотреть её.

Ранефер окликнул Анхнасира, колесница которого немедля подъехала.

— Прикажи разместить заложников и высокородных пленников, в том числе того акайвашта, которого взяли с Аристоменом, в лучших домах города. Хозяевам уплатить, сколько запросят. Много охраны не ставь. Дай Хранителям хорошо отдохнуть, пусть им подадут вино и лучшую пищу. Посменно. За наёмниками пусть приглядывают. Кроме воинов Ашшура — за них ручается наш друг Иштартубал. Прикажи выпрячь коней и снять с них броню. Колесницы осмотреть хорошо, но перебирать и переделывать их будем уже в Бехдете. Поручи сие достойному Нахтра, дав свою печать. А сам с парой Хранителей прогуляйтесь с нашим гостем по городу. Покажи Аристомену осадные лады. Пусть обязательно осмотрит "Пчелу и Осоку", — Ранефер улыбнулся и добавил, — я видел, как он разинул рот, когда пялился на "Звезду". Не скрывай от нашего гостя ничего, но не объясняй подробно, впрочем, ты сам поймёшь, о чём лучше промолчать.

— Конечно же, достойнейший, но... — поверенный замялся, — Верховный Хранитель сам сказал мне, что, скорее всего, пришелец с Нижнего течения, сразивший праведногласого

Аннуи — лазутчик, и я разделяю твоё мнение.

— Ну и что, достойный Анхнасир? — Ипи пожал плечами, — о наших тайнах он не узнает, но наша мощь подавит его Ка и поразит разум. К тому же — бежать он не сможет, да и куда? Пока что, он будет учителем нового языка акайвашта. А потом — одним из моих посланников к Великому царю Александру.

Энил, прислушивавшийся к словам Ранефера, не смог уловить в них и тени иронии. Ипи, между тем, продолжал:

— И мне нужно, чтобы он знал, каковы наши ладьи и осадные луки, видел мощь наших воинств, неприступный с моря Бехдет и Пер-Маат на Алаши и несокрушимую твердыню Джару и Стену болот. Впрочем, величие и роскошь Уасита Аристомену тоже не помешает увидеть, но это после.

— Будет исполнено, достойнейший! — Анхнасир поклонился и указал вознице разворачиваться.

Колесницы Ранефера и высокородных встречающих, выстроившись одна за другой, помчались к вратам Хазету.

Атум-Ра ещё не коснулся Зелёных Вод, но уже рассыпал по волнам золотую пыль. Небольшая ладья остановилась у борта "Звезды Обеих Земель", с которой уже спустили парадные, украшенные резьбой, медью и золотом сходни.

Несколько человек поднялись на борт осадной ладьи и воины Тетнут и Себека не медля приветствовали их молчаливым поклоном, хотя признали только троих.

Ранефер заметил, с каким восхищением Энил смотрел на таран ладьи, "царственный лотос".

Похожий на меч, укреплённый на дышле колесницы-хтори, "лотос" располагался поперечно волнам. Нижний край его уходил под воду.

Первой ладьёй, снабжённой таким тараном, стала "Мерит-Ра, выходящая в лучах Хепри". Нимаатра, построив "Звезду", повторил идею Ранефера. Как-никак, "Звезда" — личная ладья Величайшего^[119], хотя Тутимосе восходил на её борт раза три, не более. Все более поздние ладьи стали оснащать оным тараном, за исключением посвящённых Храмам и оплаченных ими же.

— Нибамен, — шепнул Ипи, — ты установил на "Звезде" мои новые осадные луки с поперечными рессорами?

— Конечно, Ипи, — Нимаатра даже удивился, — это же ладья Величайшего, ей должно быть оснащённой лучшим оружием!

— Достойнейшая Анхнофрет, — на этот раз Верховный Хранитель сказал в полный голос, — не покажешь ли ты корабль нашему гостю? Как я понял, он в этом весьма заинтересован.

— Конечно.

Анхнофрет повернулась к Энилу и предложила начать осмотр, но он, обозревая горизонт, казалось, не слышал её слов. Мысли финикийца были слишком далеко.

Тот самый Ранефер... Ещё мальчишка, но... Энил бывал в Цоре и видел Стелу Царей, установленную египтянами в незапамятные времена. Тогда это была древность... Ныне же — сегодняшний день. Да, мальчишка. Но Анхнофрет рассказала ему, что Ранефер взял Цор в семнадцать лет, истребив его флот и союзные флоты Гебала с критянами. Понятно, что с

такими ладьями, сеющими огонь, ему не составило с том никакого труда. Тогда же "рыболов Нетеру, сеть которого тянется от Шарден до Элама" и велел поставитьobelisk.

Энила не слишком заботила угроза жрецам Тиннит и Баала, и список царей не особенно волновал. Однако навсегда врезалась в память надпись на третьей стороне:

"Благо вам, цари Славного Тисури будет под сенью Короны Сома, и защита — твердая длань Величайшего. Крыла Вселадычицы да хранят Град-на-острове, царей его, торговцев его, мастеров его, воинов и моряков его. И да даруют Нетеру вам богатства и процветание, столько, сколько идёт по Реке Ладья Миллионов Лет. И всегда Владыка Венцов дарует защиту вам, придут великие воинства, дабы сокрушить любых хазетиу, от Хатти до Элама, лишь позарятся они на Тисури — цветок Зелёных вод, украсивший Двойную Корону. И великие ладьи истребят любых пиратов, сколько бы ни было их числом. И Хранители Трона поразят врага, едва умыслившего против вас. Но не впустите змея предательства, Апопу подобного, в Абу своё, а если случится сие... Трепещи, Град-на-острове, ибо конец твой близок! Придут кочевники под стены твои с востока, дабы разорить виноградники. Обрушится с моря огонь неугасимый на дома и храмы твоих мерзких богов. И предадут ладьи твои огню и воде, и рухнут башни твои. И сынов Фенех поразят стрелы Чёрной Земли, и дочерей Тисури возьмут силой пираты северных островов и стран, и рухнет корона твоя к подножию Трона, ибо ты испросишь дыхания у Владыки Венцов, но станет вино в твоей чаше отборным ядом. Нетеру свидетели!"

Пути назад нет. Хотя... Ранеб прорвался, даже привёл с собою ладью, явно из отряда мерзавца Адар-Мелека, предавшего Энила и оставшегося с Александром. Теперь ублюдок наверняка примеряет свою поганую задницу к трону Гебала. Корень ослиный ему промеж ляжек, осадную стрелу с неугасимым огнём, а не трон. Да, видать неплохо потрепали египтяне предателя. Наверняка досталось и критянину, возмнившему себя флотоводцем просто по праву рождения.

Ранеб, удручённый потерями, на вопросы Энила отвечать не стал, отмахнулся:

— Сколько бы этих корыт, — Знаменосец указал на захваченную пентеру, отчего Энил едва не поперхнулся, — мы не сожгли, да не отправили ко дну, "Себек-Сенеб" из объятий Тетнут сие не поднимет.

Зато Тутии, смеясь над "глупцами-акайвашга", рассказал, что те рванулись через отмель между Цором и Ушу, и сами разбились несколько кораблей.

Огненосные машины египтян не отличались размерами и сами по себе не впечатлили Энила, он и покрупнее видел. Но их было так много, что финикиец волей-неволей задумался: как же противостоять такой мощи?

Царь Гебала немало знал о времени Менхеперра. То, что фараон двадцатью тысячами сокрушил в пять или шесть раз превосходящее войско, оказалось не выдумкой летописцев. Теперь выходит, что Ранефер уже и самого Александра проучил. Все это ещё больше убеждало Энила в том, что не иначе сам Баал-Хаммон надоумил его выбрать правильную сторону. А если подтвердилась история Мегиддо, не стоит и сомневаться в исходе битвы при Каркемише...

"Постой-ка", — царь мысленно обратился сам к себе, — "в этом мире до битвы при Каркемише и взятия сего города ещё несколько лет, и если я предложу... Они заплатят столько, сколько попрошу".

— Царственный Энил! — Анхнофрет прокричала едва не в ухо царю Гебала, дабы вывести его из оцепенения.

— Что, достойнейшая? — финикиец вздрогнул, оглядываясь, как будто его мысли могли услышать.

— Нибамен и Ранефер попросили меня ознакомить тебя со "Звездой Обеих Земель", её оружием... и многим другим, — Анхнофрет невинно улыбнулась, видя, как загорелись глаза Энила.

— Да-да, конечно...

— Почтенный Энил, — задержал царя Ранефер, — я знаю, что Анхнофрет установила на семь твоих ладей по несколько осадных луков.

— Так и есть.

— Лучники твоих ладей, не в обиду, никуда не годятся. Они пока не смогут обращаться с нашим оружием.

— Достойнейшая Анхнофрет уже доказала мне это, — Энил понимал, куда клонит Ранефер, но решил ему в том не препятствовать. Он уже выбрал сторону. И сам Баал велел царям Ханаана быть на стороне победителя. Не доверяет ему правая рука фараона? Скоро его сомнения рассеются.

— Нибамен привёз с собою много отборных лучников и воинов Та-Кем, привычных к морскому бою... дабы заменить твоих людей.

Реакция Энила удовлетворила Ипи. Все понимает. Нет у него другого пути. Со всем согласен, все условия выполнит. Если не давить сверх меры.

— Я понимаю, ты не считаешь моих людей надёжными. Нахожу твоё недоверие справедливым, но все же удивлён — ты хочешь оставить на кораблях половину моих воинов, хотя мог бы заменить всех. Почему?

— Как почему? — удивился Ранефер, — чтобы достойно обучить их! Сражаться в пластинчатой броне. Ты видел её у воинов Нимаатра и Ранеба? Быстро избавляться от доспеха в воде, дабы не пойти на дно камнем. Работать с тяжёлым щитом, хопешем. Я буду строить новые ладьи, достойный Энил. Изучая и улучшая твои. Для этого, продай мне одну, да помоги корабелям её разобрать.

Продай... Как будто он не можешь взять даром...

— Я понял тебя.

— Ну что же, царственный Знаменосец, не буду более задерживать вас с Анхнофрет. Как закончите, присоединяйтесь к нам. И ещё, — Ранефер снова придержал финикийца, — я хочу, чтобы ты знал, царственный Энил, что на службе Священной Земле ты, потерявший трон по воле Владычицы Истин, не останешься внакладе. В мире, достойнейший, много непрочных стоящих тронов...

Совет начался перед самым заходом Ра. Ипи вкратце рассказал о случившемся в Долине Врат. После потребовал от Тутти и, особенно Ранеба, подробностей боя в Ушу и прорыва из Тисури. По ходу рассказа Нимаатра и Ранефер несколько раз уводили разговор в детали устройства ладей акайвашта, рассматривая наскоро набросанные рисунки.

Ипи чертил. Нимаатра смотрел и время от времени высказывал замечания:

— Сломается здесь. Лучше вот так. Пять человек на одно весло? Не получится. Три — ещё куда ни шло.

— Получится, — уверенно заявил Ранефер.

— Не сделать такое весло. Будет слишком толстое. Руками не охватить.

— А мы поступим вот так, — несколько уверенных штрихов и Нимаатра, поморщив лоб, вынужденно согласился.

Ипи утвердил за Ранебом титул Знаменосца земель Ре-Тенну, Фенех и Яхмада. Не переставая чертить, Верховный Хранитель обсудил с ним необходимое количество высушенного кедра для постройки ладей нового образца, надёжных, хорошо вооружённых, и способных не только выдержать волны в начале сезона Засух в Зелёных водах, но и дойти до Бабили, и даже до Пунта.

Энил, позабыв о необходимости сохранять царственную невозмутимость, вытянув шею, заглядывал на папирус Ранефера, где рождалось нечто, восхитившее царя Гебала и изумившее его до глубины души.

"Боги, он поистине великий человек, этот побратим фараона. Ведь так до сих пор никто не строил. Он придумал это сейчас, посмотрев на мои корабли. Неужели получится? Если бы мы... Всемогуший Баал, каких же пределов достигнет мысль египтян, когда они постигнут все тайны, что ты соблаговолил принести вместе с нами из грядущего в сей мир? И каким он теперь станет?"

Наконец Нимаатра заметил, что Ипи едва ли не падает со скамьи от усталости, ибо путь был долгим, и предложил закончить беседу.

Уходя, Энил подумал, что о Каркемише он поговорит позже. Золото нередко надёжней стрелы, яда, ладей и колесниц. А нужное слово часто дарует победу. В этом сила слова. И слабость. Царь Гебала выбрал правильный путь. Что он получил бы, служа Александру? Яваны слишком сильно опьянены своими победами. Они полны презрения к иноплеменникам, а их царь зачастую слеп в безудержном гневе. А на службе Менхеперра?

"Не останешься внакладе".

Энил ещё не знал, что его персону Ранефер успел навязать в соправители царю Арвада. Впрочем, дабы сохранить свободу, воинов, и золото, этот царёк готов был взять в соправители хоть Апопа.

Когда все разошлись, Ипи, не спеша, завершил чертёж новой ладьи, и, пока любовался им, незаметно сам для себя уронил голову на руки и уснул.

— Прибыла ладья... На ней твоё знамя, Ипи.

Знакомый голос... Любимый голос...

— Хепри уже взошёл.

— Да славится в вечности Прекраснейшая Владычица! — пробормотал Ипи сквозь сон.

Звонкий смех.

— Я знаю, что для тебя всегда буду прекраснейшей, но почему ты меня зовёшь Владычицей? Конечно, пусть не Вечности и не Двух Истин, а только Священной Земли, но...

— Мерит! — Ранефер мгновенно очнулся, увидев царственную сестру, присевшую рядом, и попытался встать.

— Не нужно, Ипи. Не вставай, — Правительница склонилась на грудь Хранителя, провела рукой по волосам, — мы не виделись так давно...

— И я не надеялся увидеть тебя скоро. Столько всего случилось...

— Знаю, Ипи.

Владычица Обеих Земель пристально посмотрела в глаза брата.

— В Бехдете, в древнейшем Храме Всевадычицы, что пережил Волну Апопа, и незапамятные времена смывшую города, где правили потомки Нетеру, Маат Нефер-Неферу даровала мне Истину. О том, что хватит нам жить под гнётом тяжкой неизбежности.

— И мне было даровано, царственная сестра, — Ипи Ранефер улыбнулся, — нам нужно

ТОЛЬКО...

— Нужно лишь взяться за весла Ладьи, Ипи! Взяться за весла и...

Ранефер не дал сестре договорить, замкнув её уста поцелуем.

* * *

Даже перед Иссом Александр не устраивал совет с таким количеством участников. В самом большом зале царского дворца Града-на-острове собрались не только военачальники. Присутствовали: прорицатель Аристандр, главный механик Диад, историк Каллисфен. Последний приходился племянником Аристотелю и состоял в царской канцелярии, занимаясь, вместе с Эвменом, землеописанием и составлением дневника похода. Пригласили командиров сидонян, начальников союзных киприотов. Даже посольства некоторых эллинских полисов, которых Событие застало в осадном лагере.

Царь взял слово:

— По всему лагерю бродят слухи, сплетни и пересуды, один другого сказочнее. О причинах случившегося говорить будем отдельно и не сейчас. Все войско перенеслось на двенадцать столетий в прошлое. Это установлено точно. Вокруг нас совершенно чужой мир, наша память о котором скупа и отрывочна. Есть ли способ вернуться обратно, — Александр посмотрел на прорицателя, тот покачал головой, — мы не знаем.

По залу прокатился вздох. Многие, и среди них даже весьма трезвомыслящие, до последнего питали робкие надежды, что "вот вернётся царь и все образуется", но слова Александра словно крышку погребальной урны захлопнули.

— Скорее всего, мы уже никогда не увидим родины, отцов и матерей. Не обнимем своих детей. Для них мы мертвы. Но даже не это страшно. Двенадцать столетий... — взгляд царя коснулся Каллисфена, — весьма вероятно, что не родились мои предки, Ахилл и Геракл. Ахейцы не помышляют о войне против крепостенной Трои.

Большинство присутствующих прятали глаза, переживая, каждый про себя, общую, но такую личную трагедию. Многие, за дни, прошедшие с момента События, уже успели смириться, и вот теперь царь растеребил рану. Некоторые только сейчас в полной мере осознавали, что произошло.

Царь долго беседовал с Аристандром, допрашивал финикийских и египетских жрецов. Кое-кого с пристрастием. Некоторые из "пурпурных" держались высокомерно, запугивая Александра всевозможными карами, какие Баал ещё припас на его голову.

"Баал-Хамон всемогущ! Только тронь нас, нечестивец, и узнаешь, что ты — лишь червь!"

Им свернули шеи. Дождь из серы на голову святотатца проливаться не спешил.

Египтяне вели себя не столь высокомерно, не разбрасывались пустыми угрозами, но тоже стояли на своём:

"Воля Триединого и Владычицы Истин. Никто из смертных не в силах противиться".

Никто не в силах... Жрецы не были способны на чудо. Как и Аристандр.

"Смирись".

Друзья и ближайшие военачальники с опаской смотрели на царя, но знакомого белого пламени в его глазах не появлялось. Александр был внешне спокоен, собран, деятелен.

Несколько дней пролетели в непрерывных совещаниях со стратегами.

В деталях разбиралось сражение на пустоши, бой с кораблями египтян, схватка в порту Ушу. Александр жадно, как губка, впитывал все сведения о новом противнике.

— Смотри, царь, — говорил Ликон, начальник критских лучников, показывая Александру египетскую стрелу, — тростинка, древко втрое легче деревянного. Не нужно много усилий тратить, чтобы спрямить его. При этом оно не коробится от влаги. В полёте стрелу не закрутит, потому египтяне не используют большое оперение. Стрела летит дальше и точнее. Наконечник тяжелее наших, щиты пробивает навывлет. И луки их помощнее будут, при этом выбираются легко, до плеча, не до груди. Самолично опробовал те, что захватили. Луком у них чуть ли не каждый воин вооружён...

— Они, Александр, — рассказывал Неарх, — избегали столкновений. Пытались уклоняться и жечь нас стрелами, снабжёнными каким-то горючим составом. Не просто сера и смола, как у нас. Что-то другое. Тушить гораздо тяжелее. Если бы в проливе места побольше, мы, наверное, даже бы приблизиться к ним не смогли. Они, видать, как скифы воюют, стреляют да отходят. А бьют много точнее, хотя и не так далеко, как мы. Я рассмотрел, у них в машинах не волосяные канаты. Гибкая бронза. Не отсыревает и не сбивает прицел.

— Мужики все рослые, мощные, — вспоминал Птолемей, — и не мудрено — вон, сколько бронзы на себе таскают. Строй держать умеют, но не слишком им дорожат, когда атакуют, вся их фаланга сразу рассыпается. Но бьются, как "бессмертные" Дария, будто в каждом по Аяксу сидит. Пока одного такого завалишь, семь потов сойдёт. Персы, сам знаешь, в единоборстве сильны. Если бы им такую броню, как у этих египтян, мы бы с ними долго возились. Мечи ещё у варваров жутковатые. Щиты крушат в лёгкую, а тупятся еле-еле. Сам посмотри. Вдвое тяжелее наших, махать устанешь. Верно говорили, в старые времена не люди — титаны были.

Александр слушал, внимал, мрачнел. Он не обманулся той лёгкостью, с которой сам одолел бестолковую толпу конных варваров, разбежавшихся от одного пинка. Оценив после битвы потери, расспросив Птолемея и прочих начальников, понял, сколь сильного противника встретил. Новый враг — не чета Дарию, царь все больше укреплялся в этой мысли. Но одновременно по жилам растекался огонь: вот он, его собственный Гектор.

Эвмен, раскрывая одну за другой восковые таблички, бесстрастно докладывал о состоянии дел. Количество воинов, гребцов, слуг, ремесленников и прочего люда прибавшегося к армии. Число кораблей, лошадей. Запас продовольствия. Казна.

— Н-да... — только и смог вымолвить Парменион.

Александр посмотрел на него, потом встретился с озабоченными взглядами Гефестиона и Птолемея. Почти сто тысяч человек, из которых воинов менее половины, нужно чем-то кормить. Каждый день. Подвоза продовольствия из городов, оставшихся за спиной, больше не будет. Сидон, Библ и Арад слыхом не слыхивали про Александра.

Не будет новых воинов из Македонии и с мыса Тенар^[120]. Четыре тысячи наёмников, которые прибыли в лагерь всего за несколько дней до События — последние эллины, пополнившие войско. Потери не восполнить.

На юге — грозный противник, это уже понятно всем. А на севере, востоке?

— Там царство хеттов. Оно расположено там же, где в нашем мире Каппадокия, — сказал Адар-Мелек, — ещё, припоминая, было обширное царство Ханигальбад^[121], где-то на месте Мидии. Оба — давние соперники Страны Реки.

— Насколько они сильны?

— Наверное, сильные. Фараоны много воевали с ними. Прости, царь, я мало знаю об этом. О столь древних временах больше знал Энил.

Царь задал ещё несколько вопросов, но ответы финикийцев его не удовлетворили. Он узнал, что летописи "пурпурных" повествуют о временах фараона Менхеперры, но из присутствующих их мало кто читал. Угодившие в одну лодку с македонянами высокородные хананеи, в юности, когда наставники и воспитатели внушали им почтение к деяниям предков, не слишком утруждали себя запоминанием жизнеописаний царей, кости которых давно рассыпались в прах. Зачем им, купцам, каждый из которых немножко воин и воинам, каждый из которых в большей степени купец, помнить содержание присыпанных пылью веков клинописных табличек? Более-менее внятно они могли рассказать о временах падения Ашшура, но не ранее.

Александр скрипнул зубами. Эвмен подумал, что надо обязательно расспросить Дракона и попенял сам себе, что не догадался поинтересоваться раньше о том, какие государства окружают Финикию сейчас.

Царь медленно обвёл взглядом присутствующих. Полководцы и советники, переглядывались и молчали. Парменион вздыхал: было видно, что он хочет высказаться, но не решается, опасается, что вновь не угодит Александру.

Царь видел страх на их лицах. Ещё недавно это зрелище казалось невозможным. Даже тогда, когда все огромное войско Дария развернулось пред ними на правом берегу Пинара, в глазах македонян и эллинов светилась решимость и уверенность в своих силах. Александр не сомневался, что каждый воин в тот день готов был повторить на новый лад слова, ставшие притчей во языцех в эллинском мире: "македоняне не спрашивают, сколько их"^[122]. Персов в два раза больше? Да хоть в три!^[123]

Но сейчас все иначе. Они слепы и глухи. Они бредут в тумане, не видя вокруг дальше, чем на расстояние вытянутой руки. За спиной пропасть, впереди неизвестность. До сих пор они верили каждому слову сына Филиппа, и он ни разу не подвёл их. Поверят ли сейчас, если он отдаст приказ продолжить поход?

А зачем его продолжать? Какова цель?

Мсть за персидское нашествие? Сейчас в этом нет смысла.

Слава? На родине не споют о них песен. У них нет больше родины.

Добыча? Добыча хороша, когда с ней есть куда возвращаться, где ей можно вдоволь насладиться.

Сил хватит только на один единственный удар. Но ведь так уже было, идя в Азию, он сжёг все мосты. Конечно, в случае неудачи, он мог отступить, но не стал бы этого делать. При Гранике персы не увидели бы спины Александра. Победа или смерть. Все или ничего.

Тогда, в начале похода, казна была истощена. Баснословные деньги взяты в долг у храмов (больше всего вложился в небывалое предприятие богатый храм Аполлона Делосского). Длительная война невозможна. Всех сил — лишь на один удар. И этого оказалось достаточно, чтобы выбить у персов землю из-под ног.

Можно ли победить Египет одним ударом? *Этот* Египет? Можно ли войти дважды в одну реку?

Александр до боли в костяшках пальцев сжал подлокотники кресла. Он не слеп и не глух. Он не дурак. Это не персы.

А надо ли сражаться? Ведь ясно же — произошло недоразумение. Можно послать послов, решить дело миром. Тот египтянин до последнего пытался избежать кровопролития...

Допустим, будет мир. На каких условиях? Вернуть захваченный Тир? А дальше что? Куда идти?

"Я предлагаю тебе доход постоянный. Тебе, достойнейший, Менхеперра дарует двадцать хека золота, а твоим советникам и военачальникам по пять..."

Царь дёрнул щекой.

Ну, уж нет!

"Как невозможны меж львов и людей нерушимые клятвы,
Как меж волков и ягнят никогда не бывает согласия,
Друг против друга всегда только злое они замышляют.
Так и меж нас невозможна любовь; никаких договоров
Быть между нами не может, покуда один, распростёртый
Кровью своей не насытит Ареса, бойца-щитоносца.
Все добродетели вспомни: ты нынче особенно должен
Быть копьеборцем искусным и воином с духом бесстрашным.
Бегства тебе уже нет..."[\[124\]](#)

"Если мне будет угодно взять в жёны дочь Дария, он сам явится ко мне, дабы я оказал ему милость и честь этим браком! Никаких переговоров более! Пусть приходит. Пусть склонится передо мной..."

Это наказание за гордыню. Завистливы боги эллинов к славе смертных. Никаких переговоров... Теперь он сам оказался на месте Дария.

"Ты считаешь себя непобедимым? А не хотел бы ты встретиться с равным? Или с тем, кто... сильнее тебя?"

Ну что же... Пока никто из смертных не одолел его. Он примет вызов. В сущности, он не потерпел поражения, лишь наткнулся на препятствие. Такое уже было, когда дела на севере и юге вынудили его на год отложить выступление в Азию. Итак, препятствие. Стена. Если стену нельзя взять штурмом, начинают осаду. Умный полководец первым делом обезопасит свой лагерь от вылазок защитников, возведёт надёжный палисад. Вот и Александру нужен такой палисад. Нужен мир. Сейчас. А там...

"Так и меж нас невозможна любовь; никаких договоров..."

А там — посмотрим.

— Продолжение похода невозможно, — прозвучал в тишине голос Александра.

Вздых прокатился по залу.

— Противник силён, — царь вынужден был повысить голос, — но о подчинении ему не может быть и речи! Мы не уподобимся трусливым псам, поджимающим хвост при виде хозяина с палкой! Верно, никто из людей не мог победить вас, македоняне, эллины, лишь богам вышло по силам привести вас в смятение! Но и смертные одолевали богов! Вспомните Диомеда, от которого бежал сам Эниалий!

Полководцы заговорили все разом. Голоса, сначала не слишком уверенные, становились

все громче. Александра хлопнул ладонью по столу, вызывая к тишине.

— Урагану не свалить дуб, пока тот жив и крепко цепляется корнями. Нам нужны эти корни. Мы потеряли родину, но мы создадим её снова!

— Где, Александр? — выкрикнул Филота.

— Здесь, конечно, — ответил Кратер, — город великолепно укреплён. Подлатаем стену, любой зубы обломает!

— У египтян сильный флот, — возразил Парменион, — победа над несколькими кораблями встала дороговато. Наверняка варвары вернутся в куда больших силах. Шинбаал говорил, что их страна многолюдна и очень богата, а нам потери восполнить нечем.

— Оставаться в Тире нельзя, — согласно кивнул Гефестион, — они нас тут запрут. Продовольствия хватит всего на несколько дней.

— Вырвемся, — уверенно заявил Мелеагр, — на суше они нас не одолеют.

— Уверен? — прищурился Птолемей, — боюсь, будешь очень удивлён.

— Тир придётся оставить, — сказал Александр, сам удивляясь своим словам.

— И куда идти? — спросил Филота.

А действительно, куда?

Несколько эвменовых писцов, сидя вдоль стен, заносили ход совета на восковые таблички. С ними находился и начальник канцелярии. Незамеченный посреди всеобщего шума и гама, кардиец подошёл к царю и, склонившись к его уху, произнёс несколько слов. Царь посмотрел на него с недоумением, потом, вытянув шею, отыскал глазами Пнитагора.

Киприот, ни на кого не глядя, уперев взгляд в стол, нервно крутил пальцами монету.

— Какой смысл? — спросил Александр Эвмена.

— Видать такой же, какой нашёл для себя Энил.

— Надеялся, что там все, как и прежде?

— Такова натура людская, — ответил Эвмен.

Царь некоторое время не говорил ни слова, скользя взглядом по лицам финикийцев и старших командиров пнитагорова отряда. Потёр пальцами гладко выбритый подбородок. Посмотрел на Гефестиона, сидевшего по правую руку.

— А ведь это мысль...

— О чём ты, Александр?

Царь ответил не сразу. Перевёл взгляд на Птолемея, потом снова на Гефестиона.

— Кипр.

— Что?

Парменион, что-то рассеянно объяснявший Филоте, резко повернул голову к царю.

— Кипр, — повторил Александр.

— А ну тишины! — крикнул Парменион, пристав со своего места, — слушайте, что говорит царь!

Александр откинулся на спинку кресла.

— Чтобы прочно встать на ноги в этом мире, нам нужна передышка, место, где мы сможем выиграть время, прийти в себя, собраться с силами. Ни один из финикийских городов таковым местом быть не может. Но может Кипр.

— Верно, — закивал головой Парменион, — на Кипре нас будет сложно захватить врасплох.

— Воистину, царь, ты мудр! — воскликнул Пнитагор, который при первом же упоминании своей родины вскинул голову и теперь жадно внимал каждому слову

Александра, — Кипр богат корабельным лесом и медью. Не найти места лучше!
— Но беден пастбищами и плодородной землёй, — возразил Адар-Мелек.
— Хлеб добыть нетрудно, — сказал Неарх, — остров лежит у торговых путей.
— Это *там* возле него идёт оживлённый торговый путь, — упрямо мотнул головой финикиец, — а здесь?

— Вспомни, царь, сказания о Миносе, о владыках Крита, — подал голос Каллисфен, — они от начала времён славились, как опытные мореходы, торговавшие со многими странами. В том числе и с Египтом.

— Да, я уже видел здесь, в Тире, купцов, обликом не схожих ни с египтянами, ни с финикийцами.

— А не кажется ли вам, — вновь заговорил Кратер, — что мы делим шкуру неубитого кабана? Вдруг и там сильное царство?

— Это несложно выяснить, — Александр посмотрел на Эвмена.

Тот не говоря ни слова, кивнул.

Стратеги воодушевились, обсасывая брошенную царём кость. Кто-то, не очень уверенно, предложил вернуться в Элладу. Идея не нашла поддержки, все понимали, что путь слишком долог и проходит по землям, теперь совершенно неизвестным. Да и что там, в Элладе, хорошего? Мать с отцом не встретят.

А вот Кипр... Кипр — это совсем другое дело.

Лицо Александра просветлело, он отпустил с совета финикийцев, киприотов и всех невоенных, повелел привести пленённого царя Тира.

Через час, допросив Шинбаала, македоняне выяснили, что на Кипре властвуют сразу несколько царей. Самый значительный из них, Тиунеа, правит городом Алаши (так называли и сам остров).

— Насколько он силён? — спросил Парменион.

— Не слишком, — ответил Шинбаал, — он даже не вполне самостоятелен. Цитанта, царь хатти, приставил к нему своего наместника. И вообще на Алаши много поселений хатти.

— Значит, все прочие цари ещё слабее, — удовлетворённо отметил Александр.

Шинбаал явно хотел что-то ответить на это, но, сдержавшись, промолчал. Однако его первоначальный порыв не скрылся от глаз Эвмена.

— Полагаю, достойный Шинбаал, рассказал нам не все, — заметил кардиец.

— Если это так, не стоит запираяться, — сказал Александр, сдвинув брови, — мы всё равно узнаем истину. Ты здесь не единственный, кто сможет нам её поведать.

Шинбаал вздохнул. Они правы. Его молчание бессмысленно.

— На Алаши так же есть торговые поселения выходцев с острова Кефтиу. И крупный, хорошо укреплённый порт Священной Земли, Пер-Маат.

Парменион крикнул. И здесь придётся столкнуться с этими... загорелыми. Александр, однако, не слишком огорчился.

— Всем готовиться к походу на Кипр, — распорядился царь, когда Шинбаала увели, — флот и войско выступит одновременно. Часть воинов посадим на корабли. Неарх, ты с опытными кормчими из местных, проведёшь разведку. Пнитагору я не доверяю. Я с войском дойду до Библа и стану ждать вашего возвращения. Оттуда начнём переправу. Возможно, встретим там нашего царственного друга, — царь злорадно усмехнулся.

Отдав приказы, Александр отпустил всех стратегов, кроме Пармениона, ближайших

друзей и секретаря.

— С вами я хочу обсудить ещё одно дело, — сказал царь.

Через пять дней македоняне и их союзники покинули Тир, оставив за спиной разорённый Град-на-берегу. У горожан отобрали весь скот и дочи́ста выгребли амбары, отняли все оружие, какое смогли найти. Разграбили ремесленные мастерские, забирая в первую очередь инструменты. Многих мастеров насильно увели с собой. Не всех. Александра не интересовали ювелиры, ему были нужны кузнецы, кожемяки, плотники, каменщики.

Царь приказал воинам бросить ранее награбленное добро: дорогие тряпки, массивные золотые побрякушки, мешающие взвалить на плечи лишний мешок пшеницы, все то, что имело ценность *там*, но было совершенно бесполезно *здесь*. Никто не роптал.

Эвмен забрал с собой сотни папирусов, все, какие нашёл в дворцовой библиотеке. Нескольких знатных горожан взяли в заложники, не имея на них каких-то особенных видов, просто на всякий случай.

Над городом стоял вой и плач. Толстая пёстрая змея, набив своё брюхо всем, до чего смогла дотянуться, уползала прочь из разорённого гнезда.

Накануне отбыл Неарх с отрядом в тридцать кораблей. Чуть погода, отправился остальной флот под командованием Никанора, среднего сына Пармениона. В авангарде войска Александр отправил Кратера с гипаспистами и Филоту с отрядом гетайров и фессалийцев. Им предстояло, двигаясь быстро, предупреждать возникновение очагов сопротивления финикийцев, реквизировать продовольствие. Следом город покинула основная часть армии, возглавляемая Парменионом.

Александр задержался. Всегда первый в наступлении, при отходе он желал быть последним.

Царь поднялся на пирс, у которого стоял единственный корабль, пентера "Орион", одна из самых больших во флоте. Здесь его ждал Птолемей.

— Ветер северный, Лагид, — сказал Александр, — нашим придётся на вёслах идти, зато тебе попутный.

— Может, ещё переменится, — предположил Птолемей.

— Нет, — ответил царь, — это боги подают знак. Сейчас многое зависит от тебя, если не все.

Александр вздохнул.

— Я бы хотел поехать сам... Завидую тебе. Увидишь страну чудес. Помни, ты должен узнать о них, как можно больше. Держи глаза и уши открытыми, а сердце холодным. Не повтори моей ошибки. Привези мир.

— Это будет непросто, — ответил Лагид, окинув взглядом недавно многолюдные, а ныне совсем опустевшие припортовые кварталы Града-на-берегу.

— Я знаю, — сказал Александр, — потому и посылаю тебя. Едва ли кто справится лучше. Ладно, будем прощаться.

Они сцепили предплечья в рукопожатии. Птолемей развернулся и поднялся по сходням на борт "Ориона". Моряки отдали причальные концы, оттолкнулись шестами и пентера, которую на буксире тянула маленькая десятивёсельная эпактида, начала неспешно разворачиваться.

Александр пригладил растрепавшиеся на ветру волосы, выгоревшие под финикийским

солнцем добела, надел берет-каусию.

— Будь здоров, Лагид! — крикнул стоящий рядом с царём Гефестион.

Царский телохранитель Селевк, сопровождавший Александра со щитом, ударил по начищенной бронзе ножами меча.

— Удачного плавания!

Пентера отошла от пирса и кормчий отпустил эпактиду. Зазвучали команды келевста. Гребцы вытащили из чрева "Ориона" весла и опустили их на воду.

— Р-раз! — слитный рывок гребцов заставил вздрогнуть огромный корабль.

Лагид, стоявший на корме, поднял руку в прощании.

— Привези мир, Птолемей! — крикнул Александр.

Конец первой книги

Больше книг на сайте — Knigolub.net

notes

332 год до н. э. Древние греки вели счёт лет по Олимпиадам. Самые первые Олимпийские Игры состоялись в 776 году до н. э.

Финикийцы. Фойникес (греч.) — "Страна пурпура".

178 метров. Олимпийская стадия (стадий) — 192,27 метров.

Пирр (греч.) — "рыжий".

Начало января.

Стэйра — брус, образующий переднюю оконечность судна, продолжение киля в носовой части, форштевень.

Праздник в начале марта, открывающий навигацию.

Перипл — описание пути. Периплы широко применялись античными мореходами и ценились значительно выше карт.

"Книга пророка Даниила".

17 мая 1503 года до н. э. Менхеперра — тронное имя фараона Тутмоса III, означающее: "Постоянное проявление Солнца".

Нахарин — египетское название государства Митанни, расположенного в Северной Месопотамии в XVI–XIII веках до н. э. Главный враг Египта в описываемое время.

Древнеегипетское название Финикии — Фенех, "Страна пурпура". Таким образом, египтяне называли финикийцев точно так же, как греки.

Усер — аутентичное произношение имени Осириса.

Нефер-Неферу — "Прекраснейшая". Один из основных эпитетов богини Маат, олицетворявшей справедливость, вселенскую гармонию, божественное установление и этическую норму.

Избавитель — фараон Яхмес I, изгнавший из Египта завоевателей гиксов, которых египтяне называли хаками.

Бабили — Вавилон (Баб Или, "Врата Бога").

Хетты

Крепость на границе египетских владений.

Итеру — древнеегипетская мера длины — 10,54 км.

Хтор — "лошадь". Распространено мнение, будто колесницу в Египет занесли завоеватели-гиксы. Однако известны парные конские мумии с архаической повозкой, относящиеся к XI династии Среднего Царства, т. е. колесницы в Египте появились до гиксов.

Полиэтнос номадов-скотоводов, кочевавших в саваннах на северо-востоке Египта, хурриты, семиты и, частично, финикийцы. Возможно, предки древних евреев.

"И двадцати минут" — час в Древнем Египте был 40-минутным, в сутках — 36 часов.

"Понимаю! Я иониец. Не ахеец".

Александр стал открыто именовать себя сыном Зевса после посещения оракула Амона в Египте, однако мать царя, Олимпиада, распространяла подобные слухи и раньше, дабы позлить Филиппа.

Элевтерий — "освобождающий". Эпитет Зевса.

Клит ошибается. Египтяне не служили в сухопутных армиях Ахеменидов, только во флоте. При Иссе отряд сатрапа Сабака состоял из ливийцев, а не египтян. Впрочем, для того, кто и тех и других видел в первый раз, не мудрено ошибиться.

Уасит, он же Луксор, он же Карнак. Столица Египта в описываемое время. Более известно греческое название: Стоватные Фивы.

Слово "басилевс" ("царь") в описываемое время в Микенской Греции применялось именно по отношению к градоправителю или вельможе, примерно соответствующему средневековому графу, тогда как царя именовали "ванактом" (ванака).

25,5 килограммов, что практически равняется греческому таланту (26 килограммов).

В битвах при Гранике и Иссе персидские колесницы не принимали участия, не позволял рельеф местности. При Иссе Александру досталась лишь брошенная золочёная колесница Дария.

Лавагет — военачальник в догомеровской Греции. Здесь Ипи Ранефер говорит на микенском языке, от которого в классический эллинский перешло множество слов, хотя и претерпевших значительные изменения.

Зелёные Воды или Великая Зелень — Средиземное море. Титул Ипи означает, что он "адмирал" египетского флота.

За семьдесят лет до Александра, правитель (номарх) Нижнего Египта Амиртей освободил страну от персидской оккупации и провозгласил себя фараоном. Однако эллинам и Александру куда более знаком фараон Нектанеб I, который правил позднее и весьма успешно воевал с персами, пытавшимися вернуть Египет под свою власть.

Тронное имя Яхмеса I.

Афина и Гермес — покровители мудрости и живого изворотливого ума. Эпитет Гермеса "Долий", означает — "хитрец".

Эллины постоянно путали персов и мидян. Эти народы очень мало отличались друг от друга, а ко времени царствования Александра их аристократия практически перемешалась.

Нетеру (егип.) — сверхсущества, разделяющие природу и свойства Бога. Представляют собой различные образы, проявления, периоды существования или атрибуты Единого Бога.

Битва при Артемисии — первое морское сражение греко-персидских войн. Египетская эскадра во флоте царя Ксеркса численностью уступала только финикийской.

Это слово — "байно".

Щитоносцы — в данном случае не македонские гипасписты, а воины личной охраны фараона. Число Щитоносцев колебалось от 300 до 1000. Имели свои колесничие подразделения. Во времена Рамсеса II в битве при Кадеше пятьдесят колесниц Щитоносцев прорвали окружение более чем двух тысяч хеттских колесниц и принесли фараону победу.

Крит.

Для вступления в элитный отряд Нейти-Иуни, кандидат сдавал экзамен. Он должен был с семидесяти шагов прострелить насквозь бронзовый диск толщиной 14–16 мм. Это подтверждается многочисленными находками простреленных дисков в гробницах стрелков. Тутмос III сам отличался атлетическим телосложением и легко проходил это испытание.

Та-неху — ливийцы.

Меркобт — "классическая" древнеегипетская колесница, заимствованная у хананеев ("меркаба"). Двуконная, очень лёгкая и подвижная.

Круглый шлем-хепреш воинов окрашен белым, чтобы не нагревался на солнце. Воинственные фараоны XVIII династии часто носили его вместо короны, дабы подчеркнуть своё единство с армией. Шлемы фараонов были ярко-синими. "Не Атеф на нём, не Венес Двух Земель, не Красная и не Белая, а Синяя корона Хепреш, и на троне он подобен тысячам своих воинов в сих шлемах".

Египтяне одевали льняную одежду поверх доспехов с той же целью, что и красили шлем в белый цвет. Это стало одной из причин мифа о том, что они не использовали брони, ибо художники рисовали военные парады, как видели.

Данос (македонск.) — "смерть".

Точно так же действовали македоняне в реальной истории при Гавгамелах против персидских колесниц, и достигли куда лучших результатов. Можно предположить, что с уходом эпохи колесниц канули в Лету приёмы тренировки лошадей.

Слово "диахаксо" имеет значения "расступиться" и "отступить". Ипи услышал то, что хотел.

Хопешем сражались, держа его "как серп" или "как саблю". Причём воины времён XVII династии предпочитали первый вариант. Второй получил широкое распространение позже, что хорошо видно по рукояти образца из гробницы Тутанхамона.

Скотий — "тёмный". Эпитет Аида, владыки царства мёртвых.

Родня Мемнона — его племянники, Тимонд и Фарнабаз. Первый — сын старшего брата. Второй — сын сестры, вышедшей замуж за сатрапа Артабазы. Оба, так же как их дядя, причинили Александру много беспокойства.

Порог гинекея, женской половины дома, где находилась совместная спальня супругов.

Ата — богиня обмана, помрачения ума, глупости.

Аменхотп — Аменхотеп I.

Тигр и Евфрат.

Илиада.

Спарт (греч.) — "посеянный". Спарты — неистовые в бою воины (не путать со спартанцами), выросшие из зубов дракона, посеянных героем Кадмом, легендарным основателем Семивратных Фив. Согласно Павсанию, из рода спартов числил себя знаменитый фиванский полководец Эпаминонд.

Аму — овцевод. Собирательное древнеегипетское название кочевников. Ещё во времена XII династии приобрело инвективное значение — "зоофил".

"Прекраснейшая, даруй путь радостный и сладкий на запад в Землю Возлюбленных отважному воину Аннуи". Стандартная формулировка военной древнеегипетской "отходной", варианты обнаруживались археологами вшитыми в походную одежду и подбор доспехов.

"Имена Дочери Амена!" Дочь Бога — один из основных титулов древнеегипетских правительниц.

Сотёр (греч.) — "спаситель". Эпитет Зевса.

Финикийское, египетское и греческое название Тира.

Гадамарга (Гадамала) — область в Сузиане, где зимой 316 г. до н. э. произошло решающее сражение между бывшими полководцами Александра, диадохами Антигоном Одноглазым и Эвменом.

Аргираспиды — "Серебряные Щиты". Наиболее боеспособное подразделение македонской армии, созданное царём Александром в конце Индийского похода. Состояло из ветеранов, самому молодому из которых было сорок лет, а многим перевалило за шестьдесят.

Катастрофа (греч.) — "переворот, ниспровержение, смерть". Катаклизм — "потоп".

Новый Город — Карфаген, колония Тира.

Согласно древнегреческой мифологии, в мир сновидений, царство Морфея, ведут сдвоенные ворота. Створка из слоновой кости открывается для лживых снов, а вырезанная из рога — для вещей.

Джахи — географическое название финикийского побережья. Египтяне делили Ближний Восток на три части: Джахи — область ограниченная узкой, но плодородной в то время полосой побережья, на которой располагались финикийские города, от Хазету (Газы) на юге, до Арвада на севере. Ре-Тенну — область по обе стороны Мёртвого моря и реки Иордан, ограниченная с юга границами Египта и его вассалов, с запада финикийским побережьем, с востока — Аравийской пустыней. Яхмад — крупная область к северу от Джахи и Ра-Тенну до стыка границ Хатти и Митанни, имеющая выход к морю и несколько крупных прибрежных городов.

Ушу — финикийское название той части Тира, что расположена на материке.

Вежливое обращение к супругу. Мужа мужем не называли, как и жену женой.

Уахенти (уаа-хенти) — "первый на ладье", капитан.

Библ. Один из самых могущественных финикийских городов.

Египетские названия Сидона, Библа, Бейрута, Яффы, Акры и Арада.

1530 и 10200 килограммов золота соответственно.

Башнеобразное сооружение в форме усечённой пирамиды (в плане — вытянутый прямоугольник). Пилоны сооружались по обеим сторонам узкого входа в древнеегипетский храм.

Нефть.

Мер-Уннут — "Жрецы звёзд и часов", исчисляли календарный год, предсказывали затмения. Вероятно, именно этими жрецами был изобретён прибор, судя по описаниям и изображениям, прототип телескопа, который применили для определения длины окружности Земли, после была проведена реформа мер, для приближения антропоморфных единиц измерения к геократным. Упрощённые телескопы уже в период XVIII династии применялись в военном флоте Египта.

Египтяне достигали берегов Анголы. Существует ряд материальных свидетельств, в частности — пахта листа коки в гробницах врачей и жрецов Анпу (Анубиса), табачные листы, указывающие, что египтяне добирались до Южной Америки, вероятно подхваченные Канарским течением. По всей видимости, несколько позже, в Америке побывали и финикийцы, по убеждению некоторых культурологов и собственно финикийским текстам.

Финикийский город и порт Газа.

Шаи — бог, олицетворявший судьбу.

Протон (греч.) — шаг, снасть стоячего такелажа, расположенная в диаметральной плоскости судна и поддерживающая мачту. Здесь и далее вся морская терминология финикийцев заменена греческими аналогами.

Педалион — рабочее место кормчего, система подвески двух рулевых весел на корме и сами эти весла.

Триерарх — командир военного корабля (любого, не только триеры) в греческих и ранних римских флотах. Здесь термин употребляется так же и в отношении финикийских капитанов.

Месабит — сокращённое название крупного боевого корабля, несущего на борту несколько метательных машин. Первую из таких ладей предположительно спроектировал сам Тутмос III. Эти корабли использовались фараоном, как десантно-артиллерийские, отчего и происходит их полное название: "Ша-Мес-Абит-Кема-Ньут" — "следующая по путям, ладья, сокрушающая города". С их помощью Тутмос захватил четыре финикийских города, непреступных с суши, а так же оперативно перебрасывал войска во время митаннийских, хеттских и сирийских кампаний.

Проемболлон (греч.) — "бьющий первым". На греческих кораблях — вспомогательные тараны над ватерлинией, предназначенные для разрушения вражеских весел и предохранения собственного форштевня (стэйры). Обычно располагались парой по обе стороны основного, погруженного в воду тарана. На древнеегипетских военных кораблях проемболлон был один, причём размерами значительно превосходил греческие аналоги. Подводный таран отсутствовал.

Фараон-еретик Эхнатон (Аменхотеп IV), введя культ солнечного бога Атона (Итана), совершил религиозную реформу, потрясшую устои древнеегипетского общества.

От 19:00 до 19:20. Сутки в Древнем Египте делились на 36 сорокаминутных часов. 04:00–12:00 — Время Хепри, 12:00–20:00 — Время Амена, 20:00–04:00 — Время Атума.

Кипр.

Проревс — начальник носа, вперёдсмотрящий. Третий по старшинству из командного состава на триере после триерарха и кибернета (кормчего).

Афракт (греч.) — "открытый" (соответственно, катафракт — "закрытый"). Наиболее древний тип триеры, в котором гребцы не защищены бортами и отсутствует сплошная палуба. Известная современная реконструкция, триера "Олимпия" — афракт. В конце IV века до н. э. использовался все реже, в моду входила гигантомания.

Келевст — начальник гребцов.

Астропей — "мечущий молнии". Эпитет Зевса.

Акростоль — рог на носу триеры, продолжение форштевня.

Катастрома — верхняя, боевая палуба триеры. На афрактах не ограничивалась бортами. Катастрому не делали сплошной, фактически это был помост над гребцами для работы воинов.

Эпибаты — морские пехотинцы.

Этот распространённый тактический маневр, имевший целью разрушение весел противника при проходе вдоль его борта, так и назывался — "проход" (чаще используют слово "проплыв").

Агема — личная охрана македонских царей, состоящая из отборных воинов. Гвардия. В агему входили гипасписты и гетары.

Продромы (греч.) — "бегуны". Лёгкая греческая конница, не имеющая доспехов и вооружённая, в основном, дротиками.

Подлинный текст. Сейчас этот обелиск стоит в Анкаре.

Лев и Пчела — личные награды воина. Золотая статуэтка и нагрудный знак соответственно.

Нахт (др. егип.) — "коршун".

Имхотеп — выдающийся древнеегипетский зодчий периода Древнего царства, верховный сановник Джосера — второго фараона III династии (2630–2611 до н. э.), жрец Ра. Позже был обожествлён и почитался в качестве бога врачевания. Имхотеп считается первым известным в мировой истории архитектором и учёным, универсальным гением, равным Леонардо да Винчи.

Ур-Маа (для женщин — Урт-Маа) — "Великий Видящий". Титул верховных жрецов-прорицателей.

Сах — мумия.

Папирус (пророчество) Ипувера — исторический литпамятник, в котором иногда иносказательно, иногда с конкретикой описывается крах Среднего Царства. Датируется XIX веком до н. э. Зачастую фальсификаторы изменяют датировку на XIV–XII века, ассоциируя описанные события с библейскими "казнями египетскими".

Дом Амен-Ем-Хети — XII династия Среднего Царства, называемая иногда династией Сенусертов. Оборвалась на последней правительнице — Себек-Нефер.

Кобальтовый колчедан использовался, как лигатура для бронзы, сырье для производства "синего золота", главный компонент для окраски знаменитого древнеегипетского стекла. Бронза, легированная кобальтом, значительно превосходила по прочности (и по цене) обычную оловянистую. В чистом виде кобальт в Древнем Египте не был известен.

Ливийцы, кушиты и эфиопы постепенно покорялись фараонам Нового царства при расширении державы на запад и юг. К описываемому времени многие из этих племён уже были верными подданными Египта.

Анх — "ключ жизни". Крест, увенчанный сверху кольцом. Один из самых значимых и узнаваемых символов египтян.

Меры веса. Дебен — 255 граммов, кайт — 10,4 грамма, шати — 6,4 грамма. В качестве денег использовались простые золотые и серебряные слитки разного веса без каких-либо клейм.

Анпу (Анубис), бог с головой шакала и телом человека, не только провожал души умерших в загробный мир, но и покровительствовал врачам.

Кау-Ка — демон Дуата, олицетворение вечного мрака. У греков — Эреб, сын Хаоса.

В Древней Греции сталь называлась "халибским железом" (халибас), поскольку именно этому племени приписывается, по одной из версий, факт её изобретения. Даимах, современник Александра, называл три области, где куют настоящую сталь.

Таксиарх — командир таксиса, подразделения фаланги численностью в 1500 человек. Кен командовал элитным, наиболее боеспособным таксисом асфетайров ("городских гетайров"), набранных в Верхней Македонии и занимавших в бою правый фланг. Кен обладал большим авторитетом среди солдат. В Индии он возглавил делегацию ветеранов, просивших Александра прекратить поход и вернуться на родину.

Александр I, царь Македонии в 498—454 гг. до н. э. Воевал на стороне персов, но при этом снабжал греков информацией о планах противника. Афиняне прозвали его "друг эллинов".

Нергал — шумерский бог смерти, войны и разрушения.

Тростник (Осока) — символ Дельты Нила — Нижнего Египта. Хотя анахронизм "Дельта", как топоним в тексте используется часто, здесь уместно аутентичное название. Историческая персона Анхнофрет Мут-Ирт являлась одним из немногих наследных князей-шепсеров (номархов), владея шепом Пер-Басти.

Церемониальная ладья фараона с древнейших времён всегда носила название "Звезда Обеих Земель" — один из эпитетов фараона. С начала Среднего Царства, вплоть до падения династии Птолемеев, корабль с таким именем являлся флагманом египетского флота.

На мысе Тенар в южной оконечности полуострова Пелопоннес располагался постоянный лагерь эллинских наёмников. Здесь за короткое время можно было наберечь целую армию, чем и пользовались цари, тираны и полководцы. Число обедневших греков, вынужденных зарабатывать войной, неуклонно возрастало.

Ханигальбад — другое название царства Митанни.

Слова спартанского царя Агиса II о врагах: "Спартанцы не спрашивают, сколько их. Спартанцы спрашивают — где они?"

Не следует доверять греческим и римским источникам, утверждающим, что при Иссе численность войска Дария достигала 600 тысяч человек. Современные историки склоняются к цифре — 80-100 тысяч. Войско Александра — 35—40 тысяч.

Илиада.